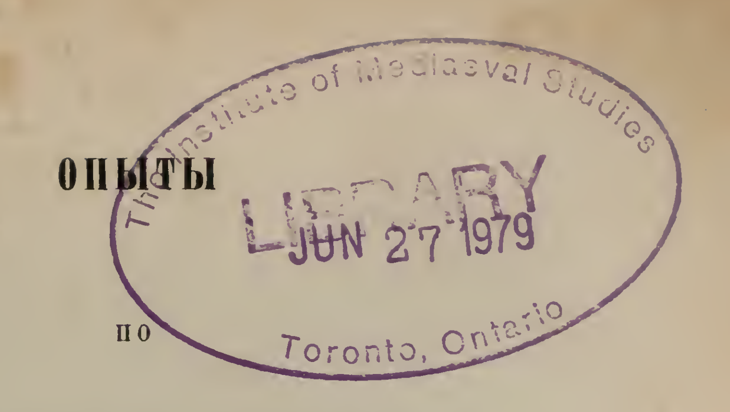

A- 207

ОПЫТЫ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

Б. ЧИЧЕРИНА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна 1 р. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И КОМП.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 22 дня 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

КОНСТАНТИНУ ДМИТРІЕВИЧУ

КАВЕЛИНУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собранныя въ этой книгѣ статьи были уже напечатаны: первыя четыре въ Русскомъ Вѣстникѣ, пятая въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Хотя онѣ относятся къ различнымъ предметамъ, тѣмъ не менѣе онѣ, смѣю сказать, находятся въ тѣсной взаимной связи и представляютъ картину нашей древней жизни, основанную на внимательномъ изученіи памятниковъ старины. Имѣя передъ глазами не только ссылки на источники, но отчасти и самый текстъ ихъ, читатель можетъ видѣть, на сколько выводы согласны съ данными, которыя положены имъ въ основаніе.

Издавая теперь эти опыты отдѣльною книгою, я бы желалъ по возможности выкинуть все, что въ нихъ содержится полемическаго. Полемика бываетъ иногда неизбѣжна даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но здѣсь она менѣе умѣстна, нежели гдѣ либо; здѣсь она должна служить не орудіемъ вражды, а средствомъ къ достиженію безпристрастнаго и всесторонняго взгляда на предметъ. Наука должна возвышаться надъ партіями, соединяя ихъ

въ безкорыстномъ служеніи истинѣ. Не смотря однако на желаніе представить читателямъ одни положительные результаты изслѣдованій, я не могъ уничтожить полемическій характеръ второй изъ заключающихся здѣсь статей (Еще о сельской общинѣ). Для этого было бы нужно передѣлать ее всю и слить ее съ первою, то есть написать новое изслѣдованіе по этому предмету, чего я въ настоящее время сдѣлать не могу, да едва ли еще настало для этого время. Поэтому я рѣшился оставить обѣ статьи въ первоначальномъ видѣ. Это было для меня тѣмъ болѣе возможно, что пренія, возникшія по поводу вопроса о Сельской Общинѣ не измѣнили моего взгляда на этотъ предметъ. Г. Соловьевъ привелъ опущенную мною грамоту о передѣлѣ земли въ городѣ Шуѣ въ концѣ XVII-го вѣка; г. Калачовъ изъ неизданныхъ источниковъ привелъ свидѣтельство о передѣлѣ въ дворцовомъ селѣ около того же времени. Все это ничего не доказываетъ противъ моихъ положеній, ибо въ эту эпоху крѣпостное право находилось уже въ полномъ развитіи. Притомъ же передѣлъ земли въ городахъ мы можемъ считать только исключеніемъ: онъ предполагаетъ неотчуждаемость участковъ, между тѣмъ, какъ изъ памятниковъ XVII-го вѣка мы знаемъ постоянныя жалобы городскихъ жителей на отчужденіе тяглыхъ участковъ въ руки бѣломѣстцевъ. Во всякомъ случаѣ отдѣльные примѣры не могутъ служить опроверженіемъ моихъ доводовъ. Вопросъ состоитъ въ томъ, когда и подъ какими условіями установилась существующая нынѣ система мірскаго владѣнія, которая обнимаетъ все земледѣльческое сословіе въ Россіи? На этотъ счетъ я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи и ссылаюсь въ подтвержденіе на изложенныя въ книгѣ изслѣдованія. Что же касается до

статьи г. Иванишева (Русская бесѣда 1857 г. № 3), то она, не касаясь вопроса о мірскомъ владѣніи, раскрываетъ намъ судебную дѣятельность общинъ въ юго-западной Россіи. Я не могу считать ее возраженіемъ на мои выводы, ибо она ничего не говоритъ о Россіи сѣверо-восточной или Великой, которая собственно составляла предметъ моихъ изслѣдованій. Здѣсь мы не видимъ подобныхъ явленій, вытекающихъ изъ древняго обычая; иначе мы встрѣтили бы на нихъ указанія и въ грамотахъ, которыхъ мы имѣемъ достаточное количество, и въ памятникахъ законодательства, которые не могли бы умолчать о столь важномъ явленіи въ народной жизни. Литовскій статутъ говоритъ о судебной власти юго-западныхъ громадъ; московскіе же Судебники и Уложеніе даже и не упоминаютъ о мірскихъ сходкахъ, и это мы не можемъ считать признакомъ невниманія законодателя къ существующему быту, ибо наши памятники ясно показываютъ намъ путь, какимъ развивалась у насъ судебная власть общинъ. На этотъ счетъ ссылаюсь опять на изслѣдованія.

Третья изъ предлагаемыхъ здѣсь статей была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ подъ названіемъ: «Несвободныя состоянія въ древней Россіи». Она должна была служить началомъ историческаго труда о развитіи у насъ крѣпостнаго права. Обстоятельства не позволили мнѣ окончить эту работу. Поэтому я перемѣнилъ заглавіе статьи и прибавилъ въ концѣ нѣсколько словъ: прочее осталось въ прежнемъ видѣ.

Въ четвертой статьѣ я имѣлъ въ виду не только разобрать обстоятельно происхожденіе государства въ древней Россіи, но показать и самую методу, которой я слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ. Читатель, надѣюсь, убѣ-

дится, что не воззрѣніе принесенное извнѣ, а фактическое изученіе предмета по дошедшимъ до насъ источникамъ легло въ основаніе моихъ выводовъ. Для меня господство частнаго права въ удѣльный періодъ не подлежитъ сомнѣнію; оно совершенно очевиднымъ образомъ открывается изъ подробнаго разбора нашихъ древнихъ памятниковъ. Желательно бы было, чтобы тѣ, которые не раздѣляютъ этого мнѣнія, вмѣсто того, чтобы голословно утверждать, что оно не болѣе какъ мечта или ошибка, подкрѣпили свои возраженія столь же подробнымъ разборомъ лежащихъ передъ нами грамотъ. Но этого мы вѣроятно не дождемся.

Наконецъ, въ видѣ приложенія, я помѣстилъ въ этихъ опытахъ рѣчь, произнесенную на университетскомъ диспутѣ. Она составляетъ выводъ изъ диссертаціи Объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ и представляетъ очеркъ развитія нашей древней администраціи. Эта статья можетъ служить дополненіемъ къ предъидущимъ изслѣдованіямъ.

15 апрѣля 1858.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ РОССІИ.

Внутренній бытъ нашихъ сельскихъ общинъ съ перваго взгляда поражаетъ своею особенностью. Въ западной Европѣ, у народовъ германскаго и романскаго племени, не встрѣчается ничего подобнаго. Тамъ вся земля или раздѣлена между мелкими собственниками, полными и наслѣдственными обладателями своихъ участковъ, или же находится въ рукахъ немногихъ землевладѣльцевъ, которые въ свою очередь отдаютъ ее въ наймы отдѣльнымъ поселенцамъ. Наши крестьяне напротивъ владѣютъ землею сообща и дѣлятъ ее между собою поровну, возобновляя раздѣлъ каждый разъ, какъ вслѣдствіе умноженія народонаселенія установится между ними неравенство. Такое многозначительное явленіе не можетъ не обратить на себя вниманіе людей, изучающихъ бытъ Русскаго народа и старающихся дать себѣ отчетъ въ его особенностяхъ. Всякій по неволѣ задаетъ себѣ вопросъ о причинахъ такого, совершенно отличнаго отъ другихъ, общественнаго устройства; каждому любопытно уяснить себѣ, откуда оно проистекло, и въ какихъ началахъ коренится?

Эти вопросы дѣйствительно занимали мыслящихъ наблюдателей русской жизни, но объясненіе казалось такъ легко, что

никто не далъ себѣ труда подвергнуть его точному изслѣдованію. Одинъ изъ самыхъ умныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, баронъ Гакстгаузенъ, обратилъ особенное вниманіе на эту сторону нашего общественнаго быта, и пришелъ къ слѣдующей мысли, которую положилъ въ основаніе своей книги о Россіи: «Слово община, Gemeinde, означаетъ у народовъ западныхъ собраніе лицъ, которыхъ сблизилъ случай, и которыхъ отношенія были установлены столько же правительственною и законодательною дѣятельностію, идущею сверху, сколько правами и обычаями. Но какъ отлична отъ нея *община славянская*, первоначально бывшая только расширеніемъ патріархальной семьи, и представляющая донынѣ семейство фиктивное, владѣющее землею собща, и въ которой глава имѣетъ какъ бы отеческую власть надъ другими! Въ такомъ видѣ находимъ мы ее въ Сербіи и въ Болгаріи, гдѣ національность сохранилась неприкосновенною, какъ очень хорошо замѣтили Киприанъ Роберъ и знаменитый Ранке въ своихъ сочиненіяхъ о Сербіи». Сюда же авторъ причисляетъ и Россію. «Между тѣмъ какъ другія европейскія государства», говоритъ онъ, «по своему происхожденію и развитію суть государства феодальныя, Россія напротивъ есть государство патріархальное. Множество послѣдствій истекаютъ изъ этой простой истины, которой уже почти достаточно для объясненія политическаго и общественнаго быта Россіи. Семья тамъ первообразъ народа. Въ ней существуетъ полное равенство правъ. Пока она соединена, глава есть отецъ семейства; послѣ его смерти старшій сынъ остается полнымъ обладателемъ собственности, которою онъ по своему усмотрѣнію надѣляетъ каждаго члена семьи. Община есть семейство въ большомъ видѣ: она обладательница земли; отдѣльныя же лица имѣютъ только право пользованія своими участками и притомъ такъ, что доля каждаго совершенно равна другимъ. Участокъ отца не переходитъ по наслѣдству сыновьямъ,

но каждый изъ нихъ требуетъ своей доли въ силу своего личнаго права, какъ члена общины, которой неограниченный глава или мнимый отецъ называется старостою».

Въ другомъ мѣстѣ Гакстгаузенъ говоритъ: «Обычай равнаго и поголовнаго дѣлежа вытекаетъ изъ древнѣйшаго начала славянскаго права, именно изъ нераздѣльности семейной собственности при раздѣленіи пользованія. Эта черта кажется мнѣ общею всѣмъ народамъ славянскаго происхожденія, ибо даже въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ частяхъ Сербіи, въ Кроаціи и странѣ Словенцевъ, земли вовсе и не раздѣляются между членами общины, а находятся въ вѣдомствѣ сельскихъ старшинъ, которые дѣлятъ между жителями плоды ежегоднаго урожая».

Итакъ Гакстгаузенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ пришелъ къ двумъ результатамъ: 1) Сельская община въ Россіи есть община патріархальная, или родовая, т. е. проистекшая изъ отношеній родственныхъ и сложившаяся по этому типу. 2) Такая община составляетъ характеристическую особенность славянскаго племени.

Того же повидимому мнѣнія, которое вообще у насъ въ большомъ ходу, держится и другой замѣчательный изслѣдователь экономическаго быта Россіи, г. Тенгоборскій. Въ сочиненіи своемъ о производительныхъ силахъ Россіи, онъ говоритъ въ статьѣ о земледѣліи: «Эта система дѣлежа коренится въ совершенно патріархальномъ устройствѣ нашихъ общинъ, котораго касаться опасно. Она основана на первоначальной идеѣ единства общины и равенствѣ правъ каждаго члена на соотвѣтствующую долю земли, принадлежащей общинѣ».

Таковы авторитеты, которые имѣетъ за себя эта мысль, — авторитеты весьма важные. Но къ сожалѣнію этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такимъ образомъ. Одного нагляднаго изученія современнаго быта недостаточно для его пониманія. Чтобъ имѣть возможность вникнуть въ самую его основу, въ корен-

ныя начала учрежденій, необходимо изслѣдовать ихъ происхожденіе, необходимо изученіе историческое. Тогда только наблюдатель стоитъ на твердой почвѣ и не подвергается опасности быть обманутымъ внѣшнею обстановкою и призрачными сходствами; тогда только добытые имъ результаты могутъ имѣть характеръ положительной истины.

Мы не имѣемъ претензіи написать полную исторію сельской общины въ Россіи. Это трудъ, который потребовалъ бы слишкомъ обширныхъ изслѣдованій; да едва ли въ настоящее время есть для этого достаточно изданныхъ матеріаловъ. Наша цѣль гораздо ограниченнѣе: мы хотѣли только выставить на видъ читателю нѣкоторыя историческія данныя, могущія служить къ уясненію этого важнаго вопроса. Мнѣнія барона Гакстгаузена пользуются такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что, кажется, было бы весьма полезно подвергнуть ихъ нѣкоторой критикѣ и показать, что историческіе факты не совсѣмъ оправдываютъ выводы знаменитаго путешественника, а напротивъ указываютъ на необходимость посмотрѣть на этотъ предметъ совершенно съ другой стороны.

Прежде всего никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто родовая или патріархальная община составляетъ исключительную принадлежность славянскаго племени. Изъ превосходной статьи покойнаго Грановскаго, помѣщенной въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи», русскіе читатели знаютъ уже, что совершенно такая же община существовала первоначально и у Германцевъ. У нихъ также родовая община владѣла землею нераздѣльно, а члены ежегодно мѣняли свои участки. Такой же бытъ существовалъ у Кельтовъ и у другихъ народовъ. Это явленіе составляетъ общую принадлежность племенъ въ первоначальную эпоху ихъ развитія. Личность человѣческая не вдругъ выступаетъ на историческое поприще. Пока народъ находится въ состояніи еще младенческомъ, въ немъ

преобладаетъ чувство общности; все сливается въ безразличную массу, поглащающую въ себѣ недѣлимыя существа. Только мало по малу, при внутреннемъ развитіи общественнаго быта и въ особенности при столкновеніи народа съ другими племенами, изъ этой массы выдѣляются личности, которыя, приходя къ сознанію своей особенности и своихъ частныхъ интересовъ, начинаютъ предъявлять свои отдѣльныя требованія и права. Тогда образуется и частная собственность, которая прежде поглащалась совокупнымъ владѣніемъ общины. Чѣмъ болѣе развивается личность, тѣмъ шире становится кругъ ея дѣйствія, тѣмъ свободнѣе дѣлается собственность. Полное освобожденіе частной собственности изъ единства родоваго владѣнія является уже плодомъ долгаго и медленнаго историческаго процесса. Оно встрѣчается у народовъ, которые разорвали уже всякую связь съ прошедшимъ и, преобразуя свои нравы и учрежденія, перешли на другую историческую почву. Даже въ древнихъ государствахъ, гдѣ гражданственность была развита въ высокой степени, родовая собственность долго была преобладающею формою гражданскаго быта. Такъ было у Евреевъ, у которыхъ въ юбилейный годъ отчужденный участокъ земли возвращался въ родъ. Такъ было въ патриціанскомъ Римѣ, гдѣ земля считалась полемъ священнымъ или государственнымъ (ager sacer, ager publicus), и патриціанскіе роды владѣли каждый своимъ разъ опредѣленнымъ, неотчуждаемымъ жеребьемъ. То же самое было и въ Греціи, въ особенности въ Спартѣ[1]). Хотя эти формы владѣнія были нѣсколько различны отъ передѣла земли у германскихъ и славянскихъ народовъ, но все же онѣ указываютъ на одну общую черту: на ограниченіе частной собственности въ пользу родовой. Это — общее начало, которое

[1]) Хотя Гротъ и старается доказать, что въ Спартѣ существовала свободная собственность, но мнѣніе его не выдерживаетъ строгой критики.

встрѣчается у всѣхъ народовъ въ періодъ младенчества. Можно сказать, что это — начало, принадлежащее древней исторіи человѣчества, и что тамъ, гдѣ существуютъ остатки подобныхъ учрежденій, народъ сохранилъ еще преданія о первобытномъ, патріархальномъ, языческомъ состояніи.

Что касается до Россіи, то у насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ нашего отечества. Но общая аналогія и ближайшее родство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ у другихъ. Самое раздѣленіе русскихъ Славянъ на племена указываетъ на господство естественной, кровной связи между людьми. Гдѣ народное единство основывается на союзѣ племенномъ, тамъ всѣ гражданскія отношенія вытекаютъ изъ отношеній естественныхъ или патріархальныхъ. Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая его единица. А гдѣ есть родъ, тамъ есть и родовая собственность. Это общій фактъ, который получаетъ подтвержденіе и въ русской исторіи. Нераздѣльная собственность, какую мы видимъ первоначально въ княжескомъ родѣ, даетъ намъ право думать, что то же существовало и въ остальныхъ. Притомъ же у насъ до сихъ поръ сохранились остатки родовой собственности въ выкупѣ родовыхъ имуществъ. Это право не было введено законодательствомъ; законъ не можетъ создать родственныхъ союзовъ и отношеній, не существующихъ въ правахъ, а здѣсь именно встрѣчается указаніе на родъ, какъ на союзъ, имѣющій совокупное право на имущество каждаго изъ своихъ членовъ. Поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что и Славяне, въ послѣдствіи образовавшіе Русское государство, первоначально отправились отъ собственности родовой или патріархальной. Но за тѣмъ представляется вопросъ: сохранились ли до сихъ поръ наши сельскія общины въ томъ патріархальномъ, мла-

денческомъ состоянiи, въ какомъ онѣ были десять вѣковъ тому назадъ? Не ужели онѣ также мало подвинулись впередъ, какъ Сербы и Болгаре, которыхъ исторiя почти не коснулась? Не ужели, какъ утверждаетъ баронъ Гакстгаузенъ, русская исторiя играла только на поверхности народа, не касаясь низшихъ классовъ народонаселенiя, которые остались до-нынѣ при своихъ первобытныхъ гражданскихъ учрежденiяхъ? Все это вопросы, которые необходимо разрѣшить для подтвержденiя патрiархальнаго характера русской общины, и на которые однако же, при малѣйшемъ знакомствѣ съ историческими данными, нельзя не отвѣчать отрицательно.

Патрiархальная община можетъ удержаться въ исторiи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытъ не вторгаются новыя стихiи, разлагающiя прежнiя родственныя отношенiя. А такiя-то именно стихiи появились въ русской жизни съ нашествiемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Дружина держалась на началахъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ родственно-общиннымъ отношенiямъ. Она была составлена изъ людей чуждыхъ другъ другу, соединенныхъ однѣми личными цѣлями и заключившихъ между собою союзъ, основанный на доброй волѣ каждаго. Въ нее принимался всякiй пришлецъ; въ ней старшинство опредѣлялось воинскою силою и отвагой. И она-то призвана была играть въ Россiи первую роль; принесенныя ею начала, расширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенiя народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ.

Уже въ Русской Правдѣ видны слѣды этого значительнаго влiянiя дружины на общественный бытъ. Въ постановленiяхъ о наслѣдствѣ сказано, что за недостаткомъ сыновей имущество дружинника идетъ его дочерямъ, а имущество смерда, то есть крестьянина, достается князю. Здѣсь мы видимъ суще-

ствованіе полнаго права собственности въ дружинѣ, гдѣ личность получила значительное развитіе; видимъ также ограниченіе права собственности въ низшемъ народонаселеніи, въ которомъ господствовалъ патріархальный бытъ. Но важно здѣсь то, что это ограниченіе было уже не въ пользу рода или общины, а въ пользу князя, который самъ былъ главою дружины, слѣдовательно представителемъ новаго начала. Онъ не являлся здѣсь только замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода. Это такое предположеніе, съ которымъ нельзя согласиться: во-первыхъ потому, что мы вовсе не знаемъ о существованіи родоначальниковъ, какъ владѣльцевъ родовой собственности. Прежніе родовые старшины могли быть главами общины, но чтобы земля считалась ихъ собственностію, также какъ она въ послѣдствіи считалась собственностію князя, чтобы они также имѣли извѣстное право на наслѣдованіе послѣ умершихъ членовъ общины, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Во-вторыхъ, постороннее лице никогда не можетъ замѣнить родоначальника; все значеніе послѣдняго состоитъ въ его кровномъ старшинствѣ, въ его родственной связи съ членами общины, чего въ постороннемъ лицѣ никогда нельзя предположить. Начальникъ пришлой дружины могъ пріобрѣсти правительственныя права, принадлежавшія прежде родовому старшинѣ, но во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣталъ ихъ не въ качествѣ родоначальника, а какъ верховный землевладѣлецъ, какъ глава гражданскаго общества. Наконецъ, родовые старшины были только въ отдѣльныхъ общинахъ; родоначальниковъ же, владѣвшихъ цѣлымъ обширнымъ округомъ, вовсе не было, а потому и князья не могли заступить ихъ мѣсто.

Слѣдовательно князь не является только замѣною прежняго владыки; нѣтъ, это лице совершенно новое, носящее свой особенный характеръ, сначала владѣльческій, а въ послѣдствіи

государственный. Князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ какъ посредникъ, а на югѣ и въ большей части Россіи явился завоевателемъ. Силою оружія пріобрѣлъ онъ себѣ землю, и этимъ самымъ получилъ возможность сдѣлаться въ послѣдствіи единодержавнымъ государемъ. Такъ на Западѣ феодальные короли считались верховными владѣльцами земли (lord paramount of the ground) въ силу завоеванія. Дружинники были ближайшими его помощниками и потому они вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣли поземельную собственность. На Западѣ земля ихъ считалась ленною, у насъ она называлась бѣлою, т. е. свободною отъ податей и повинностей и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы нерѣдко получали освобожденіе. Общинной же земли, какъ увидимъ ниже, въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось; вмѣсто прежней патріархальной общинной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превратилась во владѣльческую, въ которой были одинъ частный собственникъ, да пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ.

Это владѣльческое значеніе князя въ особенности развилось съ того времени, какъ князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ. Земля называется ихъ вотчиною, и сами они носятъ названіе вотчинниковъ. Вся цѣль ихъ состоитъ въ расширеніи своихъ владѣній, въ умноженіи доходовъ, дающихъ имъ матеріальную силу. Оружіемъ и куплею пріобрѣтаютъ они села и города, и владѣльческіе элементы получаютъ все большее и большее значеніе въ гражданскомъ быту. На нихъ основывается послѣдующее могущество государства; они являются центральнымъ пунктомъ историческаго развитія народа.

Только вольные города, Новгородъ и Псковъ, избѣгли на время этого всеобъемлющаго вліянія владѣльческихъ элементовъ. Въ нихъ сохранилась община свободная, но она измѣнила свой прежній характеръ: изъ родовой она сдѣлалась до-

говорною. Въ первый періодъ русской исторіи, въ періодъ дружинный, мы видимъ еще въ городахъ остатки прежнихъ родовыхъ общинъ съ своими вѣчами, съ своими собраніями старѣйшинъ, призываемыхъ на совѣщаніе княземъ, или сходящихся въ минуту опасности. Но въ періодъ вотчинный эти старыя формы быта вытѣсняются новыми началами. Онѣ разлагаются двоякимъ и притомъ противоположнымъ путемъ: съ одной стороны онѣ падаютъ передъ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ расширеніемъ владѣльческихъ элементовъ, съ другой стороны изъ родовой общины развивается договорная. Послѣдняя основана уже не на родственной связи членовъ, опредѣляющей общественныя ихъ отношенія, а на добровольномъ согласіи каждаго лица, точно также какъ и дружина. Новгородъ при всякой перемѣнѣ князя призываетъ извнѣ главу своего правленія, и всѣ свои общественныя отношенія установляетъ договоромъ, безпрерывно возобновляющимся. На вѣчахъ нѣтъ постоянныхъ правилъ о рѣшеніи дѣлъ; все опредѣляется взаимнымъ согласіемъ гражданъ, а если нѣтъ согласія, то открытою силою, ибо меньшинство, также какъ въ частномъ товариществѣ, не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться большинству. Въ Новгородъ, какъ и въ остальныя области, проникли уже дружинные элементы, которые измѣнили весь бытъ, не оставивши и слѣдовъ прежнихъ родовыхъ отношеній. Государственныя же начала еще не возникали, ибо Новгородъ не государство. Онъ самъ великій вотчинникъ, владѣлецъ обширныхъ земель, составляющихъ его собственность, и все различіе между нимъ и другими областями состояло въ томъ, что тамъ верховнымъ вотчинникомъ былъ князь, здѣсь же это мѣсто принадлежало союзу свободныхъ лицъ.

Точно то же было и на Западѣ въ вольныхъ городахъ; но въ Россіи эта форма средневѣковыхъ учрежденій не получила такого развитія какъ тамъ. У насъ княжеская власть сдѣла-

лась единственнымъ двигателемъ народной жизни, а вольная община исчезла передъ нею, не оставивъ по себѣ и слѣда въ исторіи.

Чтó же сталось съ общиною въ княжескихъ владѣніяхъ? Какой получила она характеръ? Вся земля принадлежала князю и называлась его вотчиною; но рядомъ съ нимъ являются и другіе свободные собственники: прежде всего, какъ самые многочисленные, потомки дружинниковъ, бояре и слуги; за тѣмъ церковь, пріобрѣтшая значительныя имѣнія вслѣдствіе пожертвованій и покупокъ. Принадлежавшія имъ земли, хотя какъ увидимъ не всѣ, назывались бѣлыми, то есть свободными отъ податей и повинностей, взимаемыхъ княземъ съ тѣхъ людей, которые поселялись на собственной его землѣ. Остальныя принадлежали князю, но дѣлились также на два разряда: на дворцовыя и черныя. Первыя составляли ту часть, которую князь отдѣлялъ себѣ для хозяйственнаго управленія, для снабженія дворца всѣми необходимыми потребностями; вторыя оставались въ полномъ обладаніи свободныхъ поселенцевъ, которые только обязаны были платить съ нихъ князю извѣстное тягло. Дворцовыя имѣнія принадлежали слѣдственно къ одному разряду съ владѣніями княжескихъ слугъ и церквей. То были собственно имѣнія владѣльческія, гдѣ присутствовалъ хозяинъ съ своими вотчинными правами и вотчиннымъ управленіемъ. Черныя же волости оставались свободными общинами, поселенными на чужой землѣ, за пользованіе которою жители несли только извѣстныя повинности въ пользу землевладѣльца.

Для князей это составляло одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода, и потому они чрезвычайно дорожили черными людьми. Въ договорахъ между собою они обязывались иногда блюсти ихъ вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать. Служилые люди были помощники князя въ дѣлѣ ратномъ, вольныя

лица, переходившія отъ одного князя къ другому. Черные люди были также вольные и также переходили съ мѣста на мѣсто, но назначеніе ихъ состояло въ обработкѣ земли, въ производствѣ промысловъ и въ уплатѣ податей. Хотя законныхъ границъ между тѣми и другими не было положено, да и не могло быть положено при отсутствіи государственныхъ законовъ, но они уже сами по себѣ составляли два различныя сословія, и мы видимъ изъ договоровъ, что переходъ отъ одного къ другому былъ затруднителенъ. Между тѣмъ князья и бояре старались покупать черныя земли съ цѣлью обращать ихъ въ бѣлыя. Относительно этого также дѣлались условія между князьями. Въ извѣстномъ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что если послѣдній или его родственникъ, или бояре купятъ въ великомъ княженіи земли черныхъ людей, то черные люди могутъ ихъ выкупить обратно; если же они выкупить земли не въ состояніи, то новые владѣльцы обязаны тянутѣ тягло вмѣстѣ съ другими, а не захотятъ они этого дѣлать, то земли ихъ отдаются чернымъ людямъ даромъ. Въ этомъ видно стремленіе князей удержать за собою доходы, но должно однако замѣтить, что это постановленіе относилось только къ покупкѣ земель родственниками и боярами другаго князя; внутри же каждаго княженія черныя земли могъ покупать всякій. Ихъ покупали слуги; ихъ покупали и лица духовнаго вѣдомства. Но во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе обязаны были нести съ нихъ тягло, пока онѣ не обѣлялись жалованными княжескими грамотами? Это оставалось основнымъ правиломъ при переходахъ черныхъ земель изъ рукъ въ руки, какъ видно изъ многихъ грамотъ.

«А кто учнетъ жити на пашей на черной землѣ сынъ боярскій или приказной человѣкъ или митрополичь и владычень и монастырской, или чей кто ни буди: и тѣ люди въ тѣхъ дворѣхъ, и въ волостѣхъ и въ

деревняхъ и въ починкахъ, волостелю устюженскому намѣстнику судимы и тягло съ черныхъ дворовъ и въ волостѣхъ съ черныхъ деревень и съ починковъ наши оброки и всякіе розметы тянутъ повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ»[1]).

Изъ этого видно, что хотя черные люди составляли особенное сословіе, которое имѣло исключительнымъ призваніемъ земледѣліе и промышленность, но не изъ нихъ однихъ составлялась вольная община, жившая на черной землѣ. Въ нее могъ входить всякій, кто только покупалъ землю. При свободномъ переходѣ крестьянъ и посадскихъ людей, тяглыя лица мѣнялись безпрестанно, а земля оставалась постояннымъ и неизмѣннымъ источникомъ дохода. Съ нея платилось тягло князю, она служила основой для живущей на ней тяглой общины. Послѣдняя была уже не родовая община, какъ прежде, и не сословная, какъ въ послѣдствіи, а чисто поземельная. Существенное ея значеніе заключалось въ платежѣ тягла съ земли; это одно составляло ея единство и придавало ей характеръ общины. Иначе она состояла изъ совершенно различныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ и не имѣвшихъ между собою ничего общаго. Самая земля могла безпрестанно измѣняться въ своемъ объемѣ; какъ скоро покупщикъ изъ служилыхъ людей или духовенства получалъ освобожденіе отъ податей и повинностей, такъ имѣніе его выходило уже изъ тяглаго округа. Внутри общины являлись владѣльцы, не имѣвшіе съ нею никакой связи. Вслѣдствіе различія жалованныхъ грамотъ образовались права и обязанности самыя разнородныя, и какъ пространство земли, составлявшей основу общиннаго быта, такъ и отношенія членовъ общины получали чрезъ это характеръ случайности.

Этимъ поземельнымъ значеніемъ общины условливалось и безразличіе селъ и городовъ. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ,

[1]) Акты Арх. Эксп. т. 3, № 138.

когда явились понятія государственныя, города были отдѣлены отъ селъ и получили особенное значеніе и отдѣльное управленіе. Но въ средніе вѣка этого еще не было. Когда община имѣла характеръ поземельный, когда все дѣло состояло въ уплатѣ тягла съ земли, и все различіе въ обязанностяхъ жителей опредѣлялось разрядомъ земли, на которой они сидѣли, принадлежностью ея тому или другому владѣльцу, тогда, разумѣется, не могло быть и раздѣленія общинъ на городскія и сельскія. Въ средніе вѣка городъ имѣлъ одно существенное значеніе: стѣны его могли служить общинѣ защитою отъ внѣшнихъ враговъ; онѣ были необходимымъ условіемъ для существованія вольной общины, которая не могла бы удержаться въ селѣ. Но тамъ, гдѣ не было такой общины, это различіе изчезало. За исключеніемъ Новгорода и Пскова, остальные города были у насъ владѣльческіе, и потому нисколько не отличались отъ селъ. Какъ между селами были дворцовыя и монастырскія, такъ были и дворцовые города, а равно и города, принадлежавшіе монастырямъ, напр. Тихвинъ. Въ городахъ, также какъ и въ волостяхъ, перемѣшивались бѣлыя и черныя земли, а владѣльцы послѣднихъ равнымъ образомъ обязаны были тянуть тягло въ пользу князя, что̀ и придавало общинѣ единство; однимъ словомъ, характеръ и устройство тѣхъ и другихъ были одинаковы, и это условливалось поземельнымъ и владѣльческимъ значеніемъ общины.

Теперь взглянемъ поближе на самое устройство, какъ хозяйственно-владѣльческихъ общинъ, такъ и черныхъ. Посмотримъ, что̀ онѣ были въ XVI вѣкѣ, т. е. именно передъ тѣмъ временемъ, какъ онѣ получили уже значеніе государственное. Хотя матеріяловъ, относящихся ко внутреннему быту селъ, весьма немного, но все же, руководствуясь тѣмъ, что издано, мы можемъ въ нѣкоторой степени проникнуть въ этотъ обыденный порядокъ общинной жизни и вывести основныя его на-

чала. Для имѣній частныхъ собственниковъ главнымъ источникомъ будутъ намъ служить договоры между монастырями и поселявшимися на ихъ земляхъ крестьянами; для черныхъ же волостей судныя и другія грамоты, напечатанныя въ «Актахъ Юридическихъ».

Монастырскія земли отдавались въ наймы всякому вольноприходящему крестьянину. Новый поселенецъ получалъ извѣстный участокъ земли, а иногда и подмогу деньгами, и въ замѣнъ этого обязывался нести въ пользу монастыря извѣстныя повинности. Объ этомъ заключался договоръ между имъ и монастырскими властями. Вотъ образчики нѣкоторыхъ такихъ договоровъ:

«Се язъ Иванъ да язъ Семенъ Петровы дѣти изъ Каргопольскаго уѣзда съ Водлозера порядилися есмя у старца Меркурья у келаря Кириловскаго монастыря половничати, Курголовы деревни на треть обжи, да на Согиловы горы на шестой жребей обжи и всего на полъ обжи: и жити намъ за Кириловымъ монастыремъ, а Государевъ Царьской оброкъ денежной давати по старому, по книгамъ, а въ Кириловъ монастырь давати намъ съ году на годъ и ставити въ Кириловѣ монастырѣ на сроки на Рождество Христово съ обжи по три бочки рыбы живопросольной и т. д.»[1]).

Если же, сказано далѣе въ этомъ договорѣ, они не захотятъ платить оброкъ рыбою, то опредѣляется за рыбу извѣстный денежный взносъ.

Здѣсь мы не видимъ ничего кромѣ обязанности платить лично извѣстный оброкъ монастырю и государю. Изъ этой же грамоты можно видѣть, что половниками назывались не только тѣ, которые платили землевладѣльцу половину своихъ произведеній, а вообще всѣ крестьяне, платящіе оброкъ натурою. Въ другихъ договорахъ поселяющіеся крестьяне обязываются

---

[1]) Акты Юридическіе № 176.

платить государевы подати вмѣстѣ съ волостью. Вотъ порядная 1585 года:

«Се язъ Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ, своимъ сыномъ съ Мокіемъ, да язъ Олексѣй Микифоровъ своимъ сыномъ съ Игнатьемъ, Государевы Царевы В. Князя крестьяне Королева села съ деревни изъ Тютичь порядилися есми... на пустую деревню на Молотово на обжу у Николаевскаго игумена Вежицкаго монастыря у Іонѣ съ братьею, а взяли есми у игумена у Іонѣ съ братьею на подмогу денегъ пять рублевъ; а за ту намъ подмогу поставити въ той пустой деревни дворъ, а на дворѣ хоромъ избу трехъ сажень и съ углы новую, да клѣть, да хлѣвъ съ сѣнникомъ полутретьи сажени, да мшаникъ дву сажень, а тѣ намъ хоромы поставити на той деревнѣ нынѣшняго 93 году, а самимъ намъ итти на тое деревню на Рождество Христово 94 году. А тягла Государева всякаго намъ съ тое деревни не давати 3 годы... а монастырского намъ оброку дати въ два года на годъ по рублю, а въ третій годъ дати намъ оброку два рубля; а какъ тѣ три годы минетъ, и намъ Государевы всякіе подати давати съ обжи, какъ иные крестьяне Государевы подати всякія платятъ, и поселницкое. А не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ и не поставимъ хоромъ въ 93 году и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти игумену Іонѣ и съ братьею за убытки и за волокиту десять рублевъ московскую и подможные деньги[1])».

Другіе крестьяне, въ слѣдующемъ году поселявшіеся на землѣ того же монастыря, обязывались платить семь мѣръ ржи, семь мѣръ овса, да мѣру жита:

«А изъ лѣса пятой снопъ, а изъ заозерья шестой снопъ; а дань домовная по книгамъ и старческіе и ключничьи и посельничьи пошлины по старинѣ; и владѣти всѣми угодьи, куды прежь владѣли, а государскіе подати давати въ волость и посошные службы по волостной ровности[2])».

Иногда обязывались дѣлать монастырское издѣлье наравнѣ съ прочими крестьянами:

«А дани Царю и Великому Князю и оброки и всякіе Государьскіе подати давати и въ монастырь хлѣбной оброкъ всякой платити по книгамъ, сполна, и издѣлье монастырьское намъ всякое дѣлати, какъ и прочіи крестьяне[3])».

---

[1]) А. Ю. № 183.— [2]) А. Ю. № 184.— [3]) А. Ю. № 182.

Эти издѣлья были иногда довольно значительны, какъ видно изъ уставной грамоты Константиновскаго монастыря 1391 года. Здѣсь опредѣлено:

«...Болшимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игумновъ жеребей весь рольи орать възгономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетати, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осеннинѣ поити и истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ, а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ даетъ игуменъ въ села и они прядутъ сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ, а даютъ изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу [1])».

Если личная отвѣтственность за неисполненіе условій казалась монастырскимъ властямъ недостаточною, то онѣ требовали поручительства. Ручались за крестьянъ не общины, а частные люди, иногда совершенно посторонніе, какъ это по большей части бывало въ общественныхъ отношеніяхъ древней Россіи. Вотъ для примѣра подобное поручительство:

«Се язъ Яковъ Никитинъ сынъ, хрестьянинъ Прилуцкаго Богороцкаго Ключа изъ деревни Стопѣгова поручился есми Спаского Прилуцкого монастыря игумену Тихону... и всей братьи по Богданѣ Ивановѣ сынѣ въ томъ, что онъ порядился Спаса Прилуцкого монастыря въ вотчину, во хрестьяня... на четверть плуга земли въ Игнатьевской жеребей на пустую землю... и владити ему всѣми угодьи куда ходилъ плугъ и соха и коса и топоръ... А не учнетъ онъ за моею порукою на той четверти плуга жити или живучи онъ не учнетъ вново хоромъ ставити или не учнетъ пашни распахивати и сѣнныхъ покосовъ разчищати и около поль не учнетъ огородовъ городити, а какъ лготные годы отойдутъ, и не учнетъ Государевыхъ податей давати и монастырскихъ доходовъ и издѣлья дѣлати или землю впустѣ покинетъ, и на мнѣ на порутчикѣ игумену съ братьею взяти по сей записи за дворовую непоставку и за земляную нероспашку полтретья рубли денегъ [2])».

---

[1]) А. А. Э. т. 1-й № 11.— [2]) А. Юр. № 290.

Крестьяне имѣли иногда право сдавать свою землю и переходить въ другую деревню того же монастыря, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ наказѣ монастырскому прикащику, принадлежащемъ впрочемъ уже XVII вѣку:

«Кто съ кѣмъ подѣлитца животами или пашнею или сдастъ, или промѣнитъ или приметъ, взять съ обѣ сторону одну 2 алтына 1 денгу; а кто перейдетъ изъ села въ село или изъ деревни въ деревню, перехожій боранъ взять съ обѣ стороны одну 2 алтына 1 денга»[1]).

Впрочемъ это совершалось съ разрѣшенія монастырскихъ властей, которыя съ новымъ поселенцемъ заключали особенный договоръ или брали съ него поручныя записи. Вотъ поручная такого рода:

«Се язъ Иванъ Малафѣевъ сынъ и проч. поручилися есмя Спаса Прилуцкаго же монастыря казначею... по Васильѣ Зиновьевѣ въ томъ, что онъ снялъ Василей по благословенію игумена Тихона еже о Христѣ съ братьею и по подписной челобитной Степановское повытье съ дочери его съ Марьи четверть плуга земли съ насѣянною рожью, а овсяныхъ сѣмянъ четыре четверти овса поземныхъ, да полтина денегъ поголовныхъ: и будетъ, что прищитъ въ казнѣ на Степана кабалъ или записей, денежныхъ или хлѣбныхъ, и тѣ кабалы выкупать Василью своими денгами и хлѣбомъ... А не станетъ Василей за нашею порукою земли пахати, и двора починивать и вново хоромъ ставить и Степановскихъ долговъ оплачивати, и на насъ на поручикахъ монастырскіе всякіе доходы и государевы подати и всякіе волостные розметы и Степановскіе долги»[2]).

Изъ этой грамоты можно видѣть, что участки переходили даже въ наслѣдство, ибо договоръ заключался всегда на неопредѣленный срокъ.

Отношенія были слѣдственно весьма разнообразны, но во всякомъ случаѣ земля не была совокупнымъ владѣніемъ общины, а раздѣлялась на отдѣльные участки, жеребья, имѣвшіе каждый свои угодья и свой опредѣленный обычаемъ и

---

[1]) А. Юр. № 334.—[2]) А. Юр. № 290, III.

владѣніемъ объемъ: куда ходилъ плугъ и коса и соха и топоръ. Участокъ составлялъ отдѣльную деревню, которая цѣликомъ переходила изъ рукъ въ руки, и даже когда оставлялась въ пустѣ, сохраняла свой прежній видъ до новаго поселенія. Каждый вновь приходящій крестьянинъ, а иногда двое или трое вмѣстѣ, получали свой опредѣленный жеребій земли, заключали съ монастырскими властями отдѣльный договоръ, представляли своихъ частныхъ поручителей, жили въ своей деревнѣ, и платили съ земли опредѣленный условіями оброкъ. Отношенія ихъ къ остальнымъ монастырскимъ крестьянамъ ограничивались тѣмъ, что они вмѣстѣ съ послѣдними несли нѣкоторыя монастырскія повинности и платили нѣкоторые сборы; точно также какъ отношенія къ остальнымъ крестьянамъ, живущимъ на черной землѣ, ограничивались тѣмъ, что они вмѣстѣ тянули царское тягло, сколько приходилось на каждый участокъ. Впрочемъ большая часть монастырей получали жалованныя грамоты, по которымъ ихъ крестьяне освобождались, отчасти или даже совершенно, отъ всякаго участія въ общихъ волостныхъ податяхъ и повинностяхъ. Выраженія: «не надобѣ имъ съ моими христіаны съ волостными тянути ни въ какое дѣло, ни въ какіе розметы», или: «ни къ сотскому ни къ дворскому не тянуть, ни въ какіе проторы ни въ розметы», встрѣчаются въ множествѣ жалованныхъ грамотъ [1]).

Такимъ образомъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ единство общины поддерживалось лишь обязанностями поселенныхъ крестьянъ къ землевладѣльцу, а отнюдь не общественнымъ союзомъ членовъ общины между собою. Посмотримъ теперь, какъ установлялись отношенія въ черныхъ волостяхъ тамъ, гдѣ сохранилось болѣе слѣдовъ старинной общины.

Общимъ правиломъ было, что земля принадлежала князю, а крестьяне считались только ея владѣльцами. «То, господи-

[1]) Между прочимъ А. А. Э. т. 1. № 45, 46.

пе, земля, на которой стоимъ, Божія да Государя Великого Князя Есюпинскіе волости; а роспаши и ржи паши; а пашемъ, господине, тѣ лѣсы мы»[1]). Или: «Ступился есмь земли Великого Князя, а своего владѣнья»[2]).

Новыхъ поселенцевъ призывала на эти земли община. «А мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста съ крестьяны, и язъ, господине, избу поставилъ; а то, господине, лѣсъ Великого Князя, Волоцкой»[3]). А вотъ и цѣлый договоръ волости съ крестьяниномъ:

«Се язъ Тавренской соцкой Романъ Трофимовъ сынъ Онтоманова и проч., сговорилися есми со всѣми христіаны Тавренскія волости Ильинского прихода дали пустого Сидору Демидову сыну пустого жеребія земли въ Семеновской деревнѣ двѣнадцатую долю обежную на лготу на два года: въ тѣ ему лготные въ два года никоторыхъ Государевыхъ податей не давать ни дани, ни оброку, ни мірскихъ розрубовъ; и какъ отойдутъ лготные два года и Сидору дань и оброкъ и всякія Государевы подати давать и мірскіе розрубы давать же съ міромъ вмѣстѣ. А отдали ему съ путики и съ ловищи и со всѣмъ угодіемъ, куды ходилъ топоръ и соха и коса и что къ тому жеребью изстари потягло. И Сидору на томъ жеребіи дворъ поставить и земля распахать и огороды огородить и впустѣ не покинуть тое двѣнадцатые доли обежные, да въ томъ ему и путь дали»[4]).

Изъ этого видно, что здѣсь также какъ въ монастырскихъ имѣніяхъ участки, на которые дѣлилась земля, были уже опредѣлены заранѣе, что они со всѣми принадлежавшими къ нимъ угодьями составляли отдѣльное цѣлое, переходившее въ такомъ видѣ отъ одного владѣльца къ другому. Когда же участокъ оставался пустымъ, община старалась призвать на него новаго поселенца, который бы помогалъ ей въ уплатѣ податей и въ отправленіи повинностей. Ибо подати и повинности налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя волости или

---

1) А. Ю. № 20.— 2) Тамъ же № 23. — 3) Тамъ же № 6. —4) Тамъ же № 175. См. также № 187.

даже сохи въ совокупности, и потомъ уже разпредѣлялись по участкамъ соразмѣрно съ поземельнымъ владѣніемъ. Иначе и не могло быть при недостаткѣ финансовыхъ и правительственныхъ средствъ. Взысканіе податей съ цѣлой общины въ совокупности доставляло князю гораздо большее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ, нежели разложеніе ихъ на отдѣльныхъ владѣльцевъ, которые безпрерывно переходили съ мѣста на мѣсто. Но понятно, что для волости было тяжко, когда много земель оставалось пустыхъ; поэтому она старалась по возможности набирать новыхъ поселенцевъ и раздавать имъ пустые участки. Отданный разъ жеребій земли оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянина. Такъ въ нѣкоторыхъ отступныхъ мы читаемъ, что крестьянинъ передаетъ другому участокъ со всѣмъ «что изстарь потягло отъ вѣка къ той земли, по описи отца своего, свой жеребій, по книгѣ» [1]). Въ другой грамотѣ встрѣчается слѣдующая запись:

«А за вкладъ я Иванъ ему игумену Сергѣю и всей братьи Архангельскаго монастыря далъ въ домъ Пречистые Богородицы Покрову и Архангелу Михаилу станки (наслѣдство) отца своего, въ Галенской деревни свой участокъ въ Кехтѣ въ острову, что мнѣ достанетца въ тоѣ деревни отъ дяди Семена да отъ брата своего Семена же, свою долю, въ дерень безъ выкупа и вовѣки [2]).»

Сохранилась и цѣлая раздѣльная грамота крестьянъ между собою:

«Се язъ (слѣдуютъ имена)... раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ кони и коровы... и земля въ Карзинѣ курьи свое владѣнье и серебряное. Всѣ земли есмя раздѣлили въ Карзинѣ курьи по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкудимовымъ дѣтемъ середней, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхней [3]).»

Изъ этихъ грамотъ видно, что черныя земли дѣлились и

---

[1]) А. Ю. № 23 стр. 51, 56.— [2]) Тамъ же № 26. Тамъ же № 23 стр. 57: «отца своего статки». — [3]) Тамъ же № 23. стр. 55.

передавались по наслѣдству безъ всякаго участія общины; точно также отдавались онѣ внаймы [1]) и отчуждались въ посторонния руки. Крестьянинъ, который былъ не въ силахъ нести общественное тягло, передавалъ свой участокъ другому. Такъ напримѣръ Сидоръ Демидовъ, который въ помянутой выше грамотѣ получилъ землю отъ крестьянъ Тавренской волости, черезъ пять мѣсяцевъ передалъ свой участокъ Аѳанасію Кузнецову, и въ заключенной между ними сдѣлкѣ нѣтъ и слѣдовъ участія общины [2]). Такихъ отступныхъ мы встрѣчаемъ нѣсколько; уступается цѣлый жеребій, или же половина, съ дворомъ и со всѣми угодьями «гдѣ что ни есть изстарь потягло къ той деревни» [3]). Эти отступныя назывались также купчими, ибо утверждаемыя ими сдѣлки были настоящею продажею, которую можно было совершать или съ оставленіемъ права выкупа, или «въ дерень, безъ выкупа». Можно было продать землю какъ другому крестьянину, такъ и служилому человѣку, или наконецъ монастырю или другой духовной власти. Изъ приведенныхъ выше грамотъ мы видѣли, что служилые люди, которые покупали земли у черныхъ людей, обязаны были тянуть тягло на ряду съ ними. Но иногда князья избавляли ихъ отъ этой обязанности. Вотъ грамота, данная сыну боярскому княземъ Андреемъ Васильевичемъ:

«Се язъ Князь Андрей Васильевичь пожаловалъ есми Злобу Васильева сына ослободилъ есми ѐму на Вологдѣ купити земли на соху боярскихъ и служиыхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ; а съ тое земли съ слугами и съ черными людми не тянетъ; а служити своею братьею съ дѣтми боярскими [4]).»

Злоба Васильевъ дѣйствительно купилъ двѣ черныя пустоши со всѣмъ, что къ нимъ изъ старины потягло, и былъ на основаніи жалованной грамоты и купчихъ оправданъ судомъ,

---

[1]) А. Ю. № 23 стр. 55—56.— [2]) А. Ю. № 175, II.— [3]) Тамъ же № 23 стр. 54, 56, 57.— [4]) Тамъ же № 9.

когда волостные крестьяне жаловались, что онъ неизвѣстно по какому праву насильственно владѣетъ ихъ землею. Опять здѣсь купчая совершается не только безъ участія, но и безъ вѣдома общины. Внутри тяглой волости является новый владѣлецъ, который пріобрѣтаетъ тяглую землю, не несетъ съ общиною никакихъ податей и повинностей, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее многихъ выгодъ и налагаетъ на нее лишнее бремя; а между тѣмъ община не вѣдаетъ объ этой покупкѣ, и остается безсильною противъ такого вторженія совершенно чуждаго ей лица. Точно такое же право имѣли крестьяне отчуждать свои земли и въ монастыри, какъ видно изъ приведенной выше вкладной записи, по которой владѣлецъ участка отдаетъ его въ монастырь вмѣсто вклада, въ замѣнъ содержанія въ монастырѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, съ тѣмъ что если онъ будетъ ослушаться или уйдетъ до срока изъ монастыря, то земля остается собственностью послѣдняго[1]). Встрѣчается и данная грамота, по которой три доли участка черной земли отдаются въ даръ Корельскому монастырю[2]). Великій князь Василій Дмитріевичъ позволилъ митрополиту Фотію купить деревню въ Тальшинской волости съ освобожденіемъ ея отъ подсудности, податей и повинности, за исключеніемъ дани и яма[3]).

Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось слѣдственно раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь-приходящимъ крестьянамъ. За тѣмъ она завѣдывала только раскладкою и сборомъ нѣкоторыхъ податей и отправленіемъ повинности въ пользу князя. Вѣдомство общинныхъ начальниковъ, сотскихъ и старостъ заключалось единственно въ «протораxъ и розметахъ», какъ видно изъ множества дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ и частнымъ лицамъ. Остальное же управленіе, которое впрочемъ все огра-

---

[1]) А. Ю. № 20.—[2]) Тамъ же, № 25 стр. 55.—[3]) А. А. Э. т. I-й стр. 20.

ничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно постороннихъ — намѣстниковъ и волостелей, княжескихъ слугъ, которые получали судопроизводство въ кормленіе. Судъ разсматривался какъ источникъ доходовъ и жаловался въ видѣ временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійства, въ случаѣ если убійцы не было на лицѣ. Это было древнее установленіе, основанное на взаимномъ поручительствѣ членовъ родовой общины, но которое теперь превратилось въ доходную статью: кормленщикъ имѣлъ право на извѣстный доходъ съ убитаго тѣла, и если онъ не могъ взять его съ убійцы, то взыскивалъ деньги съ общины, въ округѣ которой найдено было тѣло.

Значеніе общины было слѣдственно чисто финансовое или скорѣе хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю въ качествѣ землевладѣльца. Хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ни чѣмъ не связанныя между собою. Прежняя родовая связь изчезла; община не была уже союзомъ лицъ, соединенныхъ естественнымъ происхожденіемъ и общими патріархальными интересами; это былъ союзъ лицъ, соединенныхъ общими повинностями въ пользу землевладѣльца. Изчезло и право князя на наслѣдованіе послѣ смерда, ибо смердъ былъ уже не членъ родовой общины, пользующійся общественною землею, а вольный пришлецъ, поселяющійся на чужой землѣ на основаніи свободнаго договора. Вторженіе владѣльческихъ элементовъ и общая подвижность народонаселенія измѣнила всѣ отношенія. Патріархальная община можетъ существовать только при постоянномъ пребываніи членовъ на своихъ мѣстахъ, при неподвижности созданныхъ вѣками отношеній. Но какъ скоро лице отрывается отъ родной почвы и пускается бродить по землѣ, какъ скоро являются въ общинѣ частная по-

земельная собственность и свободный договоръ, такъ прежнія естественныя отношенія замѣняются условными. На Западѣ патріархальный общинный бытъ былъ уничтоженъ бродячими дружинами, у насъ онъ долженъ былъ изчезнуть самъ собою при безпрерывномъ кочеваніи и обновленіи народонаселенія. А каково было это кочеваніе, это извѣстно всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ древними памятниками. Мы видимъ какихъ страшныхъ усилій стоило въ послѣдствіи государству стараніе остановить это кочевое стремленіе, и въ какихъ огромныхъ размѣрахъ совершалось переселеніе жителей съ мѣста на мѣсто. Такъ напримѣръ въ 1649 г., крестьяне за-онежскихъ погостовъ жаловались, что многіе, покинувъ свои участки, вышли въ другіе города и уѣзды и живутъ за монастырями, за дворянами, дѣтьми боярскими и всякими людьми. По росписи, данной крестьянами, оказалось 580 семействъ, поселившихся въ другихъ уѣздахъ на извѣстныхъ мѣстахъ, не считая тѣхъ, которые ушли неизвѣстно куда. Въ это же время вышедшихъ изъ лопскихъ погостовъ было 110 семей[1]). И это было въ половинѣ XVII вѣка, въ то время какъ переходъ былъ уже запрещенъ законами, при томъ же въ сѣверной Россіи, гдѣ народонаселеніе было болѣе удалено отъ вліянія постороннихъ элементовъ. Что же было въ XVI вѣкѣ въ средней Россіи, гдѣ вотчинники старались наперерывъ переманивать къ себѣ крестьянъ, гдѣ безпрерывныя войны, набѣги и опустошенія насильственно заставляли сельскихъ жителей покидать свои мѣста? Какъ въ настоящее время въ степномъ хозяйствѣ земледѣльцы нѣкоторое время обрабатываютъ одну часть земли, а потомъ покидаютъ ее и переносятся на другую, такъ и въ древней Россіи жители кочевали съ мѣста на мѣсто. Русская земля представляла какъ бы обширное степное пространство, гдѣ зе-

---

[1]) Доп. къ Актамъ Историческимъ т. 3 № 67. 82, II.

мли было вдоволь и степное хозяйство существовало въ огромныхъ размѣрахъ.

Что же тутъ было похожаго на общинный бытъ нашего времени? Въ средневѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу. Не хотѣлъ онъ оставаться на мѣстѣ — онъ сдавалъ свою землю другому или даже покидалъ ее впустѣ, и шелъ туда, гдѣ жить было лучше. Самое разселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многолюдныхъ селъ, въ которыя соединяется все народонаселеніе, между тѣмъ какъ окружающія поля остаются пустыми. Каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ. Община селилась разсѣянно, и общинною единицею считалось не село, а волость, т. е. округъ, въ которомъ было центральное село, и окружавшія его деревни. Село обыкновенно состояло изъ весьма ограниченнаго числа дворовъ, а деревня, составлявшая большею частью отдѣльный жеребій, заключала въ себѣ одинъ, два, три и рѣдко болѣе четырехъ дворовъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ любаго описанія тогдашнихъ земель [1]). Волость была остаткомъ прежняго общиннаго быта; она совершенно соотвѣтствовала древней нѣмецкой маркѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ XVI вѣкѣ родовыя отношенія изчезли и замѣнились отношеніями владѣльческими и договорными. Патріархальная община превратилась въ владѣльческую.

Скоро однако же она потеряла и этотъ характеръ. Съ XV вѣка начали развиваться понятія государственныя, и эти новыя начала произвели въ общинѣ коренное измѣненіе. Государство

---

[1]) См. напр. Новогородскую окладную книгу, Временникъ 1851 г. Т. II-й; А. И. т. III-й № 149; Д. къ А. И. т. 1-й № 160; А. Ю. № 228.

есть соединеніе общества или народа въ единое тѣло, устроенное согласно съ общественными потребностями и подчиняющееся единству верховной власти. Съ возникновеніемъ государства постепенно изчезаетъ прежній владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Цари московскіе не могли уже довольствоваться прежнимъ порядкомъ; они стремились къ созиданію государственнаго организма, и для этого искали себѣ орудій въ тѣхъ элементахъ общественной жизни, которые казались наиболѣе къ этому способными. Намѣстники и волостели, съ государственной точки зрѣнія, представлялись вовсе негодными для управленія; то были кормленщики, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностью. Чтобы ограничить ихъ власть, московскіе государи прибѣгли къ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя менѣе носили на себѣ характеръ частныхъ собственниковъ — къ общинамъ и дьякамъ. Выборное начало было вызвано наружу; на основаніи царскихъ грамотъ и постановленій избираемые общинами старосты и цѣловальники ограничили власть намѣстниковъ и волостелей, а потомъ во многихъ мѣстахъ совершенно вытѣснили послѣднихъ, соединивши все управленіе въ своихъ рукахъ. Чрезъ это общины получили уже значеніе государственное. Новыя права ихъ, новое устройство были даны имъ правительствомъ, на основаніи государственныхъ соображеній. Новыя власти были уже не простыми орудіями для сбора податей въ пользу землевладѣльца; онѣ служили органами центральнаго правительства и составляли существенную часть государственнаго управленія.

Однако же общины могли образовать только низшую ступень административной лѣстницы. Всѣмъ потребностямъ государства онѣ далеко не удовлетворяли, и центральная власть не могла найдти въ нихъ удобныхъ органовъ управленія: онѣ были слишкомъ разрознены, и частью слишкомъ удалены отъ центра; да притомъ же онѣ не заключали въ себѣ всего народонаселенія,

ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне. Но дѣлать было нечего; надобно было сначала довольствоваться тѣмъ, что находилось подъ руками, а потомъ уже помышлять о дальнѣйшемъ устройствѣ администраціи. Новый шагъ былъ сдѣланъ въ XVII вѣкѣ. Хотя и прежде были уже частныя попытки придать управленію болѣе крѣпости и единства, но послѣ смутнаго времени эта потребность сдѣлалась настоятельною. Тогда надъ разрозненными общинными властями, имѣвшими непосредственное отношеніе къ массѣ народонаселенія, поставлены были правители, которые должны были служить прямыми органами верховной власти. Таковы были воеводы, которымъ вручена была вся правительственная власть въ уѣздѣ.

Казалось бы, слѣдовало строго опредѣлить и разграничить права и вѣдомство общинныхъ властей и воеводъ. Но Московское государство не знало еще точности и опредѣленности юридическихъ отношеній. Стремясь къ водворенію порядка, къ организаціи управленія, оно дѣйствовало безъ общей системы, частными мѣрами и распоряженіями, нерѣдко приходившими въ столкновеніе другъ съ другомъ и производившими страшную запутанность въ администраціи. При раціональномъ устройствѣ общинъ, надобно бы было прежде всего обратить вниманіе на различіе между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими. А вмѣсто того права даровались имъ безразлично и притомъ не всѣмъ вообще, а порознь, и какъ попало. Точно также, когда были введены воеводы, отношенія ихъ къ общинамъ остались неопредѣленными. Только въ отдѣльныхъ пунктахъ, вслѣдствіе жалобъ общинныхъ жителей, установлялось иногда болѣе правильное разграниченіе властей. Общины получали нѣкоторыя права, которыя ограничивали власть воеводъ и ограждали подчиненныхъ отъ притѣсненій. Но и это относилось только къ тѣмъ общинамъ, которыя умѣли выпрашивать себѣ жалованныя грамоты, а не

ко всѣмъ въ совокупности. Общей системы не было, и разнородные правители приходили въ безпрестанное столкновеніе другъ съ другомъ.

Слѣдствіемъ такой неопредѣленности было разумѣется то, что сильнѣйшая власть поглотила слабѣйшую. Дѣйствительно, въ XVII столѣтіи общины стоятъ совершенно на заднемъ планѣ и управленіе ихъ подавляется управленіемъ воеводскимъ. Гражданскій судъ цѣликомъ перешелъ въ руки воеводъ; прежніе старосты и цѣловальники оставались въ видѣ исключеній. Уголовныя и полицейскія дѣла безпрестанно переходили отъ выборныхъ губныхъ старостъ къ сыщикамъ, отъ сыщиковъ къ воеводамъ и обратно, при томъ такъ, что общаго установленія для всего государства не было никогда. Только при Петрѣ Великомъ эта часть управленія окончательно осталась за воеводами. Въ финансовомъ управленіи было также величайшее разнообразіе, и вмѣшательство воеводъ въ эти дѣла не подчинялось одинакимъ правиламъ. Въ таможенныхъ и питейныхъ сборахъ общины несли всю отвѣтственность, а вліянія не имѣли никакого: ибо вѣрные головы и цѣловальники были не выборные отъ общинъ, а очередные люди, поставляемые на царскую службу и находившіеся большею частью подъ непосредственною властью воеводъ. Только при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ земскіе старосты и цѣловальники получили на нихъ нѣкоторое вліяніе. Наконецъ воеводы вступались и въ дѣла чисто-общинныя, какъ напримѣръ, въ раздачу пустыхъ земельныхъ участковъ. Это было непосредственное дѣло и самый живой интересъ общинъ, которыя несли всю отвѣтственность за уплату податей. А между тѣмъ пустые участки постоянно раздавались воеводами, несмотря на всѣ жалобы со стороны жителей. Только особенными жалованными грамотами давалось общинамъ право раздавать земли изъ земскихъ избъ, да и въ этомъ случаѣ постановленія весьма часто нарушались воеводами и притомъ совершенно безнаказанно.

Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1684 году, по челобитью вятскаго старосты, послана была на Вятку царская грамота, по которой запрещено было въ городѣ и уѣздѣ раздавать тяглыя земли бѣломѣстцамъ изъ приказной избы, а велѣно было раздавать ихъ тяглымъ людямъ изъ земской избы. Несмотря на то, въ 1688 году поступила къ царю новая жалоба Вятчанъ, что вопреки указамъ тяглые участки продолжаютъ раздаваться бѣломѣстцамъ изъ приказной избы. Снова былъ посланъ указъ, по которому «впредь такихъ тяглыхъ земель и угодій бѣломѣстцомъ, всякихъ чиновъ людемъ на оброки изъ приказной избы, отнюдь давать не велѣно, и чтобъ тѣмъ мирскимъ людемъ обиды, и въ нашей Великаго Государя казнѣ въ сборѣ помѣшки не было». А въ 1697 году поступаетъ новая жалоба Вятчанъ по тому же предмету и посылается новый подтвердительный указъ, при томъ безъ всякаго взысканія за постоянное нарушеніе прежнихъ предписаній[1]).

Общины были совершенно подавлены воеводскою властью. Возникающая администрація не успѣла еще раздѣлить и разграничить своихъ началъ; общинныя дѣла еще не отличались отъ государственныхъ, и, разумѣется, при томъ преобладающемъ значеніи, которое имѣло государство, такое сліяніе не могло не быть во вредъ общинѣ. Только при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ началось болѣе правильное разграниченіе властей, но тогда уже общинныя права и учрежденія не были раздаваемы такъ безпорядочно, какъ прежде. Приходя постепенно къ большему и большему сознанію государственныхъ цѣлей и потребностей, правительство поняло и то, что городскія общины имѣютъ другой характеръ, нежели сельскія, и что по тогдашнему состоянію общества и государства, только первымъ приходились выборныя учрежденія. Вслѣдствіе этого воззрѣнія, проистекавшаго,

[1]) А. Ю. т. 5-й. № 264.

какъ увидимъ ниже, изъ самой сущности государственныхъ условій того времени, города были отдѣлены отъ селъ, и учрежденія Ивана Васильевича Грознаго, едва не погибшія среди административнаго безпорядка XVII вѣка, были возстановлены, за немногими исключеніями, для однихъ городовъ. Основаніемъ такому различію служилъ новый взглядъ на сословія, который возникъ вслѣдствіе кореннаго преобразованія, совершеннаго государствомъ въ общественномъ быту. Мы говоримъ объ укрѣпленіи къ мѣстамъ крестьянъ и посадскихъ людей.

Кочевая жизнь, которой предавалось народонаселеніе Россіи, начиная съ бояръ и слугъ, переѣзжавшихъ отъ одного князя къ другому, до земледѣльцевъ, переходившихъ отъ одного владѣльца къ другому, не могла приходиться къ государственнымъ потребностямъ того времени. Возникающее государство лишено было всякихъ средствъ. Для того, чтобы имѣть возможность развить свои начала и устроить свой организмъ, ему необходимо было потребовать отъ всѣхъ сословій посильной службы, необходимо было наложить на нихъ постоянныя обязанности, а это могло оно сдѣлать не иначе какъ по прекращеніи безпрерывнаго кочеванія. При совершенномъ недостаткѣ административныхъ средствъ, можно было принудить къ исполненію обязанностей только человѣка, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и котораго всегда можно было отыскать. Съ этою цѣлью правительство и старалось водворить всеобщую осѣдлость; для этого оно уничтожило отъѣзды бояръ и слугъ и запретило переходы крестьянъ и посадскихъ людей. На служилое сословіе наложена была обязанность постоянной службы, на тяглое сословіе возложены обязанности отчасти служебныя, отчасти финансовыя.

Это имѣло неисчислимыя послѣдствія для всего общественнаго быта того времени. Въ Средніе Вѣка основою гражданскаго союза была земля; всякій кто садился на землю, тѣмъ самымъ

вступалъ въ гражданскія отношенія, какъ къ землевладѣльцу, такъ и къ другимъ поселенцамъ. Теперь основою государства сдѣлался народъ: жители, гдѣ бы они ни сидѣли, получили постоянныя обязанности въ отношеніи къ царю, какъ къ главѣ государства, а земля стала играть второстепенную роль. Въ прежнее время на ней лежало тягло; поселенецъ платилъ свои подати и отправлялъ свои повинности съ земли. Теперь же, когда народъ сдѣлался главною силою государства, тягло должно было необходимо перейдти на лице. Посошная подать черезъ подворную естественнымъ образомъ перешла въ подушную. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ то время была весьма плохимъ предметомъ для взиманія податей: ея было много, и никто ею не дорожилъ; сегодня она обрабатывалась, а завтра покидалась впустѣ. При обширности страны и малочисленности населенія одинъ трудъ имѣлъ цѣну, и только въ немъ могло правительство найдти постоянный и вѣрный источникъ дохода. Естественно, что лице выступило на первый планъ, а земля сдѣлалась его придаткомъ.

Съ этимъ вмѣстѣ и общины должны были получить совершенно другой характеръ. Прежде община была владѣльческая и поземельная; это былъ союзъ людей, свободно поселившихся на земляхъ одного и того же владѣльца и соединенныхъ временно общими къ нему обязанностями. Теперь община изъ поземельной и владѣльческой сдѣлалась сословною и государственною; это былъ уже союзъ людей, соединенныхъ общими постоянными обязанностями къ государству. Они должны были нести ихъ своимъ лицемъ, а земля сдѣлалась только необходимымъ условіемъ для правильнаго ихъ исполненія. Отсюда стремленіе приписывать земли къ городамъ; отсюда новое, прежде не существовавшее правило, что тяглыя земли могутъ принадлежать только тяглымъ людямъ.

Весь почти XVII вѣкъ прошелъ въ стремленіи общинъ организоваться на этихъ новыхъ началахъ. Но при существую-

щемъ безпорядкѣ въ управленіи, при подавленіи дѣятельности общинъ властью воеводъ, эти стремленія оставались безуспѣшны. Цѣль общины была двоякая: во-первыхъ, не выпускать изъ среды себя тяглыхъ членовъ, ибо, такъ какъ подати и повинности налагались на цѣлую общину, которая потомъ уже раскладывала ихъ на отдѣльныя лица, то, естественно, что чѣмъ больше было членовъ, тѣмъ легче было исполненіе обязанностей; во-вторыхъ, не отдавать тяглыхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ для того, чтобы всегда быть обезпеченною въ отношеніи къ матеріяльнымъ средствамъ. Между тѣмъ ни та, ни другая цѣль не достигалась, и всѣ издаваемые по этому поводу запретительные указы нарушались постоянно. Черезъ весь XVII вѣкъ идетъ рядъ безпрерывныхъ жалобъ со стороны общинъ на то, что многіе люди ушли отъ нихъ неизвѣстно куда, а остальные обременены сверхъ силъ. Точно такія же жалобы поступаютъ и на то, что, вопреки указамъ, бѣломѣстцы пріобрѣтаютъ тяглыя земли въ ущербъ тяглымъ людямъ. Казалось бы, въ послѣднемъ случаѣ общины легко могли бы воспрепятствовать злу, если бы онѣ имѣли малѣйшую власть и малѣйшее участіе въ продажѣ земель. Но именно этого-то у нихъ не было, и онѣ оставались безсильны даже въ такомъ дѣлѣ, которое непосредственно касалось живѣйшихъ ихъ интересовъ. И законодательство само не умѣло поддержать своихъ началъ: неправильныя продажи оно узаконяло, взысканій за нарушенія закона никакихъ не дѣлало; да и самыя постановленія по этому предмету часто были разнородныя и разнорѣчащія.

Только съ конца XVII вѣка, съ законодательствомъ Ѳеодора Алексѣевича и въ особенности Петра Великаго, возникаетъ болѣе правильный и опредѣленный порядокъ вещей. Но это находилось уже въ связи съ отдѣленіемъ селъ отъ городовъ. Села за немногими исключеніями всѣ стали крѣпостными, и отчу-

жденіе участковъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Города же, напротивъ того, были всѣ изъяты изъ владѣльческихъ рукъ; дозволенъ былъ переходъ посадскимъ людямъ — не въ другія службы, а по крайней мѣрѣ въ другіе города, и допущена была вольная продажа тяглыхъ участковъ въ руки бѣломѣстцевъ. Для торговыхъ людей земля не составляла необходимаго условія жизни; они тягло несли съ своихъ промысловъ и торговли, а потому и не было никакой нужды запрещать отчужденіе земли за извѣстный оброкъ, платимый городу. Безразличное запрещеніе было сдѣлано въ то время, когда села и города сливались въ одно, но какъ скоро было установлено различіе, такъ оказалось и различное значеніе земель, приписанныхъ къ тѣмъ и другимъ.

Это различіе было необходимымъ слѣдствіемъ новаго сословнаго значенія общины. Пока тягло лежало на землѣ, пока поземельное владѣніе составляло существенную основу гражданскихъ отношеній, до тѣхъ поръ не могло быть различія между городомъ и селомъ. Въ городахъ были тѣ же владѣльцы какъ и въ селахъ, а потому и характеръ ихъ былъ одинъ и тотъ же. Но какъ скоро общины изъ поземельныхъ сдѣлались сословными, такъ начало обрисовываться различное значеніе городскаго сословія и сельскаго. Занятія перваго состоятъ въ добываніи денегъ посредствомъ капитала и труда, что требуетъ большей или меньшей подвижности и свободы въ дѣйствіяхъ. Занятія втораго заключаются въ обработкѣ земли, а это требуетъ постоянной осѣдлости землепашцевъ. Съ другой стороны обязанности сельскихъ жителей относятся прямо къ землевладѣльцу; онъ посредникъ между ними и государствомъ, тогда какъ для городскихъ житетей такого посредника нѣтъ; личный трудъ служитъ имъ источникомъ дохода, и обязанности ихъ могутъ состоять только въ денежныхъ взносахъ или въ личной службѣ на пользу государства. Отсюда и различный характеръ тѣхъ и другихъ общинъ: при существованіи посто-

янныхъ понудительныхъ обязанностей, города стремятся образовать изъ себя свободныя общины, села же естественно дѣлаются чисто владѣльческими, но уже не свободными, а крѣпостными, вслѣдствіе наложенной на нихъ государствомъ сословной службы. Такое противоположное стремленіе ясно выражается въ Россіи XVII вѣка. Послѣ всеобщаго укрѣпленія сословій, черныя волости постепенно переходятъ въ частныя руки или сливаются съ дворцовыми; частные же и дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, выходятъ изъ владѣльческихъ рукъ и образуютъ свободныя общины.

Такое разграниченіе сословій подвергалось однакоже исключенію. Сѣверныя области, вслѣдствіе особенности своего положенія, не подходили ни подъ тотъ, ни подъ другой разрядъ. Въ средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты и гдѣ сельскія общины находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ государства, само собою совершилось сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми селами и отдѣленіе тѣхъ и другихъ отъ городовъ. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ частныхъ владѣльцевъ было мало, а дальность центральной власти способствовала сохраненію въ общинахъ прежней самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ [1]), не проникли даже законы объ укрѣпленіи землевладѣльческаго сословія, и донынѣ половники Вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, которая препятствовала вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элемен-

[1]) Поморскими городами считались: Вятка, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Устьянскія волости, Каргополь, Яренскъ, Кайгородокъ, Тотьма, Соликамскъ, Пермь, Двинская область, Кевроль, Мезенская область, Пусто озеро, Кола и Чаранда. Акты Археографической Экспедиціи, т. 4 № 250.

товъ, не допустила и смѣшенія черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а напротивъ сохранила общинамъ прежнюю ихъ самостоятельностъ. Уѣзды поморскихъ городовъ составили поэтому особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ уравнивались въ законахъ не съ прочими селами, а съ городами.

Прослѣдимъ теперь въ нѣкоторыхъ чертахъ это отдѣленіе селъ отъ городовъ и постепенное развитіе сословнаго значенія общины.

Стремленіе къ устройству и обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 г., подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія внутри или около городовъ, были отобраны въ казну и присоединены къ тяглымъ землямъ; владѣльцевъ же велѣно было вознаградить изъ другихъ земель. Кромѣ того владѣніе тяглыми участками и производство городскихъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили отдѣльныя опредѣленныя сословныя права. Далѣе Новоторговымъ уставомъ 1667 г. торговые люди изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ во всемъ, что касалось до ихъ поѣздокъ. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей одному и тому же приказу, мысль, которая осталась однако же безъ исполненія. Но важнѣйшимъ шагомъ къ отдѣленію городовъ отъ селъ и къ устройству самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 г. о введеніи стрѣлецкой подати. Она была наложена на всѣ тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ[1]). Всѣ же владѣльче-

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. 4 № 250.— Акты Истор. т. 5 № 77.

скіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные были въ замѣнъ этого обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ стрѣлецкой подати былъ предоставленъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; для раскладки же выбирались въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости особенные выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Обязанности ихъ ограничивались тѣмъ, что они давали старостамъ служилыхъ людей для усмиренія ослушниковъ. Однако же, какъ вообще въ Московскомъ государствѣ принятыя начала никогда не проводились систематически, такъ и въ этомъ случаѣ были исключенія: царскія грамоты о сборѣ денегъ посылались иногда къ воеводамъ, которые въ свою очередь давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего, указами 89-го, 95-го, 97-го и 98-го годовъ, воеводы были уже совершенно устранены отъ участія въ сборѣ податей: запрещено было посылать къ нимъ о томъ грамоты, а велѣно было посылать изъ приказовъ памяти прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, и собранную подать прямо отъ себя отсылать въ Москву [1]).

Это былъ важный шагъ къ разграниченію вѣдомства и правъ общинныхъ властей и правительственныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ, который платился тяглыми земскими людьми. Въ связи съ этимъ нововведеніемъ находились и указы, предоставлявшіе земскимъ властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ

---

¹) А. И. т. 5 № 274: А. А. Э. т. 4 № 213.

за таможенными, и кабацкими головами. Самые выборы этихъ головъ и цѣловальниковъ, указомъ 1681 г., возложены были на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ оныхъ велѣно было выбирать ихъ изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Это былъ второй важный шагъ къ разграниченію вѣдомства воеводъ и земскихъ властей, и къ предоставленію большей самостоятельности городамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году отдалъ всѣ города съ поморскими уѣздами въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставленъ былъ общинный судъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и завѣдываніе всѣми земскими дѣлами безъ всякаго вмѣшательства воеводъ; они же въ свою очередь подчинены были земскимъ бурмистрамъ, которые составляли московскую ратушу. Въ этихъ указахъ поморскіе уѣзды были еще сравнены съ городами; это былъ остатокъ прежняго порядка, въ которомъ господствовало смѣшеніе административныхъ началъ и сословныхъ правъ и обязанностей. Но съ учрежденіемъ магистратовъ, города были уже совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, которыя управляли дѣлами, предоставленными вѣдомству своего сословія. Это былъ окончательный результатъ того развитія земскихъ учрежденій, котораго начало было положено Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, результатъ, естественно вытекавшій изъ постепеннаго водворенія гражданскаго строенія въ Московской Россіи.

Съ другой стороны, еще до Петра Великаго, черныя волости, за исключеніемъ уѣздовъ поморскихъ городовъ, совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья, такъ что

въ половинѣ XVII вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ. Въ то же время, по исчисленію Котошихина, въ дворцовыхъ имѣніяхъ было 3000 дворовъ, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьихъ нельзя было счесть[1]). Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока онѣ не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами.

Первымъ шагомъ къ этому сліянію было назначеніе въ черныя волости прикащиковъ. Это дѣлалось уже до Михаила Ѳедоровича, который жалованными грамотами отмѣнилъ прикащиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ[2]). Но въ половинѣ XVII вѣка въ черныхъ волостяхъ, равно какъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ, постоянно являются прикащики[3]). Вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей Приказу Большаго Дворца[4]), разумѣется исключая поморскіе уѣзды, которые подчинялись Новгородскому приказу. Въ Уложеніи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми. Такъ напримѣръ предписывается въ посадахъ, въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, отдавать сборы на откупъ и на вѣру посадскимъ людямъ и дворцовымъ крестьянамъ[5]). Названіе черныхъ во-

---

[1]) Котошихинъ гл. XI.

[2]) Акты Археогр. Эксп. т. 3 № 30; т. 2 № 126. — Дополненія къ А. И. т. 1 № 167.

[3]) Полное Собраніе Законовъ № 317, 998 ст. 4, 31, 43; № 1005.

[4]) Котошихинъ гл. VII. ст. 4.

[5]) Уложеніе гл. 9 ст. 6. — Котошихинъ тоже смѣшиваетъ черныя волости съ дворцовыми. Въ главѣ XI ст. 1 онъ говоритъ: «Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ... во Дворцѣ и въ селахъ и въ волостяхъ приказщики... А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ гдѣ приказщиковъ не бываетъ....

лостей еще сохранилось, но крестьяне называются уже дворцовыми. Разумѣется, здѣсь исключаются жители поморскихъ уѣздовъ, которые никогда не назывались дворцовыми, точно также какъ и земли ихъ никогда не назывались черными волостями. Указъ 1679 г., о стрѣлецкой подати совершенно сравнилъ черныя волости съ дворцовыми имѣніями, и отдѣлилъ отъ нихъ поморскіе уѣзды, сохранившіе прежній бытъ. Петръ Великій нашелъ сліяніе уже совершеннымъ; учрежденіе земскихъ бурмистровъ и указъ о подушной подати, которыми прежніе черные крестьяне, за исключеніемъ поморскихъ, были сравнены съ дворцовыми, только узаконили существовавшій уже порядокъ вещей.

Это сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми селами можно прослѣдить въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ. Оно началось весьма рано, ибо тѣ и другія земли равно принадлежали государю, и черныя волости, которыя оставались свободными единственно вслѣдствіе обилія земель, служили постоянымъ источникомъ для раздачи помѣстій служилымъ людямъ, а равно и для умноженія дворцовыхъ доходовъ. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ, данной въ 1555 г. переяславскимъ рыболовамъ, они названы черными сохами, и подчинены не дворецкому, а дьяку; но въ 1562 г. они были уже подчинены Приказу Большаго Дворца и въ подтвержденіи жалованной грамоты Ѳедоромъ Алексѣевичемъ слобода названа дворцовою[1]). Въ 1617 г. жители Старой Русы жаловались, что розданы были въ помѣстья уѣздныя дворцовыя села и черныя волости. Въ 1681 г. они говорятъ о тѣхъ же раздачахъ, но всѣ земли называютъ уже безразлично дворцовыми; о черныхъ нѣтъ и рѣчи[2]). Въ Новгородскихъ областяхъ, въ XVI

---

[1]) А. А. Э. т. 1-й № 242, 261.—[2]) А. А. Э. т. 3-й № 91; А. И. т. 5-й № 228.

вѣкѣ, всѣ государственныя земли были раздѣлены на дворцовыя и оброчныя, изъ которыхъ послѣднія соотвѣтствовали чернымъ; а въ 1679 г., до введенія новострѣлецкой подати, велѣно было въ Новгородскомъ уѣздѣ собрать для стрѣльцовъ хлѣбъ съ монастырскихъ, помѣщичьихъ и дворцовыхъ крестьянъ [1]). Объ оброчныхъ не упоминается, хотя они стрѣлецкій хлѣбъ платили наравнѣ съ другими; слѣдственно они разумѣлись подъ именемъ дворцовыхъ.

Такимъ образомъ, путемъ историческаго развитія, сельскія общины сдѣлались чисто владѣльческими, тогда какъ города образовали изъ себя свободныя общины. Этотъ историческій ходъ находился въ связи съ развитіемъ коренныхъ началъ общественной жизни. Гражданскій бытъ Среднихъ Вѣковъ основанъ былъ на частномъ правѣ, на которомъ утверждалась и общинная жизнь того времени. Какъ частное право заключаетъ въ себѣ двѣ формы — собственность и свободный договоръ, такъ и общины были однѣ владѣльческія, другія договорныя. Хотя и владѣльческія основаны были на договорѣ между владѣльцемъ и поселенцами, однако здѣсь центромъ служило самое лицо землевладѣльца, и договоръ имѣлъ предметомъ владѣніе землею. Города преимущественно были способны къ образованію договорныхъ общинъ; здѣсь владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ, да къ тому же одинъ городъ могъ дать общинѣ защиту противъ натиска владѣльческихъ элементовъ. Въ Россіи такой характеръ имѣли только Новгородъ и Псковъ; остальные города и села были владѣльческими общинами, которыя заселены были свободными посадскими людьми и крестьянами. Но и послѣднія имѣли двоякій характеръ: земля была обширна, а владѣльческихъ элементовъ было немного; поэтому не всѣ общины находились въ непосредственномъ управле-

---

[1]) А. И. т. 5-й № 38.

нія владѣльцевъ. Многія общины, которыхъ земля принадлежала князю-вотчиннику, обязаны были только податями и повинностями, сохраняя права полнаго распоряженія тѣми землями, которыми онѣ владѣли. Таковы были тяглыя черныя общины. Сюда принадлежала и бо̀льшая часть городовъ, гдѣ не могло быть обработки земли въ пользу землевладѣльца или даже ея найма; сюда же принадлежали и черныя волости, которыя оставались тяглыми по недостатку владѣльцевъ. Центромъ общественной жизни были однакоже князь и его слуги, которые всѣ были землевладѣльцы; церковь, игравшая такую важную роль, была также вотчинницею. По этому, съ бо̀льшимъ развитіемъ этихъ основныхъ элементовъ общественной жизни древней Россіи, черныя земли должны были мало по малу превращаться въ чисто владѣльческія.

Въ особенности это стремленіе усилилось съ постепеннымъ развитіемъ государственныхъ понятій. Возникшее государство не уничтожило тѣхъ элементовъ, которые оно нашло подъ руками, но заставило ихъ служить своимъ цѣлямъ и устроило ихъ сообразно съ своими потребностями. Первымъ дѣломъ его было умноженіе государственныхъ силъ, которыхъ основою было служилое сословіе, а для этого нужно было умножить помѣстья на счетъ черныхъ земель. Съ другой стороны, съ умноженіемъ средствъ, расширилось и хозяйственное управленіе, умножились потребности двора, и это повело къ распространенію дворцовыхъ имѣній на счетъ черныхъ волостей. Наконецъ укрѣпленіе посадскихъ людей и крестьянъ образовало замкнутыя сословія, имѣвшія опредѣленныя обязанности, и тогда обозначилось различіе между городскимъ сословіемъ и сельскимъ. Какъ въ Средніе Вѣка городъ былъ преимущественно способенъ къ образованію свободной договорной общины, такъ теперь онъ былъ преимущественно способенъ къ образованію свободной тяглой и сословной общины. Но въ Сред-

ніе Вѣка возникновеніе свободныхъ городовъ зависѣло отъ случайныхъ, временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ; теперь же это сдѣлалось слѣдствіемъ систематическаго государственнаго воззрѣнія. Всѣмъ городамъ дано было одинакое устройство. Напротивъ того села, которыя въ Средніе Вѣка преимущественно были способны къ образованію владѣльческихъ общинъ, и теперь большею частью превратились во владѣльческія имѣнія, но уже на основаніи государственныхъ постановленій и какъ слѣдствіе сословныхъ обязанностей ихъ жителей. Только на сѣверѣ осталась частичка прежнихъ тяглыхъ сельскихъ общинъ, какъ будто бы для того, чтобы указать на роль, которую играли черныя волости въ нашей исторіи. Слѣдя за постепеннымъ процессомъ ихъ уничтоженія, мы невольно приходимъ къ заключенію, что черными были у насъ тѣ сельскія общины, которыя въ Средніе Вѣка, по обилію земли, оставались внѣ сферы владѣльческой дѣятельности князей-вотчинниковъ, ихъ слугъ, монастырей и другихъ церковныхъ установленій, и которыя потомъ, вслѣдствіе отдаленности, мало подлежали вліянію государственной власти. Ихъ менѣе всего касалась общественная жизнь, которая при незначительномъ населеніи разыгрывалась сначала на небольшомъ пространствѣ; но чѣмъ болѣе развивался общественный организмъ, тѣмъ болѣе черныя села должны были входить въ общую сферу и слѣдовать общему порядку.

Окончательное ихъ вліяніе съ другими сельскими общинами принадлежитъ уже XVIII столѣтію. И здѣсь мы опять находимъ любопытныя указанія на слѣды древняго порядка вещей и на способъ образованія новаго общиннаго устройства. При Петрѣ Великомъ въ средней Россіи, находились уже одни владѣльческія села, которыя раздѣлялись на дворцовыя, церковныя, помѣщичьи. Свободные крестьяне остались только по окраинамъ государства, куда мало проникала дѣятельность

центральной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ ясашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне. Первые не вошли въ общую категорію, какъ происшедшіе изъ дворянъ, вторые, какъ инородцы, третьи же сохранились, какъ остатки древнихъ черныхъ волостей. Всѣ они вмѣстѣ, по извѣстному указу 1722 г. о введеніи подушной подати, образовали сословіе государственныхъ крестьянъ въ противоположность владѣльческимъ.

Казалось бы между тѣми и другими общинами должно было установиться различіе въ устройствѣ и въ поземельномъ владѣніи. Однѣ принадлежали частнымъ хозяевамъ, другія оставались свободными. А между тѣмъ онѣ постепенно пришли къ одному и тому же порядку вещей: и въ тѣхъ и въ другихъ равнымъ образомъ установилось общее владѣніе землею и соразмѣрное ея распредѣленіе между отдѣльными членами. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что въ сущности онѣ были основаны на одинхъ началахъ — на укрѣпленіи земледѣльческаго сословія къ землѣ и на платежѣ податей по душамъ. Отсюда проистекало троякое слѣдствіе: 1) Такъ какъ подать взималась съ лица, то естественно, что каждое лицо должно было получать извѣстный участокъ земли, съ котораго бы оно могло нести свои обязанности, и притомъ, такъ какъ податный окладъ былъ равный для всѣхъ, то и участки должны были быть равны. 2) Съ умноженіемъ народонаселенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство; слѣдовательно для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія — необходимъ былъ передѣлъ земель. Это сдѣлать было легко, ибо земля принадлежала казнѣ или частному лицу, а крестьяне были только временные владѣльцы, укрѣпленные къ ней для государственной пользы. 3) Съ этимъ вмѣстѣ должно было уничтожиться разселеніе крестьянъ по мелкимъ деревнямъ и

жительство ихъ на своихъ участкахъ. Послѣдніе стали переходить изъ рукъ въ руки, стали измѣняться, смотря по потребностямъ. Они приписывались уже къ цѣлому селу, которое распредѣляло ихъ между своими членами, чтобы дать каждому средства нести свое тягло. Такимъ образомъ отдѣльныя деревни, хутора, какіе были въ древней Россіи уничтожились, и жители каждой волости, собравшись въ одно центральное село, составили единую общину. Теперь уже мы не видимъ разбросанныхъ деревень; вездѣ лежатъ большія села, окруженныя широкими, пустынными полями.

Однако же этотъ порядокъ вещей, составлявшій неизбѣжное слѣдствіе новыхъ установленій, образовался не вдругъ. Любопытно прослѣдить постепенное его водвореніе въ общинахъ. Вѣроятно во владѣльческихъ селахъ онъ установился скорѣе, а въ свободныхъ медленнѣе; но къ сожалѣнію, для первыхъ мы имѣемъ менѣе всего данныхъ. Однако же въ изданныхъ памятникахъ есть нѣкоторыя черты, которыя указываютъ на постепенныя измѣненія, происшедшія въ земляхъ духовнаго вѣдомства. Изъ договоровъ, которые заключались между крестьянами и монастырскими властями въ XVII вѣкѣ, видно, что первые селились еще на отдѣльныхъ участкахъ, съ которыхъ каждый несъ тягло. Но здѣсь уже встрѣчаются выраженія, какихъ не было прежде, напримѣръ: «и живучи мнѣ Василью въ той деревнѣ на своемъ участкѣ, пашня пахати съ своими сусѣды вмѣстѣ и угодьями владѣти всякими по своему жребью, повытно»[1]). Угодья слѣдственно не приписывались уже къ отдѣльнымъ участкамъ, а находились въ общемъ владѣніи. Въ одномъ изъ сохранившихся наказовъ, данныхъ монастырскимъ прикащикамъ[2]), упомянуто еще о раздѣлѣ, сдачѣ и промѣнѣ пашни между крестьянами и о переходѣ ихъ изъ де

[1]) Акты Юрид. № 196. Смотри и другіе. — [2]) А. Ю. № 334, I.

ревни въ деревню. Но тутъ же накрѣпко запрещено крестьянамъ продавать свои пашни и дворы. Отдѣльное владеніе землею не могло однако же долго существовать въ частныхъ имѣніяхъ. Собственный интересъ землевладѣльца требовалъ, чтобы между крестьянами произведено было уравненіе, и ему легко было это сдѣлать при тѣхъ правахъ, которыя онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе укрѣпленія. Такъ дѣйствительно и вышло. Въ XVIII вѣкѣ, когда введена была подушная подать, установился обычай раздѣлять земли по числу душъ, написанныхъ въ ревизіяхъ. Но и въ этомъ способѣ дѣленія оказались неудобства, и во второй половинѣ XVIII вѣка правительство предписываетъ производить раздѣлъ по тягламъ. Объ этомъ есть любопытное наставленіе въ инструкціи, данной 4-мъ экономическимъ правленіемъ, установленнымъ въ 1770 году для управленія крестьянами духовнаго вѣдомства, которые въ это время были уже отобраны въ казну. Выписываемъ его вполнѣ [1]):

«Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне дѣлятъ землю не по числу имѣющихся во дворѣ работниковъ, но по числу написанныхъ въ ревизскихъ сказкахъ мужескаго пола душъ, отъ чего происходитъ, что вмѣсто должнаго уравненія крестьяне одинъ передъ другимъ несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податэй разорительное отягощеніе, потому что не рѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ пять мужескаго пола душъ, одинъ только находится работникъ, а четыре въ томъ числѣ малолѣтные, или престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества исправлять не могущіе, однако же долженъ тотъ одинъ работникъ какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него и есть, но не достаетъ у него силы оную обрабатывать, ниже другою крестьянскою работою исправляться, почему таковые и принуждены излишнюю землю и сѣнные покосы отдавать другимъ въ наемъ, но и то за дешевую цѣну, ибо сосѣди, зная его необходимость, надлежащей цѣны не даютъ. Сверхъ сего бываетъ и то, что по довольству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель, и въ наемъ

---

[1]) П. С. № 13,590. п. 6.

оныхъ брать некому, почему принужденъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставить впустѣ, а сами они отъ времени до времени приходятъ въ скудость и совершенное разореніе. Въ отвращеніе сего экономическимъ правленіемъ каждому въ своемъ вѣдомствѣ при каждомъ случающемся изслѣдованіи о запущенныхъ недоимкахъ надлежитъ наиприлежнѣйше освѣдомиться, не отъ сего ли описаннаго крестьянскаго *издревле вкоренившагося обычая*[1]) сами они къ своему разоренію терпятъ оскудѣніе, и буде подлинно при томъ откроется тотъ непорядокъ, то немедленно велѣть такое селеніе непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оное работниковъ отъ 15 до 60-ти лѣтняго возраста и исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тягла; а посему раздѣленіе земель и взысканіе податей дѣлить уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ сего наблюдать и того, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждомъ тяглѣ по 4, а по крайней мѣрѣ по 3 работника.»

Такъ старалось правительство водворить между крестьянами справедливость и уравненіе. Оно не довольствовалось изданіемъ общихъ узаконеній, не касающихся до внутренняго быта самыхъ общинъ; нѣтъ, оно проникало въ подробности гражданскихъ и поземельныхъ ихъ отношеній, и отправляясь отъ принятаго разъ начала, старалось провести его повсюду съ возможною послѣдовательностью и справедливостью. Гдѣ крестьяне плохо распредѣляли наложенныя на нихъ обязанности и сопряженное съ ними поземельное владѣніе, тамъ оно вводило лучшій распорядокъ, и тѣ учрежденія, которыя по видимому проистекаютъ изъ нравовъ и обычаевъ, въ сущности опредѣлены правительственными распоряженіями.

Разумѣется, крестьяне духовнаго вѣдомства, какъ владѣльческіе, не имѣли и собственнаго управленія. Ими завѣдывали прикащики и управители, отъ которыхъ они нерѣдко терпѣли большія притѣсненія. Въ докладѣ, поданномъ княземъ Куракинымъ Императрицѣ Екатеринѣ, по случаю учрежденія ка-

---

[1]) Очевидно, что обычай дѣлить земли по душамъ не могъ вкорениться ранѣе подушной подати.

зеннаго управленія въ селеніяхъ духовнаго вѣдомства, сказано: «Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что сколь управительское и прикащиково званіе по дерзкимъ до нынѣ поведеніямъ отъ подлыхъ въ ономъ употребленныхъ приведено со стороны крестьянъ въ ненависть, а съ другой столь въ уничиженіе, что съ трудомъ представляется ко оному именованіе и склонить будетъ не возможно заслужившихъ, каковые предпочтительно ко оному и потребны»[1]). Потому внутреннее разбирательство споровъ между крестьянами предоставлено было выборнымъ, а для сбора податей учреждены по городамъ казначеи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и депутатами отъ духовнаго вѣдомства. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ, сдѣланы были другія преобразованія.

Такимъ образомъ крестьяне церковные и монастырскіе, изъ которыхъ образовалось большинство нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, получили выборное управленіе только въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка. Дворцовые крестьяне имѣли также управителей, которые равнымъ образомъ были замѣнены выборными должностями при переходѣ дворцовыхъ селеній въ казенное вѣдомство. При Павлѣ Петровичѣ изъ бывшихъ дворцовыхъ селъ образованы удѣльныя имѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были для нихъ новыя учрежденія, сохранившіяся доселѣ почти безъ всякихъ перемѣнъ.

Болѣе подробностей имѣемъ мы о постепенныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ общинахъ однодворцевъ и черносошныхъ крестьянъ, и здѣсь эти явленія вдвойнѣ любопытны, ибо они представляютъ намъ остатки старины въ борьбѣ съ новымъ порядкомъ вещей, который установлялся государствомъ.

Однодворцы и разныхъ службъ служилые люди, какъ-то копейщики, рейтары, драгуны, пушкари и пр. были собственно дворяне, то есть члены служилаго сословія, получившие

[1]) Полное Собраніе Законовъ № 12,226.

помѣстья для исправленія службы. Нѣкоторымъ давались земли въ общей межѣ, другіе же получали ихъ каждый особо, почему и назывались однодворцами. При Петрѣ Великомъ въ это сословіе записались многіе дворяне, которые владѣли сотнею и болѣе дворовъ крестьянъ, но не желали нести службы. Земли у нихъ остались, но между тѣмъ какъ у прочихъ служилыхъ людей, образовавшихъ изъ себя дворянство, помѣстья слились съ вотчинами, здѣсь напротивъ помѣстья совершенно уравнялись съ казенными землями, и во второй половинѣ XVIII вѣка получили то же самое устройство, какъ и прочія сельскія общины.

Однодворцы со времени Петра Великаго назначены были для образованія и содержанія ландмилиціи, охранявшей Украйну; на это шла сбираемая съ нихъ подушная подать. Обязанности свои они несли съ земель, которыя находились въ ихъ владѣніи, вслѣдствіе чего, въ 1727 г., имъ запрещено было отчуждать свои участки; совершенныя же до того продажи утверждены закономъ[1]). Имъ самимъ не дозволялось оставлять свои жилища и опредѣляться въ другія службы. Тѣ, которые нарушали это постановленіе, равно какъ и бѣглые ловились и возвращались въ свои селенія. Однако, не смотря на эти запрещенія, продажа земель въ постороннія руки продолжалась, и межевая инструкція 1754 г. отчасти узаконила ихъ. Ею предписано было отмежевать однодворцамъ въ общей межѣ по 30 десятинъ на дворъ. Эти земли запрещено отчуждать. Проданныя же послѣ указа 1727 г. велѣно возвратить безденежно, но только въ томъ случаѣ, если земли при селеніи окажется недостаточно; иначе межевать ихъ за покупателями. Все это однако же относилось единственно къ тѣмъ землямъ, *на которыхъ однодворцы положены были въ подушный окладъ*. Изъ прочихъ же ихъ земель — нѣкоторыя были

---

[1]) П. С. З. № 5138.

казенныя, другія собственно имъ принадлежащія, купленныя ихъ предками или данныя за службу. Проданныя изъ казенныхъ земель велѣно межевать за пріобрѣтателями, а остальныя, остающіяся въ излишкѣ, обращать въ пустопорожнія государственныя земли. Участки же, собственно имъ принадлежащіе, велѣно межевать особо каждому владѣльцу, но права ихъ ограничены запрещеніемъ отчуждать ихъ иначе, какъ другимъ однодворцамъ [1]).

Эти постановленія чрезвычайно важны. Изъ нихъ видно: 1) Что запрещеніе отчуждать участки относилось только къ тѣмъ землямъ, на которыхъ крестьяне положены въ подушный окладъ. Слѣдовательно ограниченіе права распоряженія было ближайшимъ слѣдствіемъ подушной подати. 2) Что это запрещеніе не проводилось во всей строгости, а лишь на столько, на сколько этого требовала казенная надобность. 3) Что земли, принадлежавшія самимъ однодворцамъ, а не казнѣ, находились не въ общемъ владѣніи, а въ частномъ, и отчуждались порознь. Однако же и здѣсь казенный интересъ ограничивалъ нѣсколько право собственности.

Всѣ эти начала были еще болѣе развиты въ межевой инструкціи 1766 года. Прежнія положенія были подтверждены, но пріобрѣтателямъ однодворческихъ земель послѣ запретительнаго указа 1727 г. сдѣланы новыя льготы: купленныя земли велѣно было отмежевать за ними съ тѣмъ, чтобы они платили съ нихъ извѣстную подать на содержаніе ландмилиціи. Важны здѣсь постановленія о внутреннемъ распорядкѣ земель. По прежнему земли, на которыхъ однодворцы положены въ подушный окладъ, велѣно межевать не къ каждому лицу особо, а къ цѣлому селенію въ общую межу. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы они впредь этихъ земель не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавали и въ на-

---

1) П. С. З. № 10237 гл. 23.

емъ не отдавали иначе какъ погодно, а также не отдавали бы за иски и долги. Продавать другимъ однодворцамъ дозволено единственно земли покупныя и данныя предкамъ за службу, но и въ этомъ числѣ только тѣ, которыя оставались въ излишкѣ сверхъ общей пропорціи земли, отмежеванной на село. Такимъ образомъ и собственныя земли однодворцевъ были поставлены въ одинъ разрядъ съ казенными; здѣсь ограниченіе права собственности въ пользу казны еще значительнѣе, нежели въ первой межевой инструкціи. Далѣе, послѣ умершихъ, запрещено тѣ земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, дѣлить между наслѣдниками или отдавать въ приданое за дочерьми, выходящими за постороннихъ людей, или за однодворцевъ другихъ селеній; а велѣно оставлять участки при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ они отмежеваны. Если же послѣ умершаго останутся дочери, и мужья ихъ пожелаютъ поселиться на доставшихся имъ по наслѣдству земляхъ, то дозволять это, но съ тѣмъ, чтобы прежніе ихъ участки оставались въ пользу остальныхъ крестьянъ того селенія[1]).

Такимъ образомъ первоначальное государственное постановленіе отразилось и въ законахъ о наслѣдствѣ. Все это находилось въ связи одно съ другимъ, вытекало изъ одного начала, и постепенно установлялось правительственными распоряженіями. — Что касается до управленія однодворческихъ общинъ, то до второй половины XVIII-го вѣка однодворцы находились въ непосредственномъ вѣдомствѣ воеводскихъ канцелярій. Въ это время установлены были выборные отъ нихъ управители, которые подчинялись единственно губернаторамъ[2]). Не смотря на то, отъ однодворцевъ поступали многія жалобы на свое начальство. Между ними образовались партіи, и когда одна изъ нихъ превозмогала, то другая жаловалась на притѣсненія выбраннаго первою управителя. Въ 1759 г. Се-

[1]) П. С. З. № 12659 гл. 19. — [2]) П. С. З. № 10998.

натъ старался управителей къ нимъ опредѣлять «по большимъ голосамъ», какъ сказано въ указѣ 1761 г.[1]), «но и то хорошаго успѣха не имѣло, и по нынѣ многія отъ однодворцевъ жалобы происходятъ, и каждый годъ не по одному управителю перемѣняютъ». Въ этотъ и въ слѣдующіе года, вслѣдствіе безпрерывныхъ жалобъ, многіе управители отрѣшались; наконецъ въ 1763 г.[2]) должность эта совершенно уничтожена, и однодворцы по прежнему подчинены провинціальнымъ и губернскимъ канцеляріямъ. Только для мелкихъ споровъ велѣно имъ выбирать изъ себя старостъ и выборныхъ, да запрещено канцеляріямъ вступаться въ рекрутскій наборъ. Въ 1775 г. однодворцы и уравненные съ ними прежнихъ службъ служилые люди вошли въ общій составъ казенныхъ крестьянъ, и отданы въ вѣдомство казенныхъ палатъ.

Еще важнѣе для насъ черносошные крестьяне, у которыхъ долго сохранялся прежній бытъ, если не во всей чистотѣ, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ. Это были крестьяне поморскихъ городовъ, о которыхъ уже была рѣчь выше. Еще въ половинѣ XVII столѣтія право ихъ на отчужденіе земель ограничивалось вслѣдствіе того правила, что тяглыя земли должны принадлежать только тяглымъ людямъ. Крестьянамъ заонежскихъ погостовъ въ 1649 г. вовсе запрещено было продавать свои земли, и проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно[3]). Каргопольскимъ и Турчасовскимъ крестьянамъ въ 1663 г. позволено было выкупать назадъ проданные и заложенные участки[4]). Но съ другой стороны посадскіе люди города Великаго Устюга продолжали пользоваться правомъ владѣнія купленныхъ ими у крестьянъ земель, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы поселенные на нихъ половники несли всѣ волостныя тягости наравнѣ съ крестьянами[5]). Это право они сохраняли до

[1]) П. С. З. № 11285. — [2]) П. С. З. № 11517, 27, 758. — [3]) П. С. З. № 10. — [4]) П. С. З. № 112. — [5]) П. С. З. № 79.

половины XVIII столѣтія. Только въ 1751 г. велѣно было разсмотрѣть права ихъ на эти земли, и оставить имъ только тѣ, которыми они владѣли по жалованнымъ грамотамъ или по писцовымъ книгамъ; пріобрѣтенныя же частнымъ образомъ у черносошныхъ крестьянъ велѣно было отобрать въ казну [1]). Но въ 1753 году этотъ указъ былъ опять отмѣненъ, и снова разрѣшена была продажа земель крестьянами купцамъ и обратно, лишь бы эти земли не были отчуждаемы въ руки помѣщиковъ, монастырей и другихъ владѣльцевъ [2]).

Такимъ образомъ на сѣверѣ, до половины XVIII столѣтія, сохранилось отдѣльное владѣніе земельныхъ участковъ и сопряженное съ этимъ право на отчужденіе ихъ въ руки другихъ тяглыхъ людей. Этотъ остатокъ старины весьма любопытенъ тѣмъ, что онъ свидѣтельствуетъ о характерѣ древняго быта и о противоположности его съ новыми учрежденіями. Только межевыя инструкціи установили и въ черносошныхъ волостяхъ тотъ же порядокъ, который введенъ былъ въ остальной Россіи; и притомъ такъ, что смыслъ и значеніе новыхъ учрежденій ясны изъ самыхъ указовъ.

Въ инструкціи 1754 года велѣно было отобрать назадъ земли, отчужденныя по смерти своихъ владѣльцевъ въ руки людей, *не положенныхъ въ подушный окладъ*, и напротивъ утвердить продажи, сдѣланныя между посадскими людьми и крестьянами[3]). Ясно, что лица положенныя въ подушный окладъ соотвѣтствовали прежнимъ тяглымъ людямъ; къ нимъ прилагались и прежнія правила. Но въ межевой инструкціи 1766 г. послѣдовало уже запрещеніе продажи и всякаго рода отчужденія земель кому бы то ни было, хотя и утверждены были прежнія купли, сдѣланныя посадскими людьми. Земли черносошныхъ крестьянъ велѣно было межевать къ селеніямъ, и во всемъ руководствоваться правилами, установленными для однодворцевъ. Вве-

[1]) П. С. З. № 9874. — [2]) П. С. З. № 10082. — [3]) П. С. З. № 10237 гл. 29.

дено было то же уравненіе земель между отдѣльными крестьянами и тотъ же порядокъ наслѣдованія [1]). Послѣдніе слѣды прошедшаго исчезли, и черносошные крестьяне скоро слились съ общею массою сельскаго сословія. Въ 1760 г. имъ позволено было для защищенія отъ обидъ и для всякихъ ходатайствъ выбирать изъ себя лучшихъ крестьянъ. Хотя и прежде у нихъ были старосты, сотскіе и выборные, но эти начальники находились подъ сильнымъ вліяніемъ правительственныхъ властей. Для производства выборовъ забирали даже крестьянъ въ городъ; слѣдственно выборъ совершался по приказанію воеводы. Кромѣ того сотскихъ и старостъ таскали безпрестанно въ городъ по самымъ маловажнымъ дѣламъ, и это служило орудіемъ притѣсненія. Теперь же все это было запрещено, и общины получили болѣе самостоятельности [2]). Въ 1775 г. черносошные крестьяне вмѣстѣ съ другими поступили въ вѣдомство казенныхъ палатъ.

Итакъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія всѣ крестьяне, за исключеніемъ помѣщичьихъ, образовали одно тѣло и подчинились одному вѣдомству. Межевая инструкція 1766 г., постепенно исполнявшаяся до начала XIX столѣтія, установила ихъ поземельныя отношенія на основаніи государственныхъ требованій. Теперь надлежало устроить внутреннее управленіе общинъ. Это сдѣлано Высочайшими экономическими пунктами, которые извѣстны намъ по ссылкамъ, находящимся въ Учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи, изданномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 16603). Здѣсь постановлено, чтобы въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе тысячи дворовъ, былъ сельскій старшина; на каждые пятьсотъ дворовъ опредѣлены сельскій староста, двое выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ и сборщикъ податей. Въ меньшихъ селахъ было меньше властей. Старшинъ и старостъ положено избирать черезъ три года, выборныхъ и сборщиковъ ежегодно.

[1]) П. С. З. № 12659. гл. 20. — [2]) П. С. З. № 11120.

Избирать можно было чиновнаго человѣка или поселянина не моложе двадцати пяти лѣтъ, владѣющаго въ томъ селѣ дворомъ или землю, женатаго и имѣющаго дѣтей и не бывшаго въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ. Должность сельскаго старшины была исполнительная и распорядительная; должность старосты хозяйственная; должность выборныхъ состояла въ раскладкѣ податей и въ разбирательствѣ мелкихъ споровъ; должность сборщика, разумѣется, въ сборѣ податей. Кромѣ того, для полиціи, на каждые сто дворовъ учреждены были сотскіе, а на каждые десять дворовъ десятскіе, исправлявшіе должность свою по очереди. Общины получили между прочимъ слѣдующія права: 1) Если генералъ-губернаторъ, губернаторъ или директоръ экономіи (членъ Казенной Палаты, управлявшій казенными крестьянами) обществу сельскому учинитъ какое предложеніе, то общество, собравшись, слушаетъ оное и чинитъ отвѣтъ, сходственный узаконеніямъ и общему добру. 2) Общество можетъ представить губернатору и директору экономіи о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, лишь бы это не было противно общему благу и узаконеніямъ. 3) Оно можетъ имѣть свою казну, избу и писаря.

Эти установленія были въ послѣдствіи измѣняемы, но основныя черты ихъ остались доселѣ. Межевая инструкція 1766 г. окончательно опредѣлила распорядокъ поземельнаго владѣнія сельскихъ общинъ; Высочайшіе экономическіе пункты положили основаніе самостоятельности внутренняго ихъ управленія посредствомъ выборныхъ начальниковъ. Сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи. Прежде того онѣ большею частію были владѣльческія и управлялись чисто владѣльческимъ образомъ. Самыя земли ихъ не были примежеваны къ нимъ надлежащимъ порядкомъ, и поземельныя отношенія были разнообразны и неопредѣленны. Старыя учрежденія мѣшались

съ новыми, и общаго порядка не существовало. Екатерина, образовавшая дворянскія общества, развившая учрежденія городовъ, устроила и казенныя сельскія общины. Межевая инструкція 1766 года окончательно развила тѣ учрежденія, которыя вытекали изъ наложенныхъ на земледѣльцевъ сословныхъ обязанностей; устройство же внутренняго управленія было собственно созданіемъ великой монархини.

При Екатеринѣ укрѣплены были и крестьяне малороссійскіе, и здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе той мысли, что общее владѣніе землею и ея передѣлъ не коренится въ древнемъ обычаѣ русскаго народа. Въ Малороссіи, въ странѣ искони русской, прежде введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій, были только частные собственники — помѣщики и казаки, да крестьяне селившіеся на ихъ земляхъ по свободному договору. Крестьянинъ, пріобрѣтшій участокъ земли, черезъ это самое дѣлался казакомъ. Русское правительство укрѣпило крестьянъ и ограничило право казаковъ отчуждать свои земли, дозволивши имъ продавать ихъ только между собою. Но до сихъ поръ общаго владѣнія между ними нѣтъ; каждый владѣетъ своимъ участкомъ, на который другіе не имѣютъ никакого права, и который переходитъ въ наслѣдство дѣтямъ и родственникамъ. Распредѣленіе общей земли между отдѣльными членами общины существуетъ только у нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ, которыхъ бытъ, разумѣется, опредѣляется волею владѣльца, да между крестьянами казенными, у которыхъ это введено распоряженіями правительства. Казенныя селенія произошли большею частію изъ имѣній, отобранныхъ у монастырей и конфискованныхъ у частныхъ лицъ, и внутренній ихъ распорядокъ составляетъ въ Малороссіи такое же нововведеніе, какъ и въ самой Россіи.

Изъ этого историческаго обзора сельскихъ учрежденій мы можемъ вывести слѣдующее:

1) Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.

2) Что она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ первобытный свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіею западныхъ славянскихъ племенъ.

3) Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, и изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними; тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла земель, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое.

4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души.

Такимъ образомъ мнѣніе барона Гакстгаузена о патріархальномъ характерѣ нашей сельской общины не находитъ себѣ оправданія въ исторіи. Это — нареканіе, происходящее отъ недостаточнаго знакомства съ историческими данными. Наша община не остановилась на той ступени общественнаго развитія,

на какой стояла община германская во времена Тацита; она не похожа ни на общины нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ, ни на другія патріархальныя общины полудикихъ народовъ Азіи и Африки. Въ ней господствуютъ не естественныя отношенія, а гражданскія. Это не зародышъ общественнаго развитія, а плодъ его. Это результатъ прошедшей исторіи народа, образовавшаго изъ себя великое государство, и въ которомъ государственныя начала проникаютъ до самыхъ низшихъ слоевъ общественной жизни. Ничто не ускользнуло отъ вниманія нашихъ законодателей. Правительственными мѣрами и распоряженіями устроены и поземельныя отношенія общинъ и гражданскія, и хозяйственный ихъ бытъ, и внутреннее управленіе. Все это учрежденія относительно новыя, получившія окончательное свое образованіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими областными учрежденіями. Патріархальности здѣсь нѣтъ уже и слѣдовъ. Если въ нравахъ сохранились еще обычаи и выраженія, напоминающіе древній родовой бытъ, то это обломки старины, которые въ учрежденіяхъ потеряли уже всякое значеніе. Точно также сохранились и нѣкоторыя преданія временъ язычества, но это не мѣшаетъ намъ быть народомъ христіанскимъ. Учрежденія нашихъ общинъ суть произведенія новаго времени, и сравнивать ихъ съ патріархальными общинами другихъ народовъ, значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе.

ЕЩЕ О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНѢ.

(ОТВѢТЪ Г. БѢЛЯЕВУ.)

Въ первой книжкѣ «Русской Бесѣды» появилась критика г. Бѣляева на статью мою, помѣщенную въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи». Г. Бѣляевъ не соглашается съ моими выводами, не видитъ историческаго хода въ развитіи нашей сельской общины, а приходитъ къ заключенію, что тѣ начала, на которыхъ основаны общинныя учрежденія въ настоящее время, существовали задолго еще до прибытія Рюрика. Вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе не только въ наукѣ, но и въ жизни, и для того, чтобы привести его къ нѣсколько удовлетворительному рѣшенію, не будутъ излишни совокупныя силы всѣхъ занимающихся нынѣ русскою исторіею. Разумѣется, здѣсь дѣло не въ томъ, хорошо или дурно доказано извѣстное положеніе, а въ томъ: на сколько оно справедливо? Здѣсь идетъ разработка ученаго вопроса, при которой нельзя оставить безъ вниманія ни ошибочныхъ выводовъ и изслѣдованій, ни безосновательныхъ опроверженій. Поэтому, поднявши этотъ вопросъ въ литературѣ, я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на критику, тѣмъ болѣе, что ни доводы и возраженія г. Бѣляева, ни

выводы, сдѣланные изъ его статьи г. издателемъ «Русской Бесѣды,» не кажутся мнѣ нисколько убѣдительными.

Г. Бѣляевъ соглашается съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, нисколько впрочемъ не новымъ, что у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, существовала первоначально община родовая или патріархальная. Но онъ утверждаетъ, что эта община разрушилась задолго до прибытія Варяговъ, и приписываетъ это разрушеніе, этотъ переходъ въ общину договорную, разселенію славянскихъ племенъ между Финнами и Латышами, которые смѣшеніемъ съ ними нарушили однородность элементовъ, необходимую для поддержанія кровнаго союза.

Вопросъ слѣдовательно состоитъ только во времени, въ которое совершился этотъ переворотъ, и мы бы охотно готовы были согласиться съ г. Бѣляевымъ, если бы до насъ дошли хотя малѣйшія объ этомъ извѣстія до прибытія Варяговъ. Какія лѣтописныя свидѣтельства говорятъ намъ о разселеніи Славянъ между Финнами и Латышами и о славянизаціи послѣднихъ? Что это совершалось на памяти исторіи, подъ вліяніемъ крѣпкаго и могучаго русскаго государства, не доказываетъ еще, чтобы тоже самое дѣлалось при поселеніи полудикихъ племенъ славянскихъ, особенно когда мы рѣшительно не знаемъ, жили ли когда нибудь Финны на югѣ Россіи, какъ утверждаетъ г. Бѣляевъ. На сѣверѣ мы видимъ дѣйствительно соединеніе финскихъ племенъ съ славянскими для призванія князей, но это соединеніе условливалось предшествующимъ покореніемъ тѣхъ и другихъ чужеземными Варягами.

Общее подчиненіе пришельцамъ совокупило ихъ воедино. Впрочемъ, и самое участіе Финновъ въ призваніи князей представляется не совсѣмъ правдоподобнымъ; трудно повѣрить, чтобы племена, не показавшія въ продолженіи всей исторіи ни малѣйшаго признака гражданскаго развитія, совершили такое дѣло, въ которомъ выражается ясное сознаніе о необходи-

мости общественнаго порядка. Гораздо вѣроятнѣе, что южный лѣтописецъ, который, на основаніи преданій, писалъ два вѣка спустя о событіяхъ сѣверныхъ, не имѣлъ объ нихъ слишкомъ отчетливыхъ извѣстій, почему и смѣшивалъ племена, покоренныя Варягами, племена, ихъ призвавшія, и наконецъ тѣ, которыми въ послѣдствіи владѣлъ Рюрикъ. Дѣйствительно, свидѣтельства о призваніи варяжскихъ князей представляются намъ въ лѣтописи нѣсколько смутными. По Лаврентьевскому списку въ немъ участвуютъ Новгородскіе Славяне, Кривичи и Чудь; тоже находимъ и въ Софійскомъ Временникѣ, въ которомъ сверхъ того Меря участвуетъ въ изгнаніи. Но въ Никоновской лѣтописи о Чуди вовсе и не говорится, а вездѣ дѣйствуютъ Славяне, Кривичи и Меря. По пришествіи же братьевъ, по общему преданію, Синеусъ садится въ Бѣлѣозерѣ — городѣ, принадлежащемъ Веси, которая вовсе не участвовала въ призваніи князей.

Поэтому и здѣсь соединеніе финскихъ племенъ съ славянскими въ общемъ гражданскомъ дѣлѣ представляется намъ весьма сомнительнымъ, не смотря на то, что оно совершенно удовлетворительно объясняется предварительнымъ покореніемъ ихъ Варягами и совокупленіемъ силъ для изгнанія иноземныхъ побѣдителей. Но допустивши, что это соединеніе несомнѣнный фактъ, допустивши даже съ г. Бѣляевымъ предварительное смѣшеніе финскихъ и латышскихъ племенъ съ славянскими, о чемъ лѣтописи не говорятъ ни слова, все-таки изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эти чуждые элементы необходимымъ образомъ разрушили патріархальную связь, существовавшую между племенами славянскими. Покоренное племя долго можетъ жить рядомъ съ побѣдителями, какъ чуждый приростъ, не амальгамируясь съ ними, и не нарушая гражданскихъ ихъ отношеній. Вообще племенная связь разрушается либо высшею государственною, либо свободною человѣческою

личностью; у Финновъ же и Латышей никогда не было ни того, ни другаго. У Варяговъ мы напротивъ находимъ весьма сильно развитую личность; ибо дружина основана была на свободномъ договорѣ. Варяжскій путь въ Константинополь лежалъ чрезъ славянскія земли; Варяги покорили сѣверныя племена; естественно, что они-то и явились разрушителями стараго родоваго быта.

Такимъ образомъ, уже изъ одного разсужденія мы можемъ заключить, что славянская патріархальная община распалась не вслѣдствіе вліянія Финновъ и Латышей, а вслѣдствіе прибытія Варяговъ. Но мы имѣемъ на это и прямое указаніе лѣтописца, который обозначаетъ самую эпоху распаденія. Въ 862-мъ году, говоритъ онъ «изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами по себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Кажется, это ясно для всякаго, кто не хочетъ вносить въ исторію собственныхъ воззрѣній. Г. Бѣляевъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, согласенъ въ томъ, что первоначально у Славянъ была община патріархальная, которая въ послѣдствіи разрушилась. Когда же совершился этотъ переворотъ? и подъ какимъ вліяніемъ? На это указываютъ приведенныя выше слова лѣтописца. Не основательнѣе ли будетъ держаться историческихъ свидѣтельствъ, и на основаніи ихъ *дотянуть* патріархальную общину до половины IX-го вѣка, нежели предполагать смѣшеніе племенъ, о которомъ мы ничего не знаемъ, воображать себѣ перевороты, о которыхъ лѣтописи ничего не говорятъ, и создавать договорную общину, о которой мы не имѣемъ никакихъ извѣстій?

Внутреннія усобицы, возникшія вслѣдствіе разрушенія родоваго быта, повели къ призванію варяжскихъ князей. Я назвалъ прибытіе Варяговъ нашествіемъ, и г. Бѣляевъ, возставая на это выраженіе, говоритъ, что это отступленіе отъ историче-

ской истины повело меня къ новымъ противорѣчіямъ всѣмъ даннымъ, представляемымъ русскою исторіею. Но дѣло здѣсь не въ словѣ; назовите это событіе *нашествіемъ* или *пришествіемъ* — это совершенно все равно. Вопросъ состоитъ въ томъ, съ какимъ значеніемъ прибыли князья между славянскими племенами; мирно ли они водворились или явились завоевателями?

Г. Бѣляевъ не могъ думать, что я призваніе Варяговъ въ Новгородъ называю завоеваніемъ, ибо онъ на той же страницѣ приводитъ мѣсто изъ моей статьи, гдѣ я именно говорю, что на сѣверѣ князь пришелъ съ дружиною, какъ посредникъ. Но что же послѣдовало за этимъ приглашеніемъ? Послушаемъ, что скажетъ лѣтописецъ: «И пришедъ, говоритъ онъ, старѣйши Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборъсцѣ: и начаша воевати всюду»[1]). Сами Новгородцы почувствовали скоро, что призванный посредникъ становится властителемъ: «оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его.» И далѣе: «Избежаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много Новгородцкихъ мужей»[2]). Какъ завоеватель, Рюрикъ значительно распространилъ свои владѣнія; Олегъ же покинулъ Новгородъ и отправился на югъ, покоряя на пути всѣ славянскія племена. Преемники его продолжали завоеванія. Нѣсколько разъ покоренные возставали, но каждый разъ они снова силою оружія были приведены къ повиновенію. Такъ *примучены* были взбунтовавшіеся Древляне, Радимичи, Вятичи. Мало того: Владиміръ, боясь

---

[1]) Софійск. времен. изд. Строева, стр. 12. — [2]) Никоновская лѣтопись стр. 16, 17.

замысловъ Ярополка, бѣжитъ за море, приводитъ съ собою Варяговъ, и снова покоряетъ всю Русскую землю.

Кажется, что завоеваніе не подлежитъ сомнѣнію. Каковы же были его послѣдствія?

Г. Бѣляевъ чрезвычайно убѣдительными доводами опровергаетъ мнѣніе, будто бы наши князья, какъ западные короли, тотчасъ сдѣлались осѣдлыми и подѣлили всю землю съ своими дружинниками. Весьма сожалѣю, что подалъ поводъ къ подобному недоразумѣнію. Имѣвши въ виду изложить постепенныя измѣненія во внутреннихъ учрежденіяхъ сельскихъ общинъ, преимущественно съ того времени, какъ у насъ сохранились объ этомъ извѣстія, я считалъ совершенно лишнимъ слѣдить за постепеннымъ ходомъ русской исторіи, а хотѣлъ только въ общихъ чертахъ характеризовать ту почву, на которой возникли сельскія общины, и обозначить тѣ существенныя явленія, которыя могли служить къ объясненію ихъ устройства. Поэтому, раньше ли, позднѣе ли совершилось то или другое событіе — это было для меня вопросомъ второстепеннымъ. Я никогда и не думалъ, что князья и дружинники сдѣлались осѣдлыми *тотчасъ*. Но въ послѣдствіи мы видимъ, что князья считаютъ подвластную имъ область своею вотчиною, дѣлятъ ее между сыновьями, распоряжаются ею, какъ собственностью; мы видимъ далѣе, что черныя и дворцовыя земли считаются непосредственнымъ достояніемъ князя, и что частными собственниками являются, кромѣ князя, только его слуги, да церковныя лица и учрежденія, которыя большею частью получали земли отъ нихъ же. Откуда же произошло такое явленіе? Гдѣ его корень и начала? Вотъ вопросъ, который казался мнѣ чрезвычайно важнымъ, и я не усумнился отнести источникъ этихъ вотчинныхъ правъ къ первому завоеванію Варяговъ.

Первоначально князья, какъ чистые дружинники, искавшіе

только добычи и завоеваній, довольствовались, разумѣется, наложеніемъ дани на покоренныя племена. Но эта дань именно означала принадлежность покоренныхъ земель побѣдителямъ, и этому можно найдти подтвержденіе въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. Г. Бѣляевъ говоритъ, что при извѣстіяхъ о покореніи племенъ, вошедшихъ въ составъ древняго русскаго государства, «нѣтъ и помину о томъ, чтобы русскіе князья, покоряя то или другое племя, забирали себѣ землю, принадлежавшую покоренному племени, а вездѣ упоминается только о наложеніи дани». Смѣемъ думать, что г. Бѣляевъ въ этомъ случаѣ ошибается: такое извѣстіе въ лѣтописяхъ есть, и если бы ученый изслѣдователь принялъ его въ соображеніе, онъ можетъ-быть пришелъ бы къ другому заключенію. Вотъ оно: «Въ лѣто 6491. Иде Володимиръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ [1]).» Неужели же Владиміръ забралъ себѣ всю землю отдаленныхъ и дикихъ Ятвяговъ, и усѣлся тамъ какъ хозяинъ, между тѣмъ какъ, относительно ближайшихъ племенъ, онъ довольствовался полученіемъ дани? Этого не станетъ утверждать и г. Бѣляевъ. Мы знаемъ, что Ятвяги далеко не были приведены Владиміромъ въ полное порабощеніе, и что Ярославъ еще ходилъ на нихъ, да и то, повидимому, безъ успѣха. Хотя лѣтописецъ объ этомъ и умалчиваетъ, но безъ сомнѣнія побѣда надъ Ятвягами имѣла послѣдствіемъ одно наложеніе дани, и выраженіе: «взя землю ихъ», вовсе не означало полную экспропріацію владѣльцевъ, а просто то, что князь считалъ покоренную землю своею принадлежностью или собственностью. Это мы знаемъ и относительно другихъ областей. Уже при самомъ первомъ пришествіи русскихъ князей лѣтописецъ говоритъ: «отъ тѣхъ прозвася Руская земля... прежде бо бѣша Словѣни [2]).» Но Русская земля можетъ значить

---

[1]) Полное Собр. Лѣтопис., т. I, стр. 35.

[2]) Полное Собр. Лѣтопис., т. I, стр. 9.

либо земля населенная Русью, либо земля, принадлежащая Руси. Разумѣется, здѣсь не можетъ быть рѣчи о населеніи земли пришлою дружиной, которая составляла только верхній слой народонаселенія и не имѣла даже осѣдлости; слѣдственно мы должны принять, что русскою землею называлалась земля принадлежавшая русскимъ князьямъ. Эта принадлежность земли князю постоянно является въ памятникахъ. Когда Святославъ пошелъ воевать Болгарію, а между тѣмъ Печенѣги едва не взяли Кіева, жители послѣдняго послали сказать князю: «Ты княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ (отрекся), малы бо насъ не взяша Печенѣзи.... аще ти не жаль отчины своея, ни матере стары суще, и дѣтій своихъ». Но Святославъ, плѣнившись завоеванною Болгаріею, сказалъ: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти; хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся [1])». Ярославъ, умирая, говоритъ сыновьямъ, что если они будутъ жить въ распряхъ, то погибнутъ сами, и погубятъ землю отцовъ своихъ и дѣдовъ, которую они стяжали (налѣзоша) трудомъ своимъ великимъ. «И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня [2])». Въ вышеприведенныхъ словахъ Кіевлянъ Русская земля названа *отчиною* князя, — выраженіе, которое въ древней Россіи означало собственность. Точно также и князья, съѣхавшіеся въ 1096 г. на Любечскій съѣздъ, говорятъ «Половци землю нашю несуть розно, и ради суть оже межю нами рати, да нонѣ отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держитъ отчину свою [3]).» Другое слово, употреблявшееся въ томъ же смыслѣ, было *волость*. Такъ называлась и самая

[1]) Полное Собр. Лѣтопис., т. I, стр. 28.
[2]) Полное Собр. Лѣтоп., т. I, стр. 69, 70.
[3]) Тамъ же, стр. 109.

земля и власть надъ нею. Волостью назывался наименьшій земельный округъ, составлявшій отдѣльную общину; волостью называлось и отдѣльное имѣніе; волостью же назывался и княжескій удѣлъ. Такъ Свѣнельдъ говоритъ Ярополку: «поиди на братъ свой и прими волость его».

Итакъ послѣдствіемъ завоеванія была принадлежность земли князю. Все различіе между первымъ временемъ и послѣдующимъ состояло въ томъ, что пока сохранялось понятіе о единствѣ княжескаго рода, земля считалась принадлежностью цѣлаго рода, въ послѣдствіи же линіи распались, и каждый князь сталъ считать себя полнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ своего участка. При этомъ не было никакой нужды, чтобы князь прогналъ съ земли всѣхъ ея владѣльцевъ, и взялъ ее себѣ въ хозяйственное распоряженіе. Онъ считалъ ее своею собственностью, но, довольствуясь податями и повинностями, оставлялъ ее во владѣніи земскихъ людей, точно также, какъ и западные короли, будучи верховными собственниками земли, не принимали ея однако въ непосредственное свое распоряженіе, точно также наконецъ, какъ и Татары, которые въ силу завоеванія считали себя собственниками всей земли, но тѣмъ не менѣе довольствовались наложеніемъ дани[1]). Если же князьямъ нужны были села для хозяйственныхъ ихъ потребностей, то безъ сомнѣнія они отдѣляли ихъ себѣ, не спрашиваясь никого, ибо вся земля принадлежала имъ. Хотя г. Бѣляевъ и утверждаетъ, что земцы, для того, чтобы привязать князей и дать имъ осѣдлость, уступали имъ опредѣленные участки, но о подобныхъ уступкахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ извѣстій. Примѣръ уступки, сдѣланной Новгородомъ въ XV вѣкѣ, ничего не доказываетъ, ибо Новгородъ самъ былъ государь, владѣлецъ обширныхъ земель, издавна

---

[1]) См. Неволинъ, Исторія гражданскихъ законовъ, т. II, стр. 136.

вступавшій въ договоры съ князьми и юридически опредѣлявшій свои отношенія къ нимъ. Что при этой уступкѣ великій князь требуетъ себѣ отдѣльныхъ земель по обычаю Низовской земли, опять-таки ничего не доказываетъ, ибо въ послѣдней, какъ увидимъ ниже, рядомъ съ землею княжескою существовали земли слугъ и церковныхъ установленій. Вообще же приводить отношенія Великаго Новгорода къ московскимъ государямъ въ подкрѣпленіе предположеній, сдѣланныхъ объ отношеніяхъ хоть бы напримѣръ Радимичей къ Олегу, значитъ смѣшивать всѣ историческія эпохи для доказательства любимой мысли. И возможно ли предположить, чтобы сельскіе жители, смерды, которые такъ низко стояли на общественной лѣстницѣ, что вира за ихъ убійство равнялась платѣ за убійство раба, которыхъ наслѣдство, за недостаткомъ сыновей, обращалось въ пользу князя, — возможно ли предположить, чтобы они вступали въ юридическія сдѣлки съ Варягами завоевателями, уступая имъ, какъ бы изъ милости, часть земли, для того чтобы привязать ихъ къ себѣ? Повторяю: это положеніе совершенно произвольно, ибо не основано ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

Но, скажетъ критикъ, земля принадлежала князю не какъ собственнику, а какъ государю. Г. Бѣляевъ убѣжденъ, что государство возникло у насъ съ самаго призванія Варяговъ, и упрекаетъ меня въ противорѣчіи, утверждая, что образованіе государства въ XV вѣкѣ могутъ признавать только послѣдователи родоваго быта. Объяснимся.

Прежде всего надобно установить самое понятіе о государствѣ, ибо иначе мы будемъ спорить о словахъ. Что же такое государство? Это — устройство общества, какъ единаго тѣла; это общество, поселенное на своей территоріи, управляющееся постоянными законами и имѣющее единую верховную власть. Поэтому нераздѣльность общества, территоріи и верховной

власти, однимъ словомъ единодержавіе составляетъ первое и главное условіе государственнаго быта. Иначе общество разсматривается уже не какъ единое цѣлое, не какъ индивидумъ, а какъ случайное соединеніе разныхъ земель и областей. Разумѣется, и государство можетъ распасться вслѣдствіе историческихъ событій; оно можетъ быть раздѣлено, у него могутъ быть отторгнуты части. Но это случайности, которымъ подвержено все существующее на землѣ; и у человѣка можетъ быть оторвана рука или нога, хотя единство человѣческаго тѣла составляетъ необходимое условіе его индивидуальности. Другое дѣло, если это раздѣленіе совершается на основаніи внутренняго постояннаго закона. Тогда мы въ правѣ сказать, что это общественное тѣло не имѣетъ единства въ самомъ себѣ, а получаетъ его только внѣшнимъ, случайнымъ образомъ. Но такой-то именно внутренній законъ распаденія существовалъ на Руси до XV вѣка. Князья раздѣляютъ земли между своими сыновьями, какъ свое помѣстье, какъ собственность, а отнюдь не какъ государство. Мы видимъ здѣсь наслѣдованіе по праву частному, а вовсе не по общественному. Иногда, разумѣется, случалось и то, что за недостаткомъ братьевъ одинъ князь соединялъ всю землю въ своихъ рукахъ. Такъ владѣли ею Рюрикъ по смерти братьевъ, Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ (послѣднему впрочемъ не принадлежало Полоцкое княжество). Но это было дѣло случайное, происходившее отъ случайности рожденія; такъ и частное помѣстье можетъ перейдти нераздѣльно къ одному наслѣднику, если послѣднему не съ кѣмъ его дѣлить. Какъ же скоро у князя было нѣсколько сыновей, такъ тотчасъ происходилъ дѣлежъ земли. Князья владѣли каждый своимъ участкомъ, мѣнялись ими, ссорились за нихъ, отнимали ихъ другъ у друга; однимъ словомъ, поступали, какъ частные владѣльцы, а отнюдь не какъ государи, управляющіе единою

землею. Пока еще крѣпко было сознаніе о единствѣ княжескаго рода, сохранялось и понятіе о единствѣ владѣнія, о томъ, что младшіе братья должны слушаться старшаго. Но по мѣрѣ того, какъ затемнялась мысль объ общемъ родствѣ, уничтожалось и понятіе о единствѣ владѣнія, о повиновеніи одного князя другому. На сѣверѣ князья уже не переходятъ изъ одной волости въ другую; каждый владѣетъ своею и дѣлитъ ее между сыновьями. Князья московскіе, рязанскіе, тверскіе договариваются между собою, какъ совершенно самостоятельные владѣльцы. Каждый князь стремится увеличить свой удѣлъ на счетъ другихъ, и это онъ дѣлаетъ не съ государственною цѣлью, а въ виду увеличенія собственности, умноженія доходовъ; ибо пріобрѣтенную землю онъ опять дѣлитъ между сыновьями по частному праву. Только въ XV вѣкѣ, когда одинъ родъ усиливается на счетъ другихъ и установляется единодержавіе въ московской землѣ, мы можемъ говорить о государствѣ. До того времени это общество, гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать, ибо въ немъ нѣтъ понятія объ обществѣ, какъ объ единомъ тѣлѣ, управляемомъ единою верховною властью; въ немъ господствуетъ не общественное право, а частное.

Разумѣется, и въ гражданскомъ обществѣ существуютъ учрежденія общественныя, какъ то власть, судъ и законы, обычаемъ установленные или письменные. Безъ нихъ не можетъ держаться ни одно общество, ни одно даже товарищество. Въ разбойничьей шайкѣ вы найдете власть, судъ и законы, а между тѣмъ никто не назоветъ ее государствомъ. Вопросъ состоитъ здѣсь въ томъ: на какомъ правѣ зиждутся всѣ эти общественныя установленія? На общественномъ, или частномъ, на понятіи объ обществѣ и народѣ, какъ единомъ тѣлѣ, въ которомъ правительство, какъ представитель этого единства, имѣетъ власть надъ отдѣльными членами, или на

правѣ собственности, на договорѣ, на семейныхъ связяхъ, и вообще на отношеніяхъ частнаго права? Въ удѣльный періодъ мы видимъ послѣднее, а потому и должны признать юридическую форму тогдашней Россіи за гражданское общество, а не за государство. Князья, это правда, совѣщались съ дружинниками объ установленіи гражданскихъ законовъ; но и помѣщикъ можетъ совѣщаться съ своими управляющими и приказщиками объ установленіи правилъ для управленія имѣній. Существовало различіе между свободнымъ человѣкомъ, закупомъ и рабомъ, но всѣ эти отношенія чисто гражданскія, а не государственныя: рабъ составляетъ собственность другаго человѣка, состояніе же закупа основано на свободномъ, частномъ договорѣ между двумя отдѣльными лицами. Существовали наконецъ и сословныя раздѣленія; но всѣ они основывались на правѣ частномъ, ибо не вытекали изъ понятія о различномъ служеніи государству, какъ единому цѣлому. Вообще, различіе средневѣковыхъ сословій состояло въ различіи между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, между сильнымъ и слабымъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что сильный, пріобрѣтши разъ извѣстное значеніе въ обществѣ, передавалъ его своимъ дѣтямъ, какъ частную свою принадлежность.

Послѣ этого понятно, какую роль играли въ нашей исторіи родовыя отношенія князей. Я никогда не думалъ отрицать ихъ, ибо это значило бы отрицать исторію, отрицать факты. Но родовыя отношенія могутъ имѣть двоякое значеніе: общественное и частное. Когда весь народъ проникнутъ сознаніемъ о своемъ кровномъ единствѣ, тогда родъ становится необходимымъ членомъ и основою всего общественнаго организма; тогда въ обществѣ господствуетъ бытъ родовой или патріархальный. Такъ бываетъ у всѣхъ племенъ первобытныхъ; тоже было и въ древнихъ государствахъ, пока эта кровная связь не ослабѣла подъ вліяніемъ чужеродныхъ элементовъ и отдѣльной личности. То-

же было и у насъ до пришествія Варяговъ. Но когда этотъ бытъ разрушается, когда въ общество вторгается свободная человѣческая личность, тогда родъ становится уже не началомъ, опредѣляющимъ всю общественную жизнь, а частною сферою, въ которой вращаются отдѣльныя лица, какъ и нынѣ въ гражданскомъ правѣ существуютъ отношенія семейныя и родственныя. Но теперь эти отношенія ограничиваются частною жизнью, тогда же, то-есть въ средніе вѣка, частное право составляло начало, опредѣлявшее весь общественный бытъ. Поэтому и родовыя отношенія продолжаютъ играть значительную роль въ исторіи, какъ мы это видимъ въ отношеніяхъ княжескихъ и въ мѣстничествѣ. Но существенное значеніе ихъ заключается въ томъ, что они составляютъ одну изъ сторонъ частнаго права, лежащаго въ основаніи всѣхъ учрежденій. Они играютъ въ обществѣ ту же роль, какъ и права отдѣльной личности, какъ право собственности, какъ свободный договоръ. Все это вмѣстѣ составляетъ основу, на которой зиждется гражданское общество.

Здѣсь мы замѣчаемъ однако же одно весьма важное различіе: верховныя права въ гражданскомъ союзѣ могутъ принадлежать либо отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ, съ правомъ собственности на землю, либо союзу лицъ, опредѣляющихъ общественное свое право на основаніи договора. Первая форма частнаго права образуетъ княжескую вотчину, вторая — вольную общину. Въ первый періодъ русской исторіи, въ южной Россіи, обѣ формы смѣшивались и существовали рядомъ, такъ что при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли развиться либо тѣ, либо другія учрежденія. Земля, вслѣдствіе завоеванія, принадлежала князьямъ, какъ собственность; они распоряжались ею на основаніи родственныхъ своихъ счетовъ и отношеній; но иногда общины вступались въ это дѣло и приглашали къ себѣ князей мимо родоваго распорядка. Это вовсе

не было ихъ правомъ, ибо въ такомъ случаѣ князья никогда бы не сажались на столъ безъ ихъ согласія, какъ въ послѣдствіи они сажались въ Новгородъ неиначе, какъ по договору съ Новгородцами. Нѣтъ, это было временное, фактическое нарушеніе права; но нарушеніе, которое не считалось беззаконіемъ, ибо, вслѣдствіе вліянія дружиннаго начала, свободный договоръ признавался въ обществѣ точно такъ же, какъ и право собственности, а безпрерывное кочеваніе князей давало общинамъ возможность возвышать иногда и свой голосъ. Такимъ образомъ, обѣ формы частнаго права — собственность и свободный договоръ — существовали рядомъ, не исключая другъ друга, но приходя въ постоянныя столкновенія, ибо въ сущности онѣ другъ другу противорѣчили. Южная Россія не съумѣла разрѣшить этого внутренняго противорѣчія жизни, вслѣдствіе чего она осуждена была на безсиліе. Оно разрѣшилось на сѣверѣ, гдѣ оба начала раздѣлились и стали основой каждое для отдѣльной формы гражданскаго быта. Въ Новгородѣ и Псковѣ развилась вольная община; въ остальныхъ же областяхъ образовалось чисто вотчинное управленіе. Но вольная община исчезла у насъ, не оставивъ по себѣ слѣда; русское государство такъ же, какъ и всѣ другія европейскія державы, образовалось изъ вотчиннаго элемента, ибо вотчинное право имѣло въ себѣ гораздо болѣе крѣпости нежели свободный договоръ.

Изъ всего этого мы можемъ, кажется, вывести то, что земля принадлежала князю, какъ собственнику, а не какъ государю, ибо государственныхъ понятій до XV вѣка вовсе не было. Но общинныя земли составляли его собственность, еще въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Это будетъ яснѣе изъ разсмотрѣнія отношеній князя къ другимъ землевладѣльцамъ.

Здѣсь мы должны пользоваться источниками XIV и XV столѣтій, ибо хотя прежніе памятники и упоминаютъ о боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, но такъ легко и неопредѣ-

ленно, что точныхъ выводовъ изъ этихъ извѣстій нельзя сдѣлать. Такая ссылка на позднѣйшіе источники не ослабитъ однако же достовѣрности выводовъ, ибо въ этотъ промежутокъ времени отношенія князей къ ихъ слугамъ не измѣнились, такъ что мы можемъ принять установленія XIV и XV столѣтій за окончательное развитіе предыдущей эпохи. Только со второй половины XV вѣка постепенное образованіе государства полагаетъ основаніе новымъ поземельнымъ отношеніямъ, о которыхъ мы скажемъ послѣ.

Первый вопросъ, который представляется намъ при этомъ разысканіи, состоитъ въ слѣдующемъ: какимъ образомъ, если вся земля составляла вотчину князя, могли быть рядомъ съ нимъ частные собственники? Не означаетъ ли это права собственности двухъ различныхъ лицъ на одну и ту же землю.

Это дѣйствительно противорѣчіе, но въ исторіи нерѣдко встрѣчаются подобныя противорѣчія; они составляютъ послѣдствіе предыдущей жизни и разрѣшаются дальнѣйшимъ ея ходомъ. Въ этомъ то и состоитъ главная пружина движенія впередъ. Здѣсь противорѣчіе вытекало изъ перехода дружинныхъ отношеній въ поземельныя. Дружина состояла изъ вольныхъ лицъ, связанныхъ съ княземъ посредствомъ свободнаго договора, который всегда могъ быть уничтоженъ въ случаѣ неудовольствія. Предводительствуя дружиною, князь завоевалъ землю, и, какъ завоеватель, считалъ ее своею собственностью. Но и дружинники, какъ товарищи въ завоеваніи, получили также право на пріобрѣтеніе земель. Раньше ли, позднѣе ли они этимъ воспользовались — это все равно. Главное то. что черезъ это должны были измѣниться отношенія ихъ къ князю. Какъ человѣкъ, лично свободный, не зависящій ни отъ кого въ мірѣ, дружинникъ долженъ былъ имѣть и собственность свободную. Но между тѣмъ какъ личное подчиненіе его князю могло быть всегда разорвано съ уничтоженіемъ договора, подчиненіе позе-

мельное не могло уничтожиться такъ легко, ибо землю нельзя унести съ собою. Членъ дружины могъ отъѣхать, но на землю его князь всегда сохранялъ свои права, ибо она находилась въ его вотчинѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе завоеванія, на одну и ту же землю образовалось двоякое право собственности: право князя, который, какъ глава дружины, считалъ своею собственностью всю завоеванную землю, и право члена дружины, который считалъ своею собственностью извѣстный участокъ.

Это было и на Западѣ, гдѣ дружинники при поселеніи получили отдѣльные участки въ полную собственность, въ качествѣ алодовъ, что совершенно соотвѣтствуетъ нашимъ вотчинамъ, а король между тѣмъ считалъ всю землю своею собственностью. Тамъ это противорѣчіе разрѣшилось тѣмъ, что алодіальное право перешло въ феодальное, право собственности во владѣніе, право вотчинное въ помѣстное. Алодіальные владѣльцы отдали свою землю королю, и получили ее обратно уже не какъ собственность, а какъ потомственное владѣніе, подъ условіемъ извѣстныхъ служебныхъ обязанностей. За то съ другой стороны и королевскія земли, которыя прежде раздавались за службу во временное или пожизненное владѣніе дружинникамъ, теперь перешли во владѣніе потомственное. Такъ устроился феодальный міръ, въ которомъ король считался верховнымъ собственникомъ земли, а непосредственные его вассалы, получивши ее отъ леннаго господина въ потомственное владѣніе, подъ условіемъ службы, въ свою очередь передавали ее своимъ вассаламъ, образуя такимъ образомъ іерархическую лѣствицу, которой связью служило поземельное владѣніе.

У насъ такого исхода не могло быть, потому что бояре и слуги, чуждаясь осѣдлости, переѣзжали отъ одного князя къ другому и не хотѣли вступать въ прочныя, потомственныя

обязательства. Поэтому съ одной стороны вотчинное ихъ право сохранялось неприкосновеннымъ даже въ случаѣ отъѣзда; съ другой стороны помѣстныя земли раздавались князьями во временное, а не въ наслѣдственное владѣніе. Къ тому же въ древней Руси вообще мало было развито юридическое сознаніе, и жизненное противорѣчіе существовало, неразрѣшенное, такъ же какъ существовали рядомъ многія другія явленія, которыя по видимому другъ друга исключали, какъ напримѣръ наслѣдственное право князей на волости и призваніе князей общинами на югѣ, права князя и права вѣча въ Новгородѣ — это двоевластіе, которое такъ хорошо характеризовано въ сочиненіи г. Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Тоже повторялось и въ поземельномъ владѣніи: на одной и той же землѣ лежали два права собственности; это была собственность въ собственности. «А что его отчина въ моей отчинѣ», какъ говорилось въ нѣкоторыхъ грамотахъ [1]). И это выраженіе не означало только владѣніе чрезполосное, ибо, какъ видно изъ той же грамоты, вотчинныя права князя распространялись на вотчину боярина, какъ и на другія земли. Изъ этого противорѣчія проистекала и та шаткость поземельныхъ отношеній, какую мы видимъ въ древнихъ грамотахъ. Князья видимо не знали, считать ли частныя земли своею вотчиною или нѣтъ: такимъ образомъ иногда они говорятъ о своей вотчинѣ со включеніемъ земель, принадлежащихъ боярамъ и слугамъ, иногда же они ясно отличаютъ свою вотчину отъ послѣднихъ, какъ отъ чужаго владѣнія. Приведемъ примѣры.

Въ духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ князья обыкновенно дѣлили свои владѣнія между сыновьями, не упоминая о земляхъ частныхъ людей, которыя въ нихъ находились, напримѣръ: «А

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 379.

приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ... А се даю сыну своему князю Юрью: Звенигородъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами и т. д.»[1]). Между тѣмъ мы знаемъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ и волостяхъ, были земли боярскія, на которыя князья имѣли извѣстныя права[2]); слѣдственно онѣ включались въ общее названіе вотчины. Точно также и въ договорахъ своихъ князья говорятъ обыкновенно объ отчинѣ своей вообще, не отличая отъ нея частныхъ земель; напр.: «отчины ти моей княженья Рязанского, Переяславля и Проньска и всѣхъ волостей Переяславскихъ и Проньскихъ, что потягло къ Переяславлю и къ Проньску по реку по Оку, того ти подо мною блюсти и твоимъ дѣтемъ, а не обидети, ни вступатися вамъ никоторою хитростью»[3]). Когда князья постановляли въ договорахъ условіе: «а селъ ти въ моей вотчинѣ не купити», подъ этимъ разумѣлись и боярскія села, ибо мы знаемъ изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, что вслѣдствіе этого условія князья не могли пріобрѣтать боярскихъ селъ въ чужомъ удѣлѣ иначе, какъ съ согласія князя, имъ владѣвшаго[4]). Точно также, когда говорилось о взиманіи дани, отчина бралась во всей совокупности, напр.: «а дань и ямъ давати ти мнѣ съ своее отчины изъ Галича съ волостьми по давному»[5]). Но мы знаемъ, что дань взималась и съ частныхъ земель, даже съ тѣхъ, которыя принадлежали боярамъ, служащимъ другому князю. «А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ на своихъ»[6]). Вообще судъ и дань были знакомъ прина-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 34.
[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 138, 139, 144.
[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 48.
[4]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 97.
[5]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 43, также 34, 38, 49, 51.
[6]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, №№ 76, 119, также 29.

длежности извѣстной земли князю; это было лежащее на ней вотчинное его право, почему и употреблялись выраженія: «А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ», или: «А судъ господине, и дань моя по землѣ и по водѣ»[1]). Вслѣдствіе этого, всѣ частныя земли, которыя подлежали этимъ правамъ, считались принадлежностью княжеской вотчины. Есть грамоты, въ которыхъ прямо даже выражается эта принадлежность. Такъ въ духовной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича мы читаемъ: «А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и детемъ боярскимъ свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому далъ; ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть»[2]).

Съ другой стороны также многочисленны примѣры того, что частныя земли прямо отличаются отъ княжеской вотчины. Въ той же самой грамотѣ, изъ которой мы выписали выше слова о взиманіи дани безъ отличія княжеской вотчины отъ частныхъ земель[3]), сказано: «А что мои намѣстници и волостели и посельскіи и ихъ тивуни вѣдали твою отчину и села боярскии въ твоей отчинѣ...». Въ другихъ это выражено еще яснѣе, напр.: «да къ тому ми еси, господине, придалъ Плѣснь, опрочь Плѣсеньскаго села и деревень того села, что еси пожаловалъ Семена Ондрѣевича Плота, а судъ, господине, мой того села и деревень и дань по землѣ и по водѣ[4])». Или: «отступилъ ти ся есмь своеѣ отчины Бѣжецского верха съ волостми и съ путми и съ селы и со всѣми пошлинами въ удѣлъ и въ вотчину: и со всѣмъ тѣмъ какъ было за княземъ Иваномъ Ондрѣевичемъ... опроче тѣхъ селъ, што есмь продалъ своимъ бояромъ, князю Семену Ивановичю Оболенскому

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, №№ 28, 76, 80 и другіе.
[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 86.
[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 43.
[4]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, №№ 75, 91.

Толстиково и зъ деревнями, да Федору Михайловичю село Микитинское Константиновича Башарово и зъ деревнями, да Сопрыгиныхъ дѣтей деревни ихъ вотчину, а судъ и дань съ тѣхъ селъ и зъ деревень по старинѣ»[1]). Или еще полнѣе: «Язъ князь велики тобя пожаловалъ Вышегородомъ съ волостми и съ путми и зъ селы въ вотчину и въ вудѣлъ, какъ было за княземъ за Михайломъ, опрочь тѣхъ селъ, которые есмь подавалъ монастыремъ и бояромъ и детемъ боярьскимъ, а на тѣхъ селехъ судъ и дань твоя по землѣ»[2]). Наконецъ приведемъ двѣ межевыя грамоты 1504 года[3]), гдѣ по установленіи межи, сказано: «и которые земли мои Великого Князя по сему списку перешли черезъ тотъ рубежъ изъ Радопежа въ Дмитровские въ станы и въ волости: и тѣ земли къ Дмитрову... А которые земли монастырские и боярские, села и деревни, по сему списку перешли черезъ тотъ рубежъ въ Дмитровские станы и въ волости, и тѣмъ монастыремъ и боярамъ и дѣтемъ боярьскимъ тѣ свои земли вѣдати по старинѣ; а данью и судомъ тѣмъ землямъ тянути къ Дмитрову». Въ этой грамотѣ сдѣлано изъ княжескихъ земель исключеніе для земель численныхъ и ордынскихъ, которые составляли особый разрядъ, и находясь въ Дмитровскомъ уѣздѣ, должны были однако по прежнему тянуть къ Москвѣ. Въ другой грамотѣ этого исключенія нѣтъ.

Изъ этого видно, что право собственности князя на частныя земли состояло въ сущности въ правѣ суда и дани. Въ остальное онъ не вступался, какъ это именно постановлено во многихъ грамотахъ. «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ Великомъ Княженьи или въ твоей вотчинѣ во Тфери, въ ты

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 78.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 110, тоже № 97 и 106.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 138, 139.

села намъ и тобѣ не въступатися»[1]). «А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не въступати»[2]). «А у кого будутъ у бояръ и у князей и у детей у боярскихъ внутри города на Москвѣ и за городомъ на посадехъ дворы, ихъ отчины и купли, или кому буду далъ на Москвѣ внутри города и за городомъ по посадомъ на дворы грамоты свои жаловальные прочные: и сынъ мой Василей въ тѣ дворы у нихъ въступается»[3]). «А что есми давалъ свои села бояромъ своимъ и княземъ и дѣтемъ боярскимъ, и грамоты есми имъ свои жаловальные подавалъ на тѣ села прочно имъ и ихъ дѣтемъ, или кому буду въ куплю далъ свои грамоты: и въ тѣ села сынъ мой Василій и мои дѣти у нихъ не въступаются»[4]). «А что въ моей отчинѣ монастырские села и земли бортные и воды: и мнѣ Великому Князю, въ то не вступатися»[5]).

Эти-то частныя села князья не рѣдко покупали у владѣльцевъ, обращая ихъ въ полную свою собственность, которою они могли уже распоряжаться, какъ хотѣли, и съ которой могли требовать не только суда и дани, но и всякихъ другихъ повинностей. И наоборотъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше грамотъ, князья собственныя земли продавали частнымъ лицамъ и отдавали ихъ въ жалованье своимъ слугамъ. Эти частныя земли, по справедливому замѣчанію г. Бѣляева, назывались бѣлыми, какъ составлявшія не только владѣніе, но и собственность владѣльцевъ. Но въ производномъ смыслѣ слово: *бѣлый* означало и свободу отъ податей и повинностей, хотя г. Бѣляевъ это отрицаетъ. Во множествѣ жалованныхъ грамотъ освобожде-

---

1) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 28.
2) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 76.
3) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 144. стр. 390.
4) Тамъ же, стр. 398.
5) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 127.

ніе отъ податей и повинностей прямо обозначалось словомъ: *обѣлить*[1]). Поэтому и различіе между черными землями и бѣлыми состояло именно въ томъ, что однѣ несли такое тягло, котораго не тянули другія, а не въ томъ только, что платежъ съ однѣхъ былъ легче, а съ другихъ тяжеле, по количеству десятинъ, входившихъ въ соху, какъ утверждаетъ ученый критикъ. Это совершенно ясно изъ приведенныхъ въ примѣчаніи грамотъ; это подтверждается и тѣмъ, что черныя земли назывались по преимуществу тяглыми. Причина двоякаго значенія слова *бѣлый* заключалась въ томъ, что первоначально послѣдствіемъ поземельной собственности было именно такое освобожденіе отъ тягла. Вотчинное право князя на земли, которыя входили въ составъ его удѣла, состояло главнымъ образомъ въ томъ, что онъ требовалъ съ нихъ разныя подати и повинности, ибо самый судъ былъ не что иное, какъ извѣстный доходъ. Отъ этого избавлялись дружинники и монастыри, какъ скоро они получали землю въ свою собственность; за княземъ оставались только нѣкоторыя права. Можно полагать, что и самая дань была наложена на частныя земли только со времени татарскаго владычества, ибо дань, о которой говорится въ приведенныхъ выше грамотахъ, была дань татарская, которой подлежали всѣ

---

[1]) См. напр. Собр. Госуд. Грамотъ, т. III, № 50. «На чемъ онъ Богдашка нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли *обѣлить*, съ тое полудеревни... нашихъ никакихъ податей, и кормовъ и подводъ, и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати имать съ нихъ не велѣли, велѣли имъ тое полдеревни во всемъ *обѣлить*». Или Акты Археогр. Эксп., т. III, № 251: «А по той нашей грамотѣ велѣно Нырыбская деревня Николы Чудотворца *обѣлить*, и нашихъ всякихъ денежныхъ доходовъ имать не велѣно». См. также Акты Археогр. Эксп., т. II, № 85, Акты Истор. т. I, № 272 и много другихъ. На этомъ различіи основанъ былъ весь споръ чернослободцевъ съ бѣломѣстцами въ городахъ, что конечно не можетъ быть неизвѣстно г. Бѣляеву.

жители земли — отъ высшаго до низшаго. Во всякомъ случаѣ, въ настоящій періодъ, какъ можно убѣдиться изъ цитатовъ, сущность вотчинныхъ правъ князя на земли, входившія въ составъ его владѣній, состояла въ судѣ и дани.

Однако и здѣсь было много видоизмѣненій. Если бы судъ и дань разсматривались какъ право государственное, въ отличіе отъ прочихъ правъ, какъ вотчинныхъ, то это строгое разграниченіе между правами княжескими и правами частныхъ собственниковъ безъ сомнѣнія существовало бы во всей своей силѣ. Но въ то время этого различія между государственнымъ правомъ и частнымъ вовсе не было, ибо всѣ общественныя учрежденія основаны были на правѣ частномъ. Вслѣдствіе того и эти, такъ сказать, регальныя права (выраженіе, которое мы употребляемъ единственно для внѣшняго отличія ихъ отъ прочихъ) смѣшивались съ чисто-вотчинными, и производили разнообразныя видоизмѣненія въ поземельномъ правѣ. Съ одной стороны, при продажѣ или пожалованьи земель, князь могъ оставить за собою не только судъ и дань, но и другія вотчинныя права. Кромѣ того, монастыри и частныя лица могли покупать земли черныхъ людей, принадлежавшія собственно князю, и тогда, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тягло съ нихъ не снималось, какъ видно изъ договора Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, гдѣ постановлено, что люди, купившіе черныя земли, должны тянуть къ чернымъ людямъ, или отступиться отъ покупки[1]). Въ другихъ случаяхъ могло быть впрочемъ иначе; ибо при переходѣ земель во владѣніе лицъ, пользующихся правомъ собственности, опять происходило столкновеніе между двумя правами — княжескимъ и частнымъ. Даже Московское государство долго не могло справиться съ этимъ наслѣдіемъ былыхъ временъ, и еще въ XVII вѣкѣ чернослободцы

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 33.

постоянно жалуются на бѣломѣстцевъ, которые покупаютъ ихъ земли и не хотятъ тянуть съ ними тягла. Съ другой стороны, князья не рѣдко даровали частнымъ вотчинникамъ и свои регальныя права въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ; это доходило до того, что частное владѣніе иногда вовсе освобождалось отъ всякаго вліянія княжеской власти, и такимъ образомъ состояло на правахъ отдѣльнаго княжества.

Все это легко усмотрѣть изъ множества дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ частнымъ людямъ, монастырямъ и духовенству. Въ иныхъ мы встрѣчаемъ освобожденіе земель отъ нѣкоторыхъ пошлинъ, въ другихъ отъ всѣхъ, въ нѣкоторыхъ освобожденіе временное, въ другихъ совершенное; нѣкоторымъ предоставляется полное право суда надъ живущими въ имѣніи людьми, въ другихъ за исключеніемъ душегубства, которое остается за княземъ, въ третьихъ — за исключеніемъ душегубства и разбоя, въ четвертыхъ — за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Въ договорѣ рязанскихъ князей 1496 года сказано: «А что домъ великихъ мученикъ Бориса и Глѣба, и отца нашего Семіона Владыки въ нашей отчине, и волости и села и земли бортные и воды; и мнѣ великому князю во владычни волости и села и земли бортные не вступатися, а знаютъ владычни люди мою великаго князя дань и ямъ, и городъ рубятъ; а судъ мой великого князя надо владычними людьми въ душегубствѣ и въ разбои и въ татбѣ; а межъ моихъ людей и Владычнихъ людей судъ и приставъ вопчей, а межъ владычнихъ людей — владычнь судъ. А что въ моей отчинѣ монастырские села и земли бортные и воды, и мнѣ великому князю въ то не вступатися; а межъ своихъ людей монастыри судятъ сами, и приставъ ихъ за ихъ людми, а вѣдаютъ своихъ людей по старинѣ»[1]). Нѣкоторыя земли, какъ сказано,

[1] Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 127.

получали полное освобожденіе, какъ отъ суда, такъ и отъ всякихъ податей и повинностей. Не смотря на то, онѣ иногда продолжали причисляться къ княжеской вотчинѣ [1]), иногда же онѣ отличаются отъ нея, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ грамотѣ Ивана III митрополиту Кипріяну на слободку, которую князь промѣнялъ на Алексинъ: «а мнѣ, князю великому, въ свою отчину, въ великое княженіе, слободчанъ не принимати, ни моей братье» [2]). Митрополитъ имѣлъ даже своего воеводу, который шелъ подъ стягомъ великаго князя, какъ и воеводы удѣльныхъ князей. Наконецъ встрѣчаются примѣры передачи князьями суда и дани въ вотчинное владѣніе боярамъ даже безъ пожалованья земли. Округъ, въ которомъ княжескіе слуги получали эти права назывался ихъ вотчиною, но распоряжаться ею по произволу они не могли, ибо въ предѣлахъ ея находились вотчины частныхъ людей и монастырей [3]). Монастырь могъ въ свою очередь отдать свое имѣніе въ помѣстное владѣніе своимъ дѣтямъ боярскимъ, какъ это и дѣлалось не рѣдко, а послѣдніе отдавали землю въ оброчное владѣніе крестьянамъ. Такимъ образомъ установлялась такая же іерархическая лѣствица землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на западѣ. Сверху былъ князь — верховный землевладѣлецъ, затѣмъ бояринъ, имѣвшій право суда и дани, затѣмъ монастырь, распоряжавшійся землею, какъ собственностью, затѣмъ сынъ боярскій, владѣвшій ею временно подъ условіемъ службы, наконецъ крестьянинъ, платившій съ нея оброкъ. На одной и той же землѣ лежало право цѣлой іерархіи лицъ, и всѣ держали ее одинъ надъ другимъ.

Князья, какъ и слуги, пріобрѣтали земли въ чужой вотчинѣ, и также подъ различными условіями. Такъ въ договорѣ

---

[1]) Акт. Археогр. Эксп, т. I, № 5.

[2]) Описаніе Государ. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 213.

[3]) Архивъ Калачева книги второй 1-я половина, отдѣленіе 3-е, стр. 130.

Ивана III съ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ 1473 года читаемъ: «А что отець нашъ князь великій поволилъ своей боярынѣ Маріе Федоровѣ Федоровича Голтяевѣ дати тобѣ свои села, и тобѣ тѣ села вѣдати по тому, какъ были за Маріею, а судъ и дань на тѣхъ селехъ наша великихъ князей»[1]. Но въ договорѣ, заключенномъ въ 1481 году между тѣми же князьями, тѣ же самыя села, находящіяся въ великомъ княжествѣ, считаются за удѣльнымъ княземъ съ судомъ и съ данью: «и того всего мнѣ великому князю подъ тобою блюсти и не обидети, и не вступатися, и моимъ дѣтемъ подъ твоими дѣтми. А которые села подавала тобѣ Марья въ Москвѣ, а тѣ села держати тобѣ по тому, какъ при отцѣ нашемъ при великомъ князѣ его братья держали свои села Московские»[2]. Такимъ образомъ эти села изъ принадлежности великокняжеской вотчины дѣлаются постепенно принадлежностью удѣла. Встрѣчаются и другіе примѣры такихъ чрезполосныхъ владѣній на различныхъ правахъ, не говоря уже о селахъ въ Москвѣ, которыя постоянно находились въ общемъ владѣніи князей[3].

Такимъ образомъ на одной и той же землѣ лежали два права собственности, которыя, слаживаясь фактически, принимали разнообразныя формы. Юридическаго же разрѣшенія этого противорѣчія не было, и это неизбѣжно должно было вести къ столкновеніямъ. Вообще юридическое сознаніе, точное опредѣленіе правъ и обязанностей, составляетъ ту сторону общественной жизни, которая, какъ общая нить, соединяетъ въ одно связное цѣлое разнообразные и часто противорѣчащіе элементы жизни. Юридическое сознаніе есть выраженіе общественности, совокупнаго житія: развитіе его идетъ рядомъ съ

[1]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, № 97.
[2]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, № 110.
[3]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, № 43, 58, 128, стр. 327.

развитіемъ общественнаго смысла въ народѣ. Гдѣ его нѣтъ, тамъ между фактически-противоположными элементами происходятъ столкновенія и борьба, а борьба эта ведетъ неизбѣжно къ порабощенію слабаго сильному, ибо первый ничѣмъ не огражденъ отъ притязаній послѣдняго. Такъ Новгородъ постоянно выгонялъ своихъ князей, пока послѣдніе не сдѣлались столь могучи, что совершенно поработили его себѣ. Тогда какъ на Западѣ, съ развитіемъ королевской власти, вольныя общины потеряли несовмѣстныя съ государственными понятіями державныя права, но сохранили свои муниципальныя учрежденія, у насъ, напротивъ, Новгородъ, мало развитый съ юридической стороны, исчезъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Тоже самое произошло и въ томъ столкновеніи, о которомъ мы говоримъ теперь: тяжба между правомъ собственности князя и правомъ собственности частныхъ лицъ кончилась не сдѣлкою между ними, не разграниченіемъ правъ регальныхъ и вотчинныхъ, а совершеннымъ преобладаніемъ княжескаго права надъ частнымъ.

Князьямъ весьма было непріятно имѣть внутри своей вотчины земли, принадлежавшія другимъ князьямъ или слугамъ другихъ князей, нерѣдко имъ враждебныхъ. Вся сила ихъ состояла въ вотчинныхъ правахъ; всѣ стремленія ихъ клонились къ развитію этихъ правъ, къ расширенію своей вотчины, а между тѣмъ сосѣдніе владѣльцы изъ собственной ихъ земли могли получать и доходы и помощь въ случаѣ войны. Для предупрежденія подобныхъ столкновеній князья часто договаривались между собою: «А тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ данщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ давати, ни селъ не купити, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ, безъ нашего вѣданья, ни закладній, ни оброчниковъ не держати, ни гра-

[1]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, № 35. Есть и много другихъ, въ которыхъ содержатся по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ условій.

мотъ давати»[1]. Но къ чему служили подобныя ограниченія, когда всякій слуга и бояринъ могъ свободно отъѣхать отъ одного князя къ другому, и по общему признанію, сохранялъ свои вотчины неприкосновенными? Это было опять одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя были неизбѣжны при существованіи кореннаго противорѣчія. Поэтому, какъ скоро князья стали усиливаться, они начали прибѣгать къ другимъ мѣрамъ. Прежде всего они наложили руку на вотчины служебныхъ князей, бывшихъ удѣльныхъ. Какъ скоро послѣдніе отъѣзжали отъ одного князя къ другому, они лишались своихъ вотчинъ[1]; слѣдственно они сохраняли ихъ только подъ условіемъ службы. Потомъ очередь дошла и до другихъ. Шемяка отобралъ вотчины бояръ и дѣтей боярскихъ, отъѣхавшихъ отъ него къ великому князю. Однако это считалось еще нарушеніемъ договора и клятвы, и духовенство упрекало его за этотъ поступокъ, какъ за грабежъ[2]. Но въ духовной Ивана III встрѣчаемъ слѣдующее распоряженіе: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никудѣ; а хто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не въступается, ни у ихъ жонъ, ни у ихъ дѣтей»[3]. Наконецъ право отъѣзда было совершенно уничтожено, и какъ вотчины, такъ и помѣстья, оставлены служилымъ людямъ подъ условіемъ службы. Хотя только послѣднія собственно давались за службу и измѣнялись соотвѣтственно служебной степени и заслугъ владѣвшаго ими лица, тогда какъ первыя оставлялись въ потомственномъ владѣніи хозяевъ; но служилые люди должны были нести службу, какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ. При верстаніи помѣстьями обращалось вниманіе и на

---

[1]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, № 39 и много другихъ.
[2]) Акт. Историч., т. I, № 40.
[3]) Собр. Государ. Грамотъ, т. I, стр. 391

вотчины; когда служилый человѣкъ отбывалъ отъ службы, онъ лишался не только помѣстій, но и вотчинъ. За всякую вину, даже ничтожную, отписывались на государя и помѣстья и вотчины. Наконецъ самыя подати и повинности налагались по изволенію правительства на тѣ и другія безразлично, безъ всякаго участія владѣльцевъ. Такъ разрѣшило государство противорѣчія средневѣковаго вотчиннаго права.

Послѣ этого длиннаго изслѣдованія, которое было необходимо, какъ для устраненія недоразумѣній, происшедшихъ отъ слишкомъ сжатаго изложенія общихъ историческихъ началъ, такъ и для бо́льшаго уясненія поземельныхъ отношеній въ средневѣковой Руси, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію отношеній князя къ свободной общинѣ и внутренняго распорядка послѣдней. До сихъ поръ возраженія г. Бѣляева основывались либо на недоразумѣніи, въ которомъ, можетъ быть, я виноватъ, либо на опущеніи прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей и грамотъ, въ которомъ виноватъ уже критикъ, либо наконецъ на произвольныхъ предположеніяхъ, не имѣющихъ фактической основы въ источникахъ. Посмотримъ теперь, будутъ ли его возраженія сильнѣе въ настоящемъ предметѣ нашего изслѣдованія.

Изъ разбора отношеній князя къ другимъ землевладѣльцамъ мы могли видѣть, что въ частныхъ имѣніяхъ верховное вотчинное право князя состояло въ судѣ и дани, но что оно было ограничено, какъ въ отношеніи къ податямъ и повинностямъ, такъ и въ правѣ распоряженія землею. Въ черныхъ волостяхъ, напротивъ того, князь былъ полнымъ хозяиномъ. Съ нихъ онъ преимущественно передъ другими взималъ подати и повинности, почему эти земли назывались *тяглыми*[1]) и люди, ими владѣвшіе, носили наименованіе черныхъ *тяглыхъ* людей. Эти земли

[1]) А тѣ, господине, наволоки тянутъ къ нашей землѣ, къ Овсянниковской, къ тяглой , къ черной. Акт. Юрид., № 4, также № 9.

князья продавали, отдавали въ помѣстья и въ вотчины, мѣнялись ими, однимъ словомъ распоряжались ими по произволу. Хотя г. Бѣляевъ и утверждаетъ, что черныя волости оставались неприкосновенными, и только пустующія ихъ части продавались или отдавались въ помѣстья, но источники говорятъ противное. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ о передачѣ черныхъ деревень въ частныя руки: «А въ монастыри бы Князь Велики пожаловалъ земли подавалъ... въ Кириловъ монастырь села Кобаново зъ деревнями въ Углецкомъ уѣзде, и съ тѣми деревнями, которые есми деревни чорные придалъ хъ тому селу... а къ Николе на Улейму село Неѳедьево зъ деревнями, да и съ тѣми деревнями, которые есми деревни чорные къ нему придалъ... а къ Михаилу Святому въ Боръ Чурьяковсково села деревни... да двѣ деревни чорные городцкого стану»[1]). Или: «пожаловалъ есми Василья Тимофѣева сына Олексѣева... своими Великого Князя деревнями чорными... со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло... въ вотчину и съ судомъ, опричъ душегубства и разбою съ поличнымъ, впрокъ ему и его дѣтемъ»[2]). Или: «пожаловалъ есми... къ монастырю къ Воскресенью Христову, что въ Горахъ, въ вотчину, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, изъ своихъ изъ чорныхъ волостей селцо Николское съ деревнями и съ пустошми»[3]). Или: «пожаловалъ есмь Спаского Каменского игумена Нифонта съ братьею, мѣнялъ есмь съ ними деревнями: промѣнилъ есмь имъ свою деревню тяглую... впрокъ... а вымѣнилъ есмь у нихъ ихъ деревню монастырскую»[4]). Или: «По Государеву Цареву и Великого Князя... наказу... отдѣлили Ивану Семенову сыну Манова въ

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 147, духовная князя Дмитрія Ивановича 1509 г.

[2]) Акт. Археог. Экспед. т. I, № 162.

[3]) Акт. Историч., т. I, № 217. См. также Доп. къ Акт., т. I. № 113.

[4]) Допол. къ Акт. Историч., т. I, № 18.

Костромскомъ уѣздѣ... въ стану въ Троецкомъ въ черномъ въ его окладъ въ семьдесятъ четьи, деревню Дорокъ... а была та деревня въ помѣстьѣ за Васюкомъ за Миколаевымъ сыномъ Серблянинова, деревню Дрествино... и. т. д.»[1]). Въ 1591 г. Соловецкому монастырю пожалована была въ вотчину половина Кемской волости[2]), а Борису Годунову, кромѣ другихъ земель, отданъ былъ цѣлый Важскій уѣздъ. Впослѣдствіи же дѣйствительно было принято за правило раздавать земли въ помѣстья и вотчины преимущественно изъ порожнихъ помѣстныхъ земель, а за недостаткомъ ихъ, изъ пустыхъ дворцовыхъ и черныхъ; пожалованье же земель монастырямъ совершенно прекращено.

Изъ этого ясно, что князю принадлежало право полнаго распоряженія не только дворцовыми землями, состоявшими въ непосредственномъ, хозяйственномъ его владѣніи, но и черными, которыя оставались въ пользованіи общинъ. Поэтому черныя земли всегда называются землями великаго князя; здѣсь его право собственности не сталкивалось съ другимъ, ибо крестьяне считались только владѣльцами земли, а не вотчинниками. Я уже привелъ этому нѣсколько примѣровъ въ статьѣ, на которую возражаетъ г. Бѣляевъ; тоже можно видѣть и изъ приведенной выше жалованной грамоты, гдѣ черная земля названа княжескою[3]). Что это принималось не въ томъ смыслѣ, какъ вся земля считалась княжескою вотчиною, видно изъ того, что черныя земли, въ качествѣ княжескихъ, отличаются отъ частныхъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ любаго акта о размежеваніи, напримѣръ: «На-лѣвѣ, господине, земля Великого Князя Мекурсскіе волости, а на-правѣ, господине,

---

[1]) Акт. Юридич., № 157. См. также Собр. Госуд. Грамотъ, т. II, № 221. — Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 173, т. II, № 29, 39.

[2]) Акт. Археогр. Эксп., т. I, № 353.

[3]) Акт. Археогр. Эксп., т. I, № 162.

земля Митрополича Селецкая»[1]). Или: «правая, господине, сторона земля Великого Князя Есюнинские волости, а лѣвая, господине, сторона, земля Пречистыя Богородицы Ѳерапонтова монастыря»[2]). Въ судебникахъ черная земля, какъ княжеская, прямо уравнена съ помѣстною; въ этомъ качествѣ она пользовалась бо́льшими правами, нежели частная: такъ въ случаѣ захвата со стороны частнаго собственника, ее можно было отыскивать за шесть лѣтъ, тогда какъ въ отношеніи къ частнымъ землямъ это право ограничено тремя годами[3]). Отъ этого различія въ правѣ владѣнія происходило и то, что бояринъ, отъѣзжавшій къ другому князю, сохранялъ свои вотчины неприкосновенными, тогда какъ дворцовый или черный крестьянинъ, если уходилъ изъ удѣла, терялъ всякое право на землю, какъ видно изъ духовной грамоты Владиміра Андреевича. Если бы, поэтому, даже и можно было принять, что вся вотчина принадлежала князю, не какъ собственнику, а какъ государю, то черная земля во всякомъ случаѣ принадлежала ему не по государственному праву, а по праву собственности. Этому не противорѣчитъ то, что князья въ своихъ договорахъ обязывались иногда не покупать земель черныхъ людей. Князю принадлежала только черная земля въ его собственномъ удѣлѣ; въ чужомъ же княжествѣ онъ могъ покупать и черную землю, какъ всякую другую, ибо черные люди, какъ увидимъ, свободно распоряжались своими тяглыми участками. Въ договорахъ же рѣчь шла о черныхъ людяхъ, находившихся въ общемъ владѣніи московскихъ князей, которые поэтому ограничивали себя разными обязательствами.

Такимъ образомъ всѣ земли, заключавшіяся въ вотчинѣ, раздѣлялись на княжескія, церковныя и земли служилыхъ лю-

---

[1]) Акт. Юридич. № 8.

[2]) Акт. Юридич. № 20.

[3]) Акт. Историч., т. I, стр. 155, 245.

дей, какъ видно изъ приведенныхъ выше межевыхъ грамотъ[1]). Другихъ земель въ древней Россіи, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, вовсе не было. Общины собственной земли не имѣли, а жили всегда на земляхъ частнаго владѣльца, князя или другаго лица, на основаніи договоровъ о владѣніи. Поэтому я ихъ и назвалъ владѣльческими, также какъ можно назвать владѣльческими крестьянскія общины въ нынѣшнихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднія въ значительной степени носятъ на себѣ вліяніе государственныхъ началъ, ибо укрѣпленіе крестьянъ было государственною мѣрою.

Эта принадлежность черной земли князю — фактъ чрезвычайно важный, на который критику, кажется, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе. Но вмѣсто того, чтобы изслѣдовать это явленіе и разобрать его значеніе, г. Бѣляевъ предпочелъ пуститься въ совершенно произвольныя предположенія объ уступкѣ части земель общинами князьямъ, при чемъ онъ не усумнился сослаться даже на порядокъ, существовавшій въ XV вѣкѣ, тогда какъ мы достовѣрно знаемъ, что въ XV вѣкѣ вся черная земля составляла полную собственность князя. Впрочемъ мнѣніе почтеннаго критика на этотъ счетъ по видимому не совсѣмъ установилось. Онъ говоритъ, что названіе: бѣлый, которое давалось землямъ церковнымъ и служилыхъ людей, «указывало только, что земля составляетъ чью-то частную собственность и не принадлежитъ къ чернымъ землямъ, составляющимъ владѣніе общины и государства»[2]). Но послѣднія чью же составляли собственность? Общины или государства? Или обоихъ вмѣстѣ? Это слѣдовало бы разъ-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 138, 139. См. также Судебникъ 1550 г. стр. 84.

[2]) Въ текстѣ стоитъ: *Общины государства*, но здѣсь явно пропущенъ предлогъ: *и*, ибо иначе выраженіе не имѣло бы смысла,

яснить. Въ самомъ же дѣлѣ, со времени варяжскаго завоеванія, общины не имѣли права собственности на землю; земля принадлежала князьямъ. Но пока послѣдніе переходили изъ одной волости въ другую, занимались своими родовыми счетами, искали съ дружиною добычи, они, разумѣется, мало дорожили землею; довольствуясь данью, они не вмѣшивались во внутренній распорядокъ общинъ. Когда же они сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ, когда стали расширяться потребности управленія, легкая дань начала мало по малу замѣняться многочисленными и разнообразными податями и повинностями, такъ что черныя земли преимущественно назначены были для того, чтобы нести княжеское тягло. Съ умноженіемъ потребностей двора отдѣлялись отъ нихъ части въ дворцовое вѣдомство; съ умноженіемъ служилаго сословія и съ развитіемъ помѣстной системы раздавались онѣ въ помѣстья и вотчины; наконецъ благочестіе князей побуждало ихъ жаловать земли и монастырямъ. Такимъ образомъ черныя земли мало по малу стѣснялись и къ концу XVII вѣка остатокъ ихъ совершенно слился съ дворцовыми имѣніями, за исключеніемъ сѣверныхъ уѣздовъ, о чемъ еще мы поговоримъ ниже. Во всемъ этомъ не было никакой экспропріаціи общинъ въ пользу князя; не было ни какого ни насильственнаго, ни добровольнаго перехода права собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Объ этомъ въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Исконное право князя, пріобрѣтенное завоеваніемъ, расширялось только и развивалось сообразно съ развитіемъ самой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственная дѣятельность болѣе и болѣе проникала во внутренній распорядокъ общинъ.

Въ чемъ же состоялъ этотъ распорядокъ, и какимъ онъ подвергался измѣненіямъ? Этотъ вопросъ мы должны пересмотрѣть сызнова, ибо съ этой стороны послѣдовало наиболѣе возраженій.

Понятно, что съ пришествіемъ варяжской дружины, съ коренымъ переворотомъ всего общественнаго быта, не могла сохраниться прежняя патріархальная община. Въ ней явились два новыя начала, которыя должны были произвести глубокое измѣненіе въ самыхъ ея основахъ : вотчинный элементъ и стремленіе къ кочеванію. Право собственности на землю отъ общины перешло къ князю и къ другимъ владѣльцамъ; князь былъ наслѣдникомъ смерда, не оставившаго сыновей; наконецъ вотчинныя подати и повинности сдѣлались основною обязанностью общины: все должно было сообразоваться съ этою цѣлью, и распорядокъ земель, и отношенія общины къ ея членамъ, и самое управленіе, котораго главною задачею сдѣлалась финансовая часть. Въ общинѣ явился и судья-кормленщикъ, лицо постороннее, къ ней не принадлежащее, а между тѣмъ завѣдывающее самымъ существеннымъ дѣломъ — отправленіемъ правосудія. Съ другой стороны дружинное начало разрушило прежнюю родовую связь; на поприще выступило отдѣльное лицо, которое переходило съ мѣста на мѣсто, и всякій разъ селилось на основаніи свободнаго договора. Безпрерывныя внутреннія междоусобія должны были страшнымъ образомъ усилить кочеваніе народонаселенія. Этому способствовали и отдѣльныя вотчинники, которые всячески старались переманить къ себѣ сосѣднихъ поселянъ. Мы знаемъ изъ жалованныхъ грамотъ, что сами князья давали монастырямъ значительныя льготы для тѣхъ людей, которыхъ послѣдніе перезывали къ себѣ изъ другихъ княжествъ. То же дѣлали частныя лица, и нерѣдко при этихъ переходахъ совершались даже насилія. Наконецъ крестьянинъ, соблазненный военною удалью и надеждою на добычу, могъ весьма часто выходить изъ общины для вступленія въ личное услуженіе своему или сосѣднему вотчиннику, и наоборотъ, слуги могли снова переходить въ крестьяне. Всѣ эти переходы произвели

въ народѣ такое броженіе, которое придало общинѣ совершенно особенную физіономію. Вмѣсто прежней осѣдлой общины, заключенной въ себѣ самой, живущей на своей землѣ, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній, управляющей собственными дѣлами; вмѣсто прежняго патріархальнаго быта, какой существовалъ въ то время, когда, по выраженію лѣтописца, «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», образовалась община, живущая на чужой землѣ, имѣющая главною цѣлью нести тягло въ пользу землевладѣльца, получающая въ судьи княжескаго слугу, отпускаемаго на кормленіе, окруженная воинственными сосѣдями, подверженная безпрерывнымъ набѣгамъ, съ народонаселеніемъ постоянно обновляющимся, съ постояннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки поземельныхъ участковъ, то предаваемыхъ запустѣнію, то заселяемыхъ вновь. Могло ли тутъ остаться что нибудь отъ прежняго быта?

Впрочемъ, за исключеніемъ скуднаго лѣтописнаго свидѣтельства, у насъ не осталось никакихъ извѣстій о внутреннемъ бытѣ древней патріархальной общины. Потому, при сравненіи ея съ позднѣйшею, мы можемъ ограничиться только догадками и общими указаніями. За то у насъ сохранилось болѣе свидѣтельствъ о бытѣ общинъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, и мы имѣемъ возможность сравнить его съ настоящимъ, въ чемъ мы и полагали главную свою задачу.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, въ чемъ заключаются основныя черты общиннаго быта нашего времени. Главное его отличіе отъ быта, существующаго у другихъ народовъ, состоитъ въ поземельномъ владѣніи. Нынѣшняя наша сельская община, какъ и древняя, живетъ не на своей, а на казенной землѣ. Къ ней приписанъ извѣстный округъ, но права свободнаго распоряженія землею она не имѣетъ. Каждый членъ ея обязанъ лично платить государству подати и отпра-

влять повинности; поэтому, какъ скоро онъ вступаетъ въ возрастъ, община (а въ помѣщичьихъ имѣніяхъ обыкновенно помѣщикъ) надѣляетъ его участкомъ земли, равнымъ съ другими, или по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые принадлежатъ лицамъ одного съ нимъ разряда. Свободнаго распоряженія своимъ участкомъ членъ также не имѣетъ; личное его владѣніе совершенно подчинено общинному, и какъ скоро прибывающимъ отъ нарожденія членамъ не достаетъ земли, между крестьянами по необходимости происходитъ передѣлъ. Итакъ существенныя черты нынѣшняго общиннаго владѣнія землею заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ равномъ надѣлѣ общиною всѣхъ ея членовъ и въ передѣлѣ земель для уничтоженія возникшаго неравенства; 2) въ отсутствіи права свободнаго распоряженія какъ отдѣльными участками, такъ и всею общинною землею. Посмотримъ же, было ли у насъ въ древности то и другое.

Я привелъ нѣсколько порядныхъ записей, заключенныхъ, какъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, такъ и между волостными крестьянами и общинами, и сказалъ, что за этою раздачею пустыхъ земель, община не вступалась уже въ отдѣльные участки, и что передѣла въ то время не было. Г. Бѣляевъ на это пишетъ: «Въ нынѣшнихъ сельскихъ общинахъ бываютъ по мѣрѣ надобности передѣлы поземельныхъ участковъ; то же самое было и въ общинахъ средневѣковой Россіи. Правду сказать, г. Чичеринъ не признаетъ этого; впрочемъ его признаніе или непризнаніе не можетъ уничтожить самаго дѣла. Самъ же г. Чичеринъ утверждаетъ, и справедливо, что община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности, то-есть тѣмъ своимъ членамъ, которые могли обрабатывать земли больше

и платить податей больше, давала бо́льшіе участки, а другимъ меньшіе, какъ мы и встрѣчаемъ во многихъ грамотахъ, что одинъ крестьянинъ получалъ земли на цѣлую выть, другой на двѣ выти, а иной на полвыти, на четверть выти и даже на двѣнадцатую долю выти».

Не знаю, откуда критикъ взялъ, будто я признаю, что община *надѣляла* своихъ членовъ поземельными участками. Я сказалъ, опираясь на источники, что община *раздавала* пустые участки новымъ поселенцамъ на основаніи свободнаго договора; но отъ этого до надѣленія очень далеко. Надѣленіе предполагаетъ извѣстную власть общины надъ ея членами; въ настоящее время, каждый изъ нихъ обязанъ платить подати и нести повинности наравнѣ съ другими, для чего ему и дается равный съ другими участокъ. Въ древней же Россіи, напротивъ того, мы видимъ отношенія совершенно свободныя. Община не имѣла никакой власти надъ членами; послѣдніе не имѣли никакихъ обязанностей, пока не получали во владѣніе извѣстнаго количества земли, соразмѣрно съ которымъ и несли тягло. Величина участка опредѣлялась не общимъ надѣленіемъ, а свободнымъ договоромъ, предложеніемъ и требованіемъ. Новый поселенецъ или бралъ предложенную ему землю, или выбиралъ себѣ пустой участокъ по желанію, и выговаривалъ себѣ льготы, которыхъ величина зависѣла также отъ предложенія и требованія: чѣмъ тяжелѣе было для общины лежавшее на землѣ тягло, чѣмъ труднѣе было перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, которые бы помогали ей въ уплатѣ, тѣмъ бо́льшія выгоды она, разумѣется, имъ предоставляла. Если такія договорныя отношенія считать, вмѣстѣ съ г. Бѣляевымъ, за надѣленіе землею, то можно надѣленіемъ назвать и всякій наемъ земли; можно сказать, что и помѣщики, когда посылали въ сосѣднія села откащиковъ для того, чтобы переманивать къ себѣ крестьянъ, надѣляли послѣднихъ зе-

мельными участками съ цѣлью дать имъ возможность уплачивать вотчинные оброки и подати и отправлять вотчинныя повинности. А мы знаемъ, что общины въ этомъ случаѣ поступали точно такъ же, какъ и помѣщики. Отъ этихъ совершенно свободныхъ отношеній проистекало и разнообразіе владѣнія, о которомъ говоритъ г. Бѣляевъ. Какъ при наймѣ земли одинъ беретъ по условію больше, другой меньше, такъ было и здѣсь. А г. Бѣляевъ называетъ это надѣленіемъ *по силамъ!*

Что же касается до передѣла, то изъ словъ г. Бѣляева можно заключить, что въ источникахъ находится на это безчисленное множество указаній, которыя я по невѣдѣнію опустилъ. На что же ссылается онъ для подкрѣпленія своего мнѣнія? Онъ приводитъ одну только грамоту, и притомъ не находящуюся въ напечатанныхъ актахъ; онъ не потрудился даже сказать, что эта грамота неизданная, такъ что читатели, не совсѣмъ посвященные въ дѣло, должны остаться въ совершенномъ недоумѣніи относительно обилія опущенныхъ мною свидѣтельствъ. Странный способъ ученой критики! Не хочу предполагать, чтобъ это было сдѣлано съ намѣреніемъ; но такіе обороты не даютъ ли поводъ думать, что въ возраженіяхъ имѣлось въ виду не столько добросовѣстное изслѣдованіе дѣла, сколько низложеніе всѣми возможными способами автора, котораго мнѣнія противорѣчатъ убѣжденіямъ критика?

Впрочемъ это замѣчаніе постороннее, вызванное къ сожалѣнію этимъ и разными другими выраженіями, разсѣянными по статьѣ г. Бѣляева. Но посмотримъ, на сколько этотъ новый памятникъ подкрѣпляетъ возраженія ученаго критика. Можно сказать, что онъ подкрѣпляетъ не возраженія, а именно мою мысль, которую г. Бѣляевъ хочетъ опровергнуть. Не видя въ памятникахъ извѣстій о передѣлѣ земель, замѣчая напротивъ въ быту того времени многія черты, которыя его исключаютъ, я утверждалъ, что это явленіе новое, происшедшее изъ

помѣщичьяго права и государственныхъ постановленій. Какъ будто бы для того, чтобы дать этой мысли еще бо́льшую убѣдительность, г. Бѣляевъ, на основаніи неизданнаго источника, доказываетъ, что помѣщики производили у себя передѣлъ еще въ XVI вѣкѣ. Конечно, это не было общимъ правиломъ, какъ нынѣ; ибо до насъ дошло множество порядныхъ, въ которыхъ крестьяне договариваются съ помѣщикомъ отдѣльно отъ другихъ о поселеніи на извѣстномъ участкѣ, а гдѣ участокъ опредѣленъ свободнымъ договоромъ, тамъ не можетъ быть произвольнаго передѣла. Но мы знаемъ, что рядомъ съ этимъ помѣщики селили иногда на земли своихъ купленныхъ людей; мы знаемъ, что часто и свободные крестьяне находились къ нимъ въ весьма зависимыхъ отношеніяхъ: они брали деньги въ ссуду, и за проценты обязывались обрабатывать помѣщичьи земли. Въ обоихъ случаяхъ помѣщикъ могъ, разумѣется, и надѣлять землею крестьянъ и передѣлять ее между ними. Не знаемъ, къ какой категоріи принадлежали крестьяне, упоминаемые въ грамотѣ, которую приводитъ г. Бѣляевъ. По сообщенному имъ отрывку невозможно судить о цѣломъ; но во всякомъ случаѣ это не свободное распоряженіе крестьянъ, а дѣйствіе помѣщичей власти, которое въ XVI вѣкѣ было еще исключеніемъ, въ послѣдствіи же сдѣлалось общимъ правиломъ.

Было ли нѣчто подобное и въ черныхъ земляхъ, объ этомъ источники ничего не говорятъ; но многія указанія заставляютъ устранить такое предположеніе. Передѣлъ земли можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Какъ же тутъ образоваться передѣлу? И точно, мы видимъ, что границы поземельныхъ участковъ —

деревень, особенно въ черныхъ земляхъ, опредѣлялись большею частію не искусственнымъ размежеваніемъ, а стариннымъ обычаемъ. На это указываютъ выраженія, которыя такъ часто встрѣчаются въ грамотахъ: «куда топоръ, соха и коса ходили», или: «что къ той деревнѣ изстари потягло». Участки составляли слѣдовательно нѣчто цѣльное, въ нераздѣльномъ составѣ переходившее изъ рукъ въ руки. Что получалъ каждый крестьянинъ, это опредѣлялось не надѣленіемъ и не передѣломъ земли, а взаимнымъ условіемъ договаривающихся сторонъ, какъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ мною порядныхъ записей. Изъ порядныхъ же видно, что крестьянинъ, получившій участокъ, обязывался дѣлать около него ограду, и это опять указываетъ на совершенно независимое владѣніе и на хозяйство совершенно другаго рода, нежели то, которое существуетъ нынѣ. Отсюда же проистекало и разселеніе крестьянъ по отдѣльнымъ деревнямъ, что признаетъ и г. Бѣляевъ, хотя онъ не объясняетъ причины такого страннаго измѣненія въ бытѣ общины, сохранившей неприкосновенными всѣ свои древніе обычаи. Наконецъ возможность передѣла устранялась и тѣмъ, что община, разъ отдавши пустой участокъ въ руки поселенца, отказывалась отъ всякаго дальнѣйшаго на него права, и новый владѣлецъ могъ распоряжаться имъ совершенно свободно, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома общины.

Въ статьѣ своей я привелъ нѣсколько примѣровъ такого свободнаго распоряженія землею, и полагалъ въ этомъ одно изъ самыхъ существенныхъ отличій стараго общиннаго быта отъ новаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ древней Россіи не было не только надѣленія и передѣла земель, но и независимости права владѣнія отъ личной воли поселенцевъ, то что же остается сходнаго? Г. Бѣляевъ понялъ, что здѣсь его система находитъ себѣ камень преткновенія; чтобъ устранить прямыя показанія источниковъ о свободномъ отчужденіи участковъ, онъ утвержда-

етъ, что все это крестьяне дѣлали съ своими собственными вотчинными землями, а отнюдь не съ общинными, и что всѣ приведенные мною акты, какъ и многіе другіе относятся единственно къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена поземельная собственность, не въ примѣръ другимъ краямъ Русской земли. Безъ сомнѣнія, такого положенія нельзя высказать наобумъ. Въ какихъ же памятникахъ находитъ почтенный критикъ извѣстія объ этомъ исключительномъ положеніи Двинской области? Въ указахъ 1751 г. и 53 годовъ, изъ которыхъ первымъ запрещена продажа черносошныхъ земель между черносошными крестьянами и посадскими людьми, а во второмъ эта продажа разрѣшена, на томъ основаніи, что такой порядокъ соблюдается тамъ издавна, чего нѣтъ въ другихъ провинціяхъ. Совершенно справедливо, что въ половинѣ XVIII вѣка, въ Устюжской провинціи, существовало не то поземельное право, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ, и я именно коснулся этого въ своей статьѣ, какъ одного изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу моей мысли. Изъ указа о подушной подати мы ясно видимъ, что только въ сѣверныхъ областяхъ сохранились черносошные крестьяне, тогда какъ въ остальной Россіи все сельское сословіе раздѣлялось въ то время на дворцовыхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Но г. Бѣляевъ совершенно упускаетъ изъ вида эти перемѣны, происшедшія въ позднѣйшее время; на различіи, образовавшемся въ XVIII вѣкѣ, онъ основываетъ существованіе его и въ XV, точно также, какъ онъ изъ договора Новгорода съ Иваномъ III, въ концѣ XV вѣка, вывелъ отношенія между Олегомъ и Радимичами, точно такъ же наконецъ, какъ онъ привелъ славянизацію Финновъ въ новѣйшее время въ примѣръ того, что совершалось задолго до прибытія Рюрика. Съ такою историческою методою нѣтъ положенія, котораго бы нельзя было доказать. Почтенному критику слѣдовало бы быть осмотрительнѣе, и обращать

вниманіе на измѣнившіяся условія жизни. Во всякомъ случаѣ, если онъ Двинскую область считаетъ какимъ-то особеннымъ уголкомъ, который развивался своимъ путемъ, то слѣдовало бы объяснить, откуда же произошло такое различіе? Если нынѣшняя форма общины искони вытекала изъ духа русскаго народа, то неужели Двиняне не были Русскіе? А если эта особенность произошла отъ того, что эти земли принадлежали прежде Новгороду, вольной общинѣ, то почему же этотъ порядокъ не сохранился въ остальныхъ новгородскихъ областяхъ?

Ученый критикъ утверждаетъ далѣе, что въ приведенныхъ мною грамотахъ дѣло идетъ о вотчинныхъ земляхъ крестьянъ, составлявшихъ полную ихъ собственность. Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ. Открываемъ № 23 Юридическихъ Актовъ, на который мы оба ссылаемся, и на стр. 54 читаемъ: «Се язъ Онтоней, Нечай, да Иванъ Стефановы дѣти Карзина, ступилися есмя *земли великого князя, а своего владѣнья*, на Лисестровѣ, въ Карзинѣ курьи, Тимоѳею да Гаврилу Барсану Селиверстровымъ дѣтемъ, и двора, и дворища, и орамымъ земель, и пожень, и съ притеребы и съ рыбными ловищи и со всѣми угодьи, гдѣ что ни есть изстарь потягло къ той деревни». Или: «Се язъ Елизарей Ѳедоровъ сынъ да язъ Павелъ Онкиндиновъ сынъ отступилися есмя Тимоѳею да Гаврилу Барсану Селеверстровымъ дѣтемъ, *великого князя земли, а своего владѣнья*, половины своего жребія». На стр. 55: «раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ... и земля въ Карзинѣ курьи *свое владѣнье*». На стр. 56. «судьи велѣли Онисимкову купчую чести; и въ купчей пишетъ: Се язъ Есипъ, да язъ Григорей, да язъ Валфромей Филиповы дѣти, отступилися есмя Ефиму Селиверстрову сыну *великого князя земли, а своего владѣнья* въ Карзинѣ курьи». На стр. 57: «отступились есмя земли Онисиму Васильеву сыну, *великого князя земли, отца своего статка, а своего владѣнья* въ Карзинѣ курьи.... а отступи-

лись есмя и съ старыми отступными грамотами, свою половину, Онисиму Васильеву сыну въ дернь, безъ выкупа». Или: «се язъ Василей да язъ Иванъ Онкундиновы дѣти, отступилися есмя дяди своему Елизару Өедорову сыну долгу и слободы и всего живота, безъ вывѣта въ Карзинѣ курьи, *и вотчины великого князя, а своего владѣнья*, что намъ досталось съ дѣлу отъ Стефановыхъ дѣтей». Подъ № 26 на стр. 66: «Се язъ Семенъ Семеновъ сынъ Лебедева, да язъ Семенъ Лукояновъ сынъ Лебедева же, племянникъ его, отступилися есмя *царя и великого князя земли, а своего владѣнья*, Архангилскаго монастыря игумену Еуѳимью.... и всей братьѣ.... Голенской деревни земли.... своей выти, полуобежки съ шестью долью обежки». Надобно прибавить, что въ послѣднемъ случаѣ прямо сказано, что дѣло идетъ о землѣ тяглой. Кажется, это совершенно противорѣчитъ тому, что говоритъ г. Бѣляевъ. Странно, какъ можно такъ ошибиться! Не обратить вниманіе на какое-нибудь свидѣтельство можетъ даже и весьма ученый человѣкъ; но видѣть въ грамотѣ совершенно противное тому, что въ ней есть — это, воля ваша, необъяснимо!

Итакъ, мы должны заключить изъ этого, что Двинская область не представляла никакой особенности. Въ ней также была черная тяглая земля, какъ и въ остальной Россіи, а поэтому мы можемъ принять за общую норму то, что мы знаемъ о правѣ владѣнія въ Двинской области. Но кромѣ того, у насъ есть положительныя свидѣтельства источниковъ о свободномъ отчужденіи тяглыхъ земель въ остальныхъ областяхъ. Если московскіе князья въ договорахъ своихъ обязывались не покупать земель черныхъ людей, находившихся въ общемъ ихъ владѣніи, то, значитъ, послѣдніе имѣли право ихъ продавать. Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ прямо сказано, что если кто купитъ земли черныхъ людей (опять же въ Москвѣ, гдѣ вслѣдствіе общаго княжескаго владѣнія, они бы-

ли болѣе стѣснены въ своихъ правахъ), то послѣдніе имѣютъ право выкупить ихъ обратно, а не могутъ они выкупить, то покупщики обязаны вмѣстѣ въ ними тянуть тягло, и только если послѣдніе не захотятъ тянуть тягла, земли возвращаются черпымъ людямъ даромъ. Относительно городскихъ тяглыхъ черныхъ земель, которыя въ то время ничѣмъ не отличались отъ сельскихъ, мы имѣемъ положительныя и постоянныя извѣстія объ ихъ отчужденіи. До всеобщаго запрещенія тяглые дворы на посадахъ отдавались въ монастыри[1]). Въ 1621 году черныхъ сотенъ сотскіе и старосты жаловались на тяглыхъ людей «что они, своимъ умысломъ, продаютъ дворы свои въ черныхъ сотняхъ и въ черныхъ слободахъ, на своихъ тяглыхъ мѣстахъ бѣломѣстцомъ, дорогою цѣною; а на тѣ, государи, тяглые дворы и на тяглыя мѣста бѣломѣстцы, которые купятъ, емлютъ у тяглыхъ людей, съ ними по стачкѣ, закладные кабалы, въ купчихъ мѣсто, въ великихъ деньгахъ, и тѣ дворы и мѣста тяглые по закладнымъ кабаламъ просрочиваютъ, и послѣ сроковъ тяглые мѣста хотятъ обѣливать, и черные, государь, сотни и черные слободы отъ того пустѣютъ»[2]). Вслѣдствіе этого запрещено было тяглые дворы и мѣста продавать, закладывать и отдавать по наслѣдству и въ приданое бѣломѣстцамъ. Впрочемъ этотъ указъ, кажется, относился только къ Москвѣ, но въ Уложеніи это запрещеніе распространено на всѣ города. А не смотря на то, тяглые люди продолжали продавать свои дворы и участки бѣломѣстцамъ, общины продолжали на это жаловаться, и правительство нерѣдко узаконяло такое нарушеніе закона, потому что оно слишкомъ глубоко было вкоренено въ правахъ. Продажи эти совершались слѣдственно отдѣльными лицами, противъ воли общинъ и даже безъ ихъ вѣдома. То же

---

[1]) Акты Археогр. Экспед., т. I, № 373.
[2]) Акт. Историч., т. III, стр. 95.

самое было и въ селахъ, какъ лучше всего доказываетъ приведенная мною грамота[1]), въ которой Злоба Васильевъ купилъ черную землю, а община жаловалась на него, не зная, по какому праву онъ владѣетъ этою землею, и почему онъ не хочетъ тянуть съ нея тягла. Но въ XVII вѣкѣ и въ волостяхъ также, какъ въ городахъ, послѣдовало многократно повторенное запрещеніе отчуждать тяглые участки бѣломѣстцамъ[2]); тяглые люди сохранили право продажи только между собою, и то не вездѣ.

Такое свободное распоряженіе княжескими землями не должно насъ удивлять; ибо мы почти то же видимъ и въ земляхъ монастырскихъ. Я уже привелъ этому примѣръ; а вотъ и другой. Въ уставной грамотѣ села Пузырева, принадлежавшаго Соловецкому монастырю, читаемъ: «такожъ есмя васъ благословилъ и пожаловалъ: волно вамъ межъ себя дворы и землями мѣняти и продавати, доложа прикащика»[3]). Монастырь, какъ непосредственный хозяинъ, постановлялъ однако нѣкоторыя ограниченія: продажа дозволена только между крестьянами и съ доклада прикащика; для черныхъ же земель и этого не дѣлалось. Главная забота князя состояла въ томъ, чтобы поселенцы тянули ему тягло, а кто владѣлъ землею, на какихъ правахъ она переходила изъ рукъ въ руки, въ это онъ не вступался. Къ тому же, при обиліи земли и ея малоцѣнности, не было никакой нужды полагать предѣлы свободному ея обращенію. Ограниченіе правъ отдѣльныхъ владѣльцевъ могло быть только интересомъ общины, для которой свободное отчужденіе поземельныхъ участковъ увеличивало иногда бремя податей; но община не могла этому воспрепятствовать, ибо не имѣла никакаго вліянія на своихъ членовъ. Даже царскіе ука-

---

[1]) Акт. Юридич., № 9.

[2]) См. Дополн. къ Акт. Историч., т. III, № 88; Акт. Историч. т. V, № 174, 198.

[3]) Акт. Археогр. Экспд., т. I, № 258.

зы, изданные на этотъ счетъ въ XVII вѣкѣ, постоянно и безнаказанно нарушались отдѣльными лицами и воеводами.

Если такимъ образомъ отдѣльные члены могли свободно распоряжаться предоставленными имъ участками, то конечно и цѣлая община могла распоряжаться порожними землями. Это подтверждается приведенною г. Бѣляевымъ разъѣзжею грамотою 1555 г., въ которой волость мѣняется деревнями съ монастыремъ; но опять-таки она указываетъ на совершенно другое поземельное право, нежели то, которое существуетъ нынѣ. Вѣроятно впрочемъ, что общины весьма рѣдко пользовались такимъ правомъ; для нихъ переходъ земли въ чужія руки былъ очень невыгоденъ, ибо монастырь или служилый человѣкъ могъ всегда выхлопотать себѣ у царя обѣльную грамоту, по которой отданный участокъ совершенно уже выходилъ изъ-подъ вліянія общины. Кромѣ того, и самыя пустыя земли не считались неотъемлемымъ владѣніемъ общины. Мы видѣли, что онѣ даже по законамъ XVII вѣка нерѣдко раздавались въ помѣстья и вотчины; мы знаемъ также, что въ XVII вѣкѣ онѣ вовсе не отличались отъ казенныхъ оброчныхъ статей, и раздавались на оброкъ воеводами; только особенныя жалованныя грамоты предоставляли это право земскимъ людямъ. Однимъ словомъ, въ прежнее время князь, община и отдѣльные крестьяне распоряжались землями свободно, тогда какъ при нынѣшнихъ учрежденіяхъ мы видимъ совершенно противное: теперь казенныя земли приписаны къ общинамъ, какъ постоянное ихъ владѣніе; общины не могутъ ни мѣняться ими, ни продавать ихъ по собственному изволенію; наконецъ отдѣльные крестьяне лишены права распоряжаться своими участками. Въ чемъ же состоитъ сходство стараго быта и новаго?

Безъ сомнѣнія древняя община могла защищать судомъ приписанную къ ней землю; это право непосредственно вытекало изъ того, что она съ этой земли должна была нести царское тя-

гло. А между тѣмъ общинная связь была до такой степени слаба, что и оно не признавалось за нею, какъ постоянная законная ея принадлежность. Хотя г. Бѣляевъ и увѣряетъ, что о защитѣ земель общиною въ судѣ свидѣтельствуютъ *всѣ* грамоты, въ которыхъ дѣло касалось до общинныхъ или черныхъ земель, однако это не совсѣмъ подтверждается источниками. Во многихъ судныхъ грамотахъ мы видимъ, напротивъ, что тягаются за земли не общины, а тѣ только крестьяне, которые владѣютъ спорными участками, и судьи отсуждаютъ ихъ сосѣднимъ владѣльцамъ, не спросясь общины, единственно потому, что тяжущіеся крестьяне не представили достаточныхъ доказательствъ своего права [1]). Это личное право имѣло до такой степени перевѣсъ надъ общиннымъ, что судебники вовсе и не признаютъ за общинами права иска и защиты своихъ земель въ судѣ; все это предоставляется отдѣльнымъ лицамъ, какъ видно изъ 84 статьи Судебника 1550 г. [2]), въ которой подъ заглавіемъ: «о земляхъ судъ» сказано: «Взыщетъ бояринъ на бояринѣ или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, ино судити за три годы.... А взыщетъ черный на черномъ, или помѣщикъ на помѣщикѣ, за которыми земля царя и великого князя, или черной сельской на помѣщикѣ, или помѣщикъ на черномъ на селскомъ, ино судити потому жъ за три годы. А взыщутъ на бояринѣ или на монастырѣ царя великого князя земли, ино судити за шесть лѣтъ, а далѣ не судити». Право судебной защиты предоставляется слѣдственно отдѣльнымъ поселенцамъ; объ общинѣ же нѣтъ и помину.

Наконецъ, что касается до поручительства общины за своихъ членовъ, какое мы видимъ въ приведенной г. Бѣляевымъ гра-

---

[1]) См. Акты Юрид. №№ 3, 6, 7, 11, 20, 23, 26, описаніе Госуд. Арх. старыхъ дѣлъ стр. 201. и слѣд 222 и слѣд. Въ послѣдней тягается одинъ только сотникъ своимъ лицомъ, а не «по всѣхъ крестьянъ мѣсто».

[2]) Акты Историч. т. I, стр. 215.

мотѣ, то это не что иное, какъ частный случай. Поручительство въ древней Россіи было дѣломъ очень обыкновеннымъ; оно требовалось при всякой почти сдѣлкѣ. Здѣсь же, при полюбовномъ размежеваніи земель, вся община поручилась монастырю, что крестьяне не станутъ лѣзть черезъ межу, и положила неустойку въ случаѣ нарушенія этого условія, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало. Конечно, монастырь, полагая для себя неустойку въ 50 рублей, не могъ довольствоваться менѣе надежнымъ поручительствомъ. Но это отнюдь не было общимъ правиломъ, какъ видно изъ многихъ судныхъ грамотъ, въ которыхъ крестьяне обвиняются за то, что перелѣзли черезъ межу, а между тѣмъ о взысканіи съ общины и о поручительствѣ всѣхъ за каждаго нѣтъ и рѣчи.

Итакъ, если съ одной стороны общины могли свободнѣе распоряжаться пустыми участками, нежели въ настоящее время, то съ другой стороны тѣмъ же правомъ пользовались и отдѣльные члены; существенной же черты нынѣшняго сельскаго быта — подчиненія личнаго владѣнія общинному, мы въ древней Россіи не находимъ.

Взглянемъ теперь на другія стороны общиннаго устройства того времени. Чѣмъ крѣпче общинная связь, чѣмъ больше этотъ мелкій союзъ имѣетъ значенія въ цѣломъ обществѣ, тѣмъ больше онъ имѣетъ и автономіи. Посмотримъ же, какія права предоставлены были общинамъ относительно управленія собственными ихъ дѣлами. Прежде всего представляется намъ право суда, какъ одно изъ зажнѣйшихъ общественныхъ правъ. Въ настоящее время существуютъ сельскіе и волостные суды, составленные изъ выборныхъ отъ крестьянъ; сельское сословіе, по крайней мѣрѣ de jure, имѣетъ представителей въ уѣздномъ судѣ, въ совѣстномъ судѣ, въ гражданской и уголовной палатахъ. Есть ли это право, искони принадлежащее общинамъ? Судились ли онѣ въ древности своими выборными судьями?

Этого мы опять не видимъ; судьями были намѣстники и волостели, люди посторонніе, княжескіе кормленщики. Я сказалъ, что кормленіе было учрежденіе суда по началамъ частной собственности. Г. Бѣляевъ съ этимъ не согласенъ; онъ говоритъ, что «должности сіи дѣйствительно давались въ награду за службу и прямо назывались кормленіемъ; но чтобы намѣстники и волостели по закону обращались съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностью, это не справедливо, и не имѣетъ за себя никакихъ историческихъ данныхъ. Русскій законъ, продолжаетъ онъ, всегда высоко ставилъ судъ и правду и ограждалъ ихъ отъ произвола судьи и правителя». Ученый критикъ доходитъ даже до того, что волостелей сравниваетъ съ становыми приставами и окружными начальниками, и находитъ, что должности послѣднихъ во многомъ сходны съ должностью первыхъ.

Не станемъ здѣсь подробно распространяться объ этомъ вопросѣ; это повело бы насъ слишкомъ далеко. Не станемъ говорить, что намѣстники и волостели получали судебные округи въ кормленіе, чтобы «имъ сытымъ быти», а когда они жаловались, что «имъ сытымъ быти не съ чего», то имъ давался въ придачу другой округъ; не станемъ говорить, что кормленщики управляли *на себя*, посредствомъ своихъ собственныхъ людей, что изъ каждаго судебнаго дѣйствія они извлекали законную прибыль, что каждое преступленіе служило для нихъ по закону источникомъ значительныхъ барышей, что при смѣшанномъ судѣ надъ людьми, подсудными разнымъ лицамъ, каждый судья держался за своего подсудимаго и извлекалъ изъ него свой барышъ; что когда не было уставныхъ грамотъ, вызванныхъ именно желаніемъ ограничить произволъ кормленщиковъ, послѣдніе брали пошлины совершенно произвольныя; не станемъ говорить, что князья дѣлили между собою право суда, какъ частную собственность или доходную статью, что они да-

рили его частнымъ лицамъ, какъ принадлежность имѣнія, вмѣстѣ съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и другимъ имуществомъ; что они жаловали одно лицо однимъ преступленіемъ, другое другимъ: — все это какъ нельзя яснѣе видно изъ источниковъ, и вѣроятно очень хорошо извѣстно г. Бѣляеву [1]). Но для того, чтобы однимъ яркимъ примѣромъ охарактеризовать всю эту систему, сошлемся на правую грамоту XV вѣка, сообщенную самимъ г. Бѣляевымъ въ «Архивъ», издаваемый г. Калачовымъ [2]). Здѣсь какой-то бояринъ Левъ Ивановичъ тягается за себя, за брата и за невѣстку съ старцемъ Игнатіемъ, повѣреннымъ Кириллова монастыря. «Жалоба ми, говоритъ онъ, на игумена на Трифона Кирилова монастыря и на его братью; отнимаютъ, господине, у насъ отъ суда, да отъ дани въ нашей отчинѣ въ Кистемѣ деревню Михалевьскую Горкаваго, а та, господине, деревня изстарины тянетъ судомъ къ намъ: еще, господине, отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню и дань на нейималъ; а послѣ, господине, отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя». Старецъ отвѣчаетъ, что деревню эту далъ монастырю чернецъ Арсеній, который владѣлъ ею еще по купчей своей прабабушки, и что онъ же передалъ имъ и жалованную грамоту, данную дѣду его и отцу княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, по которой Бѣлозерскимъ намѣстникамъ и Кистемскимъ боярамъ не велѣно судить ихъ ни въ чемъ, и ни по какимъ дѣламъ не всылать людей въ ихъ деревню. На основаніи этой грамоты князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлозерскій оправилъ монастырскаго игумена, а истцовъ обвинилъ. Что́, если бы въ настоящее время становой приставъ

---

[1]) Если кому любопытно убѣдиться въ этомъ изъ самыхъ фактовъ, то ссылаюсь на изданное мною сочиненіе: «Объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ», гдѣ во введеніи собраны многія свидѣтельства о кормленіяхъ.

[2]) Первая половина второй книги отдѣленіе 3-е, стр. 130.

вздумалъ искать передъ судомъ чиновничье право, переданное его невѣсткѣ умершимъ ея мужемъ?

Итакъ общинный судья былъ кормленщикъ, которому волость давалась въ награду за службу, для насыщенія. Въ глазахъ общины во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ совершенно посторонній, временно прибывшій для собственныхъ барышей. А между тѣмъ онъ завѣдывалъ важнѣйшимъ общиннымъ дѣломъ — отправленіемъ правосудія. Даже чисто общинныя дѣла — и тѣ подлежали ему. Такъ мы читаемъ въ Судебникѣ: «А крестьяне межь себя въ одной волости или въ селѣхъ, кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, ино волостелю ино поселскому имати на немъ за боранъ два алтына[1])». Если бы владѣніе было общинное, а не личное, то конечно крестьяне за порчу межи другъ у друга не платили бы пени волостелю.

Но, говоритъ г. Бѣляевъ, община имѣла искони участіе въ судѣ: ни намѣстникъ, ни волостель, ни ихъ тіуны не могли производить суда безъ судныхъ мужей, выбираемыхъ тѣми общинами, къ которымъ принадлежали подсудимые. Что же это были за судные мужи и въ чемъ состояла ихъ должность? Изъ всѣхъ судныхъ грамотъ видно, что они были не иное что какъ свидѣтели, призванные для того, чтобы въ послѣдствіи могли показать, что дѣйствительно судъ былъ таковъ, въ случаѣ если бы обвиненный сталъ отъ этого отрекаться[2]). Участія же въ судѣ они не принимали, да и не видать ни откуда, чтобъ они были выборные отъ общинъ. Это были просто понятые, которые могли точно также представляться тяжущимися сторонами или назначаться судьею. Писцы иногда судили тяжбы о земляхъ между волостными крестьянами и сосѣдними вла-

---

[1]) Акты Историч., т. I. стр. 247. Тоже въ судебникѣ 1497 г. тамъ же стр. 155.

[2]) Акты Юридич. № 11. Опис. Госуд. Арх. старыхъ дѣлъ стр. 205.

дѣльцами, и на судѣ у нихъ бывали собственные ихъ товарищи [1]). У князей бывали на судѣ ихъ бояре. Только въ концѣ XV вѣка московскіе государи, которые стремились къ ограниченію произвола намѣстниковъ и волостелей, запретили послѣднимъ судить безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей. Прежде же такого законнаго ограниченія вовсе не было, какъ видно изъ древнѣйшей дошедшей до насъ уставной грамоты, данной Василіемъ Дмитріевичемъ двинскимъ жителямъ въ 1398 г.; въ ней и помину нѣтъ о присутствіи въ судѣ старосты и лучшихъ людей [2]). Въ жалованныхъ грамотахъ, при передачѣ суда въ частныя руки, нигдѣ также не говорится о такомъ правѣ общинъ, и если въ половинѣ XVI вѣка нѣкоторые монастыри, по примѣру государства, запрещали своимъ прикащикамъ судить безъ лучшихъ людей, то въ другихъ уставныхъ грамотахъ такого ограниченія нѣтъ [3]). Вообще, если даже, въ позднѣйшее время, когда присутствіе выборныхъ въ судѣ было постановлено закономъ, кормленщики тѣмъ не менѣе устраняли ихъ иногда отъ суда [4]), то чтоже должно было быть въ то время, когда законнаго постановленія вовсе не было? Мы должны слѣдовательно признать, что присутствіе въ судѣ представителей общины установлено было, какъ право, московскими государями. Подъ вліяніемъ законодательства, случайно взятые понятые превратились потомъ въ выборныхъ цѣловальниковъ, имѣвшихъ постоянную должность и получившихъ нѣкоторыя права, которыя еще болѣе ограничивали власть намѣстниковъ и волостелей. Хотя г. Бѣляевъ и увѣряетъ, что въ этихъ преобразованіяхъ дѣло шло не объ ограниченіи

---

[1]) Акты Юридич. № 9, 11,

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 13.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. 1, № 221. Въ грамотѣ подъ № 258. постановляется это ограниченіе.

[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 196.

власти намѣстниковъ и волостелей, а о замѣненіи ихъ земскими судьями, но это замѣненіе было только окончательнымъ результатомъ ограниченій власти. А что такія ограниченія были дѣйствительно дѣломъ законодательства въ этомъ можетъ убѣдиться всякій при самомъ бѣгломъ обозрѣніи судебниковъ.

Такимъ образомъ участіе общинъ въ судѣ было установленіемъ московскихъ государей. Затѣмъ мы должны обратиться къ полицейскимъ дѣламъ. Имѣли ли общины право собственной полиціи? На это мы найдемъ отвѣтъ въ губныхъ грамотахъ, которыми введены первыя постоянныя полицейскія учрежденія. Вотъ что мы читаемъ въ Бѣлозерской губной грамотѣ 1539 г. [1]): «Били естя намъ челомъ о томъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди у васъ во волостяхъ разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людемъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ; и мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ, и отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣлщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы де и съ нашими обыщики лихихъ людей разбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика; а сами деи вы разбойниковъ межъ собя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете». Тѣ же самыя выраженія повторяются и въ другихъ грамотахъ [2]), такъ что это очевидно была общая всѣмъ черта.

Итакъ, до преобразованій, совершенныхъ московскими государями въ областномъ управленіи, общины не имѣли ни со-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 187.

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 194, II.

бственнаго суда, ни собственной полиціи. Въ чемъ же заключалось вѣдомство выборныхъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ? На это мы опять найдемъ отвѣтъ во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ; въ нихъ постоянно говорится, что люди, живущіе въ извѣстномъ имѣніи, освобождаются отъ суда намѣстниковъ и волостелей, а къ сотскимъ и старостамъ, «не тянутъ ни въ какіе проторы и разметы». Итакъ уплата податей и отправленіе повинностей — вотъ въ чемъ главнымъ образомъ заключалось вѣдомство выборныхъ начальниковъ, вотъ что было существенно общиннымъ дѣломъ. Отвѣтственность за подати и повинности лежала не на отдѣльныхъ лицахъ, а на цѣлой общинѣ; это дѣлало ее юридическимъ лицомъ, хотя и составляло для нея весьма тяжелую обязанность, ибо община, неся на себѣ отвѣтственность, не имѣла надъ членами своими никакой власти. Это опять было одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя такъ часто встрѣчаются въ учрежденіяхъ того времени. Въ немъ заключается причина, почему мы въ древнихъ памятникахъ находимъ такъ много жалобъ со стороны общинъ на то, что члены ихъ разошлись по разнымъ мѣстамъ, и остающіеся должны уплачивать подать за выбылыхъ. Неужели это означаетъ крѣпость общиннаго быта? Противорѣчіе это разрѣшилось наконецъ укрѣпленіемъ тяглыхъ людей, вслѣдствіе котораго общины получили надъ членами власть, необходимую для того, чтобы общая отвѣтственность могла быть дѣйствительна. Во всякомъ случаѣ, и прежде и послѣ укрѣпленія, существеннымъ предметомъ общиннаго управленія было именно государственное тягло. Самый земельный распорядокъ имѣлъ въ виду уплату податей и отправленіе повинностей. Съ этою цѣлью общины призывали къ себѣ новыхъ поселенцевъ, и заключали съ ними договоры. Если даже признать съ г. Бѣляевымъ, что общины надѣляли членовъ своихъ землею по силѣ, то все же это дѣлалось для того, чтобы они могли по силамъ

тянуть княжеское тягло. Въ этомъ заключалась самая связь, соединявшая общину въ одно цѣлое; для означенія принадлежности отдѣльныхъ участковъ или деревень къ селу, употреблялось выраженіе, что деревни *тянутъ* къ селу. Точно также и угодья *тянули* къ селу и деревнямъ, села и волости *тянули* къ городу судомъ и данью, ибо судъ былъ также доходною статьею, которая составляла часть тягла. Поэтому наконецъ и самая черная земля называлась *тяглою*.

Имѣлъ ли я послѣ этого право сказать, что значеніе средневѣковой общины было чисто финансовое, и что тягло, которое она тянула въ пользу землевладѣльца, связывало ее въ одно цѣлое? Но г. Бѣляевъ говоритъ, что «отправленіе тягла скорѣе разстроивало, а не поддерживало общину». Что же, по его мнѣнію, поддерживало въ ней единство? Какой общій интересъ соединялъ разрозненныхъ членовъ? Какими общими дѣлами, независимыми отъ тягла, управляли они заодно? Какими пользовались они общими правами? На это опредѣлительно отвѣчать, конечно, довольно трудно. Не мудрено, что г. Бѣляевъ предпочелъ прибѣгнуть къ выраженію, совершенно общему и потому ничего не объясняющему. Онъ говоритъ, что причина, соединявшая общину, лежала «въ самомъ духѣ народа, въ складѣ русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины»; онъ говоритъ даже, что «другаго быта, другаго образа жизни русскій народъ не признавалъ и не хотѣлъ признавать». Откровенно сознаюсь, я рѣшительно не понимаю, что это значитъ. Г. Бѣляеву такая причина кажется глубокою; но повидимому здѣсь заключается только неопредѣленность, подающая поводъ къ многоразличнымъ недоразумѣніямъ. Прежде всего представляется вопросъ: неужели бояре и слуги, которые не жили общинами, переставали отъ этого быть Русскими и принадлежать къ русскому народу? Неужели крестьянинъ, который выходилъ изъ общины и по-

ступалъ въ холопы къ боярину, дѣлался черезъ это Нѣмцемъ? А между тѣмъ этой перемѣнѣ состоянія способствовало само русское законодательство, которое крестьянина, выходящаго въ холопы, освобождало отъ пошлинъ, платимыхъ за выходъ его въ другую общину. И почему, далѣе, для того чтобы жить въ общинѣ, нуженъ особый складъ ума? На какомъ основаніи можемъ мы полагать, что общинный бытъ болѣе вытекаетъ изъ русскаго духа, нежели изъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго? Всегда и вездѣ люди живутъ въ общественномъ соединеніи; разрозненныхъ людей мы вовсе не знаемъ. Но эти общественные союзы могутъ быть или общіе, обнимающіе собою цѣлую территорію, или мѣстные; первые называются государствами, областями, вторые — общинами. Мѣстный союзъ можетъ существовать безъ общаго; колонія можетъ поселиться на пустынномъ берегу и образовать ни отъ кого независимую общественную единицу. Общій же союзъ безъ мѣстнаго никогда не бываетъ; поэтому и общины существуютъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, у самыхъ дикихъ, какъ и у самыхъ образованныхъ. Во Франціи и Германіи есть такіе же села и города, какъ и у насъ; есть слѣдственно и общины, которыя называются Gemeinden, communes. Все различіе между тѣми и другими можетъ состоять только въ томъ: какое значеніе имѣютъ эти юридическія единицы? каковы общіе, связывающіе ихъ интересы? какими онѣ обладаютъ правами? на сколько онѣ пользуются автономіею? А въ этомъ отношеніи мы рѣшительно не видимъ, почему бы намъ отдать преимущество русскимъ средневѣковымъ общинамъ передъ другими. Почему напримѣръ мы признаемъ меньшимъ развитіе общиннаго начала въ общинахъ германскихъ, городскихъ и сельскихъ, которыя постоянно черезъ своихъ *скабиновъ* не только присутствовали въ судѣ, но даже и произносили приговоръ? Или въ сельскихъ общинахъ швейцарскихъ,

которыя имѣли свои собственныя земли, свой судъ, свою полицію, однимъ словомъ полное автономическое управленіе внутренними своими дѣлами посредствомъ выборныхъ? Вся западная Европа была усѣяна вольными городами, которые пользовались полною автономіею и обладали весьма развитымъ городовымъ правомъ, сохранившимся и до нынѣ, тогда какъ Новгородъ и Псковъ пали при первомъ столкновеніи съ сильными князьями. Мы знаемъ также, что въ Англіи общинные союзы до такой степени крѣпки и самостоятельны, что государственное управленіе до сихъ поръ почти не проникаетъ въ нихъ, тогда какъ у насъ, напротивъ того, все историческое движеніе съ самаго XV вѣка представляетъ не что иное, какъ большее и большее развитіе государственныхъ учрежденій. А мы все толкуемъ объ общинномъ бытѣ, какъ о какой-то особенности русскаго народа! Пора бы, кажется, отстать отъ общихъ, ничего не означающихъ фразъ, и приняться за фактическую разработку предмета.

Разумѣется однако, что при такомъ изслѣдованіи нельзя поступать по методѣ г. Бѣляева. Для почтеннаго критика какъ будто бы не существуетъ исторія. Самыя важныя черты въ учрежденіяхъ, полагающія коренное различіе между древнею общиною и нынѣшнею, онъ считаетъ ничтожными, а внѣшнее сходство въ именахъ выборныхъ начальниковъ кажется ему существеннымъ. Отдѣльные договоры крестьянъ съ общинами о владѣніи тѣмъ или другимъ участкомъ земли онъ признаетъ тождественными съ общимъ надѣленіемъ землею всѣхъ членовъ. Передѣлъ, произведенный однимъ помѣщикомъ въ XVI вѣкѣ, онъ считаетъ доказательствомъ, что съ тѣхъ поръ общинный бытъ не измѣнился до нашего времени, когда всѣ почти крестьяне постоянно передѣляютъ землю между собою. Наконецъ онъ волостелей и становщиковъ признаетъ тождественными съ нынѣшними окружными начальниками и становыми при-

ставами: и тѣ и другіе назначены отъ правительства; ясное дѣло, что бытъ не измѣнился. Но такимъ способомъ можно доказать и неизмѣнность управленія: если волостели соотвѣтствовали окружнымъ начальникамъ, то намѣстники, разумѣется, то же что нынѣшніе губернаторы, дворскіе то же что управляющіе удѣльными конторами, а ключники и казначеи были не что иное, какъ древніе министры финансовъ; послѣдніе, вслѣдствіе западнаго вліянія, получили только иностранное имя. Гдѣ же тутъ перемѣна?

Но довольно объ этомъ; обратимся лучше къ преобразованіямъ, совершеннымъ московскими государями, и посмотримъ, какимъ образомъ водворился нынѣшній измѣненный бытъ.

Мы видѣли выше, что постепенныя ограниченія власти намѣстниковъ и волостелей привели наконецъ къ совершенному уничтоженію этихъ должностей. Дѣйствительно, устройство суда, на основаніи частнаго права, не могло согласоваться съ новыми государственными потребностями. Однако г. Бѣляевъ утверждаетъ, что «намѣстники и волостели были отмѣнены отнюдь не потому, чтобы они были негодны для управленія, а потому, что царь Иванъ Васильевичь Грозный хотѣлъ ослабить московскую аристократію; а когда же съ 1566 года князья и бояре сами въ оффиціяльныхъ бумагахъ стали писаться *государевыми дворянами*, то вслѣдъ за симъ онъ уничтожилъ и *опричнину* (учрежденную имъ же для ослабленія бояръ), и съ тѣмъ вмѣстѣ перестал настаивать, чтобы выборные головы и старосты вездѣ замѣняли намѣстниковъ и волостелей, и оставилъ на произволъ самихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, управляться ли исключительно одними старостами и излюбленными головами, или держать по прежнему государевыхъ намѣстниковъ и волостелей, что и продолжалось до конца XVII вѣка».

Здѣсь представляется множество затруднительныхъ вопросовъ; укажемъ только на главные: 1) Не странно ли было

Ивану Васильевичу Грозному совершать коренныя преобразованія въ государственномъ управленіи для того, чтобы бояре стали писаться *государевыми дворянами*, тогда какъ они уже прежде писались *государевыми холопами*, какъ можно видѣть изъ множества записей въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ? 2) Неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Бѣляевъ полагаетъ, что управленіе намѣстниковъ и волостелей продолжалось до конца XVII вѣка; тогда какъ въ это время объ нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій, а напротивъ, мы положительно знаемъ, что въ XVII вѣкѣ всюду введены были воеводы, которые весьма рѣдко опредѣлялись по просьбѣ жителей, обыкновенно же назначались прямо правительствомъ. 3) Можно еще предположить, что для ослабленія бояръ нужно было отмѣнить намѣстниковъ, которые обыкновенно были люди родовитые: но для чего же было отмѣнять волостелей — мелкихъ слугъ, составлявшихъ одну изъ самыхъ надежныхъ опоръ престола? Предположеніе критика тѣмъ болѣе странно, что оно прямо противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ. Источники рѣдко указываютъ намъ на причины, побудившія правительство издать ту или другую законодательную мѣру; но здѣсь, какъ нарочно, мы имѣемъ такое указаніе, и притомъ нѣсколько разъ повторенное. Вотъ что пишетъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ уставной грамотѣ 1555 .г[1]): «что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великіе и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе, а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многіе, что

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 242.

имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великіе; да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздѣхъ деревни и дворы запустѣли, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, *жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ*, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили».

То же повторено и въ другихъ грамотахъ [1]); то же свидѣтельствуетъ и лѣтописецъ, который жалѣетъ о возстановленіи намѣстниковъ въ правленіе Шуйскихъ во время малолѣтства Ивана IV [2]). Вообще, мы не должны забывать, что замѣнять кормленщиковъ выборными судьями началъ ужь князь Бѣльскій, что Важская грамота, въ которой также встрѣчается отмѣненіе намѣстниковъ, дана была въ 1552 г., въ годъ взятія Казани, и что самая приведенная выше грамота писана въ 1555, слѣдственно прежде нежели началась ожесточенная борьба Грознаго съ боярами. Зачѣмъ же было почтенному критику придумывать собственныя свои предположенія, когда самъ Иванъ Васильевичь Грозный потрудился объяснить намъ, для чего онъ принималъ эту мѣру? Для чего пенять на меня за то, что я призналъ намѣстниковъ и волостелей негодными для управленія, когда я повторялъ только сужденіе самаго преобразователя, подкрѣпленное словами лѣтописца?

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что новое, самостоятельное устройство общиннаго управленія было дѣломъ законодательства. Не долго однако удержалась эта самостоятельность; надъ земскими старостами и цѣловальниками возникаетъ власть приказная, имѣющая въ своемъ вѣдомствѣ дѣла

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I. № 243.

[2]) Карамзинъ, т. VIII, примѣч. 121.

цѣлаго уѣзда. Въ XVI вѣкѣ она поручается дьякамъ, городовымъ прикащикамъ, губнымъ старостамъ и рѣдко воеводамъ. Въ XVII же вѣкѣ, воеводское управленіе дѣлается почти повсемѣстнымъ. Я старался объяснить причину такого явленія, и показать, почему чисто общинныя власти не могли удовлетворить потребностямъ государства, и почему нужны были другія, высшія. Г. Бѣляевъ съ этими объясненіями не согласенъ; посмотримъ, въ чемъ состоятъ его возраженія. Я сказалъ во первыхъ, что общины были слишкомъ разрознены. Г. Бѣляевъ говоритъ, что это выраженіе поставлено безъ всякаго значенія и безъ доказательствъ, основанныхъ на историческихъ данныхъ. Но какія же тутъ нужны доказательства? Историческія данныя состоятъ въ томъ, что отъ общинныхъ начальниковъ власть переходитъ къ уѣзднымъ; объяснить же это весьма естественно тѣмъ, что обширное государство ищетъ въ областяхъ такихъ центровъ, около которыхъ группировались бы отдѣльныя, разсѣянныя общины. Во вторыхъ, я сказалъ, что общины были частью слишкомъ удалены отъ центра; на это г. Бѣляевъ возражаетъ, что холмогорскій воевода не былъ ближе къ Москвѣ, нежели холмогорскій земскій староста. Но дѣло въ томъ, что, при дальности разстоянія, легче было контролировать одного воеводу, нежели двадцать земскихъ старостъ. Наконецъ я сказалъ, въ третьихъ, что общины обнимали собою только однѣ черныя земли, а г. Бѣляевъ въ примѣръ противнаго приводитъ челобитную всего города Дмитрова о назначеніи въ него губнаго старосты вмѣсто воеводы. Здѣсь, кажется, явное недоразумѣніе: я говорилъ о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ, которые дѣйствительно были только въ черныхъ земляхъ, а г. Бѣляевъ понялъ повидимому совершенно другое.

Ученый критикъ утверждаетъ даже, что вовсе не было замѣны общинныхъ властей воеводами, а что было оставлено на

произволъ общинъ управляться или своими выборными начальниками или воеводами; послѣдніе, по мнѣнію г. Бѣляева, введены были почти во всѣхъ городахъ уже въ XVI вѣкѣ. Но вотъ что говорятъ купцы на Азовскомъ соборѣ[1]: «а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было». Вотъ какъ общинамъ предоставлено было право управляться по своему изволенію! Дѣло въ томъ, что г. Бѣляевъ изъ двухъ, трехъ грамотъ, напечатанныхъ имъ во «Временникѣ», и относящихся къ началу царствованія Михаила Өедоровича, сдѣлалъ заключеніе обо всемъ управленіи, а все то управленіе совершенно противорѣчило этимъ началамъ. По просьбѣ жителей незначительнаго Дмитрова можно было поставить имъ губнаго старосту вмѣсто воеводы, но это отнюдь не было общимъ правиломъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что воеводы опредѣлялись отъ приказовъ, большею частью по собственному ихъ челобитью, а жителей городовъ и не думали объ этомъ спрашивать. Г. Бѣляевъ могъ бы точно съ такою же достовѣрностью доказать, что служилые люди всегда имѣли право смѣнять воеводъ, ибо мы знаемъ два, три случая, въ которыхъ они дѣйствительно это сдѣлали, будучи не въ состояніи вынести притѣсненій, и правительство не подвергло ихъ за это наказанію. Въ Московскомъ государствѣ много было всякихъ исключеній и отклоненій отъ правилъ, ибо управлялось оно большею частью не на основаніи общихъ постановленій,

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. т. III, стр. 395.

а отдѣльными распоряженіями правительства; но тѣмъ осторожнѣе надобно поступать при выводѣ общихъ заключеній объ администраціи того времени.

Каковы же были послѣдствія воеводскаго управленія? То, разумѣется, что при неопредѣленности правъ, воеводская власть, какъ сильнѣйшая, подавила общинную, какъ слабѣйшую. Но г. Бѣляевъ и съ этимъ не согласенъ. «Ежели, говоритъ онъ, общины имѣли свою особенную земскую избу, состоящую въ вѣдѣніи старостъ и цѣловальниковъ, и дѣйствовали здѣсь независимо отъ воеводъ по дѣламъ собственно касающимся общины и подлежащимъ ея вѣдѣнію, то слѣдовательно общины еще не были подавлены воеводскимъ управленіемъ». Заключеніе, кажется, слишкомъ поспѣшное! Существованіе земской избы доказываетъ только, что земское управленіе не было уничтожено; но въ какой степени оно было подчинено воеводскому, изъ этого еще не ясно. Обратимся же къ различнымъ отраслямъ управленія и посмотримъ, что доставалось на долю земскимъ людямъ. Мы знаемъ во первыхъ, что судебная власть отъ *излюбленныхъ* старостъ перешла къ воеводамъ; только въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ исключеніе, сохранились еще земскіе судейки. На Двинѣ же, при первомъ назначеніи воеводъ, судили съ ними старосты и цѣловальники, но черезъ нѣсколько времени выборные были совершенно устранены отъ участія въ судѣ. Въ Оштинскомъ стану и въ Сумерской волости, пока въ нихъ были прикащики, съ послѣдними судили также земскіе выборные люди; но, какъ скоро туда назначены были воеводы, это общинное право прекратилось. Полиція равнымъ образомъ находилась въ полномъ распоряженіи воеводъ; только преслѣдованіе и наказаніе воровъ и разбойниковъ, и вообще губныя дѣла, находились въ вѣдомствѣ губныхъ старостъ. Но и здѣсь мы видимъ сильное колебаніе законодательства: въ продолженіе XVII вѣка эти дѣла постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки — отъ губныхъ старостъ

къ сыщикамъ, къ воеводамъ и на оборотъ, до тѣхъ поръ пока губные старосты не были окончательно уничтожены Петромъ Великимъ. Воеводы завѣдывали также всѣми финансовыми дѣлами, и здѣсь можно видѣть самое лучшее доказательство того, какъ мало значенія имѣли общины въ XVII вѣкѣ. На мѣстныхъ жителяхъ лежала вся отвѣтственность за таможенные и питейные сборы; послѣднимъ дѣлались ежегодные оклады и если сборщики чего не добирали, то недсборы взыскивались съ земскихъ людей. А между тѣмъ земскія власти, до указовъ царя Өедора Алексѣевича, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на сборы, тогда какъ воеводы завѣдывали ими постоянно. Наконецъ, воеводы вступались и въ чисто-общинныя дѣла: сборъ податей сосовершался подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ; они записывали въ тягло новыхъ членовъ общины; они же раздавали тяглые участки въ тягло и на оброкъ безъ вѣдома общины. Я привелъ этому разительный примѣръ въ жалобѣ жителей Вятки; изъ нея видно, что для изъятія этихъ существенно общинныхъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ, нужны были особенныя жалованныя грамоты царя, и не смотря на то, послѣднія постоянно и безнаказанно нарушались воеводами. А г. Бѣляевъ видитъ въ этомъ доказательство точнаго опредѣленія правъ и разграниченія властей!

Только при Өедорѣ Алексѣевичѣ земское начало получило въ управленіи самостоятельное значеніе, которое еще болѣе было усилено Петромъ Великимъ. Но это относилось преимущественно къ городамъ. Причина такого различія лежала въ развитіи сословныхъ началъ, которое проистекло изъ укрѣпленія крестьянъ и посадскихъ людей.

Безъ сомнѣнія, эта послѣдняя мѣра не могла остаться безъ важныхъ послѣдствій для внутренняго быта общинъ. Прежде того на общинѣ лежала отвѣтственность за подати и повинности, но власти надъ своими членами она не имѣла. Теперь

же она ее получила и могла, сообразно съ нею, устроить и внутренній распорядокъ поземельнаго владѣнія и способы раскладки податей. Кромѣ того, вслѣдствіе укрѣпленія, подати съ земли перешли на лица, и это опять должно было значительно измѣнить весь общинный бытъ. Прежде того отдѣльные, неравные участки отдавались отдѣльнымъ поселенцамъ, которые тянули съ нихъ тягло соразмѣрно съ ихъ величиною; теперь же каждый членъ общины долженъ былъ получить участокъ, равный другимъ для того, чтобы имѣть возможность тянуть съ него тягло, лежащее на его лицѣ. Такимъ образомъ наступило надѣленіе землею и передѣлъ земли между крестьянами. Съ этимъ вмѣстѣ и участки должны были рано или поздно сдѣлаться неотчуждаемыми, а люди принуждены были изъ разбросанныхъ деревень переселиться въ центральныя села.

Вотъ существенное, коренное измѣненіе, совершившееся въ самомъ внутреннемъ бытѣ общинъ; вотъ начало тѣхъ общинныхъ учрежденій, которыя существуютъ въ настоящее время. Я старался преимущественно указать на это, и, кажется, никакой основательный изслѣдователь или критикъ не можетъ коснуться вопроса объ исторіи нашихъ общинъ, не объяснивши значенія и послѣдствій этого кореннаго преобразованія. А между тѣмъ, г. Бѣляевъ не обращаетъ на него никакого вниманія. Въ глазахъ почтеннаго критика этотъ коренной переворотъ въ судьбахъ общины совершился безъ всякихъ послѣдствій для внутренняго ея быта, и община осталась послѣ него тѣмъ же, чѣмъ она была и прежде. Какого же рода выводы можно сдѣлать изъ его статьи?

Не сказавши ни слова объ укрѣпленіи сословій и его послѣдствіяхъ для быта, критикъ обращается прямо къ постепенному отдѣленію селъ отъ городовъ. Здѣсь опять г. Бѣляевъ не согласенъ съ моими положеніями; онъ утверждаетъ, что

это отдѣленіе существовало искони въ законахъ и въ жизни, и что новаго съ XVII вѣка ничего не произошло. Но въ чемъ же искони заключалось различіе тѣхъ и другихъ общинъ? Развѣ города и села не имѣли совершенно одинакаго земскаго управленія? Развѣ въ тѣхъ и другихъ земли не раздѣлялись одинаково на бѣлыя и черныя? Развѣ поземельное право не было въ нихъ одно и то же? Развѣ и тѣ и другія не платили одинакихъ податей? Къ концу XVII вѣка мы видимъ однако же существенное различіе: города образуютъ болѣе или менѣе свободныя общины съ самостоятельнымъ управленіемъ, а села, напротивъ того, большею частью дѣлаются чисто владѣльческими и крѣпостными. Какъ же установилось это раздѣленіе?

Я сказалъ, что стремленіе къ устройству и обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 г., по которому, лежавшія около городовъ частныя имѣнія были отобраны и приписаны къ городамъ, а городскимъ жителямъ предоставлено было исключительное право владѣть тяглыми участками и производить въ городахъ торговлю и промыслы. Г. Бѣляевъ возражаетъ, что эти распоряженія вовсе не были новостью, и доказываетъ это самымъ же приведеннымъ мною указомъ, въ которомъ челобитчики ссылаются на порядокъ, существовавшій при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Ссылка эта дѣйствительно есть; однако здѣсь произошло одно очень важное измѣненіе, на которое я и хотѣлъ указать. Прежде, при свободномъ переходѣ крестьянъ и посадскихъ людей, тяглую землю могъ пріобрѣтать всякій, торговлю и промыслы могъ производить всякій, лишь бы онъ тянулъ съ нихъ тягло. Этимъ бѣломѣстцы и пользовались, чтобы покупать тяглые участки, и укрѣплять ихъ за собою, какъ собственность. Указъ 1648 г. хотѣлъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ: съ этою цѣлью право на владѣніе тяглыми участками и на производство

торговли и промысловъ въ городахъ онъ оставилъ за одними тяглыми посадскими людьми. Въ этомъ, какъ я сказалъ, выразилось стремленіе государства придать городской общинѣ сословный характеръ и дать ей нѣкоторую самостоятельность. То же самое стремленіе, къ отдѣленію сословій, я вижу далѣе въ Новоторговомъ уставѣ, и г. Бѣляевъ ничего на это не возражаетъ. За то онъ возстаетъ противъ значенія, которое я придалъ введенію новой стрѣлецкой подати. Онъ утверждаетъ, что эта подать вовсе и не была введена, но что былъ измѣненъ только способъ ея раскладки. Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде существовали сборы деньгами и хлѣбомъ на содержаніе стрѣльцовъ; но вотъ что мы читаемъ въ указѣ 1681 г.: «Въ прошломъ въ 188 году... по указу великаго государя.... и по боярскому приговору, велѣно... вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ, и данныхъ, и полоняничныхъ, и четвертныхъ, и ямскихъ, и пищальныхъ, и малыхъ ямщинъ, и иныхъ мелкихъ денежныхъ доходовъ (какъ то: подмоги подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ, сборовъ на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ, и тюремъ, сборовъ на свѣчи, бумагу, чернила и дрова въ приказныя избы и проч.) [1]), кромѣ лавочныхъ и мелничныхъ и иныхъ оброчныхъ статей, которыя платятъ изъ воли по перекупкѣ, на его государево жалованье московскимъ стрѣлцомъ, на 188 годъ, взять и впредь съ нихъ имать, съ прежнихъ и съ прибылыхъ дворовъ, по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ, указною статьею, и вѣдать ихъ тѣми сборами въ одномъ стрѣлецкомъ приказѣ». Слѣдственно здѣсь не только была новая раскладка старой подати, но было и введеніе новой, замѣнившей собою много другихъ. Самое же важное преобразованіе заключалось въ томъ, что новая подать распространялась не на всѣхъ, тогда какъ

---

[1]) Акты Историч. т. I, № 271.

старую платили всѣ. Первая, какъ можно удостовѣриться изъ указа[1]), была разложена на тяглые города, числомъ 93, на дворцовые города и слободы, числомъ 15, на города и уѣзды поморскіе, да на Олонецкій уѣздъ. Я именно старался указать на особенное значеніе поморскихъ уѣздовъ, которое было причиною уравненія ихъ съ городами. Но г. Бѣляевъ не говоритъ объ этомъ ни слова, и противополагаетъ мнѣ только то, что эту подать, по словамъ указа, платили не одни посадскіе, но и уѣздные люди; «слѣдовательно, говоритъ онъ, въ этомъ указѣ не замѣтно никакого, не только важнѣйшаго шага для отдѣленія городовъ отъ селъ». Да помилуйте! я самъ говорю, что нѣкоторые уѣздные жители, вслѣдствіе особенности своего положенія, уравнивались съ посадскими. Если уже почтенный критикъ удостоилъ статью мою своего возраженія, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы повнимательнѣе ее прочесть. Вопросъ состоитъ въ томъ: были ли исчисленные въ указѣ тяглые и дворцовые города съ поморскими уѣздами обложены стрѣлецкою податью, тогда какъ помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные крестьяне въ замѣнъ этого обложены были ямскими и полоняничными деньгами? А такое различное обложеніе не показываетъ ли, что правительство раздѣляло жителей на два разряда, и старалось отдѣлить одинъ отъ другаго? Отвѣтъ, кажется, несомнѣненъ. Но въ этомъ указѣ есть далѣе еще одна особенность, которой г. Бѣляевъ не хочетъ признать. Онъ утверждаетъ, что предоставленіе этого сбора въ полное вѣдомство земскихъ властей вовсе не составляло новости. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ указахъ видна особенная заботливость правительства о томъ, чтобы воеводы не вмѣшивались въ эти сборы, какъ они поступали относительно всѣхъ другихъ. Чтоже это такое, какъ не освобожденіе

---

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. IV, № 250.

земской власти отъ приказной подъ вліяніемъ законодательства?

За этими указами слѣдовало другое важное нововведеніе: въ 1681 г. земскимъ людямъ тѣхъ же городовъ и уѣздовъ предоставлено было полное вѣдомство таможенныхъ и питейныхъ сборовъ, чего они прежде не имѣли. Въ 1699 г. имъ предоставленъ былъ и собственный судъ; вмѣстѣ съ тѣмъ для городовъ и поморскихъ уѣздовъ учреждено совершенно самостоятельное государственное управленіе. Наконецъ, съ учрежденіемъ магистратовъ, отъ городовъ отдѣлены были и поморскіе уѣзды, которые дотолѣ съ ними уравнивались. Но обо всемъ этомъ г. Бѣляевъ умалчиваетъ, утверждая только, что у насъ искони существовало отдѣленіе городовъ отъ селъ.

Между тѣмъ, какъ города дѣлались такимъ образомъ болѣе и болѣе самостоятельными, большая часть селъ, напротивъ того, становились болѣе и болѣе крѣпостными. Въ особенности это замѣтно въ черныхъ волостяхъ, гдѣ прежде того владѣльческій элементъ имѣлъ менѣе значенія, нежели въ другихъ, но которыя въ теченіи XVII вѣка совершенно слились съ дворцовыми. Однако г. Бѣляевъ не хочетъ признавать и этого. Прежде всего онъ возстаетъ на мнимое, по его убѣжденію, уменьшеніе количества черныхъ земель въ XVII вѣкѣ. Онъ утверждаетъ, что черныя волости никогда не раздавались въ помѣстья и вотчины, и мы видѣли уже выше, на сколько это справедливо. Онъ отвергаетъ далѣе свидѣтельство Котошихина, который говоритъ, что въ его время, въ черныхъ волостяхъ, было только 20, 000 дворовъ. Возраженія свои критикъ основываетъ на томъ, что Котошихинъ, какъ подъячій посольскаго приказа, не могъ имѣть вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ дворовъ въ черныхъ волостяхъ по всей Россіи. Но почему же бы онъ не могъ узнать

это отъ другихъ? Не говоритъ же онъ о числѣ дворовъ у помѣщичьихъ крестьянъ, котораго онъ не зналъ. Вообще, отвергать свидѣтельство современника можно только тогда, когда есть ясныя доказательства противнаго, а г. Бѣляевъ такихъ доказательствъ не представилъ. Можетъ-быть, Котошихинъ и неправъ, но мы все-таки должны держаться его показанія, пока оно не будетъ опровергнуто очевидными свидѣтельствами.

Впрочемъ это нисколько не измѣняетъ самаго дѣла; главный вопросъ состоитъ здѣсь въ постепенномъ сліяніи черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями. Въ этомъ отношеніи я указалъ на учрежденіе прикащиковъ въ черныхъ волостяхъ, какъ на первый шагъ къ такому сліянію. Но г. Бѣляевъ, сближая прикащиковъ съ волостелями, возражаетъ, что если на назначеніе волостелей въ черныя земли нельзя указать, какъ на шагъ къ сліянію ихъ съ дворцовыми, то нельзя это сказать и относительно прикащиковъ. Возраженіе имѣло бы силу, если бы эти двѣ должности были одинакія; но развѣ прикащики тоже, что волостели? Послѣдніе завѣдывали судомъ и вовсе не вмѣшивались въ общинныя дѣла, какъ можно убѣдиться изъ всѣхъ уставныхъ грамотъ; первые же, какъ можно видѣть изъ приведеннаго г. Бѣляевымъ наказа 1612 г.[1]), были полными хозяевами и распорядителями въ своихъ округахъ. Они завѣдывали не только судомъ, но и выборомъ старостъ и цѣловальниковъ, сборомъ податей, распорядкомъ земель, однимъ словомъ, всѣми общинными дѣлами. Въ дворцовыя села посылались прикащики, потому что въ нихъ нужно было хозяйственное управленіе, и введеніе этихъ должностныхъ лицъ въ черныя волости означало замѣну общиннаго управленія хозяйственнымъ, что уподобляло черныя волости дворцовымъ имѣні-

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 167.

ямъ. Власть прикащиковъ совершенно даже заслонила собою власть выборныхъ, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ указовъ XVII вѣка. Такъ въ указѣ 1661 г. читаемъ, что если дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей приказные люди, въ городахъ же на посадахъ и въ ямскихъ слободахъ земскіе старосты, а въ частныхъ имѣніяхъ приказные люди будутъ бѣглыхъ людей сажать у себя въ крестьяне и въ посадскіе люди, то они подвергнутся за это наказанію. О старостахъ же въ черныхъ волостяхъ нѣтъ и рѣчи [1]). Самъ г. Бѣляевъ приводитъ далѣе наказъ 1683 г., въ которомъ велѣно было, при размежеваніи помѣщичьихъ и вотчинныхъ земель съ землями дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей и ямскихъ слободъ, съѣзжаться межевщикамъ съ прикащиками этихъ общинъ, а если прикащики будутъ въ отъѣздѣ, то брать старостъ, цѣловальниковъ и выборныхъ крестьянъ [2]). Кажется, это свидѣтельствуетъ о томъ, что выборные имѣли самостоятельное значеніе только за отсутствіемъ прикащиковъ, тогда какъ г. Бѣляевъ хочетъ доказать, что ихъ положеніе при новой власти нисколько не измѣнилось.

Вторымъ шагомъ къ сліянію черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями было, какъ я сказалъ, подчиненіе и тѣхъ и другихъ вѣдомству одного приказа Большаго Дворца. Г. Бѣляевъ и въ этомъ не видитъ никакого сближенія; онъ говоритъ, что это сдѣлано было только въ видахъ управленія, такъ же какъ помѣстныя и вотчинныя земли были подчинены Помѣстному приказу. Но прежде всего надобно замѣтить, что Помѣстный приказъ не вмѣшивался во внутренній порядокъ имѣній, тогда какъ приказъ Большаго Дворца вѣдалъ и внутреннее управленіе черныхъ земель, а это составляетъ разницу. Но кромѣ то-

---

1) Полн. Собр. Зак. т. I, № 317.
2) Полн. Собр. Зак. № 1005.

го, если дѣлалось различіе между государственными, черными крестьянами, и государевыми дворцовыми, то какъ же можно было подчинить ихъ одному управленію, и притомъ такому, которое собственно завѣдывало дворцовыми дѣлами? Если далѣе нужно было для черныхъ волостей учредить особое управленіе, то почему же поморскіе уѣзды остались въ управленіи Новгородскаго приказа? Ясное дѣло, что внутри Россіи черныя земли слились съ дворцовыми, тогда какъ поморскія остались въ сторонѣ. Названіе черныхъ сохъ, на которыя указываетъ критикъ, могло еще долго сохраниться въ жизни и въ памятникахъ, такъ же какъ бывшіе монастырскіе крестьяне доселѣ именуютъ себя экономическими, не смотря на то, что они съ Екатерины II вошли въ общій разрядъ съ казенными. Въ сущности же сліяніе было уже совершено, какъ ясно видно изъ указовъ о стрѣлецкой подати, о ямскихъ и полоняничныхъ деньгахъ и о земскихъ бурмистрахъ. Здѣсь черные крестьяне внутри Россіи всѣ причислены къ дворцовымъ, тогда какъ поморскіе, какъ остатокъ прежнихъ черныхъ крестьянъ, отнесены къ другой категоріи. Я привелъ даже нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ этого вліянія. Но о всемъ этомъ г. Бѣляевъ опять-таки умалчиваетъ. Мало того: почтенный критикъ съ XVIII вѣка самыя дворцовыя имѣнія считаетъ государственными. И на какомъ основаніи? На томъ, что по раскладкѣ въ книгахъ сошнаго письма они почти сравнялись съ черными волостями. Это, кажется, прямо говоритъ въ мою пользу. Но г. Бѣляевъ, который тотчасъ передъ этимъ считалъ различіе по сошному письму признакомъ того, что черныя волости никогда не сливались съ дворцовыми, теперь считаетъ безразличіе по сошному письму признакомъ того, что дворцовыя имѣнія слились съ черными и сдѣлались государственными. Противорѣчіе здѣсь дѣйствительно видно, но причины, почему бы дворцовыя имѣнія слѣдовало отнести къ государственнымъ — рѣшительно не видать. Это даже прямо

противорѣчитъ главнымъ, всѣмъ извѣстнымъ указаніямъ на различные разряды крестьянъ при Петрѣ Великомъ, именно: указамъ о подушной подати. Здѣсь государственными крестьянами названы только черносошные крестьяне поморскихъ уѣздовъ, однодворцы, да ясачные инородцы. Всѣ они, равно какъ и городское сословіе, сверхъ общаго осмигривеннаго оклада, обложены были особеннымъ окладомъ въ четыре гривны съ души, въ замѣнъ помѣщичьяго дохода, платимаго церковными крестьянами въ синодальное вѣдомство, помѣщичьими и вотчинными своимъ господамъ, а дворцовыми во дворецъ [1]). Этотъ порядокъ продолжался до Екатерины II, которая всѣхъ крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ и бывшихъ монастырскихъ назвала казенными и отдала въ управленіе казенной палатѣ. Но при Павлѣ Петровичѣ дворцовыя имѣнія были снова отдѣлены и образовали имѣнія удѣльныя, которыхъ никто не считаетъ государственными.

Черносошные крестьяне въ поморскихъ областяхъ сохранились слѣдственно, какъ единственный остатокъ древнихъ черныхъ крестьянъ. На нихъ-то мы лучше всего можемъ прослѣдить измѣненіе древняго быта подъ вліяніемъ законодательства. Изъ межевыхъ инструкцій мы ясно видимъ, какимъ образомъ законъ вводитъ между ними тѣ коренныя установленія, которыя отличаютъ новую общину отъ старой: неотчуждаемость участковъ, приписаніе земли къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ членамъ, ограниченіе свободнаго распоряженія землею и права наслѣдства и т. п. Тѣ же самыя преобразованія мы видимъ въ земляхъ однодворческихъ, притомъ такъ, что законъ приводитъ ихъ въ прямое соотношеніе съ подушною податью. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи о томъ, что законодательство не въ состояніи укоренить въ правахъ и обычаяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон., №№ 1332, 1533, ст. 317.

самобытно. Мы имѣемъ на глазахъ примѣръ противнаго. Однодворцы и черносошные крестьяне такіе же Русскіе, какъ и всѣ; у нихъ также подчиненіе личнаго владѣнія общинному сдѣлалось кореннымъ обычаемъ жизни. А между тѣмъ оно установлено у нихъ только съ половины XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что радикальныя преобразованія въ учрежденіяхъ не могутъ не подѣйствовать на самые нравы; съ теченіемъ времени новый, водворенный ими порядокъ вещей дѣлается жизненною привычкою и укореняется такъ, что трудно отъ него и отстать. Слѣды преобразованій остаются даже на характерѣ народномъ, который развивается въ ту или другую сторону, смотря по тому, подъ какимъ вліяніемъ живетъ общество. Неужели, напримѣръ, всеобщее укрѣпленіе сословій въ XVI вѣкѣ осталось у насъ безъ послѣдствій? Нѣтъ, оно породило такія черты, такія привычки, которыя перешли въ самую нашу плоть и кровь. Вообще, учрежденія не представляютъ одного только поверхностнаго явленія въ исторіи народа, они составляютъ самую общественную его жизнь, они — произведеніе общественнаго его духа.

Итакъ, мы въ общинахъ однодворческихъ и черносошныхъ крестьянъ имѣемъ очевидный примѣръ перехода стараго быта въ новый. Что же говоритъ объ этомъ г. Бѣляевъ? Рѣшительно ничего; у него объ этомъ нѣтъ ни слова. Конечно, въ этомъ случаѣ молчаніе благоразумнѣе, ибо здѣсь критикъ встрѣчается съ самымъ очевиднымъ, можно сказать почти неотразимымъ доводомъ противъ своей системы. Но выигриваютъ ли отъ этого его возраженія? Г. Бѣляевъ останавливается только на приведенномъ мною отрывкѣ изъ экономической инструкціи 1770 года, который еще болѣе подтверждаетъ прямое соотношеніе новаго порядка вещей съ подушною податью. Здѣсь предписывается, вмѣсто *надѣленія* земли по душамъ, производить *надѣленіе* по тягламъ. Ревизія имѣла очевидно въ виду перенести подать съ земли на рабочія силы, которыя однѣ имѣли значеніе въ об-

щественномъ хозяйствѣ. Но опредѣлить ихъ правительство было не въ состояніи; поэтому оно за единицу рабочей силы приняло каждую мужскаго пола душу, записанную въ ревизію, предполагая, что при послѣдующихъ измѣненіяхъ, вновь прибывающіе члены будутъ платить за выбылыхъ, а взрослые за несовершеннолѣтнихъ и стариковъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность за уплату возлагалась не на каждаго въ отдѣльности, а на всѣхъ вмѣстѣ. А между-тѣмъ общины, какъ видно, не хотѣли принять на себя этой отвѣтственности за своихъ членовъ. Поэтому онѣ надѣляли равнымъ участкомъ каждую ревизскую душу, не исключая даже малолѣтныхъ и стариковъ, и предоставляли отдѣльнымъ семействамъ распоряжаться и расплачиваться по своему усмотрѣнію. Такой порядокъ имѣлъ много весьма невыгодныхъ послѣдствій для хозяйства и финансовыхъ сборовъ, и правительство, обративъ на это вниманіе, предписало, при надѣленіи землями, замѣнить фиктивную единицу рабочихъ силъ — душу, дѣйствительною — тягломъ, то-есть взрослымъ мущиною съ женою. Относительно этого-то распоряженія г. Бѣляевъ утверждаетъ, что оно было только возстановленіемъ древняго обычая, издавна существовавшаго въ правахъ народа. Но гдѣ же г. Бѣляевъ видѣлъ, въ древней Россіи, равное раздѣленіе земли по тягламъ? Онъ же самъ на предыдущей страницѣ говоритъ, что въ древности «крестьяне садились на выть земли или на полъ-выти или на другую какую долю и соразмѣрно съ полученнымъ участкомъ земли платили подати». А здѣсь, напротивъ, мы видимъ совершенно равное приписаніе земельныхъ участковъ къ каждому тяглу, такъ что подати слѣдовало платить уже не соразмѣрно съ участкомъ, а всѣмъ одинаково. Да и гдѣ же мы въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемъ понятіе о тяглѣ, какъ объ единицѣ рабочихъ силъ, на которую накладывается подать? Оно очевидно образовалось при перенесеніи податей съ земли на ли-

ца, слѣдственно въ новое время; а между-тѣмъ это понятіе основное для всего нынѣшняго общиннаго быта.

Итакъ поземельный распорядокъ, составляющій отличительную черту нашей сельской общины, возникъ въ новое время. То же самое мы видимъ и въ учрежденіяхъ. Здѣсь вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: откуда общины получили право управляться посредствомъ своихъ выборныхъ, имѣть своихъ выборныхъ судей, своихъ полицейскихъ, хозяйственныхъ и финансовыхъ должностныхъ лицъ? Есть ли это право исконное ихъ достояніе, или оно даровано имъ государственными законами? Извѣстно, что бо́льшая часть нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, которые одни имѣютъ нѣкоторую самостоятельность, образовались изъ монастырскихъ. Монастырскія же имѣнія постоянно управлялись прикащиками, которые притомъ пріобрѣли весьма плохую репутацію, какъ видно изъ доклада князя Куракина. Правда, г. Бѣляевъ утверждаетъ, что рядомъ съ ними всегда существовали выборныя должности; но для доказательства онъ ссылается на грамоты XVI и XVII столѣтій, изданныя въ то время, когда, подъ вліяніемъ государственныхъ преобразованій, духовныя власти вводили у себя участіе въ судѣ старостъ и цѣловальниковъ. Такіе доводы, взятые изъ другой эпохи, не могутъ быть убѣдительны. Если же мы взглянемъ на значеніе, которое имѣли выборные даже и въ то время, то намъ представится еще болѣе сомнительною непрерывность общинной автономіи. Изъ наказовъ, помѣщенныхъ въ Юридическихъ Актахъ (№ 334), видно, что и въ XVI вѣкѣ, за исключеніемъ суда, всѣми дѣлами завѣдывалъ одинъ прикащикъ, безъ всякаго участія выборныхъ властей. Со времени же укрѣпленія крестьянъ прикащичья власть постоянно возрастала, и присутствіе выборныхъ въ судѣ, даже въ нѣкоторыхъ грамотахъ XVII вѣка, еще не доказываетъ, чтобы это сохранилось и въ

XVIII. Во всякомъ случаѣ никто не скажетъ, чтобы помѣщичье имѣніе, которымъ завѣдываетъ прикащикъ, управлялось само собою, если даже въ немъ и есть нѣкоторыя выборныя должности. Когда мы поэтому видимъ, что при переходѣ монастырскихъ имѣній въ казну, прикащики отмѣняются, и общинамъ предоставляется право управляться посредствомъ выборныхъ, мы не можемъ признать это иначе, какъ за нововведеніе, и должны приписать его законодательнымъ мѣрамъ правительства. То же должно сказать и объ однодворцахъ и черносошныхъ крестьянахъ, какъ можно убѣдиться изъ указовъ, приведенныхъ въ моей статьѣ.

Изъ этого видно, на сколько справедливо мнѣніе г. Бѣляева, что начала общиннаго управленія, высказанныя въ экономическихъ пунктахъ «въ существенныхъ своихъ и главныхъ частяхъ составляли исконный и неумолкающій обычай русскаго народа, давно узаконенный исторіею и жизнью, о которомъ вовсе не нужно было напоминать новыми указами», и что «управленіе посредствомъ выборныхъ было издревле вкоренившимся обычаемъ, никогда не прекращавшимся въ сознаніи народномъ и существовавшимъ на дѣлѣ всегда». Исторія говоритъ напротивъ, что этотъ обычай весьма часто прекращался и измѣнялся. До XVI вѣка, даже въ самыхъ свободныхъ общинахъ, то-есть въ черныхъ, выборные люди управляли только финансовыми дѣлами. Въ XVI вѣкѣ государство даетъ общинамъ полную автономію. Въ XVII управленіе опять переходитъ въ руки приказныхъ людей, которые совершенно заслоняютъ собою выборныхъ. Только въ концѣ XVII вѣка, опять же подъ вліяніемъ законодательства, получаютъ бо́льшую самостоятельность городскія общины и нѣкоторыя уравненныя съ ними сельскія, тогда какъ въ большей части селъ, напротивъ того, съ усиленіемъ помѣщичьей власти, развиваются и зависящія отъ нея приказныя должности. При Екатеринѣ II, на-

конецъ, рядомъ съ устройствомъ городскихъ общинъ, полагается начало и управленію общинъ казенныхъ крестьянъ посредствомъ выборныхъ, что продолжается и донынѣ. Потому я и сказалъ, что внутреннее устройство сельскихъ общинъ есть собственно созданіе великой монархини. На это г. Бѣляевъ возражаетъ, что нѣкоторыя положенія Высочайшихъ экономическихъ пунктовъ не сохранились до нашего времени. Но у меня сказано то же самое, и это нисколько не доказываетъ, чтобы не сохранились существенныя черты управленія. Замѣтимъ только, что г. Бѣляевъ могъ бы удачнѣе выбрать указанія на такія исчезнувшія постановленія, ибо изъ двухъ приведенныхъ имъ примѣровъ (именно: присутствіе при выборахъ уѣздныхъ стряпчихъ и сельскихъ засѣдателей, и устройство куреней около селеній), ни одинъ, сколько намъ извѣстно, не находится въ Высочайшихъ экономическихъ пунктахъ. Оба помѣщены въ учрежденіи казенныхъ селеній въ Екатеринославской губерніи, но при первомъ нѣтъ ссылки ни на какое постановленіе, а при второмъ есть дѣйствительно ссылка, только не на экономическіе пункты, а на полицейскую инструкцію 1722 года.

Что же касается наконецъ до вопроса: сохранялись ли эти обычаи въ сознаніи народномъ, когда они прекращались на дѣлѣ? то объ этомъ ни г. Бѣляевъ, ни кто-либо другой не имѣетъ ни малѣйшаго свѣдѣнія; это опять одно изъ тѣхъ общихъ выраженій, которыхъ слѣдуетъ по возможности остерегаться, ибо мы подъ ихъ фирмою слишкомъ часто склонны принимать фразу за дѣло. Сознанію мы можемъ все приписать, когда оно не проявляется во внѣшнихъ фактахъ. Не въ такихъ произвольныхъ предположеніяхъ состоитъ дѣло историка: задача его — изучить то, что выработалось жизнью, наблюдать за постепеннымъ ходомъ ея измѣненій, отыскивать причины того или другаго явленія. Въ перемѣнахъ общественнаго быта и учрежде-

ній выражается и самое развитіе сознанія народнаго. Если мы хотимъ подойдти къ нему поближе, уловить постепенный его ходъ, мы прежде всего должны строго слѣдить за различіемъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, и поверхностное сходство не должны тотчасъ принимать за тождество. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи, какъ и вездѣ, выборное начало и приказное (разумѣя подъ послѣднимъ назначеніе должностныхъ лицъ отъ правительства) существовали всегда; это основные элементы всякого общественнаго быта. Но въ какой мѣрѣ они существовали, какой они имѣли характеръ, которое изъ нихъ имѣло перевѣсъ, подъ какимъ вліяніемъ совершались въ нихъ измѣненія — вотъ что составляетъ содержаніе исторіи права. А при внимательномъ изученіи послѣдней, даже послѣ статьи г. Бѣляева, мы все-таки приходимъ къ заключенію, что общинная жизнь развивалась у насъ подъ вліяніемъ общихъ государственныхъ мѣръ, а не мѣстныхъ обычныхъ постановленій. Духъ русскаго народа выразился преимущественно въ созданіи государства; отсюда истекаютъ основныя начала его общественной жизни.

Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ издателемъ «Русской Бесѣды» въ томъ, что нынѣшняя наша община не государственная, а товарищеская или мірская. Первое основаніе товарищества есть свободное согласіе каждаго; но вѣроятно самъ г. издатель «Русской Бесѣды» не будетъ утверждать, что современная русская община основана на свободномъ договорѣ. Принадлежность члена къ извѣстной общинѣ, также какъ и власть общины надъ членами, опредѣляются въ ней отнюдь не договоромъ, а государственными постановленіями. Община живетъ далѣе не на своей, а на казенной землѣ; приписаніе къ ней извѣстнаго округа совершалось и совершается на основаніи правительственныхъ распоряженій. Общіе государственные законы опредѣляютъ ея права и обязан-

ности. Право суда, также какъ разныя полицейскія и хозяйственныя учрежденія, дарованы ей государствомъ. Раскладка и сборъ податей и отправленіе повинностей совершаются съ государственною цѣлью, а это имѣетъ непосредственное вліяніе на самое поземельное владѣніе. Однимъ словомъ, вездѣ видится и чувствуется присутствіе государственнаго элемента, опредѣляющаго всѣ основы общиннаго быта. Даже въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ преобладаетъ владѣльческій элементъ, государство установило самую существенную ихъ черту, отъ которой зависитъ все внутреннее ихъ устройство — именно: крѣпостное право. Гдѣ же во всемъ этомъ товарищество?

Въ заключеніе намъ остается поблагодарить г. издателя «Русской Бесѣды» за лестный отзывъ о моей статьѣ. Я долженъ однако сказать, что онъ дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести: я вовсе не думалъ совокупить воедино и уяснить главные доводы, опровергающіе исконное существованіе нынѣшняго общиннаго быта въ Россіи[1]). Я хотѣлъ только возбудить важный историческій вопросъ и собрать нѣсколько данныхъ, могущихъ способствовать его уясненію. Не думаю, чтобы критика г. Бѣляева много подвинула впередъ разрѣшеніе этой задачи; какъ мнѣ кажется, она не поколебала ни одного изъ выведенныхъ мною положеній. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ едва затронутъ и требуетъ еще долгой разработки. А если такъ, то не странно ли видѣть въ предисловіи «Русской Бесѣды» положеніе о мірской общинѣ, высказанное за несомнѣнную истину, и притомъ такую, на основаніи которой мы должны подвергнуть

[1]) Замѣчу здѣсь, что издатель говоритъ, будто я отвергаю исконное существованіе общины въ Россіи. Это не совсѣмъ вѣрно. Общины всегда были, есть и будутъ, у насъ, какъ и вездѣ. Я сказалъ только, что съ теченіемъ времени измѣнялась у насъ форма общиннаго быта. Сначала была патріархальная община, потомъ владѣльческая, и частью, въ городахъ, договорная, наконецъ государственная, какъ это и высказано въ третьемъ положеніи, выведенномъ изъ моей статьи.

критикѣ все современное просвѣщеніе? Да позволитъ мнѣ сказать г. издатель: выводы, сдѣланные прежде исторической и фактической разработки предмета, принадлежатъ не къ области науки, а къ области воображенія, и заслуживаютъ названіе вымысловъ. Кто не радъ, что новый журналъ хочетъ приняться за разработку русскихъ началъ; всякій готовъ, по мѣрѣ силъ, помочь этому дѣлу. Но что такое русскія начала — это можетъ открыться только изъ основательнаго изученія прошедшей и настоящей жизни нашего народа, то-есть изъ науки, а наука русской жизни едва начинается. Кой-что уже сдѣлано, но многое и многое остается впереди, и до сихъ поръ еще не выработалось несомнѣнныхъ, признанныхъ всѣми положеній. Будемъ продолжать эту работу; чего же лучше? Но зачѣмъ превращать дѣло фактическаго изслѣдованія въ дѣло убѣжденія? Не значитъ ли это добровольно закрыть себѣ путь къ отысканію истины? Въ исторію намъ незачѣмъ вносить собственныхъ желаній и требованій; повѣрьте, отъ этого никто не выиграетъ. Какъ бы истина ни была печальна, она все таки лучше обольстительной лжи. Только глядя ей въ глаза, съ трезвою мыслью, не отуманенною влеченіями сердца, можемъ мы понять настоящее свое положеніе и сдѣлать что-нибудь и для будущаго. Русскій народъ не нуждается въ томъ, чтобы мы ему приписывали созданіе лучшихъ формъ общежитія, хотя бы даже и въ тѣсныхъ предѣлахъ, и разныя другія преимущества передъ современными народами. Не самохвальство намъ потребно, а самосознаніе. Къ нему-то мы и должны стремиться, отрѣшившись отъ фантастическихъ призраковъ, отъ приготовленныхъ заранѣе убѣжденій, и приступивши къ основательной фактической разработкѣ исторіи нашего отечества.

ХОЛОПЫ И КРЕСТЬЯНЕ

ВЪ РОССІИ

ДО XVI ВѢКА.

Въ государственномъ быту встрѣчаются учрежденія, которыхъ корни глубоко затаены въ жизни народной. Они не произведеніе вчерашняго дня; ихъ не установило законодательство, имѣющее въ виду потребности времени и измѣняющееся съ ходомъ обстоятельствъ. Они составляютъ наслѣдіе давнихъ временъ, и достаются отъ предковъ отдаленному потомству. Иногда они живутъ единственно благодаря этой древности. Жизнь ушла впередъ, а учрежденія остаются тѣже. Первоначальный смыслъ ихъ затемняется и забывается; они приноравливаются къ потребностямъ новаго быта, совершенно отличнаго отъ того, который ихъ произвелъ, и представляютъ остатокъ старины, не всегда понятный для современниковъ. Люди, получившіе это наслѣдіе, живущіе подъ вліяніемъ этихъ стародавнихъ учрежденій, стараются однакоже уяснить себѣ ихъ значеніе. Для этого придумываются обыкновенно разныя государственныя соображенія, разныя причины бытія, почерпнутыя изъ настоящей жизни, и дающія имъ смыслъ въ настоящее время. Но такія объясненія могутъ только затемнить дѣло; каждое учрежденіе имѣетъ смыслъ и значеніе един-

ственно на той почвѣ, на которой оно возникло. Чтобы понять его, нужно перенестись мысленнымъ взоромъ къ тому порядку вещей, который присутствовалъ при его зарожденіи, нужно прослѣдить постепенный процессъ его образованія и послѣдующихъ его измѣненій, устранивши современныя софистическія выдумки. Однимъ словомъ — каждое учрежденіе объясняется только своею исторіей; исторія одна даетъ намъ его смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшаетъ, имѣетъ ли оно право на дальнѣйшее существованіе, или нѣтъ. Историческая работа должна по этому служить краеугольнымъ камнемъ для пониманія современнаго состоянія общества и народовъ; безъ нея всѣ государственныя соображенія имѣютъ слишкомъ шаткую основу. Отправляясь отъ одного настоящаго, они не могутъ отдѣлить временныхъ стихій отъ постоянныхъ, не могутъ уразумѣть внутренняго смысла жизни, глубоко затаеннаго въ нѣдрахъ исторіи, не могутъ наконецъ и создать прочнаго порядка вещей, ибо ничего не видятъ далѣе минутныхъ потребностей современности, далѣе рутины привычнаго порядка. Но, разумѣется, изучая исторію, мы не должны приступать къ ней съ заранѣе приготовленными убѣжденіями, вносить въ нее современныя требованія, современные интересы; ибо тогда она потеряетъ истинное свое значеніе, и сдѣлается орудіемъ для доказательства той или другой мысли. Поэтому, когда мы изучаемъ исторію какого бы то ни было учрежденія, мы должны прежде всего отдѣлиться отъ настоящаго и разсмотрѣть, при какихъ оно возникло условіяхъ, какая была причина существованія такого порядка вещей?

Къ числу учрежденій, составляющихъ завѣщанное вѣками наслѣдіе, у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныя эпохи ихъ жизни, принадлежатъ состоянія несвободныя. Рабство мы видимъ уже въ глубочайшей древности; нѣтъ народа, у котораго бы оно не проявилось въ той или другой формѣ. На-

чало его теряется во мракѣ; въ послѣдствіи оно продолжаетъ существовать, измѣняясь съ теченіемъ времени, принимая въ себя новыя стихіи, но вообще смягчаясь по мѣрѣ развитія началъ человѣколюбія и нравственности. У каждаго народа оно получаетъ свой оттѣнокъ, зависящій отъ народныхъ свойствъ и отъ характера общественнаго развитія. У одного оно принимаетъ черты болѣе суровыя, у другаго болѣе мягкія; у одного развивается преимущественно юридическая сторона, у другаго юридическія опредѣленія касаются только самыхъ яркихъ проявленій жизни; у одного мы видимъ строгую послѣдовательность выводовъ, у другаго напротивъ неопредѣленность отношеній раждаетъ противорѣчія, которыя разрѣшаются только жизнью. Въ какой же формѣ являются несвободныя состоянія у нашихъ предковъ? Откуда они возникли и какимъ подверглись измѣненіямъ? Вопросъ чрезвычайно важный, можно сказать одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей исторіи, если мы взглянемъ на долговѣчность этихъ отношеній и на значеніе, которое они имѣютъ даже въ настоящее время.

У всѣхъ народовъ первоначальнымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ. Племена первобытныя лишены сознанія объ общеніи народовъ; у нихъ нѣтъ понятія о человѣкѣ, ибо это понятіе постепенно вырабатывается путемъ историческаго развитія. Для нихъ право и законъ не выходятъ изъ тѣснаго круга національной исключительности, и все, что̀ внѣ этой сферы подпадаетъ подъ ихъ власть, становится законнымъ ихъ достояніемъ. Такимъ образомъ плѣнникъ, взятый на войнѣ, вмѣстѣ съ добычею дѣлается собственностью побѣдителя и превращается въ раба, находящагося въ полномъ распоряженіи господина. Это явленіе всеобщее. Но отъ племеннаго характера зависитъ состояніе, въ которомъ содержатся плѣнные невольники. Чѣмъ мягче нравы народа, чѣмъ меньше онъ склоненъ къ воинственной жизни, тѣмъ отношенія къ плѣннымъ

отзываются большею кротостью. У Славянъ, по свидѣтельству Маврикія[1]), плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и какъ друзья.

Этимъ скуднымъ извѣстіемъ ограничивается то, что̀ мы знаемъ о рабствѣ, существовавшемъ у нашихъ предковъ. Но его достаточно для убѣжденія, что не у нихъ мы должны искать начала тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, какія развились въ послѣдствіи. Настоящее рабство является у насъ вмѣстѣ съ варяжскою дружиной, и вѣроятно было принесено ею. Уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками встрѣчаются условія о рабахъ, требуется выдача бѣжавшаго раба и установляется ему цѣна. Изъ этихъ и другихъ источниковъ[2]) мы знаемъ, что варяжскіе купцы въ Константинополѣ торговали рабами, плѣнными или купленными. Воинственный характеръ дружины долженъ былъ значительно способствовать умноженію рабовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать положеніе ихъ гораздо худшимъ, нежели какимъ оно было у древнихъ Славянъ. Плѣнные по прежнему считались военною добычею, и князья въ своихъ походахъ выводили ихъ во множествѣ изъ опустошаемыхъ земель. Такъ Ольга, взявши Коростень, многихъ Древлянъ избила, а другихъ отдала въ рабство своему войску. Такъ Ярославъ и Мстиславъ воевали Ляшскую землю и многихъ Ляховъ вывели и раздѣлили между собою[3]).

Въ Русской Правдѣ рабство является, какъ вполнѣ развитое учрежденіе. Здѣсь исчисляются три источника холопства обѣльнаго, т. е. полнаго: 1) Купля передъ свидѣтелями, при чемъ покупщикъ долженъ былъ дать продавцу по крайней мѣрѣ

[1]) Карамз. т. I, примѣч. 132.

[2]) Карамз. т. I, примѣч. 329.

[3]) Рейцъ, изданіе Морошкина, стр. 67.

ногату (мелкую монету) въ присутствіи холопа, а не безъ него. Вѣроятно это было установлено для большей крѣпости договора, который совершался безъ формальнаго акта; въ случаѣ спора о принадлежности холопа или о его свободѣ, дѣло могло быть рѣшено его показаніемъ или присягою. Ниже мы найдемъ подтвержденіе этой мысли. 2) Женитьба на рабѣ безъ ряда; но если женихъ заключалъ особенный договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Въ послѣдствіи всегда существовало правило: по рабѣ холопъ, а по холопѣ раба. Оно возникло не изъ понятія о нераздѣльности семейства, ибо на основаніи договора мужъ могъ оставаться свободнымъ, когда жена была крѣпостная, и наоборотъ, какъ увидимъ ниже, жена могла быть отпущена на волю, когда мужъ оставался холопомъ. Оно имѣло основаніемъ то, что свободный человѣкъ связывалъ себя съ лицемъ, составлявшимъ собственность другаго, въ слѣдствіе чего и самъ онъ становился собственностью. Личная зависимость дѣлала человѣка крѣпостнымъ, какъ видно и изъ слѣдующаго источника обѣльнаго холопства. Это 3) принятіе должности тіуна или ключника безъ ряда; если же это совершилось на основаніи договора, «то како ся будетъ срядилъ, на томъ же и стоить»[1]. Здѣсь опять личная зависимость дѣлаетъ человѣка холопомъ, если онъ особеннымъ условіемъ не выговорилъ себѣ право свободы.

Кромѣ того въ Русской Правдѣ упоминаются и другіе источники рабства. Сюда относится: 1) Рожденіе отъ рабыни. Плодъ отъ челяди, такъ же, какъ плодъ отъ скота, составляетъ собственность хозяина (ст. 68). 2) Неоплатный долгъ. Купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, и утерявшій ихъ по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, какъ-то вслѣдствіе пожара, кораблекрушенія, или плѣна, или грабежа, не

---

[1]) См. Русская Правда, изданіе Калачева, стр. IV, V, VI.

подвергался насильственному взысканію денегъ, но могъ уплачивать ихъ по мѣрѣ возможности, потому что та пагуба отъ Бога, а самъ онъ въ томъ не виноватъ. Но если онъ пропьетъ деньги или товаръ, или вообще испортитъ и утеряетъ ихъ по своей винѣ, то заимодавцу предоставляется право либо ждать своего долга, либо продать своего должника (ст. 12). Въ другой статьѣ (55) предписано, всякаго человѣка, кто задолжаетъ многимъ, и не въ состояніи уплатить, вести на торгъ и продать. То же самое правило постановлено и въ договорѣ Новгорода съ Готландцами въ началѣ XIII вѣка: несостоятельный должникъ отдается въ рабство иностранцу со всѣмъ семействомъ; гость можетъ увести его съ собою изъ Новгорода, если никто не согласится выкупить его на торгу, заплативъ за него долгъ. Это самая жестокая форма уплаты; должникъ разсматривается, какъ вещь, которой цѣна должна удовлетворить заимодавца. Въ послѣдствіи, когда развивается государство, оно беретъ человѣческую свободу подъ свою защиту: сначала установляется временное служеніе для заработки долга, а потомъ и совершенное уничтоженіе личной зависимости. Въ настоящее время заимодавецъ можетъ посадить должника въ тюрьму; это какъ бы понудительное средство къ уплатѣ долга, но держать его въ личномъ услуженіи онъ не можетъ. 3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ закупъ, т. е. человѣкъ временно отдавшій себя въ работу за долгъ, дѣлался рабомъ хозяина, именно если онъ бѣжалъ отъ хозяина, или совершилъ преступленіе, за которое хозяинъ обязанъ былъ вознаградить истца. Объ этомъ будетъ говорено еще ниже, когда мы будемъ разсматривать состояніе закупа.

Ко всѣмъ этимъ способамъ укрѣпленія надобно прибавить еще плѣнъ, о которомъ мы уже говорили, и добровольную продажу себя въ рабство, которая безъ сомнѣнія существовала въ то время, также какъ и въ послѣдствіи, хотя въ Русской

Правдѣ объ ней не упоминается иначе, какъ въ формѣ добровольнаго вступленія въ должности ключника и тіуна. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. говорится также и о томъ, что если князь разгнѣвается на подвластнаго ему человѣка, онъ можетъ обратить его въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ другомъ спискѣ того же договора, вмѣсто обращенія въ холопство, сказано: повелитъ его разграбить съ женою и дѣтьми [1]). Это извѣстная форма наказанія — потокъ и разграбленіе, которая встрѣчается и въ Русской Правдѣ: разбойникъ съ женою и дѣтьми выдается на разграбленіе, или же, по другому списку, на потокъ и разграбленіе. На потокъ отдавался и лошадиный воръ, равно какъ и зажигатель, котораго домъ предавался грабежу. Въ одномъ спискѣ слово «потокъ» замѣняется словомъ «изгнаніе», изъ чего можно заключить, что послѣдствіемъ преступленія могло быть какъ изгнаніе, такъ и обращеніе въ холопство.

Изъ этого видно, какъ многочисленны и разнообразны были способы личнаго укрѣпленія. Каждое зависимое отношеніе могло быть источникомъ рабства: плѣнъ, женитьба, заемъ, наемъ, преступленіе, добровольное подданство — все могло свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, не говоря уже о способахъ производныхъ, какъ-то куплѣ и рожденіи въ холопскомъ состояніи. Во времена насилія и неустройства каждое лице стремилось расширить свою власть, укрѣпить за собою все, что примыкало къ нему какимъ бы то ни было образомъ, и тѣмъ увеличить свое значеніе въ обществѣ. Это стремленіе было даже до такой степени сильно, что законодательство принуждено было поставить ему нѣкоторыя ограниченія: по законамъ Русской Правды, человѣкъ, получившій ссуду (дачу) или хлѣбъ

[1]) Русская Правда, Калачева, стр. 158.

или придатокъ (?), черезъ это не дѣлался холопомъ, но сохранялъ право возвратить данное (милость) и отойдти отъ хозяина (ст. 7). Но самая необходимость такого ограниченія показываетъ, до какой степени каждое лице старалось установитъ полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ.

Каково же было юридическое положеніе холопа? На это мы найдемъ отвѣтъ въ постановленіяхъ Русской Правды.

Холопъ считался не лицомъ, а вещью, частною собственностью хозяина, которая подвергалась тѣмъ же юридическимъ послѣдствіямъ, какъ и всякое другое имущество. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ и съ деньгами высчитывается въ числѣ движимаго имущества хозяина (ст. 68). Собственности у холопа нѣтъ; все, что бѣглый холопъ пріобрѣлъ, все то, вмѣстѣ съ его лицемъ, поступаетъ къ владѣльцу (ст. 58). Кто даетъ холопу денегъ взаймы, зная, что онъ холопъ, тотъ лишается своихъ денегъ; но если онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, то хозяинъ обязанъ заплатить за холопа. Въ договорѣ Мстислава Давидовича съ Ригою допускается впрочемъ долгъ, сдѣланный холопомъ княжескимъ: если латинскій гость дастъ ссуду княжескому холопу или другому доброму человѣку, а тотъ умретъ, не заплативъ долга, то наслѣдникъ его обязанъ вознаградить Нѣмца; тѣмъ же правомъ пользуются и Русскіе въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ[1]). Но въ Русской Правдѣ объ этомъ исключеніи нѣтъ ни слова. Хозяинъ же платитъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать (ст. 57); онъ же вознаграждаетъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ платить. Такимъ образомъ, если холопъ укралъ что нибудь, господинъ его платитъ вдвое противъ цѣны вещи, но на холопа пени не палагается, потому что онъ несвободный (ст. 46). Господинъ во-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. II, № 1-й.

ленъ однакоже, вмѣсто уплаты, выдать его истцу съ женою и дѣтьми, если они участвовали въ покражѣ или въ утайкѣ украденной вещи, или безъ нихъ, если они ни въ чемъ невиновны (ст. 49). Было одно только преступленіе, которое имѣло послѣдствія и для самого холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человѣку. Если холопъ ударитъ свободнаго мужа и убѣжитъ къ хозяину, а послѣдній не захочетъ его выдать, то онъ обязанъ заплатить истцу 12 гривенъ, но обиженный могъ за тѣмъ убить холопа, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Такъ уставилъ Ярославъ Владиміровичъ, но сыновья его смягчили этотъ законъ; они предоставили на выборъ обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кунъ за посрамленіе (ст. 60).

Такимъ образомъ собственность холопа есть собственность господина; за дѣйствія холопа отвѣчаетъ господинъ. Какъ несвободный, холопъ не можетъ быть и свидѣтелемъ въ судѣ; только по крайней нуждѣ допускается свидѣтельство дворскаго тіуна боярскаго (ст. 117). Но во всякомъ случаѣ по свидѣтельству холопа судья не могъ подвергнуть отвѣтчика испытанію желѣзомъ и водою, развѣ этого потребуетъ истецъ, сказавши, что испытанію подвергаетъ отвѣтчика самъ онъ, а не холопъ. Однакожь если отвѣтчикъ не могъ быть уличенъ, истецъ обязанъ былъ заплатить ему гривну за муку, потому что онъ основался на рѣчахъ холопа (ст. 119).

Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ, утаенъ. Поэтому въ Русской Правдѣ постановляются правила для всѣхъ этихъ случаевъ. За убійство свободнаго человѣка платится вира; но за холопа и за рабу виры нѣтъ, а въ случаѣ убійства безъ вины, убійца платитъ урокъ господину, да князю 12 гривенъ пени (ст. 84). Количество этого урока опредѣлено въ другой статьѣ (82): за холопа платится 5 гривенъ, за рабу 6. Только за кормильца или кормилицу платится 12

гривенъ, даже если они холопы (83). Изъ этого послѣдняго выраженія можно заключить, что княжескіе и боярскіе тіуны, также княжескіе конюхи, отроки, старосты, за убійство которыхъ полагаются разныя виры и платы, не принадлежали къ числу холоповъ. Впрочемъ не мудрено, что за холопа княжескаго платилось болѣе, нежели за холопа, принадлежавшаго другимъ лицамъ, точно также, какъ за уничтоженіе борти княжеской платилось 3 гривны, а за борть, принадлежавшую простому человѣку (смерду), 2 гривны. Цѣна, постановленная за убійство холопа (5 гр.) и рабы (6 гр.), равняется цѣнѣ, назначенной и за убійство свободнаго смерда (ст. 82) и наемника (рядовича, ст. 80), что показываетъ низкое состояніе, въ которомъ находился простой народъ. Замѣчательно при этомъ, что за убійство лошади или скота, также какъ и за холопа, постановлено 12 гривенъ пени, а господину гривну за пагубу, да урокъ (ст. 101). Въ договорѣ Новгорода съ Готландцами положено за убійство простаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа же 2 гривны, за рану, нанесенную свободному человѣку, 2 гривны, холопу полгривны. Въ договорѣ Мстислава Давыдовича съ Ригою положено за убійство свободнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа гривну. За рану и побои, нанесенные холопу, въ первомъ договорѣ положено платить гривну кунъ. Въ Русской Правдѣ о послѣднемъ нѣтъ ни слова; вѣроятно эти постановленія развились въ послѣдствіи. Не говорится въ ней и о томъ случаѣ, если самъ господинъ убьетъ своего раба, но это молчаніе должно приписать единственно тому, что онъ за это не подвергался никакой отвѣтственности. «Въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть», а есть только пени за уничтоженіе чужой собственности, также какъ и за убіеніе лошади. Поэтому, какъ скотину хозяинъ властенъ былъ убить или оставить въ живыхъ, точно также и надъ рабомъ имѣлъ онъ полное право жизни и смерти. Подобное по-

становленіе встрѣчается даже въ исходѣ XIV вѣка. Въ Двинской грамотѣ, данной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1399 г., читаемъ: «а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ»[1]).

Холопъ могъ быть не только убитъ, но и украденъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ Правды положено за уводъ чужаго холопа или рабы, платить хозяину 12 гривенъ за обиду; въ позднѣйшихъ спискахъ установлено 12 гривенъ продажи въ пользу князя (ст. 107). За покражу скота положено 3 гривны и 30 кунъ, за покражу бобра также 12 гривенъ (ст. 108, 111). Нашедши своего украденнаго холопа, хозяинъ не имѣлъ однакоже права тотчасъ взять его себѣ, но долженъ былъ, также какъ и для всякой другой украденной вещи — лошади, платья, скотины, вести отвѣтчика на сводъ, т. е. заставить его сказать, у кого онъ купилъ вещь. Дошедши до третьяго человѣка, хозяинъ могъ взять у него другаго холопа и предоставить отвѣтчику дальнѣйшій искъ. При этомъ говорится, что здѣсь нельзя, какъ при покупкѣ скота, отговариваться тѣмъ, что я не знаю у кого купилъ, но должно по показаніямъ (по языку) идти до конца свода (ст. 127). Отъ этихъ формальностей хозяинъ могъ однакоже избавиться, прокликавши на торгу, что у него пропалъ холопъ. Если послѣ того въ продолженіи трехъ дней холопа не приводили, и хозяинъ отыскивалъ его уже самъ, то онъ бралъ его тотчасъ, а съ передержателя получалъ 3 гривны за обиду (ст. 124). То же самое постановлено при отысканіи похищеннаго коня, оружія или платья (ст. 123). Впрочемъ купившій чужаго холопа по невѣдѣнію во всякомъ случаѣ получалъ обратно данную цѣну; но тотъ, кто покупалъ его, зная, что онъ чужой, въ наказаніе лишался своихъ денегъ (ст. 9).

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 13.

Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ и объясненіе, для чего нужно было продажу совершать въ присутствіи холопа: его показанія могли облегчить отысканіе настоящаго вора, или удостовѣрить въ томъ, зналъ ли покупщикъ о его принадлежности другому хозяину, или нѣтъ.

Русская Правда установляетъ пеню и за помощь, оказанную бѣжавшему рабу. Если кто дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, зная, что онъ холопъ, тотъ обязанъ заплатить хозяину за холопа 5 гривенъ, за рабу 6. Цѣна установлена таже, что и при убійствѣ — ясное доказательство того, что здѣсь главное вниманіе обращено было на лишеніе собственности. Въ обоихъ случаяхъ хозяинъ терялъ одинаково, почему и получалъ одинакое вознагражденіе. Но если оказавшій помощь или передержатель бѣглаго холопа давалъ присягу, что онъ не зналъ его за холопа, то онъ избавлялся отъ всякого взысканія (ст. 52, 53). Перехватившій чужаго бѣглаго холопа и извѣстившій о томъ хозяина, получалъ за это отъ послѣдняго гривну кунъ за переемъ; но если онъ его упускалъ, то обязанъ былъ заплатить 4 гривны за холопа и 5 за рабу, ибо гривна оставалась въ его пользу за поимку (ст. 54). Если же хозяинъ самъ отыщетъ холопа въ какомъ-либо городѣ, то онъ обязанъ объявить о томъ посаднику, и взявши у него отрока, пойдти съ нимъ связать холопа. Но если при этомъ онъ его упуститъ, и погнавшись за нимъ, убьетъ его, то убытокъ остается на немъ, и никто ничего не платитъ (ст. 142).

Таковы постановленія Русской Правды о холопахъ; изъ нихъ видно, что рабство принималось въ самомъ строгомъ смыслѣ. Рабъ считался полною собственностью хозяина, вещью лишенною всякихъ правъ. Одно только и встрѣчается законоположеніе въ пользу холоповъ: это то, что дѣти, прижитые хозяиномъ отъ рабыни, послѣ его смерти дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Здѣсь нравственное начало вос-

торжествовало и ослабило юридическую строгость учрежденій.

Рядомъ съ рабствомъ является въ Русской Правдѣ другое зависимое состояніе: это состояніе закупа. Закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу до уплаты. Въ одной статьѣ Русской Правды (ст. 20) онъ называется также наймитомъ, и дѣйствительно это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе скорѣе можно назвать личнымъ закладомъ, на что указываетъ и слово: закупъ, тождественное съ закладомъ [1]). Въ послѣдствіи самое это слово изчезаетъ, и вмѣсто его является названіе: закладня, которое въ свою очередь превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа. Впрочемъ и договоръ найма близко подходилъ къ этому, ибо наемный работникъ часто получалъ отъ хозяина ссуду, которую обязанъ былъ возвратить, когда отходилъ отъ него. Въ то время ничего не могло быть естественнѣе, какъ такой личный закладъ; за недостаткомъ правильнаго общественнаго устройства и законовъ, охраняющихъ искъ, трудно было найдти другое обезпеченіе для заимодавца. Если у должника было недвижимое имущество, тогда оно могло поступать въ залогъ, и въ такомъ случаѣ оно обыкновенно отдавалось въ распоряженіе заимодавца. Но если такого имущества не было, нужно было искать обезпеченія личнаго, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что свобода человѣческая мало цѣнилась, и стремленіе къ личному порабощенію и безъ того сильно проявлялось въ общественномъ быту. Поэтому закупъ становился въ состояніе близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него различное [2]). Зави-

---

[1]) См. объ этомъ Неволина Исторія гражд. законовъ, т. I, стр. 346, примѣч. 123; также Дополн. къ А. И. т. II, стр. 136; Акты Юридич. № 417. Акты Археогр. Эксп. т. I, № 160.

[2]) См. Русская Правда, статьи 17 — 21 и 117.

симость была только временная, и онъ долженъ былъ сохранить возможность освободиться отъ нея уплатою долга. У него была своя собственность, своя лошадь; онъ работалъ и на себя, хотя обязанъ былъ также работать на господина. И то и другое именно говорится о закупѣ ролейномъ, то есть земледѣльческомъ, который вѣроятно сидѣлъ на землѣ своего хозяина. Опредѣлены и нѣкоторыя обязанности его въ отношеніи къ господину. Если онъ погубитъ данные ему господиномъ плугъ или борону, то онъ долженъ за это вознаградить хозяина; но если эти орудія подвергнутся порчѣ или истребленію безъ него, въ то время, какъ господинъ отошлетъ его на свою работу, то платить онъ не обязанъ. Точно также не обязанъ онъ платить, если скотину выведутъ изъ хлѣва или забоя безъ его вины; но если это сдѣлается по его оплошности, или если онъ загубитъ ихъ на своей работѣ, то онъ обязанъ вознаградить хозяина. Съ своей стороны и хозяинъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ могъ бить закупа, но не иначе какъ за дѣло; если же онъ билъ его безъ вины, будучи пьянъ, то долженъ былъ платить ему за оскорбленіе, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Точно также и неправильно удержанныя или отнятыя у закупа деньги хозяинъ долженъ былъ возвратить, да кромѣ того заплатить ему за обиду. Наконецъ, если хозяинъ продавалъ закупа въ полное холопство, то онъ обязанъ былъ въ наказаніе заплатить пеню въ 12 гривенъ, и кромѣ того лишался отданныхъ закупу денегъ. Вообще закупу предоставлено было право жаловаться на господина, но не смотря на это постановленіе, положеніе его было весьма зависимое; ибо законныя ограниченія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія его свободы. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность, разумѣется, всегда обращается въ пользу

сильнаго [1]). Эту зависимость понимало и само законодательство, которое запрещало принимать свидѣтельство закупа иначе, какъ въ самыхъ незначительныхъ тяжбахъ. Оно возлагало на господина и отвѣтственность за преступленія закупа, также какъ за преступленія холопа: если закупъ укралъ что-нибудь, то господинъ обязанъ былъ вознаградить истца, а закупъ становился его холопомъ; если же хозяинъ не хотѣлъ платить, то онъ могъ закупа продать, и заплатить украденное изъ вырученной цѣны, а остальное взять себѣ. Совершивши преступленіе, за которое онъ долженъ былъ дать вознагражденіе, закупъ какъ бы принималъ на себя новое обязательство, не исполнивъ прежняго, и тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего и поступалъ въ холопство къ своему заимодавцу. Точно также закупъ дѣлался рабомъ вслѣдствіе бѣгства: если онъ бѣжалъ отъ господина для того, чтобы жаловаться князю или судьямъ на обиду, то онъ не подвергался взысканію; иначе онъ становился холопомъ своего господина. Бѣгствомъ онъ какъ бы разрушалъ заемное обязательство, и черезъ это закладъ поступалъ въ полную собственность заимодавца. Переходъ въ рабство былъ слѣдственно чрезвычайно легокъ, ибо закупничество составляло нѣчто среднее между свободою и холопствомъ, а въ то время между тѣмъ и другимъ состояніемъ не было такого рѣзскаго разграниченія, какое дѣлается въ послѣдствіи, когда человѣческая свобода получаетъ бо́льшую цѣну.

Таковы постановленія Русской Правды о холопахъ и закупахъ. Относительно первыхъ мы видимъ въ ней довольно строгое развитіе принятыхъ законодательствомъ началъ; относительно послѣднихъ напротивъ является неопредѣленность, со-

---

[1]) См. статью г. Панова о кабальныхъ людяхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1856 г. №№ 24 и 25. Впрочемъ съ нѣкоторыми выводами автора нельзя согласиться.

ставляющая какъ бы принадлежность тогдашняго времени. Въ младенческую эпоху законъ обыкновенно дѣлаетъ только тѣ постановленія, въ которыхъ встрѣчается настоятельная потребность. Онъ не ищетъ полноты опредѣленій, ибо обычай довольно еще крѣпокъ, чтобы служить главною основою жизни. Но за недостаткомъ данныхъ мы, разумѣется, не можемъ проникнуть въ эту фактическую сторону учрежденія. Поэтому намъ остается только дополнить эти постановленія нѣкоторыми позднѣйшими извѣстіями, которыя содержатся въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей.

Изъ этихъ памятниковъ мы видимъ, что холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ [1]); первые были приказные люди — ключники, посельскіе, старосты, тіуны, дьяки, казначеи [2]). Это были княжескіе дворовые люди, управлявшіе дѣлами князя, которыя впрочемъ не отличались отъ дѣлъ общественныхъ. Между этими приказными людьми могли быть и не холопы, но во всякомъ случаѣ они состояли въ тѣсной зависимости отъ господина, и не пользовались правами свободныхъ людей. Такъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича [3]) мы читаемъ: «а что мои ключники некупленые, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моемъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моемъ, во чьемъ будутъ удѣле». — Здѣсь не сказано, что они отпускаются на волю, слѣдственно они не были холопы; но мы знаемъ, что должность сельскаго ключника была одна изъ тѣхъ, которыя свободнаго человѣка дѣлали холопомъ, если онъ принималъ ее безъ особеннаго уговора. Въ числѣ обыкновенныхъ холоповъ вычисляются люди полные, купленные, грамотные (подъ которыми разумѣлись и дареные), приданые, доставшіеся за долгъ (въ винѣ), наконецъ кабаль-

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 83.
[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, №№ 25, 30, 86, 96 и др.
[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 40.

ные, о которыхъ будетъ говорено ниже[1]). Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ были посажены на оброкъ, и назывались оброчниками[2]), другіе работали на господина и назывались дѣловыми людьми[3]). Холопы сажались и на земли; встрѣчаются цѣлыя села, заселенныя ими[4]). Были также крѣпостные пчеловоды (бортники)[5]); но вообще сельское народонаселеніе состояло изъ свободныхъ крестьянъ, между которыми, только какъ исключеніе, сажались холопы. Послѣдніе большею частью принадлежали къ личной прислугѣ князей и другихъ лицъ, къ ихъ дворовымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ высчитывается множество дворовыхъ должностей, занятыхъ холопами. Такъ напр. князь Иванъ Юрьевичъ Патрикеевичъ дѣлитъ между своими наслѣдниками 129 человѣкъ дворовыхъ людей, большею частью съ женами и съ дѣтьми, кромѣ 25 поименованныхъ и другихъ не поименованныхъ, которыхъ онъ отпускаетъ на волю. Въ числѣ этихъ людей упоминаются стрѣлки, трубники, бронники, конюхи, псари, сокольники, утятники, садовники, огородники, хлѣбники, повара, плотники, истопники, мельники, серебряныхъ дѣлъ мастера, наконецъ дьяки. Изъ числа 129 человѣкъ семеро передаются съ землею[6]). Изъ

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, №№ 25, 39, 41, 82, 112, 121 и 147.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 21.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 25. Дѣловыя деревни, № 121, и 144.

[4]) «А што мое село Переславичи въ твоемъ удѣле, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы». Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 127.

[5]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 21.

[6]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 130. Въ этой и другихъ грамотахъ упоминаются между холопами страдники или страдные люди; но трудно сказать, что они были. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ слово «страда» принимается, какъ однозначительное съ словомъ «работа» (Акты Юрид. № 193, 194, 201). Слѣдственно это были рабочіе люди, можетъ быть, крѣпостные поселяне, также какъ и дѣловые люди, ибо страдники жили въ селахъ (Собр. Госуд. Гра-

этого видно, что бояре наши окружены были многочисленною дворнею, которая слѣдовала за ними въ ихъ переѣздахъ и придавала имъ могущество и значеніе. Такъ кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, переѣхавши въ Москву при Калитѣ, привелъ, съ собою 1700 человѣкъ дворни. Не всѣ впрочемъ были крѣпостные, ибо въ числѣ ихъ находились княжата и дѣти боярскіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно стремленіе образовать себѣ многочисленную дворню изъ холоповъ. Они, кромѣ личнаго услуженія, дѣлали все нужное для господина, они же слѣдовали за нимъ и въ войнѣ. «Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и идетъ», это выраженіе встрѣчается во многихъ договорныхъ грамотахъ между князьями[1]). Эти обязанности, эта личная принадлежность были вѣроятно причиною, что съ нихъ не бралось дани, которой подлежали всѣ свободные слуги, переходившіе съ мѣста на мѣсто. Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: «а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ»[2]). Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.

мотъ, т. I, № 83) и получали скотину отъ господина (№ 121). Они преимущественно передъ другими отпускались на свободу (см. также Акты Юрид. стр. 410). Были также страдныя лошади (Акты Юрид. стр. 418), страдныя земли (Акты Юрид. стр. 145, 431). Въ Русской Правдѣ ст. 38 подъ заглавіемъ: «о сиротьемъ вырядкѣ» говорится о страдѣ, получаемой женою съ дочерью по гривнѣ на лѣто. Но изъ всѣхъ этихъ извѣстій трудно составить себѣ объ этомъ выраженіи точное понятіе. Не были ли страдныя земли тѣ, которыя обработывались въ пользу помѣщика?

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 54, 56, 60.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, № 28, 76, 88, 119.

Это стремленіе къ частному укрѣпленію было не только въ боярахъ и слугахъ, но еще въ большей степени въ князьяхъ. Главный интересъ послѣднихъ состоялъ въ примыслѣ, въ покупкѣ селъ, въ пріобрѣтеніи подвластныхъ людей; будущее государственное могущество созидалось на основаніи частнаго пріобрѣтенія. Но понятно, что другіе князья старались противодѣйствовать этому стремленію; имъ непріятно было видѣть укрѣпленіе за другимъ княземъ людей, живущихъ въ ихъ удѣлѣ. Отсюда постоянное условіе, встрѣчающееся въ княжескихъ договорахъ: «а селъ ти въ моей отчинѣ не купити и закладней ти въ моей отчинѣ не держати». Иногда запрещается держать и оброчниковъ, а въ нѣкоторыхъ договорахъ всѣ эти условія распространяются и на бояръ другаго князя [1]). Тѣ же условія встрѣчаются и во всѣхъ договорахъ Новгорода съ князьями [2]). Князья, владѣвшіе Москвою собща, обязывались кромѣ того не держать заложниковъ въ городѣ [3]). Но какъ скоро между князьями вспыхивала война, такъ эти условія тотчасъ нарушались; каждый князь, вступившій въ чужую область, старался захватить какъ можно болѣе людей въ свою власть. Не только плѣнные обращались въ холопство, но и самые жители занятой области укрѣплялись за княземъ и его боярами. Они приводились къ присягѣ, отдавались на поруки, укрѣплялись грамотами и заемными обязательствами, покупались; однимъ словомъ: всякими средствами обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро возстановлялся миръ, такъ обѣ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственные акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Нов-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 27, 35, 45, 52, 56, 62, 70, 71, 73, 78, 92.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 1—20.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 35, 45, 71, 78.

города съ князьями читаемъ: «а что селъ или людей во время распри заложилось за князя, за княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ, или если кто изъ нихъ села купилъ, то деньги свои взять имъ назадъ, а села Новгороду»[1]). Или: «а которыхъ Новгородцевъ или Новоторжанъ князь Михайло или его бояре привели къ присягѣ или отдали на поруки, или взяли на нихъ грамоты, и ту присягу отмѣнить и поручительство свести и грамоты отложить»[2]). Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. Плѣнниковъ обыкновенно князья обязывались отпустить безъ окупа; тѣхъ же, которые уже проданы за границу или гдѣ бы то ни было, выкупить и возвратить[3]). За тѣмъ слѣдовали условія о княжескихъ людяхъ; они освобождались отъ всякой зависимости въ отношеніи къ чужому князю: «а хто будетъ, брате, въ нашемъ нелюбіи твоихъ людей на поруцѣ данъ или кабалы на нихъ или серебро переведено, и мнѣ съ тѣхъ поруки свести и кабалы отдати и переведеное серебро». Нѣкоторыя же лица иногда исключались изъ этого условія и оставлялись за новымъ хозяиномъ[4]). Князья требовали слѣдственно только уничтоженія крѣпостныхъ актовъ, взятыхъ на ихъ собственныхъ людей или слугъ, тогда какъ въ договорахъ съ Новгородцами это условіе распространялось на всѣхъ жителей города. Оно подтверждалось и въ тѣхъ между-княжескихъ договорахъ, которые касались Новгорода и его области. Такъ напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ: «а какъ еси взялъ Торжокъ, и кто ти ся будетъ продалъ пословицею Новоторжанъ одернь, или будешь серебро на комъ далъ пословицею,

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 12.

Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 17.

[3] Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 47, также № 35, 48, 49, 52, 54, 60, 66, 67.

[4]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 60: «опроче Василья Вепрева».

тѣхъ ти отпустити по целованью, а грамоты дерноватыи подрати»[1]). Одерноватый холопъ значитъ холопъ полный, также какъ и обѣльный.

Изложенныя условія княжескихъ договоровъ показываютъ, что плѣнъ не могъ уже служить такимъ обильнымъ источникомъ рабства, какъ прежде. До этого времени плѣнники постоянно обращались въ рабство, и притомъ не только въ войнахъ съ иноплеменниками, но и въ междоусобіяхъ внутреннихъ. Такъ напримѣръ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г., опустошивши съ Новгородцами Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7000 плѣнныхъ. Новгородцы, отразивши войска Боголюбскаго, набрали столько плѣнныхъ, что продавали десять Суздальцевъ за гривну. Нѣкоторые, какъ сказано выше, продавались и за границу. Вообще безпрерывныя войны и междоусобія должны были страшно умножить количество рабовъ, и хотя договорныя грамоты полагали этому нѣкоторый предѣлъ, но плѣнные иностранцы по прежнему продолжали обращаться въ рабство. Съ Литвою до позднѣйшихъ временъ не было полнаго обмѣна плѣнныхъ по прекращеніи войны, некрещенные же инородцы всегда считались законною добычею[2]).

Въ договорахъ между князьями постановлялось условіе и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ. «Холопа, робу, должника, поручьника, бѣглеца, татя, розбойника по исправѣ выдати»[3]). Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяину, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ намѣстникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тягаться съ господиномъ за свободу, а порукъ по немъ не будетъ, то обвинить его и выдать господину. Если же господинъ

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 28.

[2]) См. диссертацію г. Лохвицкаго «О плѣнныхъ по древнему русскому праву».

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 43, 49 и множество другихъ.

уведетъ холопа самовольно, не поставивъ его передъ волостелемъ, «въ томъ ему вина»[1]). Впрочемъ не опредѣлено, какому онъ за это подвергался наказанію. Вообще для отысканія раба не принималось давности: «Суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка»[2]). Въ новгородскихъ грамотахъ постановлялось кромѣ того, чтобы судьи холопа безъ господина не судили; князь же обязывался не вѣрить холопу, который начнетъ доносить на хозяина.

Вотъ что мы знаемъ о холопахъ до второй половины XV вѣка, т. е. до того времени, какъ образуется Московское государство. Варяжская дружина принесла къ намъ рабство со всѣми его юридическими послѣдствіями. Дружина основана была на началѣ личности и свободнаго договора. Каждое лицо имѣло только тѣ обязанности, которыя оно добровольно принимало на себя по взаимному условію съ другими, но каждое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, пріобрѣсти собственность, расширить свою власть, и тѣмъ пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и могущество. Этотъ характеръ сообщился и всему гражданскому быту того времени. Другой общественной связи не было, кромѣ той, которая основывалась на договорѣ свободныхъ лицъ или на личной зависимости отъ того или другаго лица. Чѣмъ больше у отдѣльнаго свободнаго человѣка было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе. Отсюда стремленіе богатыхъ пріобрѣсти какъ можно болѣе крѣпостныхъ, насиліемъ, обязательствами, наконецъ обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу. Отсюда съ другой стороны стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться или заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ и средства жизни и

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 28, 76, 88, 119.
[2]) Тамъ же, № 28, 61, 62, 69.

защиту, необходимую во времена буйства и междоусобій. Препятствій къ этому стремленію не было ни какихъ; не было общественной власти, которая принимала бы свободу каждаго подданнаго подъ свою защиту и покровительство, которая требовала бы отъ него обязанностей не частныхъ, а общественныхъ. Въ послѣдствіи, когда возникло государство, явились ограниченія этого выхода изъ подданства въ частную зависимость, сначала для людей служилыхъ, а потомъ для тяглыхъ; при Екатеринѣ II послѣдовало наконецъ совершенное запрещеніе вступать въ крѣпостное состояніе [1]). Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, этихъ государственныхъ потребностей, этого общественнаго подданства еще не было. Личность и вытекающее изъ нея частное право, служили коренным началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частнаго подданства. Самые князья смотрѣли на себя, какъ на частныхъ собственниковъ, и старались увеличить свое значеніе покупками, примыслами, личнымъ укрѣпленіемъ людей за собою. То же самое дѣлали и бояре, то же дѣлалъ и всякій человѣкъ, ибо не существовало никакихъ ограниченій относительно владѣнія рабами; ихъ могъ имѣть и купецъ и крестьянинъ и всякій свободный человѣкъ. На это было, какъ мы видѣли, множество средствъ; всякое обязательство могло вести къ укрѣпленію, что опять вытекало изъ коренныхъ основъ тогдашняго быта. При развитіи начала общественнаго, власть сосредоточивается въ рукахъ государства или тѣхъ лицъ и сословій, которымъ она вручается государствомъ. Подданные же во взаимныхъ

[1]) Въ послѣдствіи мы увидимъ также и укрѣпленіе, установленное государствомъ, но уже на другихъ началахъ; это не частное укрѣпленіе лица за лицемъ, а власть, врученная правительствомъ одному сословію, и обязанности, наложенныя на другое. Объ этомъ различіи будетъ подробно сказано ниже.

обязательствахъ между собою соприкасаются только отдѣльными сторонами своей жизни, сохраняя независимость лица. При такихъ условіяхъ переходъ отъ частнаго обязательства къ господству невозможенъ, ибо между тѣмъ и другимъ лежитъ все различіе начала частнаго и начала общественнаго. Этотъ переходъ возможенъ только тамъ, гдѣ самое господство считается дѣломъ не общественнымъ, а частнымъ. Тамъ каждое лице стремится наложить свою власть на окружающую его сферу, и все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, все, что вступаетъ въ нѣкоторую отъ него зависимость, чрезъ это самое получаетъ уже возможность сдѣлаться полною его собственностью. Изъ лица зависимый человѣкъ дѣлается вещью, ибо по частному праву между лицомъ и вещью нѣтъ такого неизмѣримаго разстоянія; все различіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Только въ государствѣ лице получаетъ полное свое значеніе, ибо тогда оно становится членомъ общественнаго союза. Самымъ яркимъ выраженіемъ этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею сферою было то, что нѣкоторыя зависимыя должности сами собою дѣлали человѣка рабомъ; вступивши въ эту сферу личнаго права, онъ не могъ уже оставаться свободнымъ. Такъ сильно было значеніе частнаго лица въ гражданскомъ быту, такъ самое общество признавало законность этого господства.

Но если съ одной стороны общество держалось на началахъ частнаго права, если человѣкъ, не знавшій другихъ побужденій, кромѣ личныхъ правъ и личнаго своего владычества, стремился по возможности къ порабощенію всего окружающаго, къ расширенію своей власти и своей собственности, къ превращенію свободныхъ лицъ въ принадлежащія ему вещи, то съ другой стороны это стремленіе находило себѣ противодѣйствіе въ началѣ совершенно противоположномъ, въ началѣ нравственно-религіозномъ. Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ,

въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремящейся къ преобладанію, стояла церковь, которая говорила, что человѣкъ есть лице, а не вещь, и стремленію къ порабощенію противополагала стремленіе къ освобожденію. Наставленія пастырей смягчали суровые нравы воиновъ и дѣлали болѣе спосным положеніе рабовъ, предоставленныхъ законодательствомъ въ полное распоряженіе господина. Такъ въ одномъ памятникѣ XII вѣка мы находимъ слѣдующее поученіе: «Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе. Нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ, и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати, а если велика вина, то до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками» [1]). Въ другомъ памятникѣ читаемъ слѣдующее: «Слухъ ми, господине, приходитъ», пишетъ Св. Іосифъ Волоцкій одному вельможѣ, «что будто деи немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабомъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не токмо доволни, но и гладомъ таютъ и наготою стражютъ, и сего ради азъ грѣшный дерзнулъ тебѣ воспомянути, моему господину, помянувъ твою вѣру къ пречистой Бо-

---

[1]) Соловьевъ, Русская Исторія, т. III, стр. 101.

городици и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ... И ты, господине, зри о семъ, како Божественное Писаніе страшно претить и глаголеть: есть бѣда велика и страшна и мученіе безконечное, еже не пекутся, ни имѣютъ печали о домашныхъ своихъ сиротахъ, но токмо дѣломъ насилующе и ранами казняще, одѣаніа же и нища не дающе и гладомъ моряще, а душами ихъ не пекущеся еже о спасеніи, но гордящеся и желающе суетнаго и тщетнаго житія, прелести свѣта сего и не имѣя промышленіа сицеваго, ниже воспоминанаа, яко вси есми созданіе Господне, вси плоть едина и вси мүромъ единымъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, его же хощетъ, обнищеваетъ, и всѣмъ стати предъ единѣмъ Царемъ страшнымъ на судѣ его на обьименнѣмъ, яко сицевыи властелины имуть мучимы быти въ вѣкы и преданы имуть быти въ муку вѣчную. И ты, господине, Бога ради, побреги себя, понеже господине, и малое небреженіе великимъ бѣдамъ ходатайственно бываетъ; колми паче боятися подобаетъ страшнаго опого божественнаго прещенія къ немилостивымъ и немилосердымъ и воспоминати всегда подобаетъ Христову заповѣдь евангельскую, глаголюще сице: якоже хощете, да творятъ вамъ человѣци, и вы имъ творите такоже благая; и блажени милостивіи, яко ти помилованы будутъ»[1]). Въ Домостроѣ Сильвестра, который относится къ XVI вѣку, но котораго нравственныя правила безъ сомнѣнія не были новостью, мы читаемъ: «А государи бы и государини людей своихъ: мужей и женъ и робятъ и всякихъ слугъ жаловали, и кормили и поили и одѣвали, и въ теплѣ бы жили и въ благоденствѣ всегда». Далѣе: «А если кто людей держитъ у себя не по силѣ и не по состоянію, и не удовольствуетъ ихъ пищею, питьемъ и одеждою, то они по неволѣ начнутъ

[1]) Допол. къ Акт. Историч., т. I, № 213.

предаваться порокамъ. И тому безумному государю отъ Бога грѣхъ, а отъ людей посмѣяніе, и самъ онъ оскудѣетъ за скудость ума». Домострой даетъ наставленія и относительно того, какъ держать людей, и здѣсь вдается даже въ самыя мелочныя подробности домашней жизни. Хорошаго слугу онъ предписываетъ «пожаловати и добрымъ словомъ привечати, и есьти и пити подати и нужа его всякая исполнити, а чево безхитростно или недогадкою, или неразуміемъ не гораздо сдѣлалъ, или попортилъ што, — и въ томъ словомъ наказати, передъ всѣми — всѣ бы того береглися — и вины отдати. А въ другіе и въ третіе проступитъ, или ленитца, и ино, по винѣ и по дѣлу смотря, по разсуженію наказати и побити: доброму бы была честь, а худому наказаніе, и всему тому наукъ. А государыня жонокъ и дѣвокъ, въ своемъ обиходѣ, тако же сзираетъ и смечаетъ и наказуетъ тако же, какъ здѣ писано». Любопытно слѣдующее предписаніе: «Аще людемъ твоемъ лучитца съ кѣмъ брань гдѣ ни будь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, и ты и ударь, хотя и твой правъ: тѣмъ брань утолиши, такоже убытокъ и вражда не будетъ». Въ этихъ наставленіяхъ проявляется начало той строгой домашней власти, которая такъ сильно развита была въ древней Россіи. Но Сильвестръ говоритъ, что онъ освободилъ своихъ рабовъ. «Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ, и ины окупихъ изъ работы и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли»[1]). При освобожденіи рабовъ, равно какъ и при продажѣ ихъ требовалось, чтобы господинъ не бралъ за нихъ болѣе, нежели сколько они

---

[1]) См. Временникъ 1812 г., кн. I, матеріялы, стр. 31 — 33, 49, 97, 109, 111.

стоили ему самому; ибо берущій лишекъ торгуетъ живыми душами, «съ ними же предъ Богомъ стати есть». Кто съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую онъ за него далъ, беретъ изгойство (то-есть выходъ), тотъ «обрѣтается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивіи бо помилованы будутъ. Аще кто хотя спасенія кается, да опять дасть тѣмъ ихъ же обидѣлъ, а не тако — не быти прощену»[1]. Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: «всего же есть горѣе изгойство взимати»[2]. Самыхъ вольноотпущенныхъ, изгоевъ, церковь принимала подъ свое покровительство, какъ людей безпомощныхъ, не примкнувшихъ ни къ одному изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ и крѣпостныхъ союзовъ, на которые разбивалось гражданское общество. «То люди церковныи, богадѣлніи».

Безъ сомнѣнія эти правила, эти наставленія не оставались безъ послѣдствій. Должно однакоже сознаться, что на жизнь они дѣйствовали мало, какъ видно изъ другихъ примѣровъ. Тотъ же самый Сильвестръ въ своемъ Домостроѣ наставляетъ сына «всякаго неправеднаго собранія, и ростовъ и корчмы и мыта и перевозовъ и мостовщины и всякаго лукавства не любити»[3]. Точно также и Кириллъ Бѣлозерскій въ началѣ XV вѣка пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобъ у него не было корчемъ, ни мыта: «понеже, господине, куны неправедныя»[4]. А между тѣмъ само законодательство установляло 20 процентовъ, какъ законный ростъ, и мы знаемъ, что корчмы, мыты, перевозы и мостовщина въ древней Россіи встрѣчались на каждомъ шагу. Жизнь такъ противорѣчила этимъ нравственнымъ требованіямъ, что они не могли получить въ ней

[1] Архивъ Калачева, кн. 2, отдѣл. 6-го стр. 42.
[2] Архивъ, кн. 1, статья Калачева объ изгояхъ, стр. 63.
[3] Домострой, стр. 18.
[4] Акты Истор., т. I, № 16.

большую силу. Человѣкъ въ окружающей его средѣ не находилъ себѣ нравственной опоры; все кругомъ него предавалось разгулу, все стремилось къ пріобрѣтенію, къ порабощенію, и самъ онъ невольно увлекался этими страстями и старался увеличить свою силу и значеніе расширеніемъ своей власти, порабощеніемъ окружающихъ его лицъ. Но послѣ буйной жизни наступала минута, когда утихали въ немъ движенія страсти, и всѣ обуревавшіе его своекорыстные и честолюбивые помыслы блѣднѣли передъ открывающеюся перспективою вѣчности и загробной жизни. Передъ смертью человѣкъ приходилъ въ себя, и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій житейскія его стремленія. Тогда онъ прощался съ міромъ, надѣвалъ на себя монашескую схиму, прощалъ долги, отпускалъ своихъ рабовъ. За стремленіемъ къ порабощенію слѣдовало противоположное стремленіе къ освобожденію. Во всякомъ почти духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія на волю рабовъ. Люди бездѣтные обыкновенно освобождали ихъ всѣхъ безъ исключенія, другіе оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ отпускали на волю, нѣкоторые же, хотя рѣдко, и при смерти не думали разкрѣпить то, что укрѣпили при жизни[1]). Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшею довѣренностью и оказали наиболѣе услугъ. Нѣкоторые отпускались на волю и съ землею[2]), но разумѣется это было исключеніе, ибо холопы принадлежали больше къ личной прислугѣ хозяина. Иногда отпускаемымъ рабамъ давались нѣкоторые пожитки[3]). Встрѣчаются и условныя отпускныя, напримѣръ въ случаѣ смерти

---

[1]) См. духовныя князей въ I т. Собр. Госуд. Грамотъ и духовныя частныхъ лицъ въ Акт. Юрид.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 130.

[3]) Акты Юрид., № 417, 419, 420, 421, 425.

дѣтей, или если дѣтей не будетъ[1]), или послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы у наслѣдниковъ, иногда же до ихъ смерти[2]), или послѣ смерти хозяина, если при жизни еще давалась рабу отдѣльная отпускная[3]), или за деньги[4]). Иногда же передаваемому въ наслѣдство холопу предоставлялось на волю остаться въ холопствѣ или заплатить опредѣленное количество денегъ и получить свободу[5]). Обыкновенно мужья, отпуская людей своихъ на волю, оставляли женамъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ брачномъ союзѣ (смѣшались) съ ея рабынями[6]). Но нерѣдко освобождался мужъ, а жена оставалась крѣпостною, и наоборотъ освобождались жена и дѣти, а мужъ оставался рабомъ, или же освобождались дѣти безъ родителей или родители безъ дѣтей[7]). Это показываетъ, что въ то время не слишкомъ смотрѣли на святость семейныхъ узъ. Вообще духовная память была устроеніемъ души умирающаго[8]). Эти распоряженія — отпущеніе долговъ, освобожденіе крѣпостныхъ, были послѣднимъ долгомъ, который исполнялъ христіянинъ при прощаніи съ міромъ.

Такимъ образомъ стремленіе каждаго лица къ порабощенію другихъ встрѣчало себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. То, чего человѣкъ старался достигнуть въ продолженіи всей жизни, въ чемъ онъ полагалъ свою силу и свое значеніе, то отрицалось при смерти. А дѣти, получивши уменьшенное наслѣдіе, снова стремились къ стяжанію и порабощенію, снова пополняли пріобрѣтенными рабами мѣста

---

1) Акты Юрид., № 409, I, 413.
2) Акты Юрид., № 420.
3) Акты Юрид., № 409, X, № 406.
4) Акты Юрид., № 414.
5) Акты Юрид., № 410.
6) Акты Юрид., № 418, 420.
7) Акты Юрид., № 409, I, 410, 420.
8) Акты Юрид., № 421.

тѣхъ, которые были отпущены на волю отцомъ, и сами въ свою очередь, прощаясь съ жизнью, отпускали ихъ на волю, и отрицали свою прошедшую дѣятельность. Это было вѣчное движеніе отъ одной противоположности къ другой, отъ корыстнаго житейскаго стяжанія, посягающаго на человѣческую свободу, къ высоконравственной цѣли, отрицающей всякіе личные интересы. Эти рѣзкіе скачки отъ одной крайности въ другую, это вѣчное колебаніе между двумя противоположными стремленіями составляютъ характеристическую черту средневѣковой жизни, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. «Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ, но таже самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріяльной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностью влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія... Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія этимъ болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріяльной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріяльною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, вы-

ходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотью — выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь, и просить другаго болѣе почетнаго—мантіи монашеской»[1]).

Такова была эта средневѣковая жизнь, вся слагавшаяся изъ крайностей и противорѣчій!

Это стремленіе личности къ расширенію своей власти, къ порабощенію окружающей среды, встрѣчало себѣ препятствіе и въ другомъ явленіи. На Западѣ народонаселеніе было осѣдлое; дружинники усѣлись въ своихъ замкахъ, вступили съ ленными владѣльцами и королями въ договоры наслѣдственные, и пріобрѣли такимъ образомъ значеніе поземельное. Вслѣдствіе этого личная зависимость распространилась тамъ и на жителей земли. Виланы также, какъ и рыцари, заключали съ землевладѣльцами договоры прочные и постоянные; вступая къ нимъ въ наслѣдственную зависимость, они сами собою укрѣпились къ землѣ. На Западѣ вліяніе лица на поземельное его владѣніе было такъ сильно, что во многихъ средневѣковыхъ законодательствахъ существовало правило: воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ (Luft macht eigen). Проживши годъ со днемъ на владѣніяхъ извѣстнаго лица, подышавши принадлежавшимъ ему воздухомъ, поселянинъ черезъ это уже вступалъ къ нему въ крѣпостную зависимость, точно также, какъ проживши годъ со днемъ въ стѣнахъ города, онъ дѣлался горожаниномъ и пріобрѣталъ городскія права. У насъ не было ничего подобнаго: дружина была кочевая; князья поздно получили

---

[1]) Соловьевъ: Древняя Россія, въ № I «Русскаго Вѣстника».

осѣдлость, а бояре и слуги постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, заключая съ князьями договоры временные, а не наслѣдственные, такъ что поземельнаго значенія они пріобрѣсти не могли. Этотъ же кочевой характеръ сообщился и всему народонаселенію; крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, изъ одного княжества въ другое, и заключаемые ими договоры никогда не имѣли наслѣдственнаго характера. Потому власть лица распространялась только на среду, окружавшую его лично, а не на жителей земли; стремленіе къ порабощенію находило себѣ предѣлъ и противодѣйствіе въ стремленіи къ кочеванію. Поэтому служебныя должности, личная зависимость могли дѣлать человѣка холопомъ, но поземельныя отношенія оставляли его свободнымъ.

Свободный переходъ крестьянъ — повсемѣстное явленіе въ древней Россіи. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ, встрѣчаются выраженія: «Кого перезоветъ къ себѣ жить». Иногда и въ княжескихъ договорахъ постановлялось: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіяномъ межъ насъ волнымъ воля» [1]). Въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича читаемъ: «Сына князя Ивана благословляю, на старѣйшій путь ему въ Москвѣ и въ станахъ конюшій путь, бортники, садовники, псари, бобровники, бараши и дѣлюи; а кто изъ нихъ не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, тотъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобны, на которыхъ нѣтъ грамоты полной, а земли ихъ сыну князю Ивану». И далѣе: «А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, (т. е. дворцовыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей), тѣхъ дѣти мои промежъ себя не принимаютъ, ни отъ сотниковъ (то-есть черныхъ крестьянъ), а кто изъ

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 127, договоръ рязанскихъ князей.

нихъ выдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, тотъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ»[1]). Здѣсь видны и нѣкоторыя ограниченія перехода, о которыхъ будетъ говорено ниже. Но вообще свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Только въ Новгородѣ, вѣроятно вслѣдствіе большей осѣдлости народонаселенія, являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Половникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивается съ холопомъ. Такъ въ договорахъ съ князьями постановляется: «а холопа и половника безъ осподаря не судити»[2]). Еще важнѣе то, что въ договорѣ съ Тверью 1307 года положено бѣглыхъ холоповъ и половниковъ выдавать обратно [3]). Въ Новгородѣ слѣдственно, въ вольной общинѣ, крестьяне не пользовались такою свободою, какъ въ остальныхъ русскихъ областяхъ; поземельныя отношенія ближе подходили къ отношеніямъ крѣпостнымъ. Въ Псковѣ же, какъ видно изъ псковской судной грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками.

Ограниченія перехода, которыя мы видѣли въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича, и которыя повторяются во множествѣ договорныхъ и жалованныхъ грамотъ того времени, возникли изъ поземельнаго значенія князей. Дружина, какъ сказано, была кочевая; бояре и слуги переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Тоже самое дѣлали и крестьяне; это было всеобщее броженіе по всей Русской землѣ. Князья первые сдѣлались осѣдлыми, и они-то стали собирателями земли, а въ послѣдствіи созидателями государства. Понятно, что вотчинникъ, имѣвшій значеніе поземельное, старался удержать у себя поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ и перезвать къ се-

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 40.
[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 6, 7, 8, 10.
[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 10.

бѣ новыхъ поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы [1]). Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владѣніе землею, а въ этомъ состояла его сила. Но при бродячемъ духѣ народонаселенія удержать ихъ было невозможно. Земля по своей обширности имѣла для нихъ слишкомъ мало значенія, и не могла служить крѣпкимъ звеномъ между хозяиномъ и поселенцемъ. Холопство было личное, а не поземельное; личныя отношенія могли установить прочную зависимость, поземельныя же всегда имѣли характеръ временный. Съ другой стороны не возможно было въ то время и запретить переходъ. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Князья были собственно владѣльцы земли, а подданныхъ у нихъ не было, ибо каждый свободно покидалъ одно княжество и переходилъ въ другое, вступая въ добровольныя сдѣлки съ хозяевами тѣхъ земель, на которыхъ онъ поселялся. Поэтому прямыми мѣрами не возможно было дѣйствовать; оставалось употребить мѣры косвенныя, и дѣйствительно князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ. Это относилось въ особенности къ людямъ тяглымъ, то-есть тѣмъ, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несли разныя подати и повинности въ его пользу. Крестьяне же, поселенные на земляхъ духовенства и служилыхъ людей, имѣли непосредственныя обязанности къ своимъ землевладѣльцамъ; они менѣе первыхъ платили податей князю, а иногда и вовсе освобождались отъ княжескихъ повинностей, почему естественно князья менѣе дорожили ими, нежели первыми.

Князья впрочемъ рѣдко договаривались между собою не принимать крестьянъ изъ чужаго княжества. Это условіе встрѣ-

[1]) См. Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 8.

чается только между князьями московскими, которые вмѣстѣ владѣли Москвою и вмѣстѣ блюли живущихъ въ ея уѣздѣ черныхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Въ этихъ договорахъ встрѣчается постоянное условіе: «а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати»[1]), или, какъ обыкновенно говорится въ позднѣйшихъ договорахъ, просто: «тѣхъ намъ не принимати»[2]). Иногда къ этому присоединяется запрещеніе покупать ихъ земли[3]). Кажется, что условія о непринятіи въ службу и непокупкѣ земель имѣли мѣсто при нераздѣльности владѣнія; когда же участки въ Москвѣ раздѣлялись между князьями, тогда послѣдніе уговаривались не принимать крестьянъ изъ одного участка въ другой. Въ первомъ случаѣ постановленіе распространялось и на купечество[4]). Эти условія не уничтожали однако свободы крестьянъ; сосѣдній землевладѣлецъ могъ не принимать ихъ на свою землю, но они всегда имѣли право уйдти въ другое княжество. Это очевидно изъ приведенной выше духовной грамоты Владиміра Андреевича, въ которой онъ запрещаетъ сыновьямъ своимъ принимать крестьянъ изъ одного удѣла въ другой, а между тѣмъ говоритъ, что крестьянинъ воленъ уйдти куда хочетъ, но подъ условіемъ потери земли. Владиміръ Андреевичъ былъ тоже участникъ въ Московскомъ удѣлѣ; въ другихъ княжествахъ такихъ условій не встрѣчается. Въ договорѣ рязанскихъ князей прямо сказано: «а христіяномъ межъ насъ волнымъ воля». Въ договорахъ между князьями различныхъ удѣловъ въ замѣнъ этого ограниченія перехода всегда включалось условіе о выдачѣ холоповъ, рабовъ, разбойниковъ и проч., чего наоборотъ нѣтъ въ догово-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. 1, № 27, 33.
[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 35, 45, 71, 78, 84, 95.
[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 33, 95.
[4]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 33, 95.

рахъ между московскими князьями. Только въ договорѣ 1472 г. между Иваномъ III и братомъ его Андреемъ Углицкимъ [1]) встрѣчаются оба условія вмѣстѣ, но первое относится собственно къ Москвѣ, въ которой Андрей Васильевичъ былъ участникомъ, а второе къ удѣлу. Въ договорахъ 1473 и 81 годовъ между тѣми же князьями [2]) перваго условія уже нѣтъ, и съ тѣхъ поръ оно больше не встрѣчается. Власть великаго князя усилилась и участки удѣльныхъ князей въ Москвѣ и въ окрестныхъ городахъ отошли къ нему; Андрей Васильевичъ сохранилъ только право извѣстное время держать въ Москвѣ своего намѣстника для суда. Въ договорѣ великаго князя Василья Васильевича съ Шемякою встрѣчается также постановленіе, чтобы послѣдній данныхъ людей съ Бѣжецкаго-Верха не принималъ [3]). Но Бѣжецкій-Верхъ былъ областью новгородскою, Новгородцы же постоянно договаривались съ князьями, чтобы послѣдніе не выводили людей въ свое княженіе, ни изъ Бѣжецкаго-Верха, ни изъ другихъ волостей новгородскихъ [4]). Въ договорахъ между Москвою и Тверью или Рязанью также включалось условіе: «а вывода и рубежа межи себя не замышляти» [5]). Но выводъ означалъ насильственное завладѣніе людьми, также какъ рубежъ значилъ насильственное завладѣніе имуществомъ, за что виновные выдавались по розыску.

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 95.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 99, 106.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 60. Что касается до упрека, который духовенство дѣлаетъ Шемякѣ въ своемъ посланіи (Акт. Ист. т. I, № 40) въ томъ, что онъ перезываетъ къ себѣ людей великаго князя, то и это относится къ Москвѣ, которую оба князя обязывались держать по старинѣ.

[4]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9.

[5]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 28, 32, 36, 48, 76, 88. Срав. № 14: «а силою ти гостя въ Тфѣрь не переимати».

Такія же ограниченія встрѣчаются и въ жалованныхъ грамотахъ духовенству и служилымъ людямъ. Движимые духомъ благочестія, князья одарили церковь многочисленными землями, и жаловали монастырямъ и духовенству разныя льготы и привилегіи, какъ для нихъ самихъ, такъ и для крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Но понятно, что при такихъ значительныхъ преимуществахъ сосѣдніе крестьяне должны были массами переселяться въ церковныя имѣнія, а необходимымъ слѣдствіемъ такого переселенія было уменьшеніе княжескихъ доходовъ. Для избѣжанія этого князья давали льготныя грамоты условно; обыкновенно льготы распространялись только на три разряда крестьянъ: 1) на старожильцевъ, либо уже сидящихъ на землѣ, либо ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся вновь; 2) на людей купленныхъ (или окупленныхъ), и посаженныхъ на земли; 3) на людей перезванныхъ изъ другихъ княжествъ, а не изъ вотчины того князя или той княгини, которые даровали грамоту. При всемъ томъ общаго правила не было: иногда льготы даровались однимъ старожильцамъ[1]), или однимъ людямъ купленнымъ[2]), или однимъ перезваннымъ изъ другихъ княжествъ[3]), иногда же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — старожильцамъ, и перезваннымъ[4]), купленнымъ и перезваннымъ[5]), или старожильцамъ, купленнымъ и перезваннымъ[6]). На это закона не было, ибо все зависѣло отъ благораспололоженія князя; это былъ частный подарокъ, при

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 38, 131.

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 52.

[3]) Акты Историч., т. I, № 36, 88, 108. Акты Археогр. Эксп., № 17, 19, 28, 41. Допол. къ Акт. Историч., т. I, № 208.

[4]) Акты Историч., т. I, № 25, 73. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 23, 31, 39, 51, 56, 60. Допол. въ Акт. Историч., т. I, № 17.

[5]) Акты Историч., т. I, № 28. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 31.

[6]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 53. Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 193.

которомъ можно было давать болѣе или менѣе льготъ. Нерѣдко одинъ и тотъ же князь одному и тому же монастырю на разныя деревни давалъ льготныя грамоты совершенно различнаго содержанія[1]). Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей, другіе отъ всѣхъ, одни на одинъ срокъ, другіе на другой, а третьи на безсрочное время. Иногда старожильцы, напримѣръ, освобождались отъ податей на пять лѣтъ, а перезванные изъ другихъ княжествъ на десять; иногда старожильцы и перезванные изъ того же княжества освобождались на три года, а перезванные изъ другихъ на десять[2]); наконецъ есть грамоты, въ которыхъ инокняженцы освобождаются на двадцат лѣтъ, призванные изъ того же княжества нетяглые люди на десять, а тяглыхъ принимать не велѣно[3]). Это послѣднее условіе въ различныхъ формахъ встрѣчается во многихъ жалованныхъ грамотахъ. Иногда предписывается: «людей моихъ великаго князя не принимать»[4]), или: «не принимать тутошныхъ становыхъ и волостныхъ людей», слѣдовательно съ ограниченіемъ извѣстною мѣстностью[5]); иногда же: не принимать тяглыхъ людей, которые называются также *данными* отъ платежа дани, *письменными* отъ переписи, и *вытными* отъ тяглыхъ земельныхъ участковъ, которыми они владѣли[6]). Въ одной грамотѣ на деревню, населенную рыболовами, запрещено принимать съ Углича рыбаковъ великаго князя[7]). Но во множествѣ жалованныхъ грамотъ нѣтъ рѣшительно никакихъ огра-

---

[1]) Напр. Акты Историч., т. I, № 83, 87, 88.

[2]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 18, 21.

[3]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 102.

[4]) Акты Историч., т. I, № 87.

[5]) Акты Археогр. Эксп., т. I. № 17, 20.

[6]) Акты Историч., т. I, № 88. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 4, 60, 88, 385.

[7]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 43.

ниченій; льготы даруются людямъ, «кто иметъ или учнетъ жити на тѣхъ земляхъ», или «кого къ себѣ игуменъ зоветъ», или «кого посадитъ на той землѣ»[1]). Это было дѣло совершенно случайное, въ которомъ правительственныхъ видовъ и распоряженій никакихъ не было. Встрѣчается даже условіе, чтобы не только на церковныя земли не принимать людей изъ великаго княжества, но и въ удѣлъ великаго князя не принимать людей съ церковной земли[2]).

Такія же льготныя грамоты, съ столь же различнымъ содержаніемъ давались и частнымъ людямъ; здѣсь также освобождались отъ податей и повинностей или просто люди «кто учнетъ жити» на ихъ землѣ, или купленные, старожильцы и призванные изъ другихъ княжествъ, или наконецъ «кто перезоветъ неписьменныхъ людей»[3]). Не только князья, но и духовныя власти и даже частныя лица давали подобныя грамоты съ ограниченіемъ перехода крестьянъ. Въ 1450 году митрополитъ Іона далъ грамоту Андрею Аѳанасьеву, «что сѣлъ на своей куплѣ, на Голямовской пустоши, въ волости пречистые Богородици и въ моей въ Романовскомъ: и кого Андрей на ту пустошъ къ себѣ перезоветъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ волости ни изъ селъ пречистыя Богородици, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ съ моими христіяны съ волостными тянути ни въ какое дѣло... а которой христіянинъ волостной Романовецъ, или изъ села изъ церковного, выидетъ за рубежъ, а хотя ити къ Андрею на ту пустошъ, и Андрею тѣхъ христіянъ волостныхъ ни сельчанъ

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 13, 15, 83, 106, 131. Акты Археогр. Эксп., т. I, №75, 88, 122, 136, 158, 164, 171, 208. Допол. къ Акт. Историч., т. I. № 27.

[2]) Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 213.

[3]) Акты Историч., т. I, № 115. Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 36. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 111, 120. 132, 163, 371, 374, 379.

церковныхъ не принимати»[1]). Здѣсь видно стремленіе къ образованію такого же іерархическаго порядка землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на Западѣ. Духовное лице, монастырь получаютъ отъ князя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенныя съ ними права и льготы, сами же они въ свою очередь передаютъ эти права и льготы людямъ, которые поселяются на ихъ землѣ и черезъ это дѣлаются отъ нихъ зависимыми. Но у насъ, вслѣдствіе всеобщаго разъединенія и кочеванія, этотъ порядокъ никогда не могъ получить такой опредѣленности, какъ на Западѣ. Еще любопытнѣе данная грамота новгородскаго посадника Василія Степановича Пѣнежскому монастырю, въ которую включено условіе: «а игумену половниковъ посадницихъ Васильевыхъ ни отхожихъ людей не принимати[2])». Изъ этого очевидно, что всѣ эти ограниченія перехода были дѣломъ совершенно частнымъ; это было условіе, заключаемое между нѣкоторыми землевладѣльцами, и свобода крестьянина черезъ это не нарушалась.

Съ образованіемъ Московскаго государства изчезли, разумѣется, всѣ ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Въ большей части жалованныхъ грамотъ позднѣйшаго періода употребляется выраженіе: «кто учнетъ жити людей[3])» безъ другихъ условій; только относительно тяглыхъ людей встрѣчаются постановленія, о которыхъ мы скажемъ послѣ. Но съ половины XV вѣка являются ограниченія иного рода, — именно опредѣленіе срока, въ который крестьяне могутъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. До изданія Судебника 1497 года всѣ подобнаго рода ограниченія встрѣчаются единственно въ жалованныхъ грамотахъ,

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 45.

[2]) Акты Юрид., т. I, № 110, VI.

[3]) Акты Историч., т. I, № 163, 188, 217, 226. Акты Археогр. Эксп. т. I, № 300, 329, 386. Дополн. къ Акт. Юрид., т. I, № 130.

данныхъ въ Бѣлозерскомъ княжествѣ монастырямъ Кирилло-Бѣлозерскому и Ѳерапонтову, и въ первый разъ въ грамотѣ князя Михаила Андреевича Бѣлозерскаго около 1450 года[1]). Грамота эта писана на имя Ѳедора Константиновича, вѣроятно какого-нибудь боярина, которому пожалована была въ аренду (въ путь) Волоцкая волость. Изъ словъ ея видно, что владѣлецъ волости имѣлъ отъ князя жалованную грамоту, по которой волоцкому старостѣ позволено было принимать въ волость половниковъ Ѳерапонтова монастыря среди лѣта и всегда, и притомъ такъ, что половникъ серебряникъ[2]), вышедшій изъ-за монастыря, обязанъ былъ выплачивать послѣднему занятый капиталъ въ два года, безъ процентовъ. Игуменъ и братья жаловались князю на такія стѣснительныя условія, и князь, уничтоживъ первую грамоту, далъ имъ новую, по которой запрещалось Ѳедору Константиновичу принимать къ себѣ монастырскихъ людей серебряниковъ иначе, какъ около Юрьева дня осенняго (26 ноября), именно: за двѣ недѣли до Юрьева дня и одну недѣлю послѣ. Выходящій изъ деревни поселенецъ долженъ былъ въ то же время заплатить и занятыя деньги; тѣ же крестьяне, которые уже вышли, обязаны были додѣлывать свое дѣло на занятое серебро, и представить по немъ поруки, а когда осень придетъ, тогда уплатить долгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ позволено было игумену *не выпускать* изъ своихъ деревень серебряниковъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня. Это послѣднее постановленіе чрезвычайно важно. Хотя оно имѣло въ виду только исполненіе срочной работы, для которой заняты были у хозяина деньги, однакоже, не смотря на то, это первое закон-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 48, I.

[2]) Серебряникомъ назывался крестьянинъ, занявшій серебро или деньги у землевладѣльца. Это дѣлалось весьма часто при поселеніи, ибо крестьянинъ нуждался обыкновенно въ деньгахъ, чтобы обзавестись новымъ хозяйствомъ, или расплатиться съ прежнимъ помѣщикомъ.

ное ограниченіе полной свободы перехода. Здѣсь не только запрещеніе принимать, которое не лишало крестьянина возможности уйдти, когда онъ хотѣлъ; здѣсь является позволеніе: не выпускать, слѣдственно прямо ограничивается свобода лица. Но надобно замѣтить, что въ этомъ не видно еще стремленій государственныхъ; это — постановленіе частнаго права для обезпеченія исполненія наемной работы, и притомъ въ видѣ жалованной грамоты отдѣльному монастырю.

Такую же грамоту далъ князь Михаилъ Андреевичъ и Кирилло-Бѣлозерскому монастырю[1]). Она писана на Бѣлоозеро, къ намѣстнику, ко всѣмъ вотчинникамъ и управителямъ. Здѣсь сказано, что игуменъ Кириллова монастыря жаловался князю на то, что упомянутыя лица отказываютъ (то-есть перезываютъ) у него людей монастырскихъ: серебрянниковъ, половниковъ, рядовыхъ людей (наемниковъ) и юрьевскихъ не въ Юрьевъ день, а нѣкоторыхъ въ Рождество Христово, другихъ же около Петрова дня. Князь запрещаетъ отказывать серебрянииковъ, половниковъ и свободныхъ людей иначе, какъ въ Юрьевъ день и съ уплатою серебра, игумену же дозволяетъ не выпускать серебряника до Юрьева дня. Великій князь Василій Васильевичъ, по присоединеніи къ Москвѣ Бѣлозерской области, подтвердилъ грамотою запрещеніе отказывать людей Кириллова монастыря иначе, какъ въ Юрьевъ день, да недѣлю послѣ, но съ добавленіемъ, чтобы и игуменъ въ свою очередь отказывалъ къ себѣ людей не иначе, какъ въ эти сроки[2]). Тоже подтвердилъ и сынъ его, Андрей Васильевичъ Вологодскій[3]). Въ обѣихъ грамотахъ сказано, что управители и вотчинники отказываютъ людей не въ Юрьевъ день; слѣдственно первыя грамоты нарушались постоянно. Притомъ въ послѣд-

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 48. II.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 48. III.
[3]) Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 198,

нихъ не дается игумену позволенія не выпускать людей, а запрещается только другимъ отказывать ихъ не въ положенный срокъ.

Изъ всего этого видно, что Кирилловъ монастырь и другіе имѣли обыкновеніе нанимать крестьянъ на годовые сроки, отъ Юрьева дня до Юрьева дня, откуда взялось и названіе юрьевскихъ серебряниковъ. Срокъ этотъ былъ весьма удобный, ибо осенью оканчиваются всѣ сельскія работы; крестьянинъ могъ уже продать хлѣбъ и уплатить не только монастырскіе оброки, но и взятыя въ ссуду деньги. Вообще гораздо выгоднѣе было, чтобы крестьянинъ отходилъ по окончаніи годоваго срока, нежели въ другое время, ибо тогда легче было сдѣлать разчетъ. Но изъ этихъ же грамотъ видно, что Юрьевъ день далеко не былъ всеобщимъ, обычаемъ установленнымъ срокомъ для перехода крестьянъ, а что, напротивъ, не смотря даже на княжескія грамоты, многіе вотчинники перезывали ихъ къ себѣ во всякое другое время. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и дошедшія до насъ порядныя записи крестьянъ съ землевладѣльцами. Въ Юридическихъ Актахъ нѣтъ ни одной, которая бы относилась къ XV вѣку; но для насъ одинакое значеніе имѣютъ порядныя XVI и даже начала XVII вѣка, ибо обычай измѣняется не скоро, особенно когда законодательство не только ему не противодѣйствуетъ, а напротивъ утверждаетъ его законность. И такъ изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ мы можемъ видѣть, что принятые обычаемъ сроки для переселенія крестьянъ и для платежа оброковъ и т. п. были самые разнообразные. Кажется, только въ двухъ срокомъ назначенъ Юрьевъ день осенній [1]) или около того, въ прочихъ же мы находимъ Николинъ день вешній, Николинъ день осенній, Юрьевъ день вешній, Святую недѣлю, Рождество Христово, Спасовъ день, Дмитровъ день,

---

[1]) Акты Юридич., № 178, 180.

Семеновъ день, Покровъ и разные другіе дни и праздники[1]). Точно также въ заемныхъ и закладныхъ грамотахъ назначался иногда срокомъ Юрьевъ день осенній[2]), но гораздо чаще совершенно другіе сроки[3]). Встрѣчается наконецъ грамота, въ которой срокомъ для платежа княжескаго оброка съ монастырскихъ земель установляются Юрьевъ день вешній, да Юрьевъ день осенній; но тотъ же монастырь съ другихъ деревень платилъ оброкъ на Рождество Христово[4]). Изъ шести оброчныхъ грамотъ XVI вѣка, напечатанныхъ въ Актахъ Юридическихъ, нѣтъ ни одной, въ которой бы срокомъ для платежа назначенъ былъ Юрьевъ день[5]). Доходы намѣстниковъ, волостелей и другихъ правителей также всегда сбирались на Пасху, въ Петровъ день и на Рождество Христово, а иногда въ Юрьевъ день.

Такимъ образомъ установленнаго обычаемъ срока для перехода крестьянъ и для всякихъ сдѣлокъ не было; ихъ перезывали и селили во всякое время—и весной, и лѣтомъ, и осенью, и зимою. Поэтому, когда мы въ Судебникѣ 1497 г. находимъ постановленіе, запрещающее отказывать крестьянъ иначе, какъ въ Юрьевъ день осенній, да недѣлю прежде и недѣлю спустя[6]), то мы должны принять его отнюдь не за узаконеніе существующаго въ народѣ обычая, а напротивъ за новую законодательную мѣру, имѣющую въ виду установленіе болѣе прочнаго порядка въ поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ и господъ. Понятно впрочемъ, что законодательство руковод-

[1]) Акты Юридич., № 26 стр, 67, № 175, 182, 184, 186, 187, 189, 190, 191, 200. I, II, IV, V.

[2]) Акты Юридич., № 232, 233, 235, 237, 238, 247.

[3]) Акты Юридич., № 236, 239, 240 — 46, 248 — 52.

[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 19, 28.

[5]) Акты Юридич., № 168 — 173. См. также Акты Археогр. Эксп., т. I, № 256, 258, 307, 348, 357.

[6]) Акты Историч. т. I, № 105, стр. 155.

ствовалось при этомъ и жизненнымъ опытомъ; оно установило срокъ, какъ самый удобный, такъ, можетъ быть, и самый употребительный. Для этого оно имѣло уже нѣкоторыя данныя въ приведенныхъ выше бѣлозерскихъ грамотахъ, писанныхъ на основаніи просьбъ самихъ землевладѣльцевъ. Около того же времени въ 1467 г. въ Псковской судной грамотѣ также установленъ былъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, именно: Филиппово заговѣнье, т. е. 14 ноября[1]). Надобно притомъ замѣтить, что положеніе Судебника не относилось къ тѣмъ крестьянамъ, которые съ пашни продавали себя въ полное холопство. Покрайней мѣрѣ въ Судебникѣ 1550 г. сдѣлано это ограниченіе: здѣсь сказано, что такіе крестьяне имѣютъ право выходить безсрочно[2]). Холопство, какъ зависимость полная и всецѣлая, уничтожало зависимость временную и случайную, также какъ купля можетъ уничтожать наемъ.

Въ обоихъ Судебникахъ постановлены и нѣкоторыя другія правила относительно перехода крестьянъ. За дворъ, въ которомъ онъ жилъ, крестьянинъ долженъ былъ платить хозяину *пожилое*. Въ первомъ Судебникѣ установлена цѣна пожилой платы, именно: въ поляхъ за дворъ рубль, а въ лѣсахъ полтина. Эта плата распредѣлялась на четыре года, такъ что крестьянинъ, прожившій во дворѣ годъ, платилъ за четверть двора, прожившій два года — за полдвора, три года — за три четверти, и только отжившій полный четырехъ-годовой срокъ уплачивалъ всю цѣну[3]). Во второмъ Судебникѣ установлена цѣна: въ поляхъ рубль два алтына, въ лѣсныхъ мѣстахъ полтина съ двумя алтынами; здѣсь же объяснено, что лѣсными мѣстами называются тѣ, гдѣ лѣсъ находится не болѣе, какъ

---

[1]) Псковская Судная Грамота, изд. Мурзакевича, стр. 8.
[2]) Суд., стр. 88. Акты Историч., т. I, № 153.
[3]) Акты Историч., т. I, стр. 155.

за десять верстъ до строенія. Потомъ опредѣляется и способъ взиманія: «а пожилое имати съ воротъ, а за повозъ (можетъ быть за вывозъ) имати съ двора по два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ». Вообще пожилое вездѣ приводится въ соотношеніе съ срокомъ отказа. Крестьянинъ, который продаетъ себя въ холопы, выходитъ вонъ безсрочно, и съ него не берется пожилое; тоже постановленіе относится и къ попу. Слѣдственно эта подать взималась хозяиномъ именно при отходѣ, за переходъ, почему въ одной грамотѣ она названа выходомъ [1]). Пока крестьянинъ жилъ на землѣ, законодательство не вмѣшивалось въ эти внутреннія отношенія его къ хозяину, но какъ скоро онъ отходилъ, являлась необходимость опредѣлить права той и другой стороны, тѣмъ болѣе что, какъ увидимъ далѣе, при этомъ переходѣ часто происходили большія злоупотребленія.

Опредѣленіемъ срока перехода и количества пошлинъ утверждались права хозяина; но кромѣ того въ царскомъ Судебникѣ есть и постановленія, ограждающія права крестьянина. Переходъ совершался въ Юрьевъ день, слѣдственно послѣ посѣва, и у крестьянина оставалась въ землѣ рожь. Относительно этого законъ постановляетъ, что когда вышедшій поселенецъ сожнетъ этотъ хлѣбъ, или даже съ несжатаго еще хлѣба, онъ долженъ заплатить «боранъ два алтына». Съ этой посѣянной ржи онъ платитъ подать царя и великаго князя; боярскаго же ему дѣла, за кѣмъ онъ жилъ, не дѣлать. Крестьянинъ, который продается въ холопы, выходитъ вонъ безсрочно и пожилаго съ него нѣтъ, но съ хлѣба, который остается въ землѣ, онъ платитъ царскую подать; если же не захочетъ платить, то онъ хлѣба землянаго лишенъ. Вообще въ этихъ

---

[1]) Доп. къ Акт. Историч., т. I, № 56. См. также Акты Археогр. Эксп., т. I. № 258, гдѣ подать эта названа похоромнымъ.

положеніяхъ Судебниковъ видно стремленіе законодательства установить между землевладѣльцами и крестьянами болѣе прочныя и правильныя отношенія, и положить нѣкоторый предѣлъ безпрерывному кочеванію, которое часто, въ самую нужную пору, лишало помѣщика рабочихъ рукъ. Къ этому могло побуждать правительство и желаніе дать помѣщикамъ возможность лучше и вѣрнѣе исправлять свою службу государству.

Это послѣднее соображеніе встрѣчается въ одной весьма замѣчательной грамотѣ, относящейся къ послѣднимъ годамъ княженія Василія Васильевича, именно къ 1460 г. [1]). Это — жалованная грамота игумену Троицко-Сергіевскаго монастыря. Въ ней предписывается людей, которые въ этотъ годъ вышли изъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда въ села великаго князя, великой княгини и боярскія «не хотя ѣхати на мою службу великого князя къ берегу», вывести опять назадъ; тѣхъ же, которые и нынѣ живутъ въ этихъ селахъ, не отпускать прочь. Если при этомъ монастырскому посельскому нуженъ будетъ приставъ, то взять его у намѣстника углицкаго на тѣхъ людей, которые вышли.

Здѣсь мы видимъ временное укрѣпленіе для исправленія княжеской службы; люди, обязанные нести ее, должны сидѣть на своихъ мѣстахъ, и теряютъ свободу перехода. Но въ другой жалованной грамотѣ Троицкому монастырю, относящейся къ тому же времени нѣтъ даже и этого соображенія. Здѣсь просто дозволяется игумену съ братьею не выпускать ни куда своихъ старожильцевъ изъ села Присѣкъ [2]). Изъ всего этого видно, что княжеская власть растетъ и развивается; въ частныхъ и произвольныхъ ограниченіяхъ перехода высказываются зачатки тѣхъ государственныхъ требованій, которыя въ послѣдствіи поведутъ ко всеобщему укрѣпленію сословій.

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 64.

[2]) Акты Историч. т. I, № 59.

Со временъ Ивана Васильевича Грознаго мы видимъ уже укрѣпленіе тяглыхъ людей. Въ уставной Важской грамотѣ 1552 года постановлено: «Старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того»[1]). Это укрѣпленіе мѣстное, но въ другихъ памятникахъ мы видимъ и укрѣпленіе всеобщее, именно въ двухъ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ Григорію и Якову Строгановымъ на земли по Камѣ и по Чусовой[2]). Въ нихъ сказано:

«А изъ Перми, ни изъ иныхъ городовъ нашего государства, Григорью (въ другой грамотѣ: Якову) тяглыхъ людей и писменыхъ къ себѣ не называти и не пріимати; и воровъ ему и боярскихъ людей бѣглыхъ, съ животомъ, и татей и розбойниковъ не пріимати жъ; а пріѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и съ дѣтми, и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники или волостели или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтми отъ себя отсылати опять въ тѣжъ городы, изъ которого города о которыхъ людехъ отпишутъ именно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не пріимати ихъ... А которые люди пойдутъ изъ Перми жити, и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ, неписменыхъ и нетяглыхъ».

Вообще со второй половины XVI вѣка съ тяглыми людьми обращаются уже, какъ съ крѣпостными. Такъ напр. въ 1690 г. въ Сольвычегодскъ послано было царское повелѣніе взять съ посадскихъ и уѣздныхъ жителей тридцать человѣкъ пашенныхъ людей съ женами, дѣтьми и имуществомъ для отправленія на жительство въ Сибирь[3]).

Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ тяглые люди считались уже крѣпостными, точно также, какъ служилые люди считались

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 234.

[2]) Доп. къ Акт. Историч. т. I, № 117, 119.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 319.

царскими холопами, обязанными всю жизнь свою нести царскую службу. И то и другое совершилось безъ особенныхъ законодательныхъ постановленій, но тѣмъ не менѣе это существовало. Въ грамотахъ Василія Васильевича мы видѣли и начало укрѣпленія помѣщичьихъ крестьянъ. Вообще съ образованіемъ государства возникаетъ мысль, что каждый подданный долженъ нести на своемъ мѣстѣ наложенное на него государственное тягло, мысль, которая лежитъ въ основаніи укрѣпленія крестьянъ. Сначала она высказывается случайно: она является, какъ мѣра временная и частная: но нужно было только обобщить ее, сдѣлать изъ нея государственную систему, и прямымъ послѣдствіемъ должно было сдѣлаться всеобщее укрѣпленіе сословій. Законы Бориса Годунова были только распространеніемъ на крестьянъ помѣщичьихъ тѣхъ самыхъ государственныхъ обязанностей, которыя лежали уже на служилыхъ людяхъ и на тяглыхъ: это было окончательное развитіе той мысли, которая была высказана въ грамотѣ 1460 г. Но прежде, нежели мы приступимъ къ изложенію этихъ мѣръ, мы должны бросить взглядъ на положеніе крестьянъ въ XV и XVI вѣкахъ, и на отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ.

Изъ памятниковъ законодательства, опредѣляющихъ юридическую сторону этихъ отношеній, первое мѣсто по полнотѣ опредѣленій занимаетъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Какъ мы уже сказали, въ ней установленъ одинъ срокъ въ году для крестьянскаго отказа или отрока[1]), именно: Филиппово заговѣнье. 14 ноября. «А иному отроку не быти», все равно, государь ли откажетъ изорнику, огороднику или кочетнику[2]), или кто изъ нихъ самъ захочетъ отказаться. Но вѣ-

[1]) Это слово происходитъ отъ глагола: отрѣчься.

[2]) Изорникъ значитъ пахарь, отъ орать, пахать. Какъ видно, онъ жилъ на селѣ. Что такое кочетникъ, это не совсѣмъ ясно, не смотря

роятно поселяться вновь вольные люди могли во всякое время. При поселеніи крестьянинъ получалъ отъ хозяина *покруту*, то-есть подмогу или ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго. Иногда объ этомъ составлялась запись, но это нисколько не было обязательно, и договоръ словесный имѣлъ полную силу (стр. 13). Въ Псковской грамотѣ ничего не постановлено о взаимныхъ обязанностяхъ хозяина и крестьянина; сказано только, что старый изорникъ долженъ извозничать на хозяина (стр. 12). Но что́ разумѣлось подъ именемъ стараго изорника, и какого рода это были извозы, остается неизвѣстнымъ. Такая неопредѣленность объясняется самымъ характеромъ памятника, который имѣлъ въ виду постановить рѣшенія только для случаевъ спорныхъ, когда дѣло доходило до суда. Пока крестьянинъ жилъ на землѣ, предполагалось, что онъ исправно уплачиваетъ свои оброки и отправляетъ свои работы. Законодательство въ это и не вмѣшивалось; но какъ скоро онъ уходилъ отъ хозяина, такъ являлась необходимость разрѣшить возникающія затрудненія и недоразумѣнія. То же самое мы замѣтили и въ Судебникахъ. Однако въ постановленіяхъ псковскихъ и московскихъ видно нѣкоторое различіе. Судебники опредѣляютъ цѣну пожилаго, которое хозяинъ имѣетъ право взыскивать съ отходящаго крестьянина; Псковская же грамота постановляетъ, что въ этомъ случаѣ хозяинъ беретъ половину произведеній, а изорникъ другую половину (стр. 11). Если же изорникъ, огородникъ или кочетникъ запрется и скажетъ, что хозяинъ не отказалъ ему въ срокъ, то онъ долженъ идти на присягу, и тогда хозяинъ теряетъ уже право на искъ и лишается

на всѣ попытки объяснить это слово. См. Устрялова изслѣдованіе Псковской судной грамоты, примѣч. 96. Вѣроятнѣе всего, что оно означало рыболова.

своей четверти, или огородной части, или рыбной части съ исадовъ [1])

Имѣлъ ли при этомъ хозяинъ право взыскивать недоплаченные оброки? Объ этомъ мы въ Псковской грамотѣ находимъ только слѣдующее постановленіе: если кочетникъ, или исполовникъ отойдетъ отъ хозяина, заложивши напередъ весенній ловъ свой, то онъ обязанъ заплатить ему столько, сколько выловится рыбы на томъ же исадѣ другими рыболовами (стр. 8). Впрочемъ здѣсь дѣло идетъ, кажется, объ особенной ссудѣ подъ залогъ будущихъ произведеній; объ обыкновенномъ же оброкѣ за пользованіе землею или угодьями нѣтъ ни слова.

Болѣе подробны постановленія о взысканіи покруты. Ссуда эта была временная, и хозяинъ могъ требовать ее назадъ: 1) въ случаѣ выхода крестьянина, съ какой бы стороны ни послѣдовалъ отказъ. Онъ могъ искать ее въ закличъ, то есть посредствомъ словеснаго объявленія на торгу, и притомъ сказавши именно, какія вещи онъ далъ крестьянину — серебро ли, верши, пшеницу озимую и яровую; безыменные же иски не принимались (стр. 8). Если изорникъ запирался въ покрутѣ, говоря, что онъ живалъ у хозяина въ селѣ, но не долженъ ему ничего, то господинъ обязанъ былъ предварительно представить пять или десять человѣкъ постороннихъ людей въ свидѣтели, что изорникъ дѣйствительно у него на селѣ не только живалъ, но и сидѣлъ, и потомъ присягнуть и взять искъ свой, или предоставить присягу отвѣтчику. Если же онъ постороннихъ свидѣтелей представить не могъ, то онъ лишался иска (стр. 2). Впрочемъ это могло случиться только, когда не было записи, если же изорникъ уклонялся отъ платежа по за-

[1]) Стр. 8. Подъ именемъ четверти разумѣется вѣроятно хлѣбная мѣра вообще; иначе трудно объяснить сопоставленіе четверти съ огородной или рыбной частью и согласить это положеніе съ предыдущимъ, по которому хозяинъ беретъ половину произведеній.

писи, то всѣ убытки за проволочку взыскивались съ него (стр. 14). 2) Въ случаѣ бѣгства изорника за границу или куда бы то ни было, хозяинъ беретъ приставовъ у князя и у посадника, созываетъ губскихъ старостъ и постороннихъ людей и при нихъ продаетъ оставшееся въ селѣ имущество изорника, чтобы вознаградить себя за покруту. Если чего не доставало, а изорникъ послѣ этого возвращался, то хозяинъ воленъ былъ искать на немъ остальное (стр. 12). 3) Точно также продавалось имущество изорника и въ случаѣ его смерти, когда у него не оставалось ни дѣтей, ни родственниковъ; если даже послѣдніе оказывались послѣ, они теряли уже право иска. Но когда послѣ умершаго оставались жена и дѣти, то хозяинъ съ нихъ взыскивалъ покруту по записи, а если не было записи, то предписывалось судить ихъ по псковской старинѣ. Наконецъ, если послѣ смерти изорника оставались родственники, то хозяинъ взыскивалъ покруту съ послѣднихъ, и они обязаны были не утаивать отъ него ни лукошка, ни кадки (стр. 13).

Изъ всѣхъ этихъ положеній видно, что права хозяина были довольно подробно обезпечены законодательствомъ. Но во всякомъ случаѣ крестьянинъ разсматривался, какъ совершенно свободный человѣкъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить статью о бѣгствѣ изорника съ статьею о бѣгствѣ закупа въ Руской Правдѣ. Какъ свободный человѣкъ, изорникъ имѣлъ и полное право иска на хозяина. Если онъ тягался съ нимъ объ имуществѣ безъ письменнаго акта, то дѣло рѣшалось свидѣтельствомъ постороннихъ (стр. 13 — 14). Но если изорникъ представлялъ крѣпость (доску), то судъ производился по ней. Точно также и наслѣдники изорника имѣли право отыскивать у хозяина коня или корову, которые принадлежали умершему (стр. 13).

Постановленія Псковской судной грамоты касались преимущественно казусной, спорной стороны обязательства. Изъ по-

рядныхъ же и другихъ грамотъ мы узнаемъ самую жизненную его сторону, фактическія отношенія между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, ихъ взаимныя права и обязанности.

Мы видѣли уже, что Судебники установили одинъ срокъ въ году для перехода крестьянъ отъ одного хозяина къ другому, но что крестьяне селились и во всякіе другіе сроки. Отказъ совершался различнымъ образомъ: иногда хозяинъ высылалъ неисправнаго крестьянина съ своей земли[1]; иногда же крестьяне сами отказывали своимъ помѣщикамъ и уходили на другія мѣста[2]. Но такъ какъ они при этомъ должны были возвратить ссуду, которую получали отъ помѣщика, да сверхъ того заплатить ему пожилое и за вывозъ, то вѣроятно они рѣдко могли уйдти безъ чужой помощи. Обыкновенно же они не сами переходили, а перезывались другими Землевладѣлецъ, желавшій перезвать къ себѣ крестьянъ, посылалъ въ чужія деревни отказчиковъ, которые заключали условія съ тамошними поселенцами. При этомъ часто происходили большія злоупотребленія: одинъ, разумѣется, старался удержать крестьянина или взять съ него больше, нежели слѣдовало; другой, напротивъ, хотѣлъ увезти его съ наименьшими издержками, не стѣсняясь законными сроками. Такъ въ 1556 г. нѣсколько новгородскихъ помѣщиковъ жаловались царю на Данилу Зезевитова и другихъ, которые развезли крестьянъ ихъ не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно. Царь велѣлъ возвратить ихъ, по Судебнику, на прежнія мѣста и жить имъ до срока за старыми помѣщиками[3]. Въ томъ же году помѣщики Ростиславскіе жаловались на Скобельцыныхъ, что послѣдніе вывезли отъ нихъ крестьянку Машку съ дѣтьми не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно, и та Машка сожгла дворъ свой,

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 134.

[2]) Акты Юрид., № 10,

[3]) Доп. къ Акт. Историч., т. I, № 51, XVIII.

на что они и принесли жалобу. Вслѣдствіе этого Скобельцынымъ слѣдовало бы крестьянку возвратить прежнимъ хозяевамъ, дворъ выстроить вновь, и самимъ бить челомъ и выдать себя головою за насильство, а они ничего этого не хотѣли дѣлать [1]). Съ другой стороны, въ 1574 году игуменъ и братья Плантова монастыря жаловались царю, что князья и дѣти боярскіе, отъ которыхъ они перезываютъ крестьянъ, берутъ съ послѣднихъ лишнее пожилое, именно: по пяти рублей вмѣсто полтины съ двумя алтынами; царь велѣлъ брать по Судебнику [2]). Въ 1556 году новгородскій помѣщикъ Картмазовъ подалъ жалобу, что онъ за недѣлю до Юрьева дня посылалъ двухъ людей своихъ въ село къ помѣщику Лизунову, чтобъ отказать изъ-за него двухъ крестьянъ, и Лизуновъ отказъ принялъ и пожилыя пошлины взялъ, а послѣ того крестьянъ не выпускаетъ, и держитъ ихъ у себя насильно [3]). Другой помѣщикъ, принявши отказъ и взявши пожилое, ограбилъ имущество крестьянина, и потомъ, схвативши его, поставилъ его передъ тіуномъ, и сталъ искать на немъ холопства [4]). Но всего любопытнѣе жалоба ржевскихъ становыхъ выборныхъ головъ на помѣщиковъ разныхъ уѣздовъ, которые изъ ржевскихъ черныхъ деревень вывозили крестьянъ «не по сроку, по вся дни, безпошлинно; а какъ деи изо ржевскихъ изъ нашихъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказщики, съ отказомъ, въ срокъ, хрестьянъ изъ-за нихъ отказывати въ наши въ черные во ржевскіе деревни, которые хрестьяне похотятъ итти жити въ тѣ въ наши въ черные деревни, и тѣ деи дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ деи изъ-за себя не выпущаютъ, да поимавъ деи ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣ-

---

[1]) Тамъ же, № 51, V.

[2]) Акты Историч., т. I, № 191.

[3]) Доп. къ Акт. Историч,, т. I, № 51, XXII.

[4]) Тамъ же, Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 51, XXIV.

за куютъ, и пожилое деи на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти; и отказати де имъ хрестьянина изъ-за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно»[1]. Вообще въ то время подобныя насилія были не рѣдкостью, и если съ одной стороны помѣщики употребляли во зло свою власть, то съ другой стороны крестьяне не только жгли села тѣхъ помѣщиковъ, которыми они были недовольны[2], но и насильно оставались на своихъ мѣстахъ, не исполняя никакихъ обязанностей. Такъ въ 1533 г. игуменъ Богословскаго монастыря жаловался на крестьянина, который, отсидѣвъ льготные годы, отказывался платить пошлины, не давался подъ судъ и жилъ на ихъ землѣ насильно. Дворецкій великаго князя судилъ ихъ, и крестьянина обвинилъ, вслѣдствіе чего велѣно было выслать его изъ села, а если онъ въ мѣсяцъ не вывезется, то выбросить его вонъ, въ тотъ же часъ[3].

Нельзя сказать, совершались ли въ Московскомъ государствѣ договоры чисто словесные между крестьяниномъ и помѣщикомъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ нигдѣ законнаго предписанія, чтобъ эти обязательства основывались на письменныхъ актахъ. Но кажется, что обыкновенно при этомъ заключалась письменная запись, рядная или порядная, въ которую вносились всѣ условія контракта[4]. Большею частью она составлялась при самомъ поселеніи крестьянина на землю, но иногда и за долго до этого. Такъ въ одной рядной, заключенной въ январѣ, крестьянинъ обязывается придти на жительство въ Рождество; въ другой, заключенной въ августѣ, срокъ поселенія назначенъ 9 мая слѣдующаго года[5]. Въ обѣихъ однакожь крестьяне обязыва-

---

[1]) Допол. къ Акт. Историч., т. I, № 56.
[2]) Акты Юрид., № 10.
[3]) Акты Историч., т. I, № 134.
[4]) См. въ Акт. Юрид. порядныя, № 176 — 196.
[5]) Акты Юрид., № 183, 186.

ются въ промежутокъ поставить избу съ разными строеніями, для чего безъ сомнѣнія и назначена такая долгая отсрочка. Для бóльшаго обезпеченія землевладѣльца въ исполненіи крестьяниномъ своихъ обязанностей, съ послѣдняго требовалась иногда порука съ отвѣтственностью поручителей за всѣ неисправности[1]).

Каждый крестьянинъ договаривался съ помѣщикомъ особо и селился на свой отдѣльный участокъ, иногда одинъ, иногда съ дѣтьми и съ братіею; но случалось, что и не родственники брали одинъ участокъ двое или трое собща, вмѣстѣ заключали договоръ и несли обязанности. Величина земельнаго участка была различна; въ каждой вотчинѣ принималась извѣстная земельная мѣра за единицу, и крестьяне селились на ту или другую ея долю. Такъ напримѣръ въ земляхъ Вяжицкаго монастыря единицею была въ нѣкоторыхъ обжа, въ другихъ выть. Величина обжи была различна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она содержала въ себѣ десять четвертей или пять десятинъ въ полѣ, слѣдовательно всего пятнадцать десятинъ, въ другихъ же не болѣе семи четвертей въ полѣ[2]). Выть также имѣла значеніе неопредѣленное; первоначально это слово просто означало участокъ, жеребій, котораго величина опредѣлялась мѣстнымъ обычаемъ. Въ послѣдствіи же, въ сошномъ письмѣ, выть означала единицу, содержащую въ себѣ извѣстное количество десятинъ, но также не всегда одинакое. Въ одной грамотѣ мы читаемъ, что по старому письму въ выть полагалось отъ девяти до десяти десятинъ худой земли, а по новому только семь[3]). Поселяющіеся крестьяне брали извѣстную долю этихъ земельныхъ единицъ. Нѣкоторые брали цѣлую обжу, другіе по-

---

[1]) См. поручныя записи Акт. Юрид., № 290.

[2]) Первое — Акт. Историч., т. III, № 139, второе — Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 160.

[3]) Акты Юрид., № 230.

ловину, третьи четверть, четвертые $^1/_6$, нѣкоторые $1^1/_4$; иные наконецъ брали въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ $^1/_3$ обжи въ одномъ мѣстѣ, да $^1/_6$ обжи въ другомъ. Точно также находимъ крестьянъ поселенныхъ на четверти выти и на полвыти. Земли Прилуцкаго монастыря раздѣлялись на плуги, и крестьяне брали то полплуга, то четверть плуга. Въ XVII вѣкѣ находимъ также порядныя на четверти пашни, осмины и бѣлки [1]).

Почти всѣ дошедшія до насъ порядныя заключены на безсрочное время; только въ одной означенъ пятилѣтній срокъ [2]), да и та имѣетъ болѣе характеръ оброчной записи, нежели порядной, хотя и названа послѣднимъ именемъ. Понятно, что не было никакой необходимости заключать обязательства срочныя. Крестьянинъ сидѣлъ на землѣ, пока ему жилось, и пока онъ исправно исполнялъ свои обязанности. Такимъ образомъ мы въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ встрѣчаемъ старожильцевъ, которыхъ отцы сидѣли на тѣхъ земляхъ [3]). Тѣмъ не менѣе безсрочный договоръ далеко не былъ общимъ правиломъ; мы видѣли выше, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ серебряники нанимались на годъ. Можетъ быть, это различіе зависѣло отъ того, какую форму принималъ договоръ: личнаго ли найма крестьянина на работу, за плату, взятую заранѣе, или найма земли поселенцемъ. Хотя то и другое соединялось вмѣстѣ, но смотря по тому, которая сторона перевѣшивала, договоръ могъ заключаться или на безсрочное время, или на извѣстный срокъ.

Обыкновенно при заключеніи условія означались льготные годы, въ продолженіе которыхъ крестьянинъ освобождался отъ

---

[1]) См. вообще порядныя и поручныя въ Акт. Юрид.

[2]) Акты Юрид., стр. 67, № 26. Что она имѣетъ характеръ оброчной грамоты, видно изъ того, что крестьянинъ не несетъ никакихъ обязанностей, кромѣ оброка. Оброчная земля была пожалована царемъ монастырю, а крестьянинъ, ее нанимавшій, возобновилъ контрактъ на пять лѣтъ.

[3]) Акты Юрид., № 20.

всякихъ податей и повинностей. Это время давалось ему на обзаведеніе хозяйствомъ, а кромѣ того это былъ способъ переманить его съ чужой земли. Сами князья, какъ мы видѣли выше, въ своихъ жалованныхъ грамотахъ, давали монастырскимъ крестьянамъ льготы на извѣстное число лѣтъ, и притомъ вновь поселяющимся обыкновенно на болѣе продолжительные сроки, нежели старожильцамъ. Въ порядныхъ записяхъ льготные сроки опредѣляются различные: одинъ, два, три, четыре года, иногда же только нѣсколько мѣсяцевъ: съ Юрьева дня осенняго до Юрьева дня вешняго. Въ одной грамотѣ крестьянинъ освобождается отъ повинностей на годъ, а отъ оброка на два; въ другой онъ выговариваетъ себѣ свободу отъ повинностей на тотъ годъ, когда онъ будетъ ставить избу. Въ одной порядной 1601 года постановлено: «а податей мнѣ государевыхъ и волостныхъ розрубовъ до государева указу не тянуть, и дѣла манастырьскаго не дѣлати и дани мнѣ въ манастырь не давати». Обыкновенно срокъ льготы начинался со времени поселенія крестьянина, но въ одной грамотѣ крестьянинъ обязывается придти на Рождество, а льготу выговариваетъ себѣ на три года съ слѣдующаго Юрьева дня вешнаго. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ порядныхъ вовсе не говорится о льготѣ; это тѣ, въ которыхъ договоръ заключается на старое поселеніе того же крестьянина, или на новый, но жилой участокъ.

Кромѣ льготы, поселяющійся крестьянинъ получалъ и подмогу на обзаведеніе. Она могла быть различна; иногда давались деньги — полтина, рубль, два и даже до пяти рублей, иногда хлѣбъ, иногда же на льготные годы давался пустой участокъ, съ котораго крестьянинъ не платилъ ничего, и который онъ обязанъ былъ возвратить по истеченіи срока. Въ нѣкоторыхъ порядныхъ вовсе не говорится о подмогѣ, въ особенности если крестьянинъ садился на старый свой или на жилой участокъ.

За подмогу крестьянинъ обязывался въ льготный годъ рас-

пахать и огородить поля, чинить старыя хоромы и ставить новыя, почему она возвращалась хозяину, единственно если крестьянинъ не исполнялъ этихъ обязанностей. Въ Псковской судной грамотѣ мы видѣли напротивъ, что крестьянинъ всегда долженъ былъ возвратить покруту своему господину. Но въ дошедшихъ до насъ порядныхъ подмога отличается отъ ссуды [1]), которую крестьяне также нерѣдко получали отъ помѣщиковъ при заключеніи договора или въ послѣдствіи. Изъ приведенныхъ выше грамотъ бѣлозерскихъ [2]) мы видѣли, что монастыри давали крестьянамъ въ ссуду деньги, за которыя послѣдніе должны были исправлять барскія работы, съ тѣмъ однакоже, чтобы возвратить ихъ при отказѣ. Отъ этого они получали названіе серебряниковъ. Это былъ наемъ, соединенный съ займомъ: крестьянинъ, взявшій ссуду, обязывался «за ростъ пахати», по древнему выраженію. При этомъ онъ получалъ и участокъ земли, который обработывалъ на себя, и съ котораго, можетъ быть, платилъ также оброкъ, ибо обязательства могли быть чрезвычайно разнообразны. Ссуда, которая давалась въ виду будущей работы, называлась *серебромъ издѣльнымъ*, и сами крестьяне назывались издѣльниками. Но кромѣ того, крестьяне брали деньги и за проценты, и это называлось *серебромъ ростовымъ*. Въ духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ князья и бояре весьма часто прощали эти долги или по крайней мѣрѣ часть ихъ. Это было послѣдствіемъ тѣхъ благочестивыхъ и нравственныхъ побужденій, о которыхъ мы говорили выше. Такъ въ духовной князя Андрея Васильевича меньшаго читаемъ: «а что въ моихъ селехъ на Вологдѣ и въ Торусѣ на христіанехъ мое серебро издѣлное и ростовое и мое жито на нихъ заемное и оброчное и которые мои села и деревни за моими дѣтми боярскими

---

[1]) Ср. напр. Акт. Юрид., № 178, 182, 191.

[2]) Акт. Археогр. Эксп., т. I, № 48.

съ моимъ серебромъ, и я то свое серебро и жито все отдалъ христіаномъ»[1]). Другіе отдавали половину[2]); великая же княгиня Софія Витовтовна, отказавши половину заемнаго серебра своимъ крестьянамъ, прибавляетъ: «кто изъ издѣльниковъ охудѣлъ и не можетъ заплатить даже и половины серебра, и сынъ мой тому велитъ отдать за мою душу все издѣльное серебро; а который будетъ издѣльный серебряникъ изможенъ въ животѣ, а не охудѣлъ, можетъ заплатить и все серебро, и на томъ сынъ мой великій князь велитъ все издѣльное серебро взять; то учинитъ сынъ мой великій князь своего ради спасенія, а и за мою душу, по обыску»[3]). Изъ этого видно, что вотчинники старались удержать за собою крестьянъ, дѣлая имъ ссуды, которыя они часто не въ состояніи были уплатить. Но и здѣсь это стремленіе къ укрѣпленію, которое впрочемъ проявлялось въ меньшей степени, нежели въ отношеніи къ холопамъ, находило себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. Кромѣ того, такъ какъ земли было много, а рабочихъ рукъ мало, то помѣщики, переманивая къ себѣ крестьянъ, помогали имъ выплачивать долги прежнимъ хозяевамъ. Это впрочемъ способствовало только переходу, а нисколько не уменьшало зависимаго положенія крестьянина, который черезъ эту сдѣлку вступалъ только въ новую кабалу, не менѣе тяжелую, нежели прежняя. Вообще въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ оброчныхъ, какое мы видимъ въ порядныхъ записяхъ, было легче и выгоднѣе, нежели положеніе издѣльныхъ. Рѣзкаго различія между тѣми и другими, кажется, однакоже не было; ибо одно и то же лице часто обязано было и уплачивать оброкъ и исправ-

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 112. Тоже № 122: «а что мои денги въ моихъ селехъ въ ростехъ и въ пашни и на комъ ни буди, тѣхъ денегъ не велѣлъ взяти».

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 96, 130.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 83.

лять работы въ пользу землевладѣльца. Это будетъ яснѣе изъ разсмотрѣнія обязанностей крестьянъ къ помѣщикамъ.

Крестьянинъ селился либо на жилой участокъ, либо на пустой. Въ первомъ случаѣ онъ обязывался только поддерживать строеніе, чинить его, дѣлать крышу, а иногда, если изба была уже ветха, то поставить новую. Во второмъ случаѣ онъ долженъ былъ ставить новую избу съ разными строеніями по уговору, какъ-то: клѣтями, хлѣвами, сѣнниками, мшанниками, банями, сараями, овинами. Если селились двое или трое вмѣстѣ, то каждый изъ нихъ ставилъ обыкновенно отдѣльный дворъ, а если всякій бралъ свой участокъ, то онъ строилъ на немъ свою избу[1]). Замѣчательно еще, что почти во всѣхъ порядныхъ крестьянинъ обязывается огородить свое поле, что указываетъ на хозяйство совершенно другаго рода, нежели то, которое существуетъ въ настоящее время. Въ XVI вѣкѣ, въ каждомъ нѣсколько значительномъ имѣніи, было центральное село, гдѣ жило нѣсколько крестьянъ, владѣвшихъ впрочемъ каждый своимъ особеннымъ участкомъ. Вокругъ села расположены были деревни, составлявшія каждая отдѣльное поселеніе, на которомъ жилъ одинъ крестьянинъ, а иногда и нѣсколько вмѣстѣ. Такихъ деревень было иногда до двадцати и болѣе[2]). Самое слово: *деревня* означало землю, почему и употреблялось выраженіе: «деревня пахати». Границы такого отдѣльнаго хозяйства опредѣлялись обычаемъ: «куда топоръ, коса и соха ходили». Въ этомъ видѣ оно переходило изъ рукъ въ руки, такъ что каждый поселенецъ жилъ въ своей деревнѣ особнякомъ и огораживался отъ другихъ.

Относительно земли, крестьянинъ обязывался пахать ее, не запереложить, а иногда и навозить, также чистить луга.

---

[1]) Акты Юрид., № 183, 186, 190, 196, II.

[2]) Акты Истор., т. I, № 180. Акты Юрид., № 392.

Если онъ всего этого не исполнялъ, и не доживалъ льготныхъ годовъ, онъ обязывался возвратить подможныя деньги, а иногда, кромѣ того, заплатить неустойку, въ два, въ три, въ пять, а чаще всего въ десять рублей.

Всѣ эти условія относились собственно къ владѣнію; что же касается до самыхъ обязанностей крестьянъ къ вотчиннику или помѣщику, то онѣ въ послушныхъ и ввозныхъ грамотахъ опредѣлялись обыкновенно слѣдующимъ образомъ: «и вы бы всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ тѣхъ деревняхъ живутъ, (такаго-то N N) слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему помѣщиковъ хлѣбный и денежный платили»[1]). Иногда прибавлялось: «чѣмъ онъ васъ изоброчитъ»[2]), или: «по старинѣ»[3]); а иногда также: «а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ по сей нашей грамотѣ»[4]). Вещественныя обязанности состояли слѣдственно: 1) въ оброкахъ хлѣбныхъ и денежныхъ и разныхъ поборахъ въ пользу землевладѣльца, 2) въ повинностяхъ, 3) въ ссудныхъ и разныхъ другихъ пошлинахъ. Къ этому присоединялись еще доходы прикащиковъ, посельскихъ и другихъ лицъ, которые управляли имѣніемъ и исполняли должность судей, и наконецъ подати и повинности княжескія, которыя нерѣдко составляли значительную тяжесть для крестьянъ. Разсмотримъ каждую изъ этихъ статей.

Способъ опредѣленія оброковъ былъ двоякій: или каждый крестьянинъ уговаривался особо, что ему платить, или же установлялся общій оброкъ съ выти или съ обжи и т. п., и тогда вновь поселяющійся крестьянинъ обязывался уплачивать

---

[1]) Акты Истор., т. I, № 180, 243. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 251, 290.

[2]) Акты Истор., т. I, № 167, 182, 185, 186, 190, 201. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 340.

[3]) Акты Истор., т, I. № 183, 244.

[4]) Акты Истор., т. I, № 185, 186, 190, 201.

слѣдующую съ него часть по книгамъ [1]), такъ что занявшій полъвыти платилъ половину оброка, занявшій четверть выти четверть и т. д. Иногда крестьянинъ дѣлалъ особый уговоръ о хлѣбномъ оброкѣ, а денежный обязывался платить по книгамъ [2]). Такимъ образомъ и тотъ и другой оброкъ нерѣдко существовали рядомъ; но случалось, что платился одинъ хлѣбный оброкъ или одинъ денежный [3]). Разумѣется, если крестьянинъ договаривался объ оброкѣ отдѣльно отъ общаго положенія, то величина оброка совершенно зависѣла отъ условій, и могла быть различна для каждаго. Въ порядныхъ, заключенныхъ крестьянами Вяжицкаго монастыря, которыхъ больше всего напечатано въ Юридическихъ Актахъ, мы находимъ самые разнообразные оброки. Иногда крестьяне обязываются давать въ монастырь четвертый, пятый, шестой снопъ, иногда деньгами рубль или два. Въ одной порядной находимъ слѣдующее условіе: «а давати ему съ той деревни оброку... хлѣба ржи и овса пять коробей, въ новую мѣру съ году на годъ, а изъ лѣса пятой снопъ, а изъ заозерья шестой снопъ, а денежная дань по книгамъ давати». Въ другой же трое крестьянъ обязываются платить «семь мѣръ ржи, да семь мѣръ овса, да жита мѣру, а изъ лѣса пятой снопъ, а изъ заозерья шестой снопъ, а домовную дань по книгамъ» [4]).

Оброки, опредѣляемые общимъ постановленіемъ вотчинной власти, были также разнообразны. Въ уставной грамотѣ, данной въ 1561 г. игуменомъ и братьею Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, опредѣлено платить ежегодно съ выти по четыре четверти ржи, да по четыре четверти

---

[1]) Акты Юрид., № 177, 182.

[2]) См. напр. порядныя, № 177, 184.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258. Акты Юрид., № 26, стр. 67, № 178, 182, 183, 186, 189, 191.

[4]) Акты Юрид., № 177, 184.

овса, и кромѣ того «на Оспожинъ день по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ и за сыръ двѣ денги : да въ осень на покровъ святѣй Богородици по пятидесяти яицъ, да по хлѣбу, да по калачу»[1]). Въ 1580 г. крестьяне села Соболева, принадлежавшаго Троицко-Сергіевскому монастырю, должны были давать ежегодно на Аѳанасіевъ день оброку съ выти по три рубля[2]). Въ уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1593 г. опредѣлено: «давати старостамъ и крестьяномъ на три праздники, на великъ день (Свѣтлое Воскресеніе), да на Петровъ день и Павловъ, да на Рождество Христово, праздншного съ выти по двѣ деньги ; да на великъ же день, Бѣлозерского уѣзда во всѣхъ селѣхъ, съ выти по десяти яицъ; да на Петровъ день и Павловъ по сыру да по десяти яицъ съ выти, да на Успеньевъ день потомужъ ; а въ иныхъ во всѣхъ селѣхъ монастырьскіе отчины яицъ и сыровъ не имати. Да въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, да и въ иныхъ во всѣхъ селѣхъ монастырьскіе отчины имать съ выти по овчинѣ, да по ярятинѣ»[3]). Въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ видно, брались также холсты, масло и т. п.[4]), не говоря объ оброкахъ рыбою съ рыболововъ, медомъ съ пчеловодовъ и другихъ.

Также разнообразны были и повинности. Онѣ состояли въ обработкѣ помѣщичьей земли, въ разныхъ работахъ и извозахъ. Въ 1590 году власти и старцы Троицко-Сергіевскаго монастыря постановили, чтобы кишкинскіе ихъ крестьяне, вмѣсто всякихъ монастырскихъ доходовъ, пахали на монастырь по пяти десятинъ съ выти[5]). Никольскіе крестьяне Соловецкаго монастыря должны были пахать въ селѣ монастырскую пашню

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258.

[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 307.

[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 357.

[4]) Тамъ же, т. I, № 348. II.

[5]) Тамъ же.

и засѣвать ее монастырскими сѣменами съ выти по четверти ржи да по двѣ четверти овса, всего съ тридцати трехъ вытей тридцать три четверти ржи да шестьдесятъ шесть четвертей овса, а если прикащикъ захочетъ сѣять пшеницу, или жито, или горохъ, или гречу, или ленъ, то крестьянамъ пахать тамъ, гдѣ прикащикъ укажетъ[1]). Крестьяне должны были, кромѣ того, дѣлать монастырскій дворъ и гумно, и ставить новыя хоромы на мѣсто обветшавшихъ. «И прикащика слушати во всемъ, и на монастырьское дѣло ходити на солнечномъ всходѣ, какъ десяцкой вѣсть подастъ; а кто не придетъ, на томъ заповѣди прикащику двѣ денги, а доводчику съ десяцкимъ двѣ денги; а коли прикащикъ позоветъ на монастырьское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочного дѣла, и кто придетъ, и прикащику тѣхъ людей кормити монастырьскимъ хлѣбомъ». Здѣсь же опредѣлено относительно извозовъ: «да съ тѣхъ же вытей, съ выти, привозити на монастырьской дворъ по два возы дровъ, да полѣненыхъ по третьему возу съсновыхъ дровъ на квасы, да по десяти полѣнъ лучины, такожъ крестьяномъ. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади; а на лошади везти по четыре четверти ржи, а овса по шти четвертей; а съ Вологды везти въ село въ Никольское или на Городецко, или на Кіасову гору, на тѣхъ же конѣхъ, на выть по полутретьядцати пудовъ соли; а пшеница и горохъ и сѣмя и крупа запарная и толокно класти противъ ржы, а солодъ и грѣчневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей; а случится повозъ везти къ Москвѣ или на Бѣлоозеро или ближе Вологды или далѣ Вологды, и крестьяномъ съ приказщикомъ въ томъ счетъ противъ Вологды; а не лучится крестьяномъ которого году повозу везти, ино на нихъ взяти за подводу по четыре гривны московскую». Иногда крестьяне освобождались отъ

---

[1]) Тамъ же, т. I, № 258.

всѣхъ или отъ нѣкоторыхъ извозовъ, напримѣръ: «и камени и извести въ монастырь не возити, и дровъ въ монастырѣ не сѣчи ни возити, опричьно государева (городоваго?) дѣла, и приказщикомъ нашимъ на крестьянѣхъ, куды поѣдетъ въ городъ для крестьянского дѣла, подводъ на нихъ не имати, ѣздити имъ на своихъ лошадѣхъ». Или: «подводъ имъ ни въ которое село подъ тесъ и подъ лубіе не давати; а которые слуги или старцы станутъ ѣздити на Вохну для монастырского дѣла... и тѣмъ вохонскимъ старостамъ и всѣмъ крестьяномъ нашимъ, старцомъ и слугамъ подводъ не давати»[1]).

Вообще повинности опредѣлялись одинакія для всѣхъ крестьянъ, смотря по величинѣ ихъ участковъ. Поэтому въ порядныхъ почти всегда опредѣлялось: «а на дѣло на монастырское ходити, какъ и прочіе крестьяне ходятъ». Эти повинности служили звеномъ, соединявшимъ въ одну общину разрозненныя деревни; ибо крестьянинъ, жившій напримѣръ на полвыти земли, долженъ былъ складываться съ тѣмъ, который жилъ на другой полвыти, для того, чтобы выставить подводу, которая требовалась съ цѣлой выти. Кромѣ того, они могли нѣкоторыя повинности исправлять вмѣстѣ, а другія поочередно, напримѣръ поставку подводъ для старцевъ и прикащиковъ. Но всего болѣе связывали ихъ подати и повинности государственныя, если они не освобождались отъ нихъ жалованными грамотами. Въ княжескіе «проторы и розметы» крестьяне частнаго владѣльца тянули или сами собою, или вмѣстѣ съ остальными крестьянами той же волости. Во всякомъ случаѣ податью облагалось все имѣніе цѣликомъ, а раскладка предоставлялась уже самимъ жителямъ; ибо лица, при постоянномъ кочевеніи народонаселенія, мѣнялись безпрестанно, земельные участки

¹) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 348. II, III. См. также уставную грамоту Константиновскаго монастыря, Акты Археогр. Эксп., т. I, № 11.

то покидались впустѣ, то засѣлялись вновь, и не было другаго средства, какъ обложить общею податью цѣлый земельный округъ, кто бы въ немъ ни селился. Въ XVI вѣкѣ, при умноженіи государственныхъ потребностей, установились весьма разнообразные оклады, и это иногда чрезвычайно затрудняло крестьянъ. «Били есте намъ челомъ», пишетъ въ 1564 г. соловецкій игуменъ крестьянамъ Сумской волости, «а сказывайте, что у васъ въ Сумѣ о волостныхъ розрубѣхъ и о всякихъ тяглѣхъ промежъ собою смущенье живетъ великое: и язъ Филиппъ игуменъ, посовѣтовавъ съ братьею, написалъ есмя вамъ указъ о всякихъ розрубѣхъ и о тяглѣхъ, чтобы у васъ въ волости промежъ вами да и съ иными нашими волостками и деревнями впередъ смущенья не было». Онъ предписываетъ имъ, когда случится раскладка, выбирать въ окладчики по два человѣка изъ большихъ (то-естъ зажиточныхъ), среднихъ и меньшихъ людей, да двухъ изъ казаковъ, и того 8 человѣкъ. Если выбранный не захочетъ идти въ окладчики, то старостѣ и крестьянамъ взять на него доводчика монастырскаго у тіуна и отдать его на поруки, съ обязательствомъ въ извѣстный срокъ стать къ отвѣту передъ монастырскими властями. Такъ же должны они поступать, если кто изъ окладчиковъ возьметъ взятки. Наконецъ если бы кто изъ поселенцевъ ослушался и отказался платить, то старосты и крестьяне точно также должны просить у тіуна доводчика, и велѣть на ослушникахъ доправить требуемыя деньги. Изъ этого видно, что хотя землевладѣлецъ въ раскладку не вмѣшивался, но вся власть была въ его рукахъ: онъ судилъ ослушниковъ и виновныхъ въ злоупотребленіяхъ; онъ же черезъ своихъ слугъ взыскивалъ подати съ неплательщиковъ. Въ настоящемъ случаѣ игуменъ давалъ наставленіе и о способѣ расcладки, ибо крестьяне не знали какъ поступать. Онъ опредѣлилъ, какія подати слѣдуетъ раскладывать по обжамъ, какія

поголовно, какія по имуществу, какія по торговлѣ и т. п. Такъ какъ притомъ нѣсколько способовъ соединялись иногда вмѣстѣ, то понятно, что изъ этого должна была происходить величайшая путаница[1]).

Если у вотчинника не было тархана, освобождавшаго поселенцевъ отъ княжескихъ податей и повинностей, то крестьянамъ безъ сомнѣнія было чрезычайно трудно нести вмѣстѣ тягло вотчинное и государственное. Этому мы находимъ примѣры въ грамотахъ. Въ 1578 года суздальскій епископъ жаловался, что городовые прикащики притянули крестьянъ его къ городу съ посадскими и волостными людьми, и оттого имѣніе его запустѣло; въ четыре года изъ него вышло семдесять шесть семей, а запустѣло шестдесятъ вытей[2]). Впрочемъ всѣ подобныя жалобы со стороны духовенства кончались тѣмъ, что князья, движимые духомъ благочестія, даровали имъ освобожденіе отъ податей и повинностей. Но остальнымъ отъ этого дѣлалось не легче. Хотя большая часть податей падала на тяглыхъ людей, но и вотчинные крестьяне не были совершенно избавлены отъ тягла; бѣлыя сохи, по тогдашнему выраженію, платили многія подати и отправляли многія повинности. Когда часть ихъ освобождалась отъ этого льготными грамотами, то тяжесть сваливалась на остальныхъ, которыхъ положеніе черезъ это дѣлалось гораздо хуже. Это мы видимъ изъ постановленій Собора 1584 года[3]), гдѣ сказано: «что земли митрополичи и архиепископли и владычни и монастырскіе въ тарханехъ, и съ тѣхъ никакіе царскіе дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство служилые люди тѣ ихъ земли оплачиваютъ: и сего ради многое запустѣніе за воинскими

---

[1]) См. Акты Археогр. Эксп. т. I, № 268.

[2]) Акты Историч., т. I, № 200. См. также Акты Археогр. Эксп., т. I, № 344.

[3]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, № 202.

людми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьянѣ, вышедъ изъ за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во лготе и отъ того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде». Поэтому положено было до государева указа тарханщикамъ платить наравнѣ съ другими, «чтобъ воинство конечне во оскуденіе отъ того не было, для ради тое вины и государеве казнѣ въ томъ убытка не было».

Но этимъ еще не ограничивались подати, которыя выплачивались вотчинными крестьянами. Кромѣ оброковъ, поборовъ и повинностей вотчинныхъ, кромѣ податей и повинностей княжескихъ, на нихъ лежали еще разныя пошлины и поборы по суду и управленію. Судъ собственно былъ принадлежностью князя; это было регальное право, лежавшее на каждой землѣ, которая находилась въ предѣлахъ области. Но судъ въ то время разсматривался не какъ общественное дѣло, а какъ частная собственность, какъ доходная статья, на которую князь имѣлъ право, и которую онъ жаловалъ своимъ слугамъ въ кормленіе или въ наслѣдственное владѣніе. Послѣднее обыкновенно имѣло мѣсто относительно суда въ имѣніяхъ духовенства и служилыхъ людей. Они освобождались или совершенно или отчасти отъ суда намѣстниковъ и волостелей; вотчинникъ получалъ отъ князя право самому судить поселенныхъ на землѣ его крестьянъ. Только нѣкоторыя преступленія, какъ самыя доходныя статьи, оставлялись иногда въ пользу намѣстниковъ. Такимъ образомъ вотчинники получали право суда, иногда за исключеніемъ разбоя, иногда разбоя и душегубства, иногда разбоя, душегубства и татьбы съ поличнымъ [1]). Впрочемъ вотчинный судъ, какъ видно изъ примѣра монастырскихъ имѣній,

---

[1]) Жалованныхъ несудимыхъ грамотъ монастырямъ и духовенству такъ много, что и цитовать не стоитъ. О частныхъ лицахъ см. Акты Историч. т. I, № 115. Акты Археогр. Экси., т. I, № 44, 73, 79, 111, 120, 132, 160, 371, 374.

о которыхъ сохранилось болѣе извѣстій, носилъ совершенно тотъ же характеръ, что и княжескій, то есть учреждался по началамъ права собственности и служилъ для вотчинника доходной статьею. Всѣ тѣ пошлины и поборы, которые встрѣчаются въ кормленіяхъ, повторяются и здѣсь.

Въ монастырскихъ вотчинахъ судили обыкновенно прикащики, управлявшіе имѣніемъ, или посельскіе старцы, или ключники, а иногда особенные тіуны[1]). Для исполненія судебныхъ дѣйствій были обыкновенно доводчики, но въ близкихъ къ монастырямъ селахъ, вмѣсто доводчиковъ, эти дѣла возлагались иногда на посылаемыхъ изъ монастыря недѣльщиковъ[2]); иногда же доводъ отдавался самому прикащику. Кромѣ того, для объявленій бывали биричи. Всѣ эти лица равно какъ и старосты, которыхъ должность состояла въ сборѣ податей и нарядѣ на повинности, имѣли свои доходы, сбираемые съ крестьянъ[3]). Прикащики получали не вездѣ одинакое содержаніе. Изъ ежегодныхъ поборовъ, которые взимались съ крестьянъ въ ихъ пользу, мы находимъ слѣдующіе: въѣзжее, праздничное или праздничный кормъ, осеннее. Кромѣ того, крестьяне иногда обязаны были отправлять въ ихъ пользу нѣкоторыя повинности; такъ напр. въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря селу Пузыреву 1561 г. велѣно крестьянамъ всею волостью на прикащика, на слугу и на доводчика молоть рожъ на хлѣбы и солодъ для кваса[4]). Въ оброчной грамотѣ села Соболева, принадлежавшаго Троицко-Сергіевскому монастырю, въ 1580 г. постановлено: «да нашему прикащику давати имъ со всей волости съ году на годъ, въ осень, по 20 четвертей ржи, да по 20 четвертей овса, да на четыре праздни-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 255, 258.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 255. II.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 348, III.
[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258.

ки, на великъ день, да на Петровъ день, да въ осень, да на Рождество Христово по алтыну съ выти, да ему же съ волости рубль денегъ, да сѣна косити имъ 60 копенъ»[1]). Въ другомъ селѣ того же монастыря положено прикащику брать на три праздника съ выти по двѣ деньги; въ нѣкоторыхъ же селахъ, какъ праздничное, такъ и осеннее вовсе были отмѣнены[2]). Въ уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1593 г. постановлено: «да прикащикамъ давати въѣзжего съ выти по двѣ денги, да осеннего съ выти по пяти денегъ, за которымъ приказщикомъ доводъ, а за которымъ доводу нѣтъ, ино ему съ стола два рубли»[3]). О посельскихъ и ключникахъ въ уставной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря 1560 г. опредѣлено: «около манастыря поселскимъ старцомъ пошлина, гдѣ доводчика нѣтъ: на два праздника съ выти по двѣ денги, а третей праздникъ въ манастырь беретъ съ выти по двѣ денги; а гдѣ ключники въ селѣхъ міряне и имъ пошлинъ одинъ праздникъ въ году съ выти по двѣ денги... да два праздника на манастырь берутъ»[4]). О доходахъ тіуна находимъ только въ уставной грамотѣ Сумской волости, чтобы платить ему кормъ по монастырской жалованной грамотѣ[5]). Здѣсь же сказано, чтобы старостѣ сумскому, а также и биричу, всѣ крестьяне и казаки Сумской волости, подсудные сумскому тіуну, давали съ головы по московкѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ меньше пятнадцати лѣтъ. Крестьяне же другихъ селъ, подсудные прикащикамъ виремскимъ и колежемскимъ, должны были давать сумскому старостѣ и биричу по полуденьгѣ съ головы, также за исключеніемъ малолѣтныхъ. Болѣе подроб-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 307.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 348, I, III.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 357.
[4]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 255, II.
[5]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 268.

ныя извѣстія имѣемъ мы о доводчикахъ. Въ установной грамотѣ села Пузырева опредѣлено имъ брать съ выти праздничныхъ кормовъ: на великъ день и на Петровъ по двѣ деньги московскихъ, а на Рождество четыре, да по два алтына ежегодно за осеннее, и того ежегодно гривну московскую съ выти, кромѣ въѣзжаго, которое равнялось двумъ деньгамъ съ дыма ежегодно. Въ уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря положено доводчикамъ брать въѣзжаго и осенняго столько же, сколько и прикащикамъ.

Таковы были доходы постоянные; за тѣмъ слѣдовали временные, и прежде всего судныя пошлины. Въ Пузыревѣ прикащикъ бралъ на виноватомъ съ каждаго исковаго рубля по алтыну, то есть три процента; если же онъ ѣхалъ или посылалъ кого на межу или протраву, то бралъ «за боранъ» алтынъ. Въ Соболевѣ онъ бралъ «на боранъ ѣхати алтынъ, на поруку дати ѣзду двѣ денги, а правда (за представленіе свидѣтеля) вдвое; а съ судового дѣла съ суда прикащику имати по 10 денегъ, а ставъ у поля помирятся, ино пошлинъ гривна... А судной списокъ доложатъ въ монастырѣ архимарита и келаря и старцовъ соборныхъ, и прикащику съ рубля по гривнѣ, да ѣздъ монастырской, да правда; а случится крестное цѣлованье, да помирятся, не цѣлованъ, ино заворотного алтынъ». Здѣсь, какъ видно, онъ исполнялъ должность не только судьи, но и доводчика. Въ другихъ мѣстахъ этого не было; такъ въ уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря доводчику опредѣлены свои пошлины, а посельскому велѣно брать съ суда по двѣ деньги. Въ уставной же грамотѣ Троицкаго монастыря 1590 г. постановлено: «а случится крестьянину со крестьяниномъ судъ, и досудитъ до поля, и ставъ у поля да побіются, ино поселскому полевыхъ пошлинъ два алтына, а ставъ у поля да помирятся, ино поселскому мировыхъ пошлинъ десять денегъ; а на судъ не ходя, за приста-

вомъ да помирятся, ино поселскому пошлинъ нѣтъ никоторыхъ». Въ нѣкоторыхъ грамотахъ эти пошлины назначаются недѣльщику. Въ уставной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря 1560 г. подробно опредѣлены доходы недѣльщиковъ; они были слѣдующіе:

«Кого дастъ на поруку въ манастырѣ, ѣзду на виноватомъ денга, а правды вдвое; а кого дастъ въ селѣ на поруку, ѣзду на три версты денга, а правды вдвое. А полевыхъ пошлинъ недѣльщикомъ въ манастырѣ: стоявъ у поля истецъ съ отвѣтчикомъ да помирятся, и имъ съ обѣихъ пошлинъ имати 10 денегъ; а побьются, и имъ съ виноватого пошлинъ гривна, а стоявъ у цоловонья истецъ съ отвѣтчикомъ, да помирятся, и имъ съ обѣихъ пошлинъ 6 денегъ; а поцолуетъ ищея или отвѣтчикъ, и имъ съ виноватого пошлинъ ѣздъ да правда; а не стоявъ у поля и у цолованья истецъ съ отвѣтчикомъ помирятся, и имъ пошлинъ нѣтъ, опричь ѣзду и правды. Да недѣльщикомъ же ѣзду, кто передъ келаремъ и передъ старцы ищетъ и отвѣчиваетъ, изъ ближнихъ и изъ далнихъ селъ, и ставленого по денгѣ съ виноватого; а кто о чемъ докладываетъ, и имъ съ того пошлинъ нѣтъ; а кого велятъ келарь и старцы дати на поруку въ манастырскомъ дѣлѣ, и имъ о томъ бити челомъ келарю и старцомъ, что пожалуютъ на виноватомъ велятъ взяти; а пожелѣзного недѣльщики емлютъ...»

Здѣсь въ грамотѣ пропускъ. Въ селѣ Пузыревѣ доводчикъ бралъ ѣзду на версту по московской деньгѣ, а на правду съ суда вдвое. Въ селахъ же Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря установлены были слѣдующія пошлины:

«Хоженого доводчику въ селѣ денга, а правда вдвое; а ѣзду доводчикомъ па десять верстъ пять денегъ, а на 20 или на 30 верстъ та жъ пять денегъ ѣзду. А случится ссылка съ суда на правду, человѣкъ на 10 или на 15 въ одномъ дѣлѣ, и правда давати та жъ двѣ денги; а съ одного человѣка та жъ двѣ денги; а будетъ исцова правда, а отвѣтчикова правда жъ, и съ обѣихъ сторонъ имати по двѣ денги .. А пожелѣзного доводчику имати со человѣка по двѣ денги на день да на ночь, по комъ поруки не будетъ, а вязчего имати, съ татя или съ душегубца, по два алтына; а которого человѣка поколютъ или убіютъ болечо не до смерти, и смотрѣного доводчику имати по два алтына на виноватомъ.»

Ни въ одной изъ упомянутыхъ уставныхъ грамотъ не говорится о вирѣ; причина безъ сомнѣнія та, что она платилась не прикащику, а монастырскимъ властямъ, если только она не оставлялась за намѣстниками и волостелями. Монастырскимъ же властямъ приносились и жалобы на прикащиковъ и доводчиковъ въ случаѣ злоупотребленій или отказа въ судѣ; онѣ же судили и смѣсный судъ, то-есть споръ своихъ крестьянъ съ посторонними людьми. Въ послѣднемъ случаѣ монастырскій крестьянинъ (или же вообще всякій вотчинный) «въ правдѣ и винѣ» подлежалъ своему судьѣ, то-есть послѣдній имѣлъ право въ томъ и другомъ случаѣ взыскивать съ него слѣдующія пошлины, не допуская посторонняго судью вступаться въ это дѣло. Право суда было правомъ собственности, и подсудимый разсматривался, какъ источникъ дохода, принадлежащій своему судьѣ, а не другому.

Кромѣ судныхъ пошлинъ, было множество другихъ, которыя то взимались въ пользу вотчинника, то предоставлялись прикащикамъ, доводчикамъ, пятенщикамъ и т. п. Сюда принадлежали Свадебныя пошлины, напримѣръ: «случится у кого свадба, выдастъ за волость дочерь, и приказщику куница десять денегъ, дасъ отводинъ хлѣбъ да колачь, а доводчику двѣ денги; а женитъ сына, и прикащику алтынъ новоженой, да хлѣбъ да колачь, а доводчику двѣ же денги»[1]). Пошлина за выдачу дочери за мужъ въ другую волость называлась выводною куницею: «а выводная куница гривна, а новоженной въ одной волости алтынъ»[2]); или: «а выводные куницы имати по полутретья алтына, да новоженной алтынъ, а дву денегъ за утиральникъ не имати»[3]). Въ селахъ же Кирило–Бѣлозерскаго

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 307.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 348, I.

монастыря велѣно было брать за выводную куницу два алтына, а если гдѣ за волостью берутъ больше, то брать противъ того. 2) Торговыя пошлины, которыя были весьма разнообразны. Въ уставной грамотѣ Троицкаго монастыря 1560 года постановлено: «кто продастъ лошадь за волость, съ продавца денга; а мѣняются лошадми въ одной волости, съ обѣихъ по двѣ денги; а продастъ корову или быка за волость, съ продавца денга; а продастъ за волость стогъ сѣна или възородъ, явки двѣ денги; а продастъ за волость хоромину, явки съ угла двѣ денги; а продастъ за волость одонье ржи или овса, явки поземного четверть». Подобныя постановленія встрѣчаются и во всѣхъ другихъ грамотахъ. 3) Разныя явки, какъ-то: за наемъ прихожаго казака явки 4 деньги, а за наемъ въ одной волости деньга[1]), съ братчины двѣ деньги и т. п. 4) Разныя пени, между прочимъ сгонное съ лошади, если лошадь прибѣжитъ изъ-за волости[2]). Наконецъ, 5) отхожія пошлины: пожилое или похоромное съ уходящаго крестьянина, и порядное съ покупщика, который съ разрѣшенія прикащика пріобрѣталъ земельный участокъ[3]).

Изъ этого видно, что каждая вотчина представляла собою маленькое княжество, точно также, какъ княжество было ни что иное, какъ большая вотчина. Въ обоихъ господствовали одни и тѣже начала — начала частнаго владѣнія. Все, что составляетъ насущную потребность общества, съ этой точки зрѣнія превращалось въ частную собственность, разсматривалось, какъ доходная статья. Каждый землевладѣлецъ имѣлъ въ своей вотчинѣ разныя фискальныя права, которымъ подлежалъ всякій, кто селился на его землѣ. Сюда принадлежали: право суда съ сопряженными съ нимъ доходами, право на извѣстныя

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 307.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 357.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 258.

повинности, право на сборъ разнообразныхъ пошлинъ. Все это были вотчинные доходы, которые порождали весьма многосложное и запутанное управленіе, ибо вся цѣль владѣльца состояла въ томъ, чтобъ изъ каждаго дѣйствія поселенца извлечь для себя какую-нибудь выгоду. Къ тому же нѣкоторыя изъ этихъ статей принадлежали князю, другія вотчиннику; и тотъ и другой жаловали ихъ различнымъ управителямъ въ видѣ кормленія или милости, такъ что съ однихъ и тѣхъ же лицъ доходы шли въ различныя руки. Понятно какія здѣсь могли происходить злоупотребленія. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ грамотахъ мы видимъ жалобы крестьянъ на прикащиковъ и доводчиковъ, которые берутъ оброкъ и пошлины не по грамотамъ и не по окладу, и требуютъ съ крестьянъ лишнихъ повинностей [1]). Но также, какъ государи московскіе въ XV и XVI вѣкахъ стремились къ ограниченію власти кормленщиковъ, къ огражденію подданныхъ отъ злоупотребленій, такъ и вотчинники давали подобныя же грамоты своимъ поселенцамъ. Такъ въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ постановляется, чтобы прикащикъ не судилъ безъ священника и крестьянъ [2]), въ другихъ отмѣняются поборы посельскихъ, доводчиковъ и другихъ дворовыхъ людей [3]), въ третьихъ дается старостамъ право самимъ привозить въ монастырь ежегодные оброки, и сѣно косить и возить безъ монастырскихъ закосчиковъ [4]). Однако въ частныхъ вотчинахъ это стремленіе къ ограниченію произвола и злоупотребленій далеко не имѣло того значенія, какъ въ государствѣ; въ монастырскихъ вотчинахъ мы видимъ всю средневѣковую систему кормленій и пошлинъ въ то время, какъ въ общей администраціи она давно уже была уничтожена московскими царями. Частное право не легко поддается государст-

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I № 258.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, т. I, № 255.

[4]) Тамъ же, т. I, № 348, III.

веннымъ потребностямъ, ибо для частнаго владѣльца общественная польза всегда составляетъ дѣло второстепенное. Нужно сильное вмѣшательство власти, чтобъ искоренить отжившіе свой вѣкъ и противные новымъ условіямъ обычаи и установленія, если они однажды проникли въ сферу частнаго права.

Каждая частная вотчина представляла такимъ образомъ отраженіе большой княжеской вотчины. Но какъ въ княжескихъ удѣлахъ народонаселеніе свободно переходило съ мѣста на мѣсто, такъ и здѣсь былъ постоянный приливъ и отливъ поселенцевъ. Каждый изъ нихъ, на основаніи свободнаго договора, вступалъ въ союзъ съ землевладѣльцемъ и подчинялся тому порядку вещей, который господствовалъ въ вотчинѣ. Землевладѣлецъ былъ не столько хозяинъ, сколько князь своей вотчины; цѣль его состояла не въ экономическомъ устройствѣ имѣнія, а въ сохраненіи вотчинныхъ правъ, которыя вовсе не имѣли хозяйственнаго характера. Это мы видимъ и въ монастырскихъ имѣніяхъ, а тѣмъ болѣе это должно было быть въ имѣніяхъ служилыхъ людей, которые были заняты постоянною службою, особенно въ періодъ отъѣздовъ, когда они безпрестанно кочевали съ мѣста на мѣсто. Вслѣдствіе этого вотчинникъ предоставлялъ крестьянамъ довольно свободное распоряженіе землями; ему было все равно, кто бы ими ни владѣлъ. Такъ въ уставной грамотѣ села Пузырева соловецкій игуменъ пишетъ: «такожъ есмя васъ благословилъ и пожаловали: волно вамъ межъ собя дворы и землями мѣняти и продавати, доложа приказщика». Это было даже выгодно для вотчинника, ибо за это платились пошлины: «а кто свой жеребей продастъ или промѣнитъ, и приказщику имати на томъ явки мѣновного съ обѣихъ половинъ на монастырь полполтины; а кто продастъ свой жеребей, а самъ пойдетъ за волость, и на томъ имати похоромное сполна, а съ купца имати порядное посмотря по землѣ и по угодью». Это впрочемъ не было общимъ правиломъ;

встрѣчаются грамоты, гдѣ крестьянину дается земля съ условіемъ, чтобъ ее «не освоивати, ни окняжить, ни обоярить, ни продати, ни заложити, ни по душѣ не дать[1])». Во всякомъ случаѣ отъ такого свободнаго распоряженія землею крестьянину дѣлалось не легче, ибо вотчинныя права лежали на немъ всею своею тяжестью.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ только на оброки, которые крестьяне платили своимъ помѣщикамъ, то положеніе первыхъ представится намъ довольно выгоднымъ. Платить четвертый, пятый, шестой снопъ весьма легко для земледѣльца. Но если мы возьмемъ въ разсчетъ всю совокупность податей и повинностей, какъ владѣльческихъ, такъ и княжескихъ, и то безчисленное множество пошлинъ и поборовъ, которые взимались всякими властями, то мы убѣдимся, что положеніе земледѣльца было весьма неотрадно. Чтобы нѣсколько пособить ему, онъ долженъ былъ прибѣгать къ постояннымъ займамъ, но это ставило его еще въ бо́льшую зависимость отъ помѣщика. Ко всему этому надобно прибавить и безпрестанныя насилія, неизбѣжныя во времена неустройства. Такъ напр. въ 1560 г. игуменья и сестры Михалицкаго монастыря просили царя о мѣнѣ своей вотчины, потому что «на сумежьѣ деи около тоѣ волости многихъ нашихъ дѣтей боярскихъ Бѣжецкіе пятины помѣщиковъ помѣстья, и отъ тѣхъ деи дѣтей боярскихъ, въ земляхъ и во всякихъ дѣлѣхъ и отъ проѣзжихъ людей крестьяномъ тоѣ ихъ волости чинятца насилства и обиды великіе, и имъ деи тѣхъ своихъ крестьянъ отъ обидъ уберечи не мочно, потому что деи отъ нихъ удалѣли». Вслѣдствіе этого монастырь принужденъ былъ давать крестьянамъ многія льготы, и уплачивать за нихъ подати[2]). Въ 1579 г. прикащикъ и крестьяне монастырскаго села Хрепелева заявили, что сосѣдній

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 74, IV.

[2]) Доп. къ Акт. Историч., т I, № 113.

помѣщикъ Новокрещеновъ наслалъ на нихъ людей своихъ и крестьянъ, которые село обступили, начали грабить дворы крестьянскіе и монастырскіе, а людей и крестьянъ «учали бить на смерть и стрѣлять изъ луковъ и изъ рушницъ, и колоть рогатинами, и саблями сѣчь, и топорками». За тѣмъ вычисляются пограбленныя рухлядь и скотина, и все оцѣнивается въ 160 рублей, сумма чрезвычайно значительная въ то время[1]). Не мудрено послѣ этого, что Герберштейнъ описываетъ положеніе крестьянъ, какъ самое жалкое, потому что имущество ихъ подвержено грабительствамъ воиновъ и служилыхъ людей[2]). Не мудрено, что деревни пустѣли и народонаселеніе безпрестанно кочевало съ мѣста на мѣсто. Примѣры такого запустѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ 1586 г. напримѣръ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ царь даровалъ Горицкому монастырю въ вотчину село съ двадцатью пятью пустошами, которыя были деревнями[3]).

Правительство старалось однако противодѣйствовать этому стремленію, несогласному съ государственными потребностями и съ общественнымъ порядкомъ. Установленіемъ срока для перехода крестьянъ, Судебники старались по крайней мѣрѣ дать послѣднему нѣкоторую правильность, ограничивши его извѣстнымъ временемъ года, когда уже кончались всѣ работы. Временное уничтоженіе тархановъ въ 1584 г. имѣло также цѣлью прекратить переселеніе крестьянъ съ земель служилыхъ людей, которые черезъ это лишались возможности исправлять свою службу. Съ другой стороны потребность порядка въ управленіи вела въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ усиленію власти господъ надъ крестьянами. Въ царскомъ Судебникѣ (ст. 89) постановлено, что если крестьянина въ судебномъ

---

1) Акты Юридич., № 46.

2) Карамзинъ, т. X, примѣч. 347.

3) Акты Историч., т. I, № 217.

поединкѣ побьютъ въ разбоѣ или въ другомъ лихомъ дѣлѣ и отдадутъ его за того государя, за кѣмъ онъ живетъ, или же тотъ его выручитъ, а крестьянинъ захочетъ отойдти, то его отпустить; но на отказчикѣ взять поруку съ записью, чтобы крестьянинъ былъ на лицѣ, если его потребуютъ по какому-нибудь другому дѣлу. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику [1]) велѣно боярамъ приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы люди ихъ и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они солгутъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а людямъ ихъ и крестьянамъ быть казненнымъ, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ. Впрочемъ помѣщикъ избавлялся отъ отвѣтственности, если онъ самъ, узнавши о лжи, доносилъ о томъ государю. Въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа постановлены три формы обвиненія или уликъ, по которымъ человѣкъ предавался пыткѣ: поличное, оговоръ и лихованный обыскъ. Но кромѣ того, если дворяне, приказные люди и дѣти боярскіе приведутъ людей своихъ, крестьянъ или дворниковъ, и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы, то велѣно пытать ихъ безъ обыска и безъ оговора, и чинить указъ, кто чего доведется [2]). Встрѣчаются также примѣры взысканій по судебнымъ приговорамъ съ помѣщика за людей его и крестьянъ [3]). За то съ другой стороны преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ въ XVI вѣкѣ сдѣлалось дѣломъ государственнымъ. Прежде того многіе вотчинники имѣли право суда съ разбоемъ и съ татьбою; теперь же воровъ и разбойниковъ велѣно было ловить и судить губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Сначала губныя грамоты давались и отдѣльнымъ имѣніямъ по просьбѣ самихъ вотчинниковъ; но послѣдніе въ эти дѣла не вмѣшивались. Все

---

[1]) Акты Историч., т. I, № 154. V, ст. 10, 11.

[2]) Акты Историч., т. III, № 167.

[3]) Акты Юридич., № 17.

возлагалось на самихъ крестьянъ, у которыхъ губными старостами были прикащики — либо вотчинные, либо выбираемые ими самими, либо назначаемые царемъ; подчинялись же они непосредственно Разбойному приказу [1]). Вскорѣ однакоже губные старосты сдѣлались властью уѣздною, и совершенно потеряли вотчинный характеръ.

Таково было положеніе крестьянъ въ концѣ XVI вѣка. Въ 1592 или 93 г. послѣдовало ихъ укрѣпленіе. Самый указъ до насъ не дошелъ, но содержаніе его ясно изъ слѣдующаго указа 24 ноября 1598 г. [2])

«Царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дворянъ и изъ-за приказныхъ людей и изъ-за дѣтей боярскихъ и изъ-за всякихъ людей изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 году за пять лѣтъ; и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ-за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко, всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали... на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они изъ-за нихъ выбѣжавъ живутъ... не бивали челомъ... и на тѣхъ... суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ не вывозити».

Изъ этого можно заключить, что ужь и прежде помѣщики бивали челомъ о возвращеніи вышедшихъ изъ-за нихъ крестьянъ. На это указываютъ и жалобы ихъ на оскудѣніе и запустѣніе деревень, представленныя на соборѣ 1584 г., на которомъ временно были уничтожены тарханы. Но во всякомъ слу-

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 194, 224.

[2]) Акты Истор., т. I, стр. 420.

чаѣ это послѣднее обстоятельство показываетъ, что въ 1584 г. крестьяне еще пользовались полнымъ правомъ перехода.

Въ 1601 г. снова позволено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ перевозить крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Царь, сказано въ указѣ [1]), и царевичъ «пожаловали во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ». Отказывать и возить позволено между собою: 1) выборнымъ дворянамъ, 2) жильцамъ, 3) городовымъ дѣтямъ боярскимъ, 4) городовымъ прикащикамъ всѣхъ городовъ, 5) иноземцамъ, 6) всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ Большаго Дворца, какъ-то: ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ, подключникамъ, 7) разнымъ людямъ, принадлежащимъ къ вѣдомству конюшенному, ловчему, сокольничьему, 8) дѣтямъ боярскимъ царицы, 9) подъячимъ всѣхъ приказовъ, 10) стрѣлецкимъ сотникамъ и казачьимъ головамъ, 11) переводчикамъ и толмачамъ посольскаго приказа, 12) приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Напротивъ, запрещено перевозить крестьянъ въ дворцовыя села, въ черныя волости и въ имѣнія патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, монастырей, бояръ, окольничьихъ, большихъ дворянъ, приказныхъ людей, дьяковъ, стольниковъ, стряпчихъ и стрѣлецкихъ головъ, а равно и отъ нихъ. Тѣмъ лицамъ, которымъ вывозъ былъ позволенъ, разрѣшено было вывозить одному отъ другаго не болѣе одного или двухъ человѣкъ; вывозить же трехъ или четырехъ одному помѣщику отъ другаго запрещено. Срокъ вывоза по прежнему назначенъ былъ Юрьевъ день, да двѣ недѣли спустя. Пожилаго велѣно платить по рублю по два алтына за дворъ.

Указъ этотъ былъ изданъ только на этотъ годъ, но въ слѣдующемъ году вышелъ другой точно такого же содержанія съ прибавленіемъ, чтобы «крестьянъ изъ-за себя выпускали со

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. II, № 20.

всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ-за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ»[1]).

Эти указы явно клонились къ облегченію участи мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые, не имѣя крестьянъ, часто находились въ невозможности отправлять государеву службу. Неизвѣстно, повторены ли эти положенія и въ слѣдующіе года. Изъ приведеннаго ниже указа Василія Ивановича Шуйскаго можно однакоже думать, что они получили законную силу и на послѣдующее время.

При Лжедимитріи въ 1606 г. 1 февраля изданъ былъ указъ другаго содержанія[2]). По прежнему приговору велѣно было отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за пять лѣтъ, а не далѣе. Это показываетъ, что крестьяне не считались крѣпкими землѣ и что вслѣдствіе укрѣпленія они еще не сдѣлались полною собственностью помѣщиковъ. Даже и въ этомъ промежуткѣ велѣно отдавать назадъ не всѣхъ: о тѣхъ, которые ушли отъ помѣщиковъ въ голодные года, и къ новымъ владѣльцамъ пришли въ бѣдности, предписано дѣлать слѣдствіе, и если окажется, что крестьянинъ былъ не бѣденъ и убѣжалъ съ имуществомъ, имѣя средства прокормиться, то такого возвращать прежнему помѣщику. Если же онъ ушелъ, потому что не имѣлъ возможности прокормиться, а новый помѣщикъ прокормилъ его въ голодные года, то въ таковыхъ отказывать истцамъ: «не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодныя лѣта, а нынѣ его не пытай». Точно также запрещено возвращать и тѣхъ, которые въ голодные года по нуждѣ отда-

¹) Акты Археогр. Экси., т. II, № 23, 24.
²) Также, т. I, № 40.

лись другимъ помѣщикамъ въ холопство или въ кабалу. Если же крестьянинъ пошелъ въ кабалу къ собственному помѣщику, и потомъ начнетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, потому что ему нечѣмъ было прокормиться, то ему отказывать, если кабала записана въ книги; ибо онъ имѣлъ возможность жаловаться на насиліе при запискѣ. Кабаламъ же, которыя не записаны въ книги, вѣрить запрещено.

Но окончательное укрѣпленіе послѣдовало при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ указомъ 9 марта 1607 г. Въ указѣ сказано:

«Государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи, съ отцомъ своимъ святѣйшимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, а царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, кромолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ великія въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются. Сего ради приговорили есмы и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ. Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли за кого инаго, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ, или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто Сентября по 1-е число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до сроку Рождества Христова 116 года (1608) безъ пожилаго; а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на немъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію; а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и Сентября по 1-е не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и

впредъ за 15 лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити.»[1]).

За передержательство опредѣлено платить 10 руб. пени государю, да пожилое прежнему помѣщику: по 3 рубли ежегодно за дворъ, а за холостаго также по 3 рубли. Если же убѣжитъ женщина и выдетъ за мужъ за чужаго крестьянина, то послѣдняго выдавать съ женою и съ прижитыми отъ нея дѣтьми. Но если есть у него дѣти отъ перваго брака, то послѣдніе остаются у своего помѣщика, кромѣ малолѣтныхъ, которые слѣдуютъ за отцемъ и должны жить съ нимъ до 15-лѣтняго возраста.

Таковы указы объ укрѣпленіи крестьянъ. Изъ послѣдняго видно, что неустройства, произшедшія отъ укрѣпленія не полнаго, повели къ укрѣпленію полному.

Если мы на эти постановленія взглянемъ отрѣшенно отъ существовавшаго въ то время порядка вещей, то намъ покажется весьма страннымъ и непонятнымъ дѣломъ уничтоженіе однимъ указомъ свободы цѣлаго сословія, которое искони пользовалось правомъ перехода. Но если мы разсмотримъ ихъ въ связи съ другими явленіями жизни, въ связи съ предыдущею исторіею, мы убѣдимся что въ этомъ не было ничего исключительнаго и несправедливаго. Это было укрѣпленіе не одного сословія въ особенности, а всѣхъ сословій въ совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякаго, кто бы онъ ни былъ. Всѣ равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своемъ мѣстѣ: служилые люди на полѣ брани и въ дѣлахъ гражданскихъ, тяглые люди — посадскіе и крестьяне, отправленіемъ разныхъ службъ, податей и повинностей, наконецъ вотчинные крестьяне, кромѣ уплаты податей и отправленія повинностей, также службою своему вотчиннику, который только съ ихъ помощью получалъ возможность испра-

[1]) Указатель Россійскихъ Законовъ Максимовича часть I, стр. 130—I.

влять свою службу государству. Служилые люди не были укрѣплены къ мѣстамъ, ибо служба ихъ была повсемѣстная. Тяглые же люди, какъ мы уже видѣли, считались крѣпостными, и не могли уходить съ своихъ мѣстъ. Невозможно было не распространить этого положенія и на вотчинныхъ крестьянъ. Во времена всеобщаго укрѣпленія это было бы несправедливымъ исключеніемъ.

Такова была главная побудительная причина для запрещенія свободнаго перехода крестьянъ, причина, которая вытекала изъ самаго смысла жизни, и незамѣтно направляла умы современниковъ. Къ ней сводятся и всѣ второстепенныя побужденія, которыми обыкновенно стараются изъяснить эту мѣру. Сюда относятся: 1) Желаніе оградить бѣдныхъ помѣщиковъ отъ перезыва крестьянъ людьми богатыми, имѣющими болѣе средствъ дать поселенцамъ разныя льготы и тѣмъ переманить ихъ къ себѣ. Это желаніе дѣйствительно существовало, какъ видно изъ постановленій собора 1584 г. и изъ указовъ Бориса Годунова. Но оно вызвано было именно тѣмъ, что служилымъ людямъ нужны были средства для исправленія государственной службы. Эти средства давались имъ въ помѣстьяхъ, съ которыхъ они ее и несли. Помѣстья же безъ крестьянъ не давали дохода; земли было много, а рабочихъ рукъ мало, и когда работники уходили, помѣщикъ лишался способовъ содержать себя на службѣ. Итакъ, если дворянинъ обязанъ былъ всю жизнь свою служить государству, то необходимымъ послѣдствіемъ этой обязанности было то, что крестьяне должны были всю жизнь свою служить ему. Это также была служба государственная, только въ другой формѣ. 2) Необходимость установить правильную финансовую систему. При общемъ кочеваніи народонаселенія, при недостаткѣ административныхъ средствъ, невозможно было установить правильные оклады и удобную податную систему, необходимую для существованія государства. Подати лежали на зе-

млѣ, а земля ничего не значила; она то обрабатывалась, то покидалась впустѣ. Нужно было разложить ихъ на лица, а люди уходили съ мѣста, и нельзя было за ними услѣдить. Такимъ образомъ, если государство хотѣло устроить свои финансы, оно необходимо должно было прибѣгнуть къ укрѣпленію податныхъ лицъ. Но и эта побудительная причина къ укрѣпленію находится въ связи съ установленіемъ общаго государственнаго тягла: уплата податей и отправленіе повинностей составляли особенную обязанность сословія тяглаго, а отчасти и вотчинныхъ крестьянъ, обязанность равносильную служебнымъ обязанностямъ служилаго сословія. Тяглому человѣку необходимо было сидѣть на мѣстѣ, чтобы тянуть свое тягло, вотчинный же крестьянинъ тянулъ тягло какъ государству, такъ и своему вотчиннику. 3) Желаніе упрочить общественную безопасность, которая безпрестанно нарушалась при общемъ броженіи народонаселенія. Но общественная безопасность была также потребностью государства, которой оно не могло удовлетворить иначе, какъ повинностью подданныхъ; ибо собственныхъ средствъ оно въ то время имѣло слишкомъ мало. Вслѣдствіе этого самая поимка воровъ и разбойниковъ возложена была на мѣстныхъ жителей, какъ повинность. Укрѣпленіе сословій было всеобщею повинностью, которой послѣдствіемъ была между прочимъ и общественная безопасность.

Послѣ этого мы можемъ понять различіе между укрѣпленіемъ холоповъ и укрѣпленіемъ крестьянъ. Первое возникло изъ частнаго права, которое составляло основаніе общественной жизни въ средніе вѣка, изъ господства личности, не знавшей надъ собою общественной власти, изъ стремленія каждаго человѣка увеличить свое могущество порабощеніемъ окружающей его среды. Второе вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться. Образуясь изъ средневѣковой неурядицы, лишенное всякихъ средствъ, и денежныхъ и административныхъ, оно

должно было требовать отъ подданныхъ посильной службы для того, чтобы учредить правильное управленіе, водворить благоустройство, создать силу и могущество Россіи. Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, пріобрѣтеннымъ однимъ лицемъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на всѣ сословія. Но съ другой стороны, при соединеніи крестьянъ и холоповъ подъ рукою одного владѣльца, одно учрежденіе воздѣйствовало на другое, одно сословіе сообщило другому нѣкоторыя черты своего характера.

Итакъ, этотъ переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія былъ необходимымъ послѣдствіемъ условій тогдашняго быта. Но какимъ же образомъ могъ онъ совершиться безъ сильныхъ потрясеній? Только въ пословицѣ: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!» сохранилось объ немъ воспоминаніе въ народѣ. Мы найдемъ этому объясненіе, если взглянемъ на способъ укрѣпленія бояръ и служилыхъ людей. Послѣдніе также пользовались правомъ перехода: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Но когда уничтожилась удѣльная система, московскіе государи стали требовать, чтобъ они перестали отъѣзжать. И вотъ, безъ переворота, даже безъ указа, бояре и служилые люди изъ вольныхъ слугъ сдѣлались крѣпостными и стали писаться холопами. Дѣло въ томъ, что требованіямъ государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого дѣятельнаго сопротивленія, какъ напримѣръ феодальные владѣльцы на Западѣ. Они были для этого слишкомъ разрознены. Бояре и слуги могли протестовать только бѣгствомъ, да крамолами; ихъ сдѣлали холопами, а они все-таки продолжали отъѣзжать. Точно также и крестьяне, не смотря на укрѣпленіе, продолжали уходить тайкомъ. Весь XVII вѣкъ наполненъ исками о бѣглыхъ крестьянахъ. Даже бѣдствія смутнаго времени должно приписать главнымъ образомъ этому протесту боярства и крестьянства противъ требованій государства. Но послѣднее взяло на-

конецъ верхъ, потому что на сторонѣ его было право. Оно не дѣлало исключеній ни для кого; оно отъ всѣхъ сословій требовало посильной службы, необходимой для величія Россіи. И сословія покорились и сослужили эту службу. До самыхъ временъ Екатерины продолжалась эта система повинностей, которая лежала въ основаніи всѣхъ учрежденій того времени. Но когда государство достаточно окрѣпло и развилось, чтобы дѣйствовать собственными средствами, оно перестало нуждаться въ этомъ тяжеломъ служеніи. При Петрѣ III и Екатеринѣ съ дворянства сняты были его служебныя обязанности. Жалованною грамотою 1785 года оно получило разныя права и преимущества, какъ высшее сословіе въ государствѣ; оно получило въ собственность и помѣстныя земли, которыя сначала даны были ему, только какъ временное владѣніе, для содержанія на службѣ. Это была награда за долговременное служеніе отечеству. Городское сословіе также получило свою жалованную грамоту; и оно освободилось отъ повинностей и службы, и пріобрѣло различныя льготы и преимущества. Оставались одни крестьяне, которые подпавши подъ частную зависимость и прировнявшись къ холопамъ, доселѣ несутъ свою пожизненную службу помѣщикамъ и государству. Въ настоящее время уничтожается наконецъ и эта послѣдняя принудительная связь: вѣковыя повинности должны замѣниться свободными обязательствами. Въ настоящее время окончательно разрѣшается та государственная задача, которая была положена въ XVI вѣкѣ, и начинается для Россіи новая пора.

ДУХОВНЫЯ И ДОГОВОРНЫЯ ГРАМОТЫ

ВЕЛИКИХЪ И УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ.

Когда возникло русское государство? Это вопросъ первостепенной важности въ нашей исторіи, которой существенное значеніе состоитъ въ развитіи государства. Съ перваго взгляда кажется, что здѣсь и не можетъ встрѣтиться затрудненіе; однако въ нашей литературѣ этотъ вопросъ подвергáется противоположнымъ рѣшеніямъ. Причина заключается, можетъ быть, въ томъ, что подъ словомъ государство одни разумѣютъ одно, другіе другое; можетъ быть и въ томъ, что при фактической разработкѣ предмета не разъяснены до очевидности самыя простыя юридическія понятія. Цѣль настоящей статьи — способствовать по мѣрѣ силъ такому выясненію вопроса, принявши за основаніе главные источники, которые раскрываютъ намъ общественное право древней Россіи. Мы не думаемъ сказать здѣсь ничего особенно новаго; прежде насъ ученые изслѣдователи разработали все содержаніе этихъ памятниковъ, такъ что намъ придется повторить многое, чтó уже было сказано другими. Но мы считаемъ не безполезнымъ разобрать эти грамоты подробно со стороны собственно юридической, выставить наглядно ихъ существенный характеръ и значеніе, останавливаясь на отдѣльныхъ фактахъ, выясняя по возможности тѣ понятія и отно-

шенія, которыя непосредственно въ нихъ заключаются. Наша цѣль будетъ вполнѣ достигнута, если намъ удастся хоть сколько-нибудь разсѣять тѣ туманныя представленія, которыя блуждаютъ около этихъ вопросовъ. Для этого мы прежде всего должны напомнить читателямъ нѣсколько самыхъ элементарныхъ юридическихъ свѣдѣній.

Извѣстно, что внутреннее право, на которомъ зиждется гражданская жизнь каждаго общества, раздѣляется на государственное, гражданское и уголовное[1]. Изъ нихъ послѣднее не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно служитъ только освященіемъ существующихъ законовъ посредствомъ наказанія ихъ нарушителей. Первыя же два имѣютъ цѣлью опредѣлить юридическія отношенія между людьми, принадлежащими къ одному обществу. Каждое изъ нихъ носитъ однако свой характеръ, который зависитъ отъ различія содержанія, отъ различія отношеній, входящихъ въ тотъ или другой разрядъ. Гражданское или частное право разсматриваетъ отдѣльныхъ людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ окружающему міру. Человѣкъ живетъ въ обществѣ, онъ имѣетъ физическія и нравственныя потребности, при удовлетвореніи которыхъ онъ сталкивается съ другими людьми. Все это раждаетъ извѣстныя права и обязанности. Прежде всего отдѣльный членъ общества принадлежитъ къ естественному, кровному союзу: онъ сынъ, мужъ, отецъ, родственникъ. Совокупность этихъ отношеній составляетъ отдѣльную часть гражданскаго права — право семейное. Далѣе, человѣкъ имѣетъ имущество, движимое или недвижимое; отсюда понятіе объ имущественномъ правѣ. Далѣе, онъ находится въ отношеніяхъ не только къ своимъ роднымъ, но и къ посторонпимъ людямъ. Если онъ человѣкъ свободный,

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о церковномъ правѣ, ибо оно составляетъ совершенно особенную категорію.

то здѣсь его права и обязанности опредѣляются договорами; отсюда новый отдѣлъ гражданскаго права — право по обязательствамъ. Если же онъ не свободный, а крѣпостной человѣкъ, то отношенія его къ господину могутъ разсматриваться: либо, какъ имущественное право, если рабъ считается вещью, либо, какъ семейное, если онъ считается членомъ семейства, либо, наконецъ, какъ сословное право, если крѣпостные составляютъ отдѣльный разрядъ лицъ, имѣющихъ извѣстныя права и обязанности къ государству, о чемъ мы скажемъ еще ниже. Наконецъ человѣкъ умираетъ; нѣкоторыя его отношенія совершенно прекращаются, другія переходятъ на иныя лица, на наслѣдниковъ. Отсюда четвертый отдѣлъ гражданскаго права — право наслѣдственное, въ которомъ соединяются всѣ предыдущія отношенія.

Таковъ объемъ гражданскаго права: здѣсь разсматривается лицо въ его частной сферѣ, съ его отношеніями имущественными, родственными, договорными и наслѣдственными.

Совсѣмъ другое имѣетъ въ виду право государственное. Оно разсматриваетъ не отдѣльныя лица въ ихъ частной сферѣ, съ ихъ взаимными отношеніями, а всю совокупность лицъ, соединенныхъ въ единый, неразрывный союзъ — государство. Общество составляетъ здѣсь единое тѣло, имѣющее единую волю, и представителемъ этого единства является правительство. Послѣднее облечено верховною властью въ обществѣ, ибо всѣ частныя воли должны подчиняться волѣ общественной. Отсюда понятіе о подданствѣ. Подданный подчиняется верховной власти не на основаніи договора, какъ онъ подчиняется частному лицу, къ которому онъ вступаетъ въ извѣстныя обязательства, а на основаніи постоянныхъ государственныхъ законовъ, исходящихъ отъ самой верховной власти [1]). Законъ же, а не дого-

[1]) Замѣтимъ, что слово подданный въ нѣкоторыхъ законодатель-

воръ, зависящій отъ случайной перемѣны лицъ, опредѣляетъ права и устройство верховной власти и органовъ, через которые она дѣйствуетъ. Такимъ образомъ, общество, организованное какъ государство, представляетъ собою индивидуумъ, который живетъ своею жизнью, несмотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія, которыя установляются между членами. Поэтому верховная власть, какъ представительница общественнаго единства, не можетъ дѣлиться, дробиться и отчуждаться, какъ частное имущество. Поэтому недѣлима и самая государственная территорія, какъ принадлежность цѣлаго общества. Она можетъ быть разторгнута насильственнымъ образомъ вслѣдствіе отношеній къ сосѣдямъ или внутреннихъ междоусобій, но въ нормальномъ положеніи она не дѣлима.

Изъ этого ясно, что государственное право и гражданское представляютъ намъ двѣ противоположныя области: исходною точкою одного есть лицо съ его частными отношеніями, исходною точкою другаго — общество, какъ единое цѣлое. Есть однако же сферы, въ которыхъ тотъ и другой характеръ являются въ смѣшеніи. Таково судопроизводство. Съ одной стороны, оно служитъ охраненіемъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ, а потому является принадлежностью гражданскаго права, съ другой стороны, при существованіи государственнаго порядка, судъ составляетъ одну изъ формъ, въ которыхъ проявляется дѣятельность верховной власти. Но во всякомъ случаѣ, каково бы ни было общественное устройство, судъ и по-

---

ствахъ замѣняется словомъ гражданинъ. Но въ сущности понятіе остается одно и тоже: гражданинъ точно также подчиняется верховной власти не на основаніи частныхъ обязательствъ, а на основаніи общественныхъ законовъ. Что касается до верховной власти, то она можетъ принадлежать монарху, собранію народныхъ представителей, народному собранію и т. д. Этими формами опредѣляется различіе образовъ правленія, вопросъ, который сюда не относится.

становленія о судопроизводствѣ существуютъ всегда, ибо безъ нихъ немыслимо никакое общество. Къ той же категоріи принадлежатъ и сословія. Съ одной стороны, передача правъ и обязанностей частнымъ лицомъ по наслѣдству указываетъ на гражданское право; съ другой стороны, государство опредѣляетъ ихъ права и обязанности въ отношеніи къ себѣ, установляетъ извѣстные разряды лицъ для служенія своимъ цѣлямъ. Оттого юристы колеблются въ опредѣленіи значенія сословій; нѣкоторые относятъ ихъ къ государственному праву, другіе къ частному, какъ напримѣръ Эйхгорнъ въ своей Исторіи германскаго права. Дѣло въ томъ, что значеніе сословій опредѣляется не столько теоретическимъ анализомъ, сколько бытомъ того общества, въ которомъ они существуютъ. Дѣйствительно, вглядываясь въ историческія явленія, мы видимъ нѣкоторыя общества, въ которыхъ сильно развито сознаніе общественнаго единства, и вслѣдствіе этого преобладаетъ государственная форма. Въ другихъ, напротивъ, нѣтъ такого сознанія: верховная власть, а равно и земля, на которой живетъ общество, дѣлятся и дробятся по наслѣдству, какъ частное имущество; отношенія верховной власти къ подчиненнымъ опредѣляются либо частными обязательствами, либо личною зависимостью; сословія или разряды лицъ, существующихъ въ обществѣ, основаны на понятіи о наслѣдственной знатности, о наслѣдственныхъ занятіяхъ; однимъ словомъ, гражданское право опредѣляетъ всѣ отношенія какъ общественныя, такъ и частныя. Очевидно, что мы не можемъ смѣшивать этихъ двухъ совершенно различныхъ формъ общественной жизни. Если мы первую, въ которой мы видимъ учрежденія, исходящія изъ сознанія объ общественномъ единствѣ, назвали государствомъ, то второй мы должны дать другое названіе. Такъ какъ въ немъ господствуетъ гражданское право, то назовемъ его гражданскимъ обществомъ. Въ настоящее время это различіе признается почти всѣми юристами.

Въ западной юридической литературѣ являются цѣлыя сочиненія, которыя имѣютъ цѣлью развить отношенія, исходящія изъ этихъ двоякаго рода союзовъ. Мы остановились только на самыхъ главныхъ, существенныхъ различіяхъ, какъ потому, что они, повидимому, не подлежатъ никакому сомнѣнію, такъ и потому, что для нашей цѣли не нужны болѣе подробныя опредѣленія.

Теперь спрашивается: какая изъ этихъ двухъ формъ общежитія существовала въ древней Руси? Какія въ ней были юридическія понятія? Управлялась ли она на основаніи идеи общества, какъ единаго цѣлаго, или на основаніи частнаго права? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обратимся къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ великихъ и удѣльныхъ князей. Замѣтьте, что мы обсужденію этого вопроса не предпосылаемъ никакой отвлеченной теоріи; мы не говоримъ, что то хорошо, а другое дурно, что то должно быть, а другое не должно быть. Мы только замѣчаемъ въ исторіи и въ жизни извѣстныя *явленія*, опредѣляемъ ихъ различіе, и потомъ спрашиваемъ: *къ какому разряду явленій* относится то, которое мы намѣрены изслѣдовать.

И такъ обратимся къ источникамъ.

Раскрываемъ первую духовную грамоту, помѣщенную въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ — духовную Ивана Калиты[1]). Что же мы читаемъ?

«Во имя Отця и Сына и Святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, идя въ

[1]) Собр. Государ. грамотъ и договор. т. I, № 21. Въ слѣдующихъ ссылкахъ, тамъ, гдѣ будутъ стоять одни нумера, это будетъ означать первый томъ Собранія государственныхъ грамотъ, изъ котораго мы черпаемъ бо́льшую часть извѣстій. Замѣтимъ, что во второмъ томѣ (№ 4, 5) помѣщена духовная Владиміра Васильковича Волынскаго 1286 года. Она очень коротка и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но мы объ ней упомянемъ въ послѣдствіи.

Орду, никѣмъ не нуженъ (не принуждаемъ) цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей».

Остановимся на этомъ и замѣтимъ эту форму. Видѣнъ ли здѣсь государь, представитель цѣлаго общества или народа? Ничего подобнаго нѣтъ. Пишетъ «худый рабъ Божій Иванъ» въ здравомъ умѣ, безъ принужденія. На случай смерти, онъ даетъ рядъ женѣ и дѣтямъ, какъ дѣлалъ всякій частный человѣкъ. Стало быть изъ самой формы мы усматриваемъ уже сильное развитіе частнаго права. Но можетъ-быть, онъ дѣлаетъ распоряженія только о своемъ личномъ имуществѣ, какъ и нынѣ дѣлаютъ цари? Посмотримъ же, что онъ завѣщаетъ женѣ и дѣтямъ.

«Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ *роздѣлъ учинилъ*. Се *далъ есмь* сыну своему болшему Семену: Можайскъ, Коломну со всѣми Коломенскими волостьми...» Слѣдуетъ исчисленіе коломенскихъ волостей и сряду исчисленіе разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ селъ, которыя онъ даетъ Семену. За тѣмъ: «А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 3 чепи золоты, 4 поясы золоты, 3 чаши золоты съ женчуги, блюдцо золото съ женчугомъ съ каменьемъ....» и разныя другія вещи. «А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ»; слѣдуетъ исчисленіе звенигородскихъ волостей, потомъ селъ, наконецъ движимаго. Третьему сыну Андрею точно также дается Лопастна и нѣсколько другихъ волостей, которыя въ послѣдствіи составили Серпуховской удѣлъ, да кромѣ того села, движимое; княгинѣ же съ меньшими дѣтьми завѣщаются московскія волости и нѣсколько селъ. «А по моимъ грѣхомъ ци имуть искати Татарове которыхъ волостей, а отоимутся, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто». Москва, какъ сказано выше, была от-

дана всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ; на этотъ счетъ дѣлается тоже нѣсколько распоряженій: «А изъ городскихъ волостий (здѣсь волость означаетъ просто имущество, находящееся во власти хозяина) даю Княгини своей осмничее [1]); а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои: также и мыты, которыи въ которомъ уѣздѣ, то тому; а оброкомъ медовымъ городскимъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то тому. А числьные люди [2]), а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одиного (вмѣстѣ): а что мои люди купленые въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлятъ сынове мои». За тѣмъ опять раздаются разныя движимыя вещи, напримѣръ обручи, ожерелья и монисто дочери, золотая коробочка княгинѣ съ меньшими дѣтьми, изъ платья: Семену кожухъ червленый и золотая шапка, Ивану кожухъ желтый, Андрею соболій бугай съ наплечьниками и т. п. «А что ся останеть моихъ портъ (одеждъ), а то раздадять по всемъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное, а то есмь далъ святѣй Бородици Воладимерьской. А приказываю тобѣ сыну моему Семену братью твою молодшую и Княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ. А что есмь далъ сыну своему Семену стадцо, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и Княгини моя». За тѣмъ слѣдуютъ подписи свидѣтелей — трехъ священниковъ, духовныхъ отцовъ Ивана Калиты, и дьяка, писавшаго грамоту. Въ концѣ прибавлено: «А кто сю грамоту нарушить, судить ему Богъ».

Вотъ и вся духовная Ивана Калиты. Мы нарочно привели ее съ нѣкоторою подробностью, потому что въ ней выражается

[1]) Родъ таможенной пошлины.

[2]) Особый разрядъ людей въ Московскомъ уѣздѣ, кажется переписанныхъ поголовно для платежа дани Татарамъ.

общій характеръ всѣхъ духовныхъ грамотъ князей того времени, все ихъ, можно сказать, наивное воззрѣніе на общественныя отношенія. О государственныхъ понятіяхъ, объ обществѣ, котораго князь есть представитель, нѣтъ и помину. Всѣ распоряженія носятъ совершенно частный характеръ. Иванъ Калита владѣлъ небольшимъ пространствомъ земли, которое было гораздо менѣе нынѣшней Московской губерніи. Онъ дѣлитъ его между женою и дѣтьми, какъ свою собственность; онъ раздаетъ имъ города, волости, села[1]), разные доходы, движимыя вещи, стада, однимъ словомъ, все, что ему принадлежитъ, совершенно на одинакомъ основаніи. Нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы наслѣдники владѣли одного рода имуществомъ по государственному праву, другимъ по частному. Главный городъ Москву онъ имъ отдаетъ всѣмъ вмѣстѣ; это ихъ общее достояніе. Удѣлы же даются въ разныхъ мѣстахъ: Семену, напримѣръ, завѣщаются Можайскъ и Коломна, которыхъ округи раздѣлены были владѣніями Андрея; Можайскъ сверхъ того совершенно отдѣлялся отъ Московскаго уѣзда волостями звенигородскими[2]). Не видать слѣдственно даже стремленія сосредоточить и округлить владѣнія каждаго. Видна только забота отца о томъ, чтобы каждый сынъ надѣленъ былъ достаточнымъ имѣніемъ. По этому и предписывается подѣлиться вновь, если Татары отнимутъ у кого часть наслѣдства. И это приказаніе, которое при государственномъ порядкѣ было бы столь важно, вставлено между распоряженіями о купленныхъ людяхъ, послѣ чего идетъ раздача разныхъ оже-

[1]) О различіи волостей отъ селъ мы поговоримъ ниже.

[2]) Изъ межевой грамоты № 140, мы знаемъ, что граница между Звенигородскимъ уѣздомъ и Московскимъ шла отъ Суходола (принадлежавшаго прежде къ Звенигороду, а потомъ приписаннаго къ Боровску) на сѣверъ къ рѣкѣ Пахрѣ и отсюда къ Москвѣ, вверхъ по Истрѣ; слѣдственно Можайскъ совершенно отрѣзывался.

релій, коробочекъ, кожуховъ и т. п., пока наконецъ, между статьями о серебряномъ блюдѣ и о стадахъ, поручается старшему сыну заботиться о матери и о младшихъ братьяхъ и сестрахъ, порученіе, которое, какъ увидимъ ниже, давалось великими князьями не только удѣльнымъ, но и другимъ великимъ князьямъ, напримѣръ тверскимъ и литовскимъ.

Спрашиваемъ теперь у всякаго безпристрастнаго читателя: есть ли во всемъ этомъ какая нибудь государственная мысль?

До насъ дошла и другая духовная Ивана Калиты [1]). Содержаніе ея то же, что и первой, но здѣсь уже старшему сыну вовсе не поручается печаловаться о младшихъ. За то прибавлены распоряженія о вновь купленныхъ селахъ. Калита былъ хорошій хозяинъ; онъ старался объ увеличеніи своихъ владѣній. Онъ накупилъ села въ разныхъ мѣстахъ: въ Нижнемъ, Владимірѣ, Ростовѣ, Костромѣ, и проч., и эти свои примыслы также раздѣлилъ между дѣтьми. Мало того: изъ духовной Дмитрія Ивановича мы узнаемъ, что дѣдъ его купилъ цѣлыя княжества — Галичъ, Угличъ, Бѣлоозеро, но мѣстные князья оставались пока въ своихъ владѣніяхъ, неизвѣстно на какихъ правахъ, и только при внукѣ Калиты земли эти присоединены были къ Москвѣ. По этому, вѣроятно, о нихъ и не говорится въ прежнихъ духовныхъ. Не упоминается также о великомъ княжествѣ Владимірскомъ, ибо передача его тому или другому князю зависѣла отъ хана Золотой орды. Въ послѣдствіи же, когда московскіе князья сдѣлались самостоятельнѣе, и право ихъ на великое княжество Владимірское утвердилось, послѣднее стало упоминаться въ завѣщаніяхъ наравнѣ съ другими землями.

Сынъ Калиты, Семенъ Ивановичъ, умеръ бездѣтный. Какъ же онъ распорядился своими владѣніями? Онъ все отдалъ женѣ.

---

[1]) № 22.

«А чимъ мя благословилъ отець мой Князь Великий, Коломна съ волостми и съ селы и зъ бортью, Можаескъ съ волостми и съ селы и зъ бортью, Заячковъ, что мя благословила тетка моя княгини Анна и Гордошевичи; а въ городѣ на Москвѣ жеребей мой тамги, а села на Москвѣ въ городьскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ исчисленіе) а въ Переяславлѣ купля моя (слѣдуетъ исчисленіе селъ, купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ): или буде чего забылъ написати своее купли и *участка*, чимъ мя благословилъ отець мой; такоже и про золото, чимъ мя благословилъ отець мой и что буди примыслилъ при своемъ животѣ, золота ли, женчугу ли, то все далъ есмь своей Княгини. А исъ конь изъ своихъ изъ ѣздовыхъ велѣлъ есмь дати своей Княгини 50 конь; а и стадъ изъ моихъ моей Княгинѣ стадо Коломеньскіе, другое стадо Дѣтино Иватьково. А что есмь писалъ въ сю грамоту, то есмь все далъ своей Княгини, ать молитъ Бога, а душу мою поминаетъ до своего живота»[1]).

Вотъ какъ распоряжался своимъ наслѣдственнымъ участкомъ тотъ, который носилъ титулъ великаго князя всея Руси!

Изъ этихъ грамотъ ясны духъ и понятія того времени: государственныхъ стремленій мы вовсе не видимъ; источники указываютъ намъ только на хозяйственныя распоряженія. Уяснивши этотъ главный пунктъ, мы можемъ нѣсколько измѣнить свое изложеніе. Мы уже не будемъ излагать духовныя грамоты по порядку времени, а станемъ разбирать ихъ по отдѣльнымъ статьямъ. Прежде всего прослѣдимъ раздѣлы между сыновьями.

Жена Семена Ивановича передала весь свой удѣлъ, отчасти при жизни, отчасти послѣ смерти, великому князю Ивану Ивановичу. Въ рукахъ послѣдняго соединилось такимъ образомъ два удѣла. Онъ опять раздѣлилъ ихъ между сыновьями — Дмитріемъ и Иваномъ: первому онъ отдалъ Коломну съ Можайскомъ, второму Звенигородъ. Онъ пріобрѣлъ и нѣкоторыя рязанскія мѣста, изъ которыхъ часть отдалъ племяннику Владиміру Андреевичу въ замѣнъ отошедшей къ Рязани Лопастны, остальное же раздѣлилъ между сыновьями. Отно-

---

[1]) № 24.

сительно Москвы въ его духовной также говорится: «приказываю отчину свою Москву сыновьямъ», но оговаривается, что племяннику Владиміру Андреевичу принадлежитъ жеребій его отца — треть въ намѣстничествѣ, въ тамгѣ, въ мытахъ и въ пошлинахъ городскихъ; «что потягло къ городу»[1]).

Любопытна духовная Дмитрія Ивановича[2]), который не только послѣ смерти брата своего Ивана получилъ удѣлъ послѣдняго, но который сверхъ того сдѣлалъ еще значительныя пріобрѣтенія. Онъ, по примѣру предковъ, приказываетъ отчину свою Москву четыремъ своимъ сыновьямъ, «а братъ мой князь Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его». Однако Дмитрій не дѣлитъ свои два жеребія между сыновьями поровну; старшій сынъ получаетъ больше другихъ: «А сына своего Князя Василія благословляю *на старшiй путь* въ городѣ и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сыномъ моимъ половина, и въ пошлинахъ въ городьскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восьмичее мои два жеребья Княгинѣ моей. А на старшiй путь сыну моему Князю Василью Васильцево сто и Добрятиньская борть (пчельникъ) съ селомъ зъ Добрятиньскимъ, а бортьници въ станѣхъ городскихъ и конюшiй путь и сокольничiй и ловчiй[3]), тѣмъ сынове мои подѣлятъся ровно. А численыхъ людий моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одиного». Замѣтимъ здѣсь, что дѣлятся не только доходы, но и дѣйствительное владѣніе. Хотя Москва остается общимъ достояніемъ, ибо приказывается

---

[1]) № 25, 26.

[2]) № 34.

[3]) Мѣста, опредѣленныя для содержанія конюшенъ, соколиной и другой охоты. Они обыкновенно отдавались въ кормленіе княжескимъ конюшимъ, сокольничимъ и ловчимъ.

всѣмъ вмѣстѣ, однако каждый имѣетъ въ ней свой участокъ. Ниже мы увидимъ отношенія владѣющихъ князей между собою. Старшій сынъ получаетъ больше другихъ на старѣйшій путь, по праву старшинства. Это постановленіе въ духовныхъ грамотахъ встрѣчается въ первый разъ, но тоже самое мы видимъ и прежде въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями[1]): «А что есмы съступилися тобѣ на старѣйшинство, тобѣ полтамги..... да тобѣ сокольничий путь и садовници и конюшнй путь и кони ставити (по станамъ и по варямъ) и ловчий путь тоже; и потомъ, на старѣйшнй путь, кто будетъ старѣйшнй, тому полтамги; а молодшимъ двумъ полтамги». Наконецъ Дмитрій Ивановичъ дѣлитъ между сыновьями и княжескія села въ Московскомъ уѣздѣ. Мы видѣли, что Калита въ числѣ прочаго имѣнія раздаетъ дѣтямъ и села; но различія между московскими и другими онъ не дѣлаетъ, а исчисляетъ особенною статьею всѣ села сряду, гдѣ бы они ни находились[2]). Въ духовной Ивана Ивановича села, находящіяся въ удѣлахъ, считаются уже принадлежностью послѣднихъ, напримѣръ: «а се даю сыну моему князю Ивану Звенигородъ со всѣми волостми и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью и съ оброчники и съ пошлинами». Но за тѣмъ исчисляются не только звенигородскія волости и села, а вмѣстѣ съ ними и села московскія[3]). Въ духовной же Дмитрія Ивановича села

---

[1]) № 23.

[2]) Такъ послѣ исчисленія коломенскихъ волостей упоминается село Астафьевское въ Московскомъ уѣздѣ, за тѣмъ село на Сѣверьцѣ, о которомъ прямо говорится, что оно въ Похрянскомъ уѣздѣ, то-есть въ Коломенскомъ удѣлѣ, за тѣмъ опять идутъ все московскія села. Точно также изъ селъ, которыя даются Ивану, села Рюховское, Рузское, Каменичское, Андреевское, находились въ Звенигородскомъ удѣлѣ, а Домантовское, Семцинское въ Московскомъ.

[3]) Именно села Михайловское и Домантовское, которыя въ духовной Дмитрія Ивановича прямо называются московскими, хотя даются также Звенигородскому князю.

въ удѣлахъ уже вовсе не упоминаются. Говорится: «а се даю сыну своему Василію Коломну со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами» и потомъ исчисляются однѣ волости коломенскія, а не села. За то съ другой стороны московскія села именно отличаются отъ прочихъ. По обычаю того времени наслѣдники получали городъ Москву и станы, какъ общее достояніе, села же въ Московскомъ уѣздѣ они пріобрѣтали въ раздѣлъ, также какъ свои удѣлы. Поэтому и стали съ этихъ поръ исчислять въ духовныхъ грамотахъ одни московскія села, не упоминая о прочихъ удѣльныхъ, которыя не составляли отдѣльной статьи, а включались въ число принадлежностей. Отсюда ясно, что князья селами владѣли совершенно на томъ же правѣ, какъ и своими удѣлами. Московскія села вездѣ упоминаются подъ одною рубрикою съ послѣдними и потому только исчисляются особо, что противополагаются владѣнію Москвою, которая была общимъ достояніемъ князей. Исчисляются особо и другія села, именно тѣ, которыя князья пріобрѣтали въ чужихъ удѣлахъ. Здѣсь, разумѣется, нужно было сказать, которому сыну они должны достаться, ибо они не составляли принадлежности отданныхъ въ наслѣдство удѣловъ. Такъ въ разбираемомъ нами духовномъ завѣщаніи, Дмитрій Ивановичъ, отдавши старшему сыну Коломну съ волостьми и московскія села, даетъ ему еще нѣсколько юрьевскихъ селъ, тогда какъ другія юрьевскія же села дѣлятся между другими наслѣдниками.

Такъ была раздѣлена Москва; изъ остальныхъ владѣній Дмитрій Ивановичъ отдалъ старшему сыну Василію Коломну съ волостьми: Юрію Звенигородъ; Андрею Можайскъ, а также вновь пріобрѣтенныя Калугу, Рощу, Товъ и Медынь; Петру Дмитровъ, къ которому была приписана та часть московскихъ волостей, которая послѣ смерти вдовы Калиты досталась Дмитрію, тогда какъ другая часть отошла къ князю Владиміру Ан-

древичу; наконецъ Ивану, который вѣроятно былъ одержимъ неизлѣчимою болѣзнью и дѣйствительно скоро умеръ, двѣ московскія волости да село. Изъ количества дани, которую каждый долженъ былъ платить съ своего удѣла въ Орду, видно, что значительность удѣловъ соотвѣтствовала порядку старшинства, именно: на каждую 1000 рублей дани Василій долженъ былъ платить 342 рубля, Юрій 272, Андрей 235, Петръ 111, Иванъ 10[1]). Но кромѣ того Дмитрій пріобрѣлъ еще новыя земли: этими онъ распоряжается особо, надѣливши каждаго сына удѣломъ. Распоряженія слѣдующія: старшаго сына Василія великій князь благословляетъ *отчиною своею великимъ княженьемъ* (то-есть Владимірскимъ); Юрія куплею дѣда Галичемъ съ волостьми, селами и всѣми пошлинами и съ тѣми селами, которыя тянули къ Костромѣ; Андрея Бѣлоозеромъ, Вольскимъ съ Шаготью, да Милолюбскимъ ѣзомъ[2]) съ слободками; наконецъ Петра Угличемъ, Тошною и Сямою. О надѣлѣ княгини мы здѣсь не говоримъ; это будетъ особая статья.

Прежде всего замѣтимъ, что великое княжество не считается чѣмъ-то особеннымъ, а ставится наряду съ другими владѣніями. Объ немъ даже не говорится въ первомъ мѣстѣ; оно стоитъ на концѣ вмѣстѣ съ другими пріобрѣтеніями. Замѣтимъ еще, что въ одну категорію ставятся городъ, составлявшій княжество (Бѣлоозеро), отдѣльныя волости (Вольское съ Шаготью) и мѣсто для рыбной ловли — ясный признакъ совершеннаго безразличія государственныхъ и хозяйственныхъ понятій. Наконецъ замѣтимъ, что удѣлы не сосредоточены каждый въ одномъ мѣстѣ, а напротивъ, разбросаны по обширному пространству. Великое княжество Владимірское отдѣле-

---

[1]) Итого 970, а сказано: на 1000, слѣдственно здѣсь недостаетъ 30 рублей; не брались ли они съ Москвы?

[2]) Мѣсто для рыбной ловли.

но отъ Москвы и отъ Коломны московскими волостями, приписанными къ Дмитрову, или принадлежащими князю Владиміру Андреевичу; Звенигородскій князь получаетъ отдаленный Галичъ на сѣверѣ за Волгою; Можайскій еще болѣе отдаленное Бѣлоозеро; наконецъ Дмитровскій — Угличъ, отъ котораго отдѣляютъ его волости тверскія и переяславскія[1]), да кромѣ того владѣнія въ Вологодской области[2]). Случайность и частный способъ пріобрѣтенія опредѣляли и случайность раздѣленія. Прибавимъ къ этому еще села, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, какъ въ Московскомъ уѣздѣ такъ и въ другихъ.

Этотъ надѣлъ не былъ однако же окончательный. У Дмитрія могъ родиться сынъ послѣ смерти, что дѣйствительно и случилось. Имѣя это въ виду, онъ предписываетъ женѣ надѣлить его имѣніемъ, взявши часть у старшихъ братьевъ. Кромѣ того передѣлъ могъ наступить и въ случаѣ смерти или уменьшенія удѣла одного изъ сыновей. Объ этомъ распоряженія слѣдующія: «А по грѣхомъ которого сына Богъ отъиметъ, и Княгини моя надѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть: а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А у котораго сына убудетъ отчины, чѣмъ есмь его благословилъ, и Княгини моя надѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы дѣти мои матери слушайте. А по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына моего князя Василія, а хто будетъ по немъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя Княгини: а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть». Однако относительно удѣла младшаго сына Ивана сдѣлано исключеніе; въ завѣщаніи прямо сказано, что онъ въ своемъ удѣлѣ воленъ, который братъ будетъ къ нему добръ, тому онъ и

---

[1]) См. межевую грамоту № 138.

[2]) Именно Сима, см. № 112.

дастъ. Причина такого исключенія по всей вѣроятности заключалась въ желаніи обезпечить его судьбу по смерти отца.

Таковы распоряженія Дмитрія Донскаго. Опять спрашиваемъ всякаго безпристрастнаго читателя: какое право господствуетъ въ обществѣ, гдѣ происходятъ подобные раздѣлы — государственное или частное? Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ.

Такъ же, какъ большой удѣлъ Московскій, дѣлились и меньшіе удѣлы. Въ княженіе Василія Дмитріевича умеръ дядя его Владиміръ Андреевичъ, котораго завѣщаніе дошло до насъ [1]). По примѣру великихъ князей онъ приказываетъ отчину свою Москву, свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ, всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ; они должны вѣдать ее поочередно, по годамъ. Старшему сыну Ивану онъ даетъ на старѣйшій путь въ Москвѣ и въ станахъ конюшій путь, бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашевъ и дѣлюевъ; треть же численныхъ людей въ Москвѣ и въ станахъ онъ отдаетъ пополамъ двумъ сыновьямъ, князю Андрею и князю Ивану, а женѣ своей завѣщаетъ свою треть московской тамги, восмничее, гостиное, вѣсчее, пудовое, пересудъ, серебряное литье и вообще всѣ пошлины московскія до ея смерти. За тѣмъ распредѣляются удѣлы, сначала изъ прежнихъ серпуховскихъ владѣній, потомъ вновь пріобрѣтенные на сѣверѣ, югѣ и сѣверо-востокѣ [2]).

---

[1]) № 40.

[2]) Распредѣленіе слѣдующее: 1) Ивану Серпуховъ съ нѣкоторыми волостьми и другими принадлежностями, да нѣкоторыя московскія села; 2) Семену Боровскъ, къ которому приписаны нѣкоторыя изъ прежнихъ серпуховскихъ волостей (Щитова только половина) да треть Мушкова около Дмитрова, доставшаяся послѣ княгини Ульяны, вдовы Ивана Калиты; кромѣ того нѣсколько московскихъ и юрьевскихъ селъ; 3) Ярославу Ярославль (нынѣшній Малоярославецъ) съ Хотунью, нѣкоторыя другія волости, московскія села и мельница; 4) Андрею нѣ-

Такимъ образомъ, каждый изъ сыновей Владиміра Андреевича получилъ: 1) право черезъ пять лѣтъ владѣть третью Москвы, 2) часть волостей серпуховскихъ, 3) разныя владѣнія — города, волости и села, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ, нѣкоторыя отдѣльно, другія пополамъ съ братьями.

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича встрѣчается нѣсколько распоряженій о дальнѣйшемъ наслѣдованіи; но они не совсѣмъ сходны съ распоряженіями Донскаго. Они состоятъ въ слѣдующемъ: если умретъ кто изъ сыновей, и останется у него жена, то послѣдняя сидитъ съ дѣтьми въ удѣлѣ мужа до

которыя московскія волости на сѣверо-востокъ отъ Москвы, также доставшіяся отъ княгини Ульяны, а изъ другихъ владѣній — численные люди на Кержачѣ съ селами, бортью и всѣми пошлинами, да изъ серпуховскихъ волостей на юго-западъ отъ Москвы Тухачевъ; кромѣ того нѣсколько московскихъ селъ; 5) Василію изъ серпуховскихъ волостей Перемышль, Растовецъ и половина Щитова, да треть Добрятинская и московскія села. Кромѣ этихъ владѣній Владиміръ Андреевичъ имѣлъ еще нѣсколько волостей, уступленныхъ ему великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Сначала великій князь далъ ему въ удѣлъ Волокъ съ волостьми, да еще три волости (№ 35), но потомъ Владиміръ Андреевичъ все это возвратилъ назадъ и получилъ вмѣсто того въ удѣлъ и въ вотчину на сѣверо-востокѣ Городецъ съ волостьми и со всѣми принадлежностями, на сѣверѣ Угличъ съ путьми, пошлинами и Золоторусскимъ селомъ, а на югѣ Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь обязался, если Городецъ и Козельскъ какъ-нибудь отойдутъ, дать вмѣсто Городца Тошну, а вмѣсто Козельска Рожалово и Боженку. Эти волости Владиміръ Андреевичъ также раздѣлилъ между сыновьями: старшему Ивану онъ отдалъ Гоголь, Алексинъ и Лисинъ, младшимъ — Андрею и Василію Угличъ пополамъ, а среднимъ, Семену и Ярославу, Городецъ съ станами пополамъ. Послѣдніе должны были раздѣлить городъ и станъ ровно, такъ чтобы тотъ, у кого окажется лишнее уступилъ другому; опредѣленъ и раздѣлъ волостей. Ѣзъ подъ Городцомъ они держатъ вмѣстѣ и дѣлятся доходомъ пополамъ, равно какъ и солью; если же кто изъ нихъ захочетъ устроить рыбныя ловли для себя одного, то Семенъ можетъ устроить ихъ на Волгѣ выше Городца, а Ярославъ ниже.

своей смерти. Послѣ ея смерти удѣлъ переходитъ къ ея сыну, а не будетъ сына и останется только дочь, тогда дяди обязаны выдать ее замужъ, а сами раздѣляютъ между собою удѣлъ своего брата поровну. Если же князь умретъ, не оставивъ по себѣ дѣтей, то жена его все таки остается въ удѣлѣ мужа до кончины «по сей по моей грамотѣ, а поминаетъ нашу душу»; остальные же сыновья до ея смерти никакимъ образомъ не должны вступаться въ удѣлъ своего брата. Частный характеръ этихъ распоряженій совершенно ясенъ.

Обратимся теперь опять къ великимъ князьямъ.

У Василія Дмитріевича остался одинъ сынъ. Въ послѣдней своей духовной [1]) онъ отдаетъ ему свою треть въ Москвѣ, Коломну съ волостьми и путьми, нѣкоторыя московскія села, да два примысла — села въ Юрьевѣ. За тѣмъ вычисляется то, что великій князь оставляетъ женѣ, послѣ чего говорится: «а дастъ Богъ сыну моему великое княженье, ино и язъ сына своего благословляю князя Василья». Извѣстно, что причиною такой оговорки были притязанія брата Юрія Дмитріевича; о значеніи этихъ притязаній мы поговоримъ ниже. Но примыслы свои: Муромъ и Нижній великій князь прямо отдаетъ сыну [2]). Изъ всѣхъ этихъ владѣній выдѣляется часть княгинѣ. Наконецъ между сыномъ и женою дѣлятся движимыя вещи, стада и холопы. Послѣ смерти Василія Дмитріевича вспыхнула между московскими князьями ожесточенная борьба, въ продолженіи которой удѣлы безпрестанно переходили изъ рукъ въ руки. Намъ нѣтъ нужды слѣдить за этими переходами [3]),

---

[1]) Ихъ три: № 39, 41, 42.

[2]) Въ предыдущей духовной сказано нерѣшительно: «если дастъ мнѣ Богъ Нижній», ибо пріобрѣтеніе не было еще упрочено.

[3]) Отсылаемъ читателей къ 4-му тому Исторіи Россіи г. Соловьева, гдѣ все это изложено въ подробности. Упомянемъ здѣсь однако для полноты о завѣщаніи Юрія Дмитріевича (№ 51). Онъ такъ же, какъ

ибо во всѣхъ этихъ перемѣнахъ видно только господство права сильнаго; кто былъ сильнѣе, тотъ и бралъ себѣ удѣлы. Такимъ образомъ, хотя по духовной Дмитрія Ивановича выморочный удѣлъ долженъ былъ дѣлиться поровну между братьями, но послѣ смерти бездѣтнаго Петра Дмитріевича, великій князь взялъ себѣ удѣлъ его Дмитровъ, который впрочемъ вскорѣ отдалъ Юрію. Точно также онъ взялъ себѣ и выморочный удѣлъ Константина Дмитріевича и такимъ образомъ мало-по-малу все соединилъ въ своихъ рукахъ, за исключеніемъ одного удѣла Верейскаго. Какъ же онъ распорядился этимъ достояніемъ?

По формѣ завѣщаніе Василія Васильевича[1]) нисколько не отличается отъ прежнихъ; по содержанію оно также во многомъ съ ними сходно. Въ Москвѣ старшій сынъ Иванъ получилъ треть, которою владѣлъ его дѣдъ, со всѣми принадлежностями, нѣсколько селъ съ городскими дворами, приписанными къ селу Красному, да лугъ большой у города. Юрій получилъ треть князя Владиміра Андреевича пополамъ съ братомъ Андреемъ Большимъ, перемѣняясь по годамъ, да годъ князя Константина Дмитріевича; Андрей Большой, кромѣ половины трети князя Владиміра Андреевича, село Сущевское

другіе, приказываетъ дѣтямъ отчину свою Москву, свой жеребій въ городѣ и станахъ и въ пошлинахъ городскихъ, въ тамгѣ и въ восмничемъ и въ численныхъ людяхъ и въ мытахъ, всѣмъ на трое. Затѣмъ даетъ 1) Василію Звенигородъ съ волостьми, московскія села и луга, 2) Дмитрію Рузу съ волостьми, а изъ московскаго участка бортниковъ, да лугъ противъ города, 3) Дмитрію меньшому Вышгородъ съ разными волостьми, московскія села, сокольниковъ, бортниковъ, псарей, да лугъ Ходынскій. Дмитровъ, пожалованный ханомъ, сыновья должны раздѣлить поровну, такъ же, какъ и Витку; Галичъ же отдается Дмитрію меньшому. Наконецъ имъ предписывается раздѣлить поровну же дворъ, да садъ за городомъ (вѣроятно въ Москвѣ), да меньшій садецъ, и дѣлится движимое имущество.

[1]) № 86.

съ городскими дворами, которые къ нему тянули; Борисъ годъ князя Ивана Можайскаго, Андрей Меньшой годъ князя Петра Дмитріевича, да три села подъ Москвою. Изъ тамги московской треть со всѣми пошлинами отдана была Ивану, треть князя Владиміра Андреевича пополамъ Юрію и Андрею Большому, а остальная треть меньшимъ пополамъ же.

Такъ раздѣленъ Московскій уѣздъ. Изъ остальныхъ владѣній Иванъ получилъ все обширное пространство земли на сѣверо-востокъ отъ Московскаго уѣзда съ 10 городами, изъ которыхъ важнѣйшіе Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Нижній, Устюгъ, Вятка; изъ московскихъ удѣловъ онъ получилъ по обычаю Коломну, да кромѣ того Боровскъ и еще южнѣе Калугу съ Алексиномъ. Юрій получилъ удѣлъ въ четырехъ различныхъ мѣстахъ: на сѣверъ отъ Москвы Дмитровъ съ приписанными къ нему волостями московскими и переяславскими; на юго-западъ Можайскъ, на югъ Серпуховъ (отдѣленный отъ Можайска Боровскимъ удѣломъ), и наконецъ, послѣ смерти матери, онъ долженъ былъ получить дальный Ростовъ, въ которомъ однако же оставались свои князья; о послѣднихъ сказано, что они вѣдаютъ свое и держатъ по тому же, какъ держали при великомъ князѣ, а княгиня и Юрій нихъ въ то не вступаются. Кромѣ того, Юрій отъ бабки Софьи Витовтовны наслѣдовалъ множество селъ въ разныхъ мѣстахъ— въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ и Вологодскомъ. Андрей Большой получилъ удѣлъ въ двухъ мѣстахъ: Угличъ съ принадлежностями и близъ лежащій Бѣжецкій верхъ, да Звенигородъ. Младшіе же сыновья получили владѣнія болѣе сосредоточенныя: Борисъ — Волокъ, Рузу и Ржеву, а Андрей Меньшой — Вологодскую область съ волостями. Борисъ кромѣ того владѣлъ многими разсѣянными въ разныхъ уѣздахъ селами, которыя онъ получилъ частью отъ Софьи Витовтовны, большею же частью отъ другой бабки, боярыни Марьи Ѳедоровны Голтяевой.

Таковъ былъ раздѣлъ великаго князя Василія Васильевича. Повидимому, все осталось по прежнему, но мы можемъ уже замѣтить признаки новаго порядка вещей. Старшій сынъ получаетъ несравненно большее пространство областей, нежели младшіе, такъ что удѣльные князья не въ состояніи уже сопротивляться великому. Въ этомъ нельзя не признать стремленія къ установленію единодержавія, то-есть государственнаго порядка. Другую особенность мы замѣчаемъ въ формѣ; въ завѣщаніяхъ Донскаго и Василія Дмитріевича великимъ княжествомъ называлась область Владимірская; теперь же это названіе дается всему удѣлу старшаго сына, и Владиміръ исчисляется на ряду съ прочими городами. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія перевести территоріяльное значеніе великокняжескаго достоинства въ значеніе личное, династическое.

При Иванѣ III бóльшая часть удѣловъ московскихъ снова присоединились къ великому княжеству. Прежде всѣхъ умеръ Юрій Васильевичъ; въ духовной своей[1]) онъ завѣщалъ села братьямъ, матери, племяннику, а объ удѣлѣ не говоритъ ни слова. Причина заключалась въ томъ, что, вслѣдствіе новыхъ стремленій къ единодержавію, великіе князья объявляли притязанія на выморочные удѣлы, тогда какъ по старому праву послѣдніе должны были дѣлиться поровну между братьями. Юрій никого не хотѣлъ обидѣть и не сдѣлалъ никакого распоряженія. Но великій князь воспользовался его молчаніемъ и взялъ удѣлъ себѣ. Однако братья разсердились, и великій князь долженъ былъ удовлетворить ихъ: Борису и Андрею Меньшому онъ далъ нѣкоторыя другія волости, а Андрею Большому уступилъ въ послѣдствіи Можайскъ, часть удѣла Юрія Васильевича. Другіе князья не послѣдовали примѣру Юрія; Андрей Меньшой и Михаилъ Андреевичъ Верейскій прямо завѣщали свои удѣлы великому князю. Первый далъ

[1]) № 96.

только одну волость Андрею, одно село Борису, да сорокъ деревень въ монастыри; второй же далъ три сельца князю Ивану Юрьевичу, да множество въ монастыри, предоставивъ однако великому князю право выкупа [1]). Борисъ Волоцкій оставилъ удѣлъ свой сыновьямъ, но младшій изъ послѣднихъ, князь Иванъ Борисовичъ, въ духовной своей [2]) отдалъ брату только два села, да полъ-луга, вотчину же свою, Рузу, да половину Ржевы, завѣщалъ мимо брата великому князю, съ тѣмъ, чтобы послѣдній заплатилъ съ нея долги умершаго и помянулъ его душу. Такъ уже сильно было значеніе московскаго князя!

Духовная Ивана III [3]) по формѣ также нисколько не отличается отъ прочихъ; никогда и нигдѣ новый порядокъ не является въ жизни цѣликомъ, а мало по малу пробивается сквозь старыя формы. Но въ содержаніи этой грамоты еще болѣе проглядываютъ государственныя стремленія, нежели въ завѣщаніи Василія Васильевича. Старшему сыну, Василію, великій князь даетъ «городъ Москву съ волостми и съ путми и зъ станы и зъ селы, и зъ дворы зъ городцкими со всѣми и зъ слободами и съ тамъгою и съ торги и съ лавъками, и зъ дворы зъ гостиными и со всѣми пошлинами и зъ Добрятинскимъ селомъ и зъ бортью и съ Васильцевымъ стомъ да числяки и Ординцы; а мои дѣти, Юрій, Дмитрій, Семенъ, Андрей... у своего брата у старѣйшаго въ числяки и въ Ординцы не вълупаются ни во что.... Да ему жъ даю село Семцинъское и зъ дворы зъ городцкими и зъ Самсоновымъ лугомъ (и разныя другія села московскія)... А сынъ мой Василій дръжитъ на Москвѣ большего своего намѣстника по старинѣ и какъ было при мнѣ, а другово своего намѣстника дръжитъ на Москвѣ на княжъ Во-

[1]) № 112, 121.
[2]) № 132.
[3]) № 144.

лодимирской трети Андрѣевича, что была дана братьѣ моей Юрью да Андрѣю. А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ и за городомъ на посадехъ, и сады мои всѣ, и пустые мои мѣста по посадамъ; то все сыну моему Василью. А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ и за городомъ за моими Бояры и за князьми и за детми за Боярскими и за дворяны за моими и за дворцовыми людми и за конюхи и за мастеры за моими; и тѣ всѣ дворы сыну же моему Василью. А у кого будетъ у Бояръ и у Князей и у дѣтей у Боярскихъ внутри города на Москвѣ и за городомъ на посадехъ дворы, ихъ отчины и купли, или кому буду далъ на Москвѣ внутры города и за городомъ по посадомъ на дворы грамоты свои жалованныя прочные: и сынъ мой Василей въ тѣ дворы у нихъ не въступается. Да что были приданы къ Дмитрову волости московскіе Рогожь, Вертя, Корзенево, Шерна городокъ, Сулишинъ и съ Новымъ селомъ; и язъ тѣ волости даю къ Москвѣ со всѣмъ по старинѣ сыну своему Василью. Да ему жъ даю волости Сурожыкъ, Лучиньское, да Радонежъ съ волостми и зъ путми и зъ селы и со всѣми пошлины, да треть Мушкову съ мытомъ съ Лопьскимъ[1]; да даю ему городъ Коломну съ волостми и зъ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами, городъ Каширу съ зарѣчьемъ....» и т. д. Слѣдуетъ исчисленіе всѣхъ областей великаго княжества. Наконецъ, кромѣ всего этого Василій получилъ участокъ въ Москвѣ вмѣстѣ со всѣми младшими братьями: именно, имъ даны были въ общее владѣніе годъ князя Константина Дмитріевича, годъ князя Петра Дмитріевича, да годъ князя Михаила Андреевича. Въ эти года они должны были держать въ трети Москвы своихъ намѣстниковъ, перемѣняясь по годамъ, черезъ пять лѣтъ.

---

[1]) Все это тоже московскія волости, которыя были уступлены Юрію Дмитріевичу и его дѣтямъ, и потомъ снова возвращены Москвѣ.

Кромѣ того былъ еще годъ князя Бориса Васильевича Волоцкаго, который держалъ намѣстника на шестой годъ; по смерти его этотъ годъ раздѣлился на два между его сыновьями. Младшій изъ нихъ завѣщалъ свои полгода великому князю, который теперь отдалъ его старшему сыну. Права младшихъ ограничены однако однимъ судомъ; изъ тамги же и прочихъ пошлинъ Василій долженъ былъ выдавать каждому изъ нихъ по 100 рублей. Наконецъ, младшіе сыновья получили по прежнему обычаю дворы внутри города, подмосковныя села, къ которымъ была приписана и часть посадскихъ городскихъ дворовъ, да села въ московскихъ станахъ. «А опричь того у моего сына у Василья, а у своего брата у старѣйшаго, на Москвѣ въ дворы въ городные и на посадехъ въ дворы и въ тамгу во всю и въ пошлины во всѣ, также и въ станы и въ волости и въ пути и въ села въ московскіе во всѣ не въступаются ни во что; а вѣдаютъ то по тому, какъ имъ въ сей духовной грамотѣ писано».

Таковы были распоряженія Ивана III относительно владѣнія Москвою. Мы замѣчаемъ въ нихъ важное нововведеніе. Изъ прежнихъ завѣщаній мы видѣли, что Дмитрій Донской, по примѣру предковъ, отдалъ Москву всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ; Василій Васильевичъ старшему сыну далъ только треть, а остальную, принадлежавшую ему часть раздѣлилъ между младшими. Иванъ III въ первый разъ отдаетъ старшему вообще городъ Москву съ принадлежностями, выдѣляя младшимъ только отдѣльныя права и имущества. Это показываетъ, что онъ старшему хотѣлъ дать гораздо высшее значеніе, нежели прочимъ. Но мы отнюдь не можемъ видѣть здѣсь различія между частнымъ княжескимъ владѣніемъ и государственнымъ. Мы съ намѣреніемъ сдѣлали такую длинную выписку, ибо изъ нея совершенно ясно выходитъ противное. Старшему сыну дается городъ Москва съ волостьми и путьми и прочими принад-

лежностями. Но что составляетъ принадлежность Москвы? Удѣльные князья также получаютъ въ ней участки; ихъ права на это наслѣдственное достояніе ограничиваютъ права великаго князя. Надобно опредѣлить, какія именно отдѣльныя статьи, могущія быть предметомъ спора, принадлежатъ послѣднему. Мы видѣли прежде, что владѣя Москвою собща, князья получали въ раздѣлъ отдѣльныя села, а иногда и дворы; мы видѣли, что это было противоположеніе не государственнаго владѣнія частному, а общаго частному. Эти-то статьи, которыя прежде давались въ раздѣлъ, слѣдовало въ особенности исчислить и опредѣлить, что кому принадлежитъ. Кромѣ селъ и дворовъ исчисляются и волости, о которыхъ могло быть сомнѣніе, ибо онѣ прежде были отчислены къ другимъ удѣламъ. Но всѣ эти разряды имуществъ ставятся совершенно въ одну категорію относительно права владѣнія, какъ очевидно изъ выписки. Сначала дается сыну городъ Москва съ принадлежностями, потомъ села, потомъ дѣлается распоряженіе о намѣстникахъ, то-есть о судѣ, что по государственнымъ понятіямъ принадлежало бы къ государственному праву, потомъ даются дворы, потомъ волости и наконецъ сряду всѣ города, которые завѣщаются старшему сыну. Все это стоитъ рядомъ, безъ всякаго различенія. Какъ сначала говорится: «даю ему городъ Москву», такъ вслѣдъ за этимъ: «да емужъ даю селцо Семциньское, да емужъ даю селцо Воронцовское на Яузѣ гдѣ мой дворъ, и съ дворы съ городцкими со всѣми, и съ мельницами, какъ было при мнѣ», и потомъ: «даю городъ Бѣлоозеро», «даю ему городъ Тоѣрь», «даю ему Великій Новгородъ со всѣмъ съ пятью пятинами» и т. д. Нужно очень пылкое воображеніе, чтобы видѣть здѣсь малѣйшій намекъ на различіе государственнаго владѣнія и частнаго княжескаго[1]).

---

[1]) Прибавимъ ко всему этому, что въ обычаѣ того времени было

Въ то время, къ которому относится завѣщаніе Ивана III, дѣйствительно проявлялись уже сильныя государственныя стремленія; но здѣсь мы ихъ видѣть не можемъ. Они проходили въ жизнь не путемъ теоретическаго противоположенія государственнаго права частному, о чемъ тогда еще не думали, а путемъ практическимъ, возведеніемъ частнаго права къ государственному посредствомъ усиленія одного наслѣдника на счетъ другихъ. Это мы и видимъ въ распредѣленіи областей въ завѣщаніи Ивана III.

Старшаго сына Василія великій князь благословилъ отчиною своею великими княжествами: Московскимъ, Тверскимъ Новгородскимъ. Сюда входило множество городовъ и земель, которые мы не станемъ исчислять; Василій же получилъ земли псковскія и рязанскія, послѣднія завѣщанныя княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ. Такимъ образомъ его владѣнія обнимали огромное пространство земли. Младшіе братья, напро-

исчисленіе отдѣльныхъ составныхъ частей каждой области послѣ того, какъ онѣ были поименованы вообще. Такъ въ самомъ завѣщаніи Ивана III онъ сначала даетъ старшему сыну великія княжества, а потомъ упоминаетъ каждый городъ отдѣльно. Если по примѣру нѣкоторыхъ изслѣдователей задавать себѣ вопросъ: зачѣмъ князья вычисляли отдѣльныя села, когда уже прежде было сказано, что городъ отданъ съ волостями и селами? и разрѣшать это тѣмъ, что въ первый разъ завѣщано наслѣдіе по государственному праву, а во второй по частному, то какъ разрѣшить слѣдующую задачу? Иванъ Калита говоритъ въ своемъ завѣщаніи «се далъ есмь сыну своему большому Семену Можаескъ, Коломну съ волостьми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похряне, Устьмереку, Брашевую, Гвоздну, Ивань, деревни Маковецъ, Левичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтово, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьцѣ въ Похрянехъ, село Константиновское» и т. д. Можно подумать, что Городенка, Мѣзынь и т. д. составляютъ отдѣльныя владѣнія; а между тѣмъ до села Астафьевскаго все это только исчисленіе коломенскихъ волостей. Для чего же нужно было исчислять ихъ, когда уже прежде было сказано: «Коломна съ волостьми»? Да еще въ добавокъ онѣ стоятъ здѣсь на ряду съ селами!

тивъ, получили лишь по нѣскольку второстепенныхъ городовъ [1]). Чтобы понять различіе между количествомъ владѣній старшаго сына и остальныхъ, нужно сравнить сумму выхода, который каждый князь долженъ былъ давать на разные ордынскіе расходы. На каждую 1000 рублей Юрій долженъ былъ давать около 82, Дмитрій около 58, Семенъ около 65, Андрей около 40, Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкій около 37, Василій же, съ однихъ земель московскихъ, тверскихъ и рязанскихъ, за исключеніемъ новгородскихъ и псковскихъ, давалъ 717 рублей. Наконецъ относительно права наслѣдованія важнѣе всего въ духовной Ивана III распоряженіе о выморочныхъ удѣлахъ: «А которого моего сына не станетъ, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тоѣрской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью; а братья у него въ тотъ удѣлъ не въступаются; а останутся у него дочери и сынъ мой Василей тѣ его дочери надѣливъ, подаетъ замужъ. А что дастъ своей Княгинѣ волостей и селъ и казны, и въ то во все сынъ мой Василей у неѣ не въступается ни во что до ея живота». Такимъ образомъ старый поголовный раздѣлъ уступилъ мѣсто новому праву; прежнее частное наслѣдованіе было нарушено во имя государства. Замѣтимъ здѣсь, что мы то же самое стрем-

---

[1]) Юрій получилъ изъ московскихъ удѣловъ Дмитровъ, Звенигородъ, Рузу (кромѣ села Рюховскаго, которое Иванъ Борисовичъ въ завѣщаніи своемъ отдалъ брату), изъ тверскихъ владѣній Кашинъ, да на югѣ Брянскъ и Серпейскъ съ волостьми; Дмитрій — на сѣверѣ Угличъ и Мологу, на западѣ Хлепень съ принадлежностями, половину Ржевы, да Зубцовъ и Опоки въ Тверской землѣ, а на югѣ Мещовскъ и Опаковъ; Семенъ—на сѣверѣ Бѣжецкій верхъ, а на югѣ Калугу и Козельскъ; наконецъ Андрей — около Москвы въ разныхъ мѣстахъ Верею, Вышгородъ, Алексинъ, Любутскъ, нѣсколько волостей, отдѣленныхъ отъ Дмитрова, да волости Гжелю и Рамепейце, а изъ тверскихъ земель Старицу, Холмъ, Новый Городокъ и двѣ волости.

леніе видимъ и въ другихъ княжествахъ: въ договорѣ 1496 г. великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ обязываетъ брата своего Ѳедора Васильевича, въ случаѣ бездѣтной смерти, не отдавать своей вотчины никому, никоторою хитростью, мимо старшаго брата[1]). Однако это не помѣшало Ѳедору Васильевичу завѣщать свой удѣлъ Ивану III, который приходился ему дядею по матери. Рязанскій князь, какъ слабѣйшій, разумѣется не могъ этому воспротивиться.

Младшіе сыновья Ивана III получили еще удѣлы, какъ самостоятельные князья; но окончательное торжество государства мы видимъ въ духовной Ивана Грознаго[2]). Старшаго сына своего Ивана онъ благословляетъ своимъ царствомъ Русскимъ; младшему же Ѳедору, хотя даетъ въ удѣлъ нѣсколько городовъ, но прибавляетъ, что тотъ удѣлъ «емужъ (Ивану) къ великому государству». На этомъ основаніи малолѣтный Дмитрій Ивановичъ въ послѣдствіи получилъ въ удѣлъ Угличъ; но это былъ послѣдній примѣръ. Съ тѣхъ поръ прекращается раздача удѣловъ; царство Русское составляетъ единое, нераздѣльное цѣлое, въ которомъ частный порядокъ наслѣдованія не можетъ имѣть мѣста.

Мы изложили на основаніи духовныхъ грамотъ наслѣдованіе князей мужскаго пола. Намъ остается дополнить это обозрѣніе разборомъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, преимущественно княжескихъ женъ, ибо дочери никогда почти не получали земель.

Мы видѣли, что Калита далъ женѣ своей, княгинѣ Ульянѣ, съ меньшими дочерьми нѣкоторыя московскія волости да села; кромѣ того женѣ онъ завѣщалъ въ Москвѣ осмничее, часть движимаго имущества и стадъ, а дочерямъ часть движимыхъ вещей. Въ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотахъ, которыя

---

[1]) № 127.

[2]) Доп. къ А. И. т. I-й № 222.

обѣ писаны въ 1328 г. не говорится, на какомъ правѣ даются эти волости; но въ завѣщаніи Ивана Ивановича сказано, что по духовной отца его княгиня Ульяна вѣдаетъ эти волости, села и осмничее пожизненно. Слѣдовательно мы можемъ предполагать позднѣйшую грамоту, которая до насъ не дошла. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича сказано далѣе, что по смерти княгини Ульяны всѣ ея владѣнія должны быть раздѣлены между двумя сыновьями великаго князя, его женою и племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ на четверо безъ обиды. Только волость Сурожикъ, да село Луцинское поступаютъ къ дочери Калиты. Неизвѣстно, на какомъ основаніи владѣнія княгини Ульяны могли быть раздѣлены на четыре части. Если по смерти матери отданное ей въ пожизненное владѣніе имущество должно было дѣлиться между сыновьями, то во всякомъ случаѣ князь Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ получить треть, а жена и дѣти Ивана Ивановича остальныя двѣ трети. Дѣйствительно, мы видимъ въ послѣдствіи, что Владиміръ Андреевичъ получилъ по раздѣлу не четверть, а треть [1]). Сурожикъ же по духовной Дмитрія Ивановича причисляется къ Звенигороду; но въ замѣнъ этого, мы видимъ, что княгиня Өедосья (вѣроятно она и есть дочь княгини Ульяны) владѣетъ нѣкоторыми мѣстами на Бѣлѣозерѣ и другими, которыя она отдастъ великому князю и его женѣ. Можно предполагать, что остальныя двѣ дочери Калиты либо умерли, либо вышли замужъ, и нужно было обезпечить только послѣднюю.

Семенъ Ивановичъ, какъ мы сказали, отдалъ весь удѣлъ своей женѣ, княгинѣ Марьѣ. Въ духовной его не сказано на какомъ правѣ, но вѣроятно на правѣ полной собственности, ибо послѣ смерти ея, удѣлъ не былъ раздѣленъ между потомками обоихъ братьевъ Семена, какъ слѣдовало бы по законно-

---

[1]) № 33.

му праву наслѣдованія. Княгиня Марья все свое достояніе отдала одному великому князю Ивану, удержавъ только нѣкоторыя коломенскія волости, которыя по ея смерти должны были достаться Дмитрію, да двѣ волости, которыя великій князь послѣ ея смерти завѣщалъ своей женѣ.

Въ духовной Ивана Ивановича въ первый разъ встрѣчаются распоряженія, которыя въ послѣдствіи стали обычаемъ у московскихъ князей. Онъ далъ женѣ своей въ пожизненное владѣніе по три волости и по два села изъ удѣла каждаго изъ сыновей, да въ Москвѣ треть тамги изъ двухъ своихъ жеребьевъ. Послѣ ея смерти каждый сынъ долженъ былъ обратно получить то, что у него было взято. Кромѣ того княгиня Александра получила двѣ волости послѣ смерти княгини Марьи, безъ всякихъ ограниченій. Можно думать, что онѣ были отданы ей въ полную собственность, какъ это дѣлалось въ послѣдствіи.

Также распорядился въ своемъ завѣщаніи и Донской: онъ далъ женѣ въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей и селъ изъ удѣла каждаго сына, да въ Москвѣ половину обоихъ своихъ жеребьевъ тамги, да оба свои жеребья осмничаго. Но кромѣ того, онъ далъ ей пріобрѣтенныя имъ въ разныхъ мѣстахъ села и слободы, три села московскихъ, нѣсколько юрьевскихъ, владѣнія, дарованныя княгинею Ѳедосьею, послѣ смерти послѣдней, да еще двѣ волости. «А тѣми своими примыслы всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгиня, сыну ли которому дастъ, по душѣ ли дастъ; а дѣти мои въ то не вступаются»[1]). Эти земли,

---

[1]) Здѣсь сказано, что великій князь благословляетъ жену «тѣми своими примыслы», но въ томъ числѣ высчитываются и три села московскихъ, которыя Дмитрій получилъ отъ отца; можно думать, что они отданы были въ полную собственность, ибо села Астафьевское и Ильмовское болѣе не упоминаются въ духовныхъ, села же Семцинскаго

отданныя княгинѣ, не въ пожизненное владѣніе, а въ полную собственность, въ духовной Василія Дмитріевича называются *опричниной*. Въ послѣднемъ своемъ завѣщаніи Василій Дмитріевичъ далъ женѣ своей, Софьѣ Витовтовнѣ, въ опричнину старую коломенскую волость Гжелю, да московское село Семцинское, которыми она вольна была распоряжаться также, какъ собственными пріобрѣтеніями. Кромѣ того, онъ по обыкновенію далъ ей въ пожизненное владѣніе разныя волости и села, треть своего жребья во всѣхъ пошлинахъ московскихъ, да половину пошлинъ нижегородскихъ. Однако Софья Витовтовна не довольствовалась этимъ богатствомъ; изъ ея духовной[1]) мы узнаемъ, что она купила себѣ множество селъ и даже волости и станы въ разныхъ мѣстахъ. Все это она раздѣлила между сыномъ, внуками, снохой, и кромѣ того множество селъ отдала въ монастыри. Въ особенности любимому внуку Юрію она завѣщала, кромѣ опричнины, многіе прикупы въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ, Вологодскомъ и другихъ, а также дворы свои и дворовыя мѣста въ Москвѣ, предоставивъ однако великому князю право вымѣнить у него безъ обиды что ему понадобится. Замѣтимъ здѣсь, что княгини имѣли совершенно тѣ же права на свои земли, какъ и князья. Ихъ владѣнія точно также называются ихъ удѣломъ; князья не только не должны были вступаться никакимъ образомъ во владѣнія княгинь, но не могли даже и всылать въ нихъ за чѣмъ бы то ни было. Такія ограниченія именно постановлены въ завѣщаніяхъ Дмитрія До-

---

нѣтъ въ первой духовной Василія Дмитріевича. Во второй онъ отдаетъ его женѣ въ полную собственность, но онъ могъ получить его по завѣщанію матери. Замѣтимъ, что село Семцинское было дано и женѣ великаго князя Ивана Ивановича, но только въ пожизненное владѣніе.

[1]) № 83.

искаго, Василія Дмитріевича и Владиміра Андреевича. Последній далъ женѣ своей цѣлую область Лужу съ слободами и волостьми, которая послѣ ея смерти должна была раздѣлиться между тремя сыновьями, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селъ, предоставленныхъ княгинѣ въ полную собственность. Она получила въ пожизненное владѣніе и отдѣльныя села изъ удѣловъ каждаго сына, да нѣкоторыя московскія села, изъ которыхъ два, да мельница отданы были ей въ опричнину. Кромѣ того, изъ ея духовнаго завѣщанія[1]) видно, что она нѣкоторыя села получила въ полную собственность и отъ сыновей, умершихъ прежде ея смерти. Выше уже было сказано, что по завѣщанію Владиміра Андреевича вдовы его сыновей должны были владѣть удѣлами умершихъ супруговъ или вмѣстѣ съ дѣтьми или однѣ, если не было у нихъ дѣтей.

Такимъ образомъ мы видимъ, что князья предоставляли женамъ отдѣльные удѣлы въ пожизненное владѣніе, а нѣкоторую часть и въ полную собственность. Василій Васильевичъ установилъ для своей княгини опричнину не въ самой духовной, а въ отдѣльной приписной грамотѣ. Въ духовной же ей предоставлено право распоряжаться только собственными покупками, которыя однако были значительны. Княгиня купила городокъ Романовъ, устье Шексны у мѣстныхъ князей, да волости и села въ разныхъ мѣстахъ. Въ пожизненное владѣніе, кромѣ прочаго, ей данъ былъ Ростовъ со всѣми принадлежностями, которымъ однако, какъ мы видѣли, продолжали владѣть ростовскіе князья.

Жена Ивана III, Софья Ѳоминична, умерла прежде мужа, почему въ его духовной нѣтъ удѣла княгини. Но здѣсь же мы находимъ важное распоряженіе относительно женъ удѣльныхъ князей, именно то, что если мужъ умретъ безъ сыновей, то волости, села и казна, предоставленныя женѣ, послѣ ея сме-

---

[1]) № 82.

рти поступаютъ къ великому князю. Государственныя требованія уничтожаютъ прежнюю опричнину.

Что касается до дочерей, то мы видѣли уже, что Калита завѣщалъ удѣлъ женѣ съ дочерьми; то же самое постановляется и въ духовной Владиміра Андреевича. Мы видѣли далѣе, что дочь Калиты и послѣ смерти матери должна была получить нѣкоторую часть ея владѣній. Но въ духовной Владиміра Андреевича прямо сказано, что послѣ смерти матери, если нѣтъ сыновей, удѣлъ получаютъ братья, которые должны племянницъ отдать замужъ. Та же обязанность въ духовной Ивана III возлагается на великаго князя относительно выморочныхъ удѣловъ. Борисъ Васильевичъ Волоцкій[1]) ничего не даетъ дочерямъ, а поручаетъ только женѣ и сыну, въ случаѣ свадьбы которой-нибудь дочери, взять что нужно съ отчины и тѣмъ ее выдать замужъ. Михаилъ Андреевичъ Верейскій[2]), завѣщая весь удѣлъ свой великому князю, проситъ его дать остающейся дочери 300 рублей. Но Ѳеодоръ Борисовичъ Волоцкій, распоряжаясь въ своемъ завѣщаніи[3]) на случай, если у него послѣ смерти родится дочь, даетъ ей волость и села, поручая ее впрочемъ великому князю, «какъ ему Богъ положитъ на сердце».

Обозрѣвши, на основаніи источниковъ, наслѣдованіе великихъ и удѣльныхъ князей, мы можемъ наконецъ спросить: какое наслѣдственное право господствовало между московскими князьями до установленія единодержавія?

Перебирая всѣ извѣстія, мы видимъ, что вездѣ на первомъ планѣ стоитъ личная воля завѣщателя. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ онъ руководствуется только собственнымъ усмотрѣніемъ; потому мы въ разныхъ завѣщаніяхъ, а иногда даже

---

[1]) № 105.
[2]) № 121.
[3]) № 151.

и въ одномъ и томъ же, видимъ разные порядки наслѣдованія. Такое преобладаніе наслѣдованія по завѣщанію надъ наслѣдованіемъ по закону представляется намъ и въ другихъ памятникахъ древняго нашего законодательства. Это была общая черта того времени, которая не ограничивалась однимъ княжескимъ родомъ. Такъ въ Русской Правдѣ читаемъ: «Аже кто умирая роздѣлитъ домъ, на томъ же стояти; накы ли без ряду умреть, то все дѣтемъ». И въ обоихъ Судебникахъ: «А который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода»[1]. Въ то время вѣроятно рѣдко наступало наслѣдованіе по закону. Каждый считалъ своею обязанностью сдѣлать завѣщаніе, распорядиться на случай смерти. Князья дѣлали это за долго до кончины, и мы находимъ нѣсколько послѣдующихъ завѣщаній одного и того же князя. Отсюда объясняется и скудость древнихъ нашихъ постановленій о наслѣдствѣ.

Однако мы въ завѣщаніяхъ московскихъ князей можемъ замѣтить нѣкоторыя обычныя, хотя и не постоянныя правила. Главный городъ Москва отдается всѣмъ наслѣдникамъ вмѣстѣ, хотя каждый изъ нихъ получаетъ въ ней опредѣленный участокъ. Какова величина этого участка, что получаетъ каждый, это зависитъ совершенно отъ распоряженій завѣщателя. Со времени Дмитрія Ивановича Донскаго старшій сынъ получаетъ постоянно лишнее противъ другихъ, на старѣйшій путь. То же самое мы видимъ и въ духовной Владиміра Андреевича; но Юрій Дмитріевичъ не далъ старшему бо́льшаго участка противъ другихъ. Замѣтимъ, что такое же общее владѣніе главнымъ городомъ существовало въ Тверскомъ княжествѣ и въ Рязанскомъ.

---

[1]) См. Неволина Исторія Россійскихъ Гражд. Зак. т. III, раздѣлъ о наслѣдствѣ.

Затѣмъ мы видимъ, что московскіе князья каждому почти сыну даютъ одинъ изъ собственно-московскихъ удѣловъ, и послѣ того уже распредѣляютъ остальныя владѣнія, какъ особенную статью. Такъ же поступаютъ и удѣльные князья — Владиміръ Андреевичъ Серпуховской и Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій. Однако сынъ великаго князя Василія Васильевича, Андрей Меньшой, не получилъ удѣла около Москвы; встрѣчаются тому и другіе примѣры. Иванъ III пріобрѣлъ Тверское княжество, и каждому почти изъ сыновей далъ часть старыхъ московскихъ удѣловъ, участокъ въ позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ да участокъ въ Тверской землѣ; однако четвертый его сынъ Семенъ въ Тверской землѣ ничего не получилъ. Такимъ образомъ, вообще замѣтно стремленіе удѣлить каждому сыну участокъ въ каждомъ разрядѣ владѣній, но это стремленіе отнюдь не составляетъ общаго правила, ибо окончательно все зависитъ отъ личной воли завѣщателя.

Такое же невыдержанное стремленіе замѣчается и въ порядкѣ распредѣленія московскихъ удѣловъ. Въ завѣщаніяхъ первыхъ московскихъ князей, Коломна постоянно дается старшему сыну, а Звенигородъ второму. Но Василій Васильевичъ отдалъ второму сыну Юрію Дмитровъ, принадлежавшій прежде четвертому сыну Донскаго, и Можайскъ, принадлежавшій третьему; Звенигородъ же Василій Васильевичъ отдалъ третьему сыну Андрею. Но Коломна постоянно остается удѣломъ старшаго.

Наконецъ, въ опредѣленіи размѣра участка каждаго сына мы видимъ уже совершенный произволъ. Обыкновенно князья раздавали цѣликомъ города съ уѣздами, отдѣльныя волости, села; но иногда волости для уравненія отписывались отъ одного удѣла къ другому. Иногда же городъ отдавался нѣсколькимъ сыновьямъ вмѣстѣ, съ предписаніемъ раздѣлить его поровну. Въ завѣщаніи Донскаго размѣръ областей соотвѣтствуетъ порядку старшинства; чѣмъ старше сынъ, тѣмъ больше удѣлъ. Но это

было личное распоряженіе завѣщателя. Въ духовной Владиміра Андреевича мы видимъ напротивъ, что средній сынъ получилъ меньше другихъ, и здѣсь предписывается, въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, остальнымъ раздѣлить его удѣлъ поровну. Вообще, за недостаткомъ другихъ распоряженій, послѣднее правило было кажется господствующимъ обычаемъ. Такъ Владиміръ Андреевичъ получилъ слѣдующую ему треть изъ владѣній княгини Ульяны.

Та же личная воля завѣщателя господствовала и въ опредѣленіи участка вдовы. Мы видимъ здѣсь различныя постановленія: то вдовѣ отдается въ пожизненное владѣніе, *на прожитокъ*, отдѣльный участокъ, то, какъ дѣлалось обыкновенно, ей назначалась въ пожизненное владѣніе часть изъ удѣла каждаго сына и кромѣ того давались нѣкоторыя владѣнія въ полную собственность, въ опричнину; то наконецъ она оставалась до смерти въ нераздѣльномъ владѣніи съ дѣтьми. Бездѣтная же вдова, или оставалась въ пожизненномъ владѣніи удѣла своего мужа, или получала его въ полную собственность, какъ напримѣръ вдова Семена Ивановича, или наконецъ получала извѣстный только участокъ. Всѣ эти разнообразныя постановленія встрѣчаются, какъ въ законахъ Русской Правды, такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ частныхъ лицъ. Русская Правда прямо выставляетъ главнымъ правиломъ: «Аже жена сядеть по мужи, то у своихъ дѣтей взять часть, а что на ню мужъ възложитъ, тъ тому госпожа есть, а задница (наслѣдство) ей мужня ненадобѣ». Но ежели въ наслѣдованіи княжескихъ женъ мы замѣчаемъ совершенное согласіе съ обычаями и постановленіями того времени, то въ наслѣдованіи дочерей мы такого согласія не видимъ. Устраненіе дочери отъ наслѣдства, когда есть сыновья, было исконнымъ правиломъ русскаго права. «Оже будетъ сестра въ дому; тъ то задница не надобѣ, но отдадять ю за мужь братья како си могуть». Но какъ въ Русской Правдѣ, такъ и въ Су-

дебникахъ (въ первой только относительно боярскаго наслѣдства, а въ послѣднихъ вообще) постановляется, что за недостаткомъ сыновей наслѣдуютъ дочери, а въ духовныхъ московскихъ князей мы этого не видимъ. Нельзя однако признать это за особенность наслѣдственнаго права въ княжескомъ родѣ, ибо изъ предыдущей исторіи мы знаемъ примѣръ княжны Ярославской, которая получила княжество по смерти отца. Мы здѣсь должны видѣть опять распоряженія, зависящія отъ личной воли завѣщателей. Заботясь о богатствѣ, силѣ и могуществѣ своего потомства, князья не желали, чтобы владѣнія ихъ могли переходить въ другой родъ; а это было бы неизбѣжно при наслѣдованіи дочерей, которыя, выходя замужъ, должны были переносить свои права на чужеродцевъ. Поэтому завѣщатели давали преимущество братьямъ передъ дочерьми. Послѣднія владѣли иногда удѣлами, но не иначе, какъ нераздѣльно съ матерью, до смерти послѣдней; иногда же онѣ получали небольшіе участки, какъ мы видѣли въ примѣрѣ дочери Ивана Калиты и въ распоряженіяхъ Ѳедора Борисовича Волоцкаго.

Эта заботливость князей о судьбѣ потомства ясно видна въ томъ, что они не ограничивались однимъ надѣленіемъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, но опредѣляли и дальнѣйшій порядокъ наслѣдованія, какъ это дѣлается на Западѣ въ субститутахъ и фидеикоммиссахъ. Изъ разнородности этихъ распоряженій видно однако, что это было дѣло чисто личное. Такъ Владиміръ Андреевичъ постановляетъ, что по смерти бездѣтнаго сына, вотчину его получаетъ въ пожизненное владѣніе жена послѣдняго «по сей моей грамотѣ, а поминаетъ нашу душу». Донской же, напротивъ, велѣлъ выморочный удѣлъ прямо дѣлить между остальными братьями, за исключеніемъ удѣла старшаго сына, который переходитъ къ слѣдующему брату. Далѣе, Владиміръ Андреевичъ велѣлъ сыновьямъ, послѣ смерти вдовы, дѣлить выморочный удѣлъ поровну; Донской же предоставилъ въ этомъ

случаѣ полную волю своей женѣ, то-есть и въ будущемъ замѣнилъ опредѣленный порядокъ наслѣдованія личными распоряженіями главы семейства. Исключеніе сдѣлано только для небольшаго удѣла меньшаго сына, которому предоставлено право распоряжаться имъ по произволу. Съ другой стороны мы видимъ однако, что наслѣдники не всегда слушались подобныхъ распоряженій, и вопреки завѣщаніямъ сильнѣйшій князь бралъ себѣ одному то, что́ слѣдовало бы раздѣлить между всѣми, какъ и сдѣлалъ Василій Васильевичъ съ удѣлами своихъ дядей.

Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ полнаго господства личной воли завѣщателя. Умирающій можетъ отдать свои владѣнія кому хочетъ: дѣтямъ, женѣ, братьямъ, даже мимо ближайшихъ наслѣдниковъ. Уже въ 1286 году Владиміръ Васильковичъ Волынскій отдалъ свой удѣлъ двоюродному брату Мстиславу, мимо старшихъ братьевъ послѣдняго[1]). Иванъ Борисовичъ Волоцкій отдалъ свой удѣлъ Ивану III мимо старшаго своего брата, Рязанскій удѣльный князь ему же мимо старшаго брата, Рязанскаго великаго князя. Братья Ивана III считали нарушеніемъ права то, что великій князь взялъ себѣ одному удѣлъ Юрія, который въ своемъ завѣщаніи не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій. Но когда Андрей Меньшой отдалъ свой удѣлъ великому князю по завѣщанію, тогда послѣдній могъ взять его себѣ безъ всякаго прекословія.

Въ одномъ только случаѣ мы видимъ, что завѣщатель не распоряжается своими владѣніями, какъ безусловно принадлежащимъ ему имуществомъ, а говоритъ неопредѣленно. Донской, какъ было уже сказано, завѣщалъ отчину свою, великое княжество, старшему сыну, наравнѣ съ прочимъ достояніемъ. Но Василій Дмитріевичъ, завѣщая остальныя владѣнія, какъ соб-

---

[1]) Собр. Государств. Грам. т. II, № 4, 5.

ственность, которою онъ имѣетъ полное право распоряжаться, говоритъ: «а дастъ Богъ сыну моему Великое Княженье, ино и язъ сына своего благословляю Князя Василья»[1]). Причина такого ограниченія права завѣщанія заключалась въ притязаніяхъ Юрія Дмитріевича на наслѣдованіе великаго княжества помимо племянника. Такое исключеніе изъ общаго, господствовавшаго въ то время порядка, условливалось тѣмъ, что съ обладаніемъ великимъ княжествомъ соединено было право родоваго старшинства, первенствующее положеніе въ обществѣ. Какое значеніе имѣло это старшинство, мы увидимъ въ послѣдствіи, когда станемъ говорить объ отношеніяхъ князей между собою; здѣсь же, говоря о наслѣдствѣ, мы должны сдѣлать различіе между простымъ наслѣдованіемъ владѣній и наслѣдованіемъ, съ которымъ соединяется понятіе о старшинствѣ.

Въ первые вѣка русской исторіи мы видимъ, что вообще братъ наслѣдуетъ послѣ брата, съ исключеніемъ сыновей последняго. Такъ старшіе сыновья Ярослава берутъ себѣ удѣлы умершихъ братьевъ, а племянникамъ не даютъ ничего. Однако уже въ то время, этотъ порядокъ наслѣдованія такъ мало былъ признаваемъ, что князья изгои не думали ему покориться. Они стали искать себѣ удѣловъ силою оружія и точно добились ихъ; на Любечскомъ съѣздѣ было постановлено: «кождо да держитъ отчину свою». Въ Русской Правдѣ и въ Судебникахъ прямо утверждается наслѣдственное право сыновей помимо братьевъ[2]). Въ настоящій періодъ мы видимъ то же са-

[1]) Въ предыдущихъ завѣщаніяхъ Василія Дмитріевича говорится гадательно о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, Нижнемъ и Муромѣ; но здѣсь причина заключается въ томъ, что эти пріобрѣтенія не были еще упрочены за великимъ княземъ.

[2]) Мы не можемъ согласиться съ большинствомъ нашихъ изслѣдователей, что въ Русской Правдѣ совершенно устраняются боковые родственники. Это постановляется только въ наслѣдованіи послѣ смерда, о боярахъ же и членахъ дружины прямо сказано, что ихъ наслѣдство

мое во всѣхъ духовныхъ завѣщаніяхъ князей. Но другое дѣло, когда съ извѣстнымъ владѣніемъ соединялось понятіе о старшинствѣ; здѣсь уже долженъ былъ наслѣдовать не сынъ послѣ отца, а старшій въ родѣ, то-есть, по древнимъ понятіямъ, слѣдующій братъ. Намъ нѣтъ нужды говорить о томъ, что это представленіе о старшинствѣ было сначала господствующимъ, а потомъ вступило въ борьбу съ новымъ понятіемъ о преимуществѣ племянника передъ дядею; все это слишкомъ хорошо обслѣдовано нашими историками. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе на счетъ соединенія понятія о старшинствѣ съ извѣстнымъ владѣніемъ. Пока историческое движеніе сосредоточивается въ югозападной Руси, старшій столъ, кіевскій, постоянно переходитъ по праву къ старшему въ родѣ. То же самое мы видимъ и при переходѣ исторіи на сѣверовостокъ: Владимірскій столъ также достается старшему (или тому, кто назначается старшимъ, какъ напримѣръ Юрій Всеволодовичъ помимо брата Константина). Но въ настоящій періодъ является другой обычай. Владимірское княжество слѣдуетъ еще старому порядку, но другіе главные столы — Москва, Тверь, Переяславль-Рязанскій отдаются уже въ общее владѣніе всѣмъ наслѣдникамъ, изъ которыхъ каждый получаетъ въ нихъ свой

князю не идетъ. Послѣ такого общаго выраженія никакъ нельзя принять, что если о боковыхъ родственникахъ не говорится, то значитъ, они не наслѣдовали. Русская Правда упоминаетъ только о немногихъ случаяхъ, именно о тѣхъ, гдѣ является какая-нибудь противоположность, напримѣръ въ наслѣдованіи послѣ смерда и послѣ члена дружины, или о случаяхъ сомнительныхъ и спорныхъ, какъ въ отношеніяхъ вдовъ къ дѣтямъ, или въ наслѣдованіи сводныхъ дѣтей. Подробное же опредѣленіе порядка наслѣдованія было излишне при господствѣ права завѣщанія. Прибавимъ къ этому, что тутъ же опека надъ малолѣтными дѣтьми предоставляется ближайшему родственнику, а гдѣ есть право опеки, и притомъ соединенное съ обладаніемъ находящагося подъ опекой имущества, тамъ не можетъ быть исключенія изъ наслѣдства.

участокъ. Мы не можемъ не видѣть въ этомъ явленіи разрушенія понятій о старшинствѣ; главное мѣсто дается уже не старшему, а всѣмъ вмѣстѣ. Старшій иногда получаетъ лишнее «на старѣйшій путь», но это вовсе не общее правило, и притомъ ничтожность этого излишка показываетъ намъ, какое значеніе придавалось старшинству. Во всякомъ случаѣ ясно, что государственныхъ понятій мы здѣсь предполагать не можемъ, ибо на старѣйшій путь даются конюхи, садовники, псари, медовый оброкъ и т. п. имущество, которое носитъ на себѣ совершенно частный характеръ. Притомъ же старшему могло придаваться что-нибудь во всякомъ семействѣ, удѣльному князю такъ же, какъ и великому. Владиміръ Андреевичъ дѣлаетъ на этотъ счетъ точно такія же распоряженія, какъ и Донской.

Замѣтимъ еще, что на Западѣ въ ленномъ правѣ переходъ къ старшему въ родѣ главнаго стола установился подъ вліяніемъ понятія о нераздѣльности лена. Старшій наслѣдникъ прежде всего бралъ главное мѣсто, которое во Франціи называлось le vol du chapon, потому что оно обнимало во всѣ стороны отъ дома или замка пространство, которое могъ пролетѣть пѣтухъ. Остальное дѣлилось между всѣми ближайшими наслѣдниками по мѣстнымъ обычаямъ, при чемъ младшіе, или ихъ потомки, оставались подчиненными старшему. Такого преобладанія наслѣдованія по завѣщанію надъ наслѣдованіемъ по закону, какое было у насъ, мы на Западѣ не видимъ. Напротивъ, относительно имуществъ родовыхъ, личная воля завѣщателя совершенно устранялась; наслѣдованіе непремѣнно должно было слѣдовать порядку, установленному постоянными обычаями, которые въ ленную эпоху развились подъ вліяніемъ мѣстныхъ союзовъ и были чрезвычайно разнообразны. Когда возникло государство, оно старалось эти мѣстныя права замѣнить правилами общими. Вооружившись постановленіями рим-

скаго права, оно боролось съ крѣпкими феодальными обычаями. Изъ этой борьбы, изъ взаимнаго воздѣйствія обоихъ началъ, образовалось тамъ право новаго времени. У насъ же мы ничего подобнаго не видимъ: мѣстныхъ обычаевъ нѣтъ; законныя постановленія скудны, и личная воля завѣщателя является на первомъ планѣ. Поэтому у насъ послѣдующая дѣятельность законодательства проявилась не въ борьбѣ съ окрѣпшими формами, а въ законномъ опредѣленіи того, что до тѣхъ поръ предоставлялось произволу. Мы видимъ здѣсь ту же черту, которую замѣчаемъ вездѣ, въ каждой области нашихъ древнихъ учрежденій — господство личной воли, неопредѣленность и шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній, и послѣдующее опредѣленіе ихъ государствомъ.

Личная воля завѣщателя явилась у насъ и проводникомъ государственныхъ стремленій. Познавши на опытѣ невозможность прочнаго могущества при раздѣленіи владѣній, московскіе князья стали усиливать одного наслѣдника на счетъ другихъ, что они могли безпрепятственно дѣлать вслѣдствіе права завѣщанія, предоставленнаго отцу семейства. Но эти новыя стремленія, какъ уже замѣчено, проявлялись подъ старыми формами. Иванъ III назначилъ себѣ преемникомъ сначала внука, потомъ сына, и побужденія, которыя онъ при этомъ высказывалъ, носятъ характеръ чисто семейный, а не государственный. Посламъ, отправленнымъ въ Литву, онъ поручилъ объяснить эту перемѣну такимъ образомъ: «который сынъ отцу служитъ и норовитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служитъ и не норовитъ, того за что жаловать?» Подобныя объясненія должны были дать послы и въ Крымѣ: «внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать?» Точно также, когда Псковичи прислали

просить, чтобы княземъ у нихъ былъ тотъ, кто будетъ княземъ и въ Москвѣ, Иванъ III разсердился, и отвѣчалъ: «Развѣ не воленъ я, князь великій, въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи? кому хочу, тому и дамъ княжество»[1]).

Чтобы вполнѣ постигнуть характеръ этихъ объясненій, достаточно сравнить ихъ съ тѣми побужденіями, которыя высказалъ Петръ Великій въ Правдѣ Воли Монаршей, когда онъ призналъ за царствующимъ государемъ право назначить себѣ преемника по своему изволенію. Иванъ III разсердился за то, что Псковичи выразили желаніе самое естественное и необходимое для существованія государства, за то, что земскіе люди, побуждаемые самою настоятельною потребностію, вздумали вмѣшиваться въ личныя его распоряженія; Петръ же счелъ нужнымъ передъ лицомъ народа оправдать измѣненіе въ обычномъ порядкѣ престолонаслѣдованія. Для этого онъ призвалъ на помощь и логику, и исторію, и государственныя потребности и наконецъ самое Священное Писаніе. Вотъ главный доводъ Правды Воли Монаршей:

«А еще когда разсудимъ, кое долженство на царехъ лежитъ, отъ самого Бога возложенное на нихъ, то не токмо и отъ того познаемъ, что не грѣхъ имъ по волѣ своей избирать себѣ наслѣдника, но и грѣхъ есть не избирать. Царей должность есть содержать подданныхъ своихъ въ безпечаліи и промышлять имъ всякое лучшее наставленіе, какъ къ благочестію, такъ и къ честному жительству; да будутъ же подданные въ безпечаліи, долженъ царь пещися, да будетъ истинное въ государствѣ правосудіе на охраненіе обидимыхъ отъ обидящихъ подданныхъ себѣ, такожъ и да будетъ крѣпкое и полезное воинство на защищеніе всего отечества отъ непріятелей. А чтобъ было и всякое лучшее наставленіе, долженъ

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи т. V, стр. 80, 81.

царь смотрѣть, чтобы были искусные учители, какъ духовные, такъ и гражданстіи, довольное число.

«А если о добрѣ общемъ народа себѣ подданнаго толико пещися долженъ самодержецъ, то како не долженъ есть прилѣжно смотрѣти, дабы по немъ наслѣдникъ былъ добрый, бодрый, искусный и таковый, который бы доброе отечества состояніе не токмо сохранилъ въ цѣлости, но и паче бы утвердилъ и укрѣпилъ и еслибы что недовершенное засталъ, тщился бы привести въ совершенство. Естьли же самъ добрѣ государство упрочивъ, оставитъ оное негодному, неискусному, а новому, и не утверждати, но развѣ разсыпати общее добро могущему, то что пользовало его попеченіе; не самъ ли виновенъ будетъ всему нестроенію и гибели, худымъ наслѣдникомъ сдѣланной; что пользуетъ, что самъ много добра отечеству промыслитъ, если самъ же черезъ наслѣдника непотребнаго все тое разрушитъ; воистину каковой похвалы достоинъ искусный кормчій, который добрѣ правивъ корабль, отлучаясь отъ корабля, посадитъ на кормилѣ вмѣсто себя человѣка отнюдь къ тому необученаго: таковой достоинъ и монархъ, который управленное отъ себя государство худому и разорительному дастъ наслѣднику».

Ясно, что въ словахъ Ивана III является отецъ семейства, вотчинникъ, для котораго народъ еще не существуетъ; здѣсь же, напротивъ, говоритъ государь, вполнѣ сознающій себя правителемъ общества, призваннымъ къ водворенію общаго благоденствія. Въ послѣдствіи, когда государство устроилось и укрѣпилось, признано было, что этой цѣли лучше содѣйствуетъ прочный порядокъ престолонаслѣдованія; но нельзя не замѣтить, какое высокое понятіе о значеніи и обязанностяхъ монарха выражается въ этихъ словахъ, которыя Петръ распубликовалъ для всенароднаго свѣдѣнія.

Итакъ первый выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ разбора духовныхъ грамотъ, заключается въ томъ, что наслѣдова-

ніе у московскихъ князей происходило по частному праву, причемъ, также какъ и въ наслѣдованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя.

Второй выводъ, который непосредственно слѣдуетъ изъ перваго, но который сверхъ того самъ по себѣ открывается изъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по частному праву, а не по государственному. Нигдѣ въ грамотахъ мы не видали ни малѣйшаго намека на такое различіе. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада, стоятъ рядомъ и передаются наслѣдникамъ совершенно на одинакомъ основаніи. Удѣлъ, которымъ владѣетъ князь, называется его *вотчиною*, также какъ имѣніе частныхъ лицъ [1]). Князь распоряжается имъ какъ своею собственностью: удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество.

Мы видѣли, что въ духовной Ивана Калиты вычисляются три главныхъ разряда имуществъ: города съ волостями, села, движимое, хотя и не дѣлается никакого различія въ сущности княжескаго права на то или другое. Города съ приписанными къ нимъ станами и волости составляли округи, въ которые входи-

[1]) Слово *отчина* всегда и вездѣ означаетъ наслѣдственное владѣніе, принадлежность земли отцу, вслѣдствіе которой на нее получаетъ право и сынъ. Такое наслѣдственное право на землю именно и лежитъ въ основаніи понятія о земельной собственности, почему всякая земельная собственность называется вотчиною (сравн. выраженіе terra paterna, terra aviatica). Въ доказательство достаточно сослаться на изслѣдованія г. Погодина (т. 4 стр. 373—9), гдѣ собрано много примѣровъ.

ли разнаго рода владѣнія: земли черныя княжескія, земли принадлежавшія боярамъ и другимъ слугамъ, наконецъ монастырскія и вообще церковныя. Эти округи назначались собственно для кормленія княжескихъ слугъ; они отдавались въ управленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Села же, которыя въ позднѣйшихъ памятникахъ называются *подклѣтными* и *дворцовыми*, доставляли все нужное для домашняго обихода князей; они управлялись хозяйственнымъ образомъ княжескими посельскими и прикащиками. Однако это различіе отнюдь не было твердымъ и постояннымъ; одинъ разрядъ имущества легко могъ переходить отъ одного назначенія къ другому, замѣняться одинъ другимъ. Мы видѣли уже, что слово: волость имѣло весьма неопредѣленный смыслъ. На древнемъ языкѣ оно означало удѣлъ, принадлежавшій какому-нибудь князю; волостями же назывались округи, управляемые волостелями, далѣе имѣнія частныхъ лицъ, отдѣльныя села и деревни, наконецъ просто доходы [1]). Такимъ образомъ волостью называлось всякое имѣніе, все, на что простиралась власть лица [2]). Поэтому мы въ числѣ волостей, приписанныхъ къ городу, видимъ города, слободы, слободки, села, деревни [3]); однимъ словомъ всякаго рода отдѣльныя владѣнія. Даже одно и то же владѣніе называлось попеременно то волостью, то селомъ [4]). Старая коломенская волость Гжеля отдана была въ опричнину великой княгинѣ Софьѣ вмѣстѣ съ московскимъ се-

---

[1]) См. выше въ духовной Калиты.

[2]) Ср. въ памятникахъ западныхъ законодательствъ слово potestates, которое принималось совершенно въ томъ же значеніи.

[3]) Такъ напримѣръ, въ духовной Дмитрія Ивановича въ числѣ коломенскихъ волостей исчисляются деревни: Лѣвичинъ, Скульневъ, Маковецъ, въ числѣ звенигородскихъ—Замошская слобода, Дмитріева слободка, Руза городокъ; въ числѣ отъѣздныхъ можайскихъ волостей — село Репинское, и село Ивана Васильевича въ Гремичахъ. Есть и много другихъ примѣровъ.

[4]) Такъ Андреевское и Кляповское въ Звенигородскомъ удѣлѣ названы селами въ № 25 и 34, и волостьми въ № 51 и 78.

ломъ Семцинскимъ. Князья Волоцкіе промѣняли Ивану III-му разныя села, полученныя ими въ наслѣдство отъ бабки, боярыни Марьи Ѳедоровны Голтяевой, и получили въ замѣнъ двѣ тверскія волости [1]). Черныя земли могли переходить въ помѣстныя и дворцовыя [2]), и на оборотъ, дворцовыя села отдавались въ помѣстья [3]), что при государственномъ порядкѣ превращало бы ихъ въ государственное имущество, ибо помѣстныя земли давались, какъ жалованье за службу. Однимъ словомъ мы видимъ вездѣ, что эти два разряда имѣній, различные по назначенію, легко переходятъ одинъ въ другой, потому что владѣніе тѣмъ и другимъ основано на одинаковомъ правѣ собственности. Оттого иногда села, не только удѣльныя, но и московскія исчисляются сряду въ числѣ волостей, которыя даются въ удѣлъ наслѣднику [4]), или же, какъ дѣлается обыкновенно, удѣльныя села ставятся въ числѣ прочихъ принадлежностей удѣла, какъ одно цѣлое, которое передается по одному праву, напримѣръ: «се даю сыну своему Дмитрію Коломну со всѣми волостми, съ тамгою и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью съ оброчники и съ пошлинами».

---

[1]) № 129.

[2]) Да въ Гуслицѣ дворцовое жь село Богородтцкое, что было прежъ сего въ помѣстныхъ и въ вотчинныхъ и въ черныхъ земляхъ, № 188.

[3]) Тамъ же.

[4]) Напримѣръ въ духовной Ивана Ивановича. «А что исъ тыхъ волостий (коломенскихъ) за Княгинею за Марьею, тѣ волости до ее живота и села: а по ее животѣ тѣ волости и села сыну моему князю Дмитрію; Городна, Мѣзыни, Пѣсочна, Середокоротна, Похряне, Усть-мерьска, Бравиевая, Гвоздна, селце Иванъ, деревни Маковець, Лѣвичинъ, Скульневъ, Каневъ, Кошира, Гжеля, Горѣтово, Горки, село на Сѣверцѣ, село Малино, село Холмы, село Константиновское, село Орининское, село Островьское, село Копотеньское, село Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское, село Илмовьское, село Новое, Мещерка у Коломны». Здѣсь подъ одной рубрикой исчисляются сначала коломенскія волости, потомъ коломенскія села (на Сѣверцѣ, Малино, Холмы), потомъ московскія села, и наконецъ коломенская волость Мещерка. О духовной Калиты мы уже говорили выше.

Но мы сказали, что собственность князя могла быть неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ. Дѣйствительно, въ княжеской вотчинѣ могли быть вотчины другихъ князей, бояръ, слугъ, монастырей. Изъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ мы видимъ, что князья обязываются не вступаться въ эти имѣнія; слѣдственно вотчинное ихъ право было здѣсь ограничено вотчинными правами другихъ лицъ. Въ то время не думали разбирать, кто здѣсь имѣлъ право собственности и кто право владѣнія или право на чужую вещь (jus in re aliena); наши предки были далеки отъ подобныхъ юридическихъ тонкостей. И тотъ и другой считались вотчинниками, а разрѣшалось дѣло практически: часть вотчинныхъ правъ принадлежала одному, а часть другому. Обыкновенно князь сохранялъ надъ частными вотчинами право суда и дани, право чисто поземельное, по извѣстному обычному выраженію: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ». Но судъ и дань могли точно также принадлежать и частному вотчиннику, въ полномъ составѣ или въ нѣкоторыхъ частяхъ, а съ другой стороны и князь могъ въ вотчинѣ частнаго лица сохранять право на извѣстныя повинности, которыя въ разныхъ случаяхъ могли быть болѣе или менѣе обширны. Здѣсь опять видно совершенное безразличіе государственнаго права и частнаго; вотчинное право князя и вотчинное право боярина или монастыря переходятъ одно въ другое, получая бóльшій или меньшій объемъ, смотря по мѣстнымъ и случайнымъ условіямъ. Точной границы между ними нѣтъ; ибо въ сущности здѣсь сталкиваются не два права съ разнороднымъ содержаніемъ, то есть государственное съ частнымъ, а два права съ одинакимъ содержаніемъ, то есть частное съ частнымъ [1]).

---

[1]) Привожу здѣсь только главные выводы, а для подробности доказательствъ ссылаюсь на статью: «Еще о Сельской Общинѣ».

Понятно однако, какая неопредѣленность и запутанность должна была произойти отъ столкновенія этого множества вотчинныхъ правъ. Прибавимъ къ этому чрезполосность земель, указывающую на тотъ же частный характеръ владѣній, который является во всемъ. Мы видѣли, что князья получали обыкновенно удѣлы въ разныхъ мѣстахъ. Москва оставалась въ общемъ владѣніи, но разсѣянныя по уѣзду села отдавались наслѣдникамъ въ раздѣлъ. За тѣмъ дѣлились старыя владѣнія и наконецъ новыя пріобрѣтенія въ разныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ земли одного князя пересѣкались и раздѣлялись землями другаго. Самый способъ пріобрѣтенія усиливалъ чрезполосность: князь покупалъ, получалъ въ наслѣдство, или пріобрѣталъ другимъ способомъ, гдѣ село, гдѣ волость, гдѣ городъ, гдѣ цѣлое княжество. Всѣ эти владѣнія могли такимъ образомъ находиться въ чужихъ предѣлахъ. Такъ княгиня Софья Витовтовна, накупивши въ разныхъ мѣстахъ села, которыми она владѣла какъ полная, верховная вотчинница, раздала ихъ сыну и внукамъ, которыхъ владѣнія зашли такимъ образомъ одно въ другое. Князь Иванъ Борисовичъ Волоцкій, завѣщая удѣлъ свой, Рузу, Ивану III, отдаетъ находящееся въ немъ село Рюховское брату Ѳедору Борисовичу, и великій князь, передавая Рузу сыну, исключаетъ село Рюховское, какъ принадлежащее другому. Самыя волости могли заходить одна въ другую, такъ что земли, приписанныя къ одной волости, находились въ предѣлахъ другой. Такъ изъ межевой грамоты 1504 г. [1]) мы видимъ, что среди земель московской волости Сурожика попадаются земли московской же волости Лучинскаго, а среди земель дмитровской волости Радомля зем-

[1]) № 140. Большую услугу Русской Исторіи оказалъ бы тотъ, кто на основаніи этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ и другихъ указаній, съ помощію изслѣдованій на мѣстахъ, составилъ бы карту московскихъ земель.

ли дмитровской же волости Берендѣевской; а между тѣмъ Сурожикъ и Лучинское находились иногда во владѣніи различныхъ князей. Мало того: случалось, что съ владѣній одного князя платились извѣстные доходы другому. Изъ духовной Донскаго мы видимъ, что Юрій Дмитріевичъ получилъ Галичъ съ селами, которыя тянули къ Костромѣ (вѣроятно, по обыкновенію судомъ и данью). Изъ договоровъ московскихъ князей мы узнаемъ, что въ удѣлахъ были владѣнія, которыя изстари тянули судомъ къ Москвѣ. То же самое явленіе встрѣчается и въ другихъ памятникахъ того времени: такъ у Новгорода были владѣнія, съ которыхъ дань и другіе доходы шли князьямъ литовскимъ; такія же совмѣстныя права были у князей литовскихъ съ тверскими[1]). Все это объясняется частнымъ способомъ пріобрѣтенія и владѣнія, который господствовалъ въ ту эпоху. Въ другихъ странахъ мы встрѣчаемъ то же самое; на Западѣ долго еще существовали, а отчасти и теперь существуютъ слѣды средневѣковаго феодальнаго порядка, который также основанъ былъ на частномъ правѣ. Мы знаемъ, что предлогомъ къ войнѣ 1792 г. между Германіей и Франціей было то, что Французская республика, во имя государственнаго начала, отобрала феодальныя владѣнія нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ, предоставивъ имъ соразмѣрное денежное вознагражденіе. Вездѣ однородныя основныя начала жизни вызываютъ аналогическія явленія.

Чрезполосность владѣній не могла однако же быть удобною для владѣльцевъ. Дѣйствительно мы видимъ, что князья отчасти стараются противодѣйствовать ей мѣрами предупрежденія[2]), отчасти стараются уничтожить ее, когда она уже явилась. Такъ Владиміръ Андреевичъ въ своей духовной грамотѣ

---

[1]) См. Соловьева Исторія Россіи т. IV стр. 162.

[2]) Это мы увидимъ ниже при разборѣ договорныхъ грамотъ.

вымѣнилъ у сына своего Ивана село, купленное послѣднимъ на землѣ, которая должна была достаться брату его Ярославу. Такъ Софья Витовтовна, завѣщая бо́льшую часть селъ своихъ внуку Юрію, даетъ великому князю право вымѣнить ихъ безъ обиды, если что ему понадобится; но великій князь въ своемъ завѣщаніи предоставляетъ сыну своему Ивану то же самое право только относительно коломенскихъ селъ Юрія Васильевича. Такъ, наконецъ, Волоцкіе князья вымѣнили у Ивана III разсѣянныя въ великомъ княжествѣ села на двѣ близкія къ ихъ удѣлу волости. Въ межевыхъ грамотахъ, писанныхъ по приказанію Ивана III, мы также видимъ желаніе точнѣе и лучше опредѣлить границы удѣловъ. Но все это были мѣры частныя; обыкновенно же владѣнія переходили изъ рукъ въ руки, со всѣмъ тѣмъ, что къ нимъ изстари потягло, и чрезполосность продолжала существовать. Такимъ образомъ владѣнія московскихъ князей представляли землю, на которой лежало множество вотчинныхъ правъ, и права эти перекрещивались и перепутывались между собою самымъ безпорядочнымъ образомъ. Иначе и быть не можетъ, когда въ обществѣ господствуетъ одно частное право.

Оно же было причиною и крайняго измельчанія княжескихъ удѣловъ. Первые князья Рюриковичи, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ, владѣли весьма обширнымъ пространствомъ земли. Но умноженіе ихъ потомства, при частномъ способѣ наслѣдованія, произвело чрезвычайную дробность владѣній. Мы видѣли, что удѣлъ Ивана Калиты былъ гораздо менѣе нынѣшней Московской губерніи. Этотъ небольшой клочекъ былъ раздѣленъ на три части, изъ которыхъ Коломенско-Можайскій удѣлъ снова раздѣлился на двѣ, а Серпуховской, несмотря на свою ничтожность, даже на пять. Благопріятныя обстоятельства и усиленіе московскихъ князей на счетъ другихъ не допустили дальнѣйшаго дробленія; къ тому же самая воз-

можность усилиться лежала въ томъ же чрезмѣрномъ измельчаніи сосѣднихъ владѣній. Мы не должны забывать, что, разбирая памятники, мы имѣемъ передъ глазами только князей болѣе видныхъ, и что рядомъ съ ними существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которыхъ исторія даже не знаетъ и которыхъ имена сохранились только въ родословныхъ. Вслѣдствіе частнаго порядка въ наслѣдованіи удѣловъ явились наконецъ князья, которые владѣли однимъ только городомъ, волостью или даже селомъ, а между тѣмъ они были такіе же верховные владѣльцы своихъ земель, какъ и князья московскіе. Немудрено, что при такомъ ничтожествѣ они совершенно исчезли съ историческаго поприща и скоро поглощены были болѣе могущественными сосѣдями. Такимъ образомъ частный способъ наслѣдованія разрушилъ самъ себя, уничтожая въ окончательныхъ своихъ результатахъ всякую самостоятельность наслѣдниковъ. Крайнее измельчаніе владѣній дало возможность усилиться тѣмъ изъ князей, которымъ обстоятельства болѣе или менѣе благопріятствовали; оно же показало князьямъ необходимость, во что бы ни стало, увеличить свое могущество, чтобы оставить дѣтямъ какую-нибудь независимость; оно же, ноконецъ, повело къ установленію новаго порядка наслѣдованія, когда всѣ другія средства оказались недостаточными для уничтоженія зла.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Мы перебрали всѣ духовныя грамоты древнихъ нашихъ князей; мы видѣли, что князья вездѣ распоряжаются удѣлами, какъ своею собственностью, дѣлятъ ихъ между наслѣдниками по частному праву. О землѣ, какъ объ общественной единицѣ, о народѣ, нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распредѣляются по нимъ, какъ правители, исполняющіе извѣстную общественную должность. Изъ этого ясно, что понятіе о землѣ, въ противоположность государству, которое нѣкоторые изъ

нашихъ изслѣдователей приписываютъ древней Руси, составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ представленій, которыя не выдерживаютъ повѣрки съ фактами. Князья собрали во едино разрозненныя славянскія племена, князья по частному праву наслѣдованія раздробили это пріобрѣтенное ими достояніе, князья же въ послѣдствіи соединили въ одно тѣло разрозненныя части. Тогда явилось и понятіе о государѣ и землѣ: государь былъ верховный правитель, а земля составляла его государство. Въ первыя же времена самое слово: Русская земля, означавшее владѣнія пришлаго племени Руссовъ, употреблялось обыкновенно въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Сначала, при первомъ призваніи князей, оно означало область Новгородскую, потомъ, съ переходомъ дружины на югъ, этимъ именемъ стала называться земля Кіевская, такъ что Русская земля противополагалась землѣ Смоленской, Суздальской, Новгородской. Общее единство этихъ областей поддерживалось еще сознаніемъ о единствѣ княжескаго рода, безпрестанными переходами князей, которые смотрѣли на землю, какъ на общее свое достояніе, и охотно мѣнялись волостями. Но какъ скоро князья сдѣлались осѣдлыми, какъ скоро линіи разошлись и разрушилось внутреннее единство рода, такъ уничтожилось и единство земли. Нравы, обычаи, вѣрованія могли остаться болѣе или менѣе сходными, какъ и теперь есть такое сходство, напримѣръ въ раздробленной Италіи; но каждая вотчина составляла отдѣльное общественное тѣло, съ отдѣльнымъ своимъ владѣльцемъ, который часто находился съ другими въ отношеніяхъ враждебныхъ, или соединялся съ ними связью родственною, то-есть личною, частною, а отнюдь не принадлежностью къ единому отечеству и народу. Однимъ словомъ, государственныя перегородки не строились надъ землею, но самая земля соединялась князьями и раздѣлялась между ними, какъ частное имѣніе, при чемъ о народѣ не было и рѣчи.

Скажемъ еще въ заключеніе, что несмотря на мнѣніе, выраженное г. Соловьевымъ[1]), мы все таки думаемъ, что вотчинныя права князей коренились въ завоеваніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первый періодъ, рядомъ съ вотчиннымъ началомъ, мы видимъ и начало общинное, договорное, которое иногда стѣсняло и нарушало первое, хотя надобно замѣтить, что въ продолженіе около полутора вѣка послѣ завоеванія, общины не играютъ никакой роли въ южной Россіи; поэтому усиленіе ихъ должно приписать ослабленію власти княжеской, вслѣдствіе безпрерывныхъ междоусобій. Нѣтъ сомнѣнія также, что сначала вотчинныя права, по причинѣ неосѣдлости князей, не могли получить полнаго развитія, что родственные интересы въ первое время брали верхъ надъ имущественными, что понятіе объ общей родовой собственности преобладало надъ понятіемъ объ отдѣльной собственности каждаго члена княжескаго рода. Но очевидно также, что съ самыхъ первыхъ временъ князья дѣлятъ по наслѣдству пріобрѣтенную ими землю, какъ свою собственность, на томъ же основаніи, какъ они дѣлаютъ это въ послѣдствіи. Каковъ былъ способъ надѣла, каково было отношеніе отдѣльнаго владѣнія къ владѣнію родовому — это вопросы второстепенные; главное то, что земля дѣлится по частному праву, какъ собственность князей. А если это дѣлается съ первыхъ временъ, то мы не можемъ не видѣть основанія такому взгляду на общественный бытъ въ первоначальномъ завоеваніи.

Таковы главные наши выводы относительно наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь обратимся къ отношеніемъ князей владѣльцевъ между собою.

Духовныя грамоты князей не ограничиваются однимъ раздѣломъ наслѣдства умирающаго; онѣ опредѣляютъ и отноше-

---

[1]) См. статью: «Споръ о селькой общинѣ».

нія наслѣдниковъ. Уже самое это обстоятельство показыетъ намъ, что мы не можемъ искать здѣсь отношеній государственныхъ. Въ государствѣ права и значеніе верховной власти опредѣляются постоянными законами, которые, какъ важнѣйшіе, носятъ названіе основныхъ, а не княжескими завѣщаніями, содержащими въ себѣ распоряженія объ имуществѣ всякаго рода. Такимъ образомъ самая форма памятниковъ указываетъ намъ на ихъ содержаніе, и это замѣчаніе вполнѣ оправдывается характеромъ тѣхъ отношеній, которыя установляются духовными грамотами.

Мы видѣли уже выше, что въ первомъ завѣщаніи Калиты между распоряженіями о серебряномъ блюдѣ и о стадахъ вставлена статья:

«А приказываю тобѣ сыну моему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ.»

Во второмъ его завѣщаніи объ этомъ нѣтъ ни слова; такъ случайны были эти распоряженія. Ничего нѣтъ и въ обѣихъ духовныхъ грамотахъ Ивана Ивановича, вѣроятно, потому что онъ оставилъ сыновей малолѣтныхъ. Но въ духовной Семена Ивановича мы находимъ распоряженія характеристическія. Вотъ они:

«А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако жъ и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ, а лихихъ бы есте людей не слушали, и хто иметъ васъ сваживати, *слушали бо есте* отца нашего владыки Олексѣя, тако же старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла*».

Спрашивается: есть ли здѣсь хоть малѣйшій намекъ на государственныя отношенія, или это увѣщанія чисто семейныя? Послѣдній характеръ до такой степени очевиденъ, что нечего на этомъ останавливаться.

Сблизимъ теперь съ этими словами тѣ наставленія, которыя послѣдній русскій единодержавецъ, Ярославъ Владиміровичъ, далъ своимъ сыновьямъ, раздѣляя между ними свои владѣнія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ:

«И еще бо живущю ему наряди сыны своя, рекъ имъ: се язъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да еще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покорить вы противныя надъ вы, и будете мирно живуще, аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. Но пребывайте мирно, *послушающе братъ брата.* Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, яко же послушаете мене, да то вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ. И тако раздѣли имъ грады; заповѣда въ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: аще хто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидять. И тако уряди сыны своя пребывати въ любви.»

Очевидно, что наставленія Ярослава носятъ тотъ же характеръ, какъ и наставленія Семена Ивановича — характеръ чисто семейный. Это увѣщаніе о томъ, чтобы братья пребывали въ мирѣ, любви и согласіи; то же самое, что дѣлаетъ и частный человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ. Какъ Семенъ говоритъ братьямъ, чтобъ они слушали старыхъ бояръ и митрополита, такъ и Ярославъ говоритъ дѣтямъ, чтобъ они слушали другъ друга и въ особенности брата старшаго, который заступитъ имъ мѣсто отца. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣкоторые видятъ государственное подчиненіе младшихъ старшему. На это лучшимъ отвѣтомъ будетъ завѣщаніе Донскаго, которое также служитъ любопытнымъ предметомъ для сближеній.

Вотъ что мы читаемъ въ самомъ началѣ духовной Дмитрія Ивановича: «Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ, а

вы дѣти мои живите заодинъ *и матери своее слушайте во всемъ, изъ ее воли не выступайтеся ни въ чемъ*». Далѣе дается ей право раздѣлять между остающимися въ живыхъ сыновьями удѣлъ умершаго ихъ брата, надѣлить сына, который можетъ родиться послѣ смерти отца, и взять для этого часть владѣнія у остальныхъ, наконецъ прибавлять такимъ же образомъ удѣла тому изъ сыновей, у котораго часть земли отойдетъ по какому-нибудь случаю; при этомъ нѣсколько разъ подтверждается: «а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть». Въ концѣ завѣщанія опять подтверждается, чтобы дѣти изъ воли матери не выступали ни въ чемъ, и прибавляется: «А который сынъ мой не иметъ слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья». За тѣмъ уже говорится о почтеніи, которое младшіе должны оказывать старшему: «А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшего, князя Василья, въ мое мѣсто своего отця: а сынъ мой князь Василей держытъ своего брата князя Юрья и свою братью молодшую въ братствѣ безъ обиды».

Мы видимъ здѣсь, что увѣщаніе чтить и слушать старшаго брата стоитъ на второмъ планѣ; прежде всего самъ старшій вмѣстѣ съ остальными братьями подчиненъ матери, которой дается и право дѣлить и передѣлять владѣнія сыновей, — великаго князя такъ же, какъ и остальныхъ. Въ государствѣ такое право можетъ принадлежать только верховной власти; а между тѣмъ никому еще, сколько намъ извѣстно, не приходило въ голову говорить, что послѣ смерти Дмитрія Донскаго государыней стала великая княгиня Евдокія Дмитріевна!

Прибавимъ, что такое подчиненіе дѣтей матери не есть одинокое явленіе въ тогдашней жизни. То же самое мы видимъ и въ другихъ завѣщаніяхъ, Василій Дмитріевичъ пишетъ въ своей духовной: «Приказываю своего сына князя Василья своей

княгинѣ, а ты сынъ мой, *чти матерь свою и слушай своее матери въ мое мѣсто своего отца*». То же говоритъ Василій Васильевичъ: «А вы дѣти мои живите за одинъ и матери своей слушайте во всемъ въ *мое мѣсто своего отца*... а изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ, а который сынъ не будетъ слушаться матери, на томъ не будетъ моего благословенья». За тѣмъ, такъ же какъ у Донскаго, слѣдуетъ увѣщаніе младшимъ чтить и слушать старшаго брата. Такъ же, какъ Донской, Василій Васильевичъ предоставилъ вдовѣ своей право — тому изъ сыновей, у кого убудетъ вотчины, пополнить изъ удѣловъ остальныхъ, «а дѣти мои изъ ея воли не вымутся». Такія же наставленія мы встрѣчаемъ наконецъ и въ завѣщаніяхъ удѣльныхъ князей. Владиміръ Андреевичъ точно такъ же приказываетъ дѣтямъ своимъ жить за одинъ, чтить и слушать свою мать; княгиня дѣлается посредницею въ ихъ спорахъ, если бояре ихъ не въ состояніи будутъ уладить дѣла, причемъ великому князю поручается доправить искъ на томъ, кого обвинитъ княгиня. Относительно подчиненія младшихъ старшему брату въ духовной Владиміра Андреевича нѣтъ ни слова, хотя онъ старшему далъ лишнее въ Москвѣ на старѣйшій путь. Въ завѣщаніи же Юрія Дмитріевича нѣтъ даже и послѣдняго, а просто предписывается дѣтямъ жить за одинъ «по моему благословенью».

Иванъ III, какъ мы видѣли, имѣлъ цѣлью усилить старшаго сына на счетъ младшихъ. Потому, сохраняя обычныя выраженія, онъ счелъ нужнымъ подтвердить въ своей духовной грамотѣ приказаніе о почтеніи и послушаніи сильнѣйшими выраженіями:

«А который сынъ мой не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подыскивать великихъ княжествъ или подъ его дѣтьми, или учнетъ отъ него отступати или учнетъ ссылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнетъ кого на

него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися, ино не буди на немъ милости Божьей и Пречистой Богоматери и Святыхъ Чудотворецъ молитвъ и родителей нашихъ и нашего благословенья и въ сей вѣкъ и въ будущій».

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть желанія упрочить власть старшаго сына, но все же удѣльный князь связывался только отцовскимъ увѣщаніемъ. Единственнымъ обезпеченіемъ исполненія была нравственно-религіозная угроза, а какъ мало это дѣйствовало въ то время, видно изъ отношеній Василія Ивановича къ братьямъ. Самъ Иванъ III считалъ свое увѣщаніе недостаточнымъ и велѣлъ Василію заключить съ братомъ Юріемъ письменный договоръ, которымъ опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія. Но и договоры нарушались безпрестанно.

Еще сильнѣе выразился въ своей духовной Иванъ IV:

«И ты бъ Өедоръ сынъ, сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшейму, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ во всемъ, такъ какъ мнѣ и себѣ, и во всемъ въ воли его буди до крови и до смерти, ни въ чемъ ему не прекослови; а хотя будетъ на тебя Ивановъ сыновенъ гнѣвъ, или обида въ чемъ-нибудь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшему, непрекословенъ былъ, и рати никакой не вчинялъ, и собою ничѣмъ не боронился, а ему еси билъ челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ гнѣвъ свой сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ, по моему приказу; а чемъ будетъ твоя вина, и ты бъ ему добилъ челомъ, какъ ему любо — и послушаетъ челобитья, ино добро, а не послушаетъ, и ты бъ собою не оборонялся жъ, со всемъ бы еси печаль на радость преложа положилъ на Бога; занеже всякимъ неправдамъ местникъ есть Богъ.»

Иванъ IV не довольствовался уже нравственною угрозою, а прибавилъ:

«А учнешь ты, сынъ мой Өедоръ, подъ сыномъ подъ Иваномъ государствъ его подыскивать, или учнешь съ кѣмъ-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или учнешь на него кого подымати, или учнешь съ кѣмъ на него одиначитися, ино по евангельскому словеси, Өедоръ сынъ, аще кто не чтитъ отца или матерь, смертью да умретъ».

Кромѣ старшаго сына и матери, великіе князья приказывали дѣтей своихъ и другимъ князьямъ. Такъ Василій Дмитріевичъ поручилъ въ своемъ завѣщаніи жену и дѣтей тестю Витовту «какъ ми рекъ, на Бозѣ, да на немъ, какъ ся иметъ печаловати», и младшимъ братьямъ, роднымъ и двоюроднымъ. Владиміръ Андреевичъ приказалъ жену и дѣтей великому князю, Василій Васильевичъ — Казиміру Литовскому. Подобныя же условія встрѣчаются и въ договорахъ Московскихъ князей съ Тверскими. Все это опять чисто семейныя распоряженія; но въ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 года видно уже большее подчиненіе удѣльнаго князя великому. Онъ пишетъ: «Приказываю своему *господину* и *господарю* и брату старѣйшему великому князю Ивану Васильевичу и сыну его господину великому князю Ивану Ивановичу, *какъ имъ Богъ положитъ на сердце, жаловати и печаловатися* моимъ сыномъ Федоромъ и моею княгинею и моими дѣтьми».

Итакъ до позднѣйшаго времени въ духовныхъ грамотахъ установляются между наслѣдниками отношенія чисто семейныя, родственныя. О подданствѣ, о государственномъ подчиненіи нѣтъ и помину; все ограничивается увѣщаніями, чтобы дѣти жили въ любви, въ согласіи, слушались бы матери и старшаго брата, а въ духовной Семена Ивановича, чтобы слушались митрополита и старыхъ бояръ. Послѣднее находится также въ завѣщаніи Донскаго, напечатанномъ въ Никоновскомъ Сборникѣ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій ясно, какого рода юридическія воззрѣнія господствовали въ то время: родственныя отношенія входятъ въ составъ права частнаго или гражданскаго; слѣдственно мы здѣсь находимъ тѣ же самыя начала, которыя мы видѣли выше въ наслѣдственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ князей.

Остановимся на этомъ выводѣ и скажемъ по этому поводу нѣсколько словъ о родовыхъ отношеніяхъ, которыя, какъ из-

вѣстно, по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей составляютъ главный отличительный признакъ историческаго развитія древней Россіи. Для нашей цѣли эти объясненія необходимы, ибо въ этомъ отношеніи мы нѣсколько уклоняемся отъ мнѣнія заслуженныхъ ученыхъ, которыхъ мы считаемъ своими учителями по русской исторіи. Намъ кажется, что родовымъ отношеніямъ придано уже слишкомъ много значенія въ средневѣковой Руси. Такъ всегда бываетъ при разработкѣ новыхъ сторонъ жизни: историки устремляютъ на нихъ главное свое вниманіе и вслѣдствіе этого обыкновенно даютъ имъ слишкомъ видное мѣсто. Нельзя не согласиться, что въ древнѣйшую эпоху мы видимъ исключительное господство кровныхъ союзовъ; на это указываютъ всѣ тѣ скудныя извѣстія лѣтописца, которыя относятся къ тому времени, и всякая попытка опровергнуть эти свидѣтельства не можетъ не быть безуспѣшною. Но съ появленіемъ дружины, съ развитіемъ новыхъ жизненныхъ элементовъ, старинная кровная связь разрушается, и въ средніе вѣка родовыя отношенія, по нашему мнѣнію, далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ придаютъ наши изслѣдователи.

Прежде всего мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что родовыя отношенія составляютъ особенность историческаго развитія нашего отечества. Первоначально и Германцы и Славяне жили подъ формами родоваго быта; въ этомъ состояніи застаетъ ихъ исторія. Въ послѣдствіи у тѣхъ и у другихъ эти формы распались подъ вліяніемъ новыхъ началъ; но въ областяхъ, занятыхъ Германцами, такъ же какъ у насъ, родъ остался, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гражданскаго общества. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ явленій средневѣковой жизни на Западѣ. Возьмемъ прежде всего наслѣдство и посмотримъ, какъ оно установлялось въ правѣ западно-европейскихъ народовъ. «Человѣкъ,

который пріобрѣлъ ленное владѣніе для себя и для своихъ наслѣдниковъ», говоритъ Ибелинъ въ Assises de Jerusalem, можетъ отчасти распоряжаться имъ по усмотрѣнію; но если ленъ достался ему по наслѣдству, то владѣлецъ не имѣетъ уже права распоряженія; онъ можетъ оставить имѣніе только ближайшему наслѣднику, ибо всѣ прочіе наслѣдники перваго пріобрѣтателя *равны* настоящему владѣльцу въ томъ, что ленъ достался по наслѣдству всѣмъ вмѣстѣ, и все различіе заключается въ томъ, что прямой наслѣдникъ держитъ его только *прежде другихъ*»[1]). Здѣсь ясенъ характеръ родоваго владѣнія. На этомъ основано было и право выкупа родовыхъ имуществъ, которое существовало на Западѣ также, какъ и въ Россіи[2]). Можно сказать даже, что устраненіе наслѣдованія по завѣщанію въ родовыхъ имуществахъ показываетъ бо́льшую крѣпость родоваго начала на Западѣ, нежели у насъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Извѣстно, что каждый феодальный владѣлецъ имѣлъ право вести частныя войны. Но въ такой войнѣ принимали участіе не только обиженный и обидчикъ, а цѣлый родъ того и другаго, такъ что нерѣдко одна сторона нападала на такихъ родственниковъ другой, которые не только не были участниками въ нанесенной обидѣ, но ничего о ней и не знали. Этотъ родовой характеръ войны повелъ ко многимъ юридическимъ постановленіямъ. Такъ, напримѣръ, не могли принимать въ ней участія родственники, которые

---

[1]) Warnkönig, Französische Staats-und Rechtsgeschichte. T II. стр. 449.

[2]) Г. Неволинъ въ своей «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ» отрицаетъ происхожденіе права выкупа изъ родоваго владѣнія на томъ основаніи, что Эйхгорнъ и Миттермайеръ не признаютъ его въ германскомъ правѣ. Но новѣйшіе изслѣдователи все болѣе и болѣе убѣждаются въ существованіи у Германцевъ родоваго элемента, и самъ г. Неволинъ, отвергая это объясненіе, останавливается на другомъ, весьма близко къ нему подходящемъ.

стояли такъ же близко къ одному противнику, какъ и къ другому. Поэтому родные братья не могли воевать между собою; ибо всякій родственникъ былъ на одинакой степени близокъ къ обоимъ. Но сводные братья могли вести войну другъ съ другомъ, ибо у каждаго былъ свой родъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай постановлялъ даже, что война должна быть ведена со всѣми родственниками до седьмаго колѣна, ибо заэтимъ предѣломъ допускался уже бракъ, слѣдственно начинался новый родъ. Такимъ образомъ, при существованіи родоваго союза, новое право частныхъ войнъ возстановило древнее право родовой мести. Это совершилось подъ вліяніемъ осѣдлости, подъ вліяніемъ мѣстнаго элемента, который всѣмъ средневѣковымъ союзамъ на Западѣ придалъ особенную крѣпость. Онъ же опредѣлилъ и единство рода, и возстановилъ въ немъ старшинство. Весь родъ получилъ одно имя отъ названія главнаго помѣстья. Послѣднее, какъ мы уже сказали, переходило всегда къ старшему въ родѣ. Младшіе либо прямо дѣлались его вассалами, либо получали участокъ (paragium) независимо отъ старшаго, и только потомство ихъ становилось подчиненнымъ старшей линіи. Какимъ образомъ при этомъ опредѣлялось старшинство, по праву ли первородства или по физическому старшинству — это не измѣняетъ сущности родоваго начала, ибо единство рода можетъ сохраняться точно также при старшинствѣ одной линіи, какъ и при старшинствѣ, переходящемъ отъ старшаго колѣна къ младшему. Мы знаемъ даже, что глава рода могъ быть и выборнымъ. Все это видоизмѣненія, которыя опредѣляютъ мѣстный, временный, народный характеръ родовыхъ правъ и обязанностей, но не уничтожаютъ ихъ сущности. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи мы видимъ на Западѣ явленія сходныя съ нашими. У насъ осиротѣвшій князь исключался изъ наслѣдства, становился *изгоемъ;* въ германскихъ обычаяхъ точно также искони не признавалось въ наслѣдствѣ

право представительства, такъ что младшій дядя исключалъ старшаго племянника. Только мало по малу, въ одномъ мѣстѣ ранѣе, въ другомъ позднѣе, это древнее право уступило новому порядку наслѣдованія. Въ Германіи при императорѣ Оттонѣ I вопросъ о томъ: могутъ ли внуки наслѣдовать, когда есть дѣти, былъ рѣшенъ судебнымъ поединкомъ въ пользу внуковъ. Но въ другихъ мѣстахъ старое право продолжало существовать. Извѣстенъ въ XIV-мъ вѣкѣ процессъ графа Роберта д'Артуа съ теткой его Матильдой, процессъ, который подалъ поводъ къ вѣковымъ войнамъ между Франціей и Англіей: графство получила Матильда, потому что по обычаямъ Артуа право представительства не допускалось. Мало того: мы на Западѣ видимъ и наслѣдованіе брата послѣ брата, съ исключеніемъ дѣтей послѣдняго, и борьбу дядей съ племянниками. Такъ Карлъ Великій наслѣдовалъ послѣ брата Карломана, несмотря на то, что у послѣдняго оставались дѣти, и это не считалось нарушеніемъ закона. Тотъ же Карлъ Великій при раздѣленіи государства между дѣтьми, въ 806 году, установилъ, чтобы наслѣдовали имъ сыновья, но не иначе какъ по выбору народа и съ согласія дядей. Это правило оставалось и въ послѣдствіи, причемъ въ договорѣ 847 года прибавлено: «если однако племянники захотятъ быть послушными дядямъ». Извѣстны отношенія Людовика Благочестиваго къ племяннику Бернарду Ломбардскому; другой подобный примѣръ мы находимъ въ борьбѣ Іоанна Безземельнаго съ племянникомъ Артуромъ. Между потомками Карла Великаго происходили безпрестанные споры за наслѣдованіе послѣ родственниковъ и за старшинство, которое соединялось съ императорскою короной. Но особенно любопытны для насъ, по сходству съ предметомъ нашихъ изслѣдованій, духовныя и договорныя грамоты нѣмецкихъ князей XIV-го и XV-го вѣковъ. Въ нихъ, съ цѣлью уничтожить безконечное дробленіе владѣній, кото-

рое совершенно ослабляло князей, постановлялись разныя правила для наслѣдованія и управленія: то всѣ наслѣдники владѣли и управляли собща, то старшій братъ управлялъ во имя всѣхъ, то установлялось право майоратства, то наконецъ учреждался сеніоратъ, то-есть наслѣдованіе физически старшаго [1]).

Такимъ образомъ мы не въ правѣ признавать родовыя отношенія за особенность исторіи славянскихъ племенъ. Можно бы еще сказать, что у насъ родовой союзъ, вслѣдствіе нравственнаго сознанія родственнаго единства, имѣлъ болѣе крѣпости, нежели въ другихъ странахъ; но и этой особенной крѣпости мы не видимъ. Если она первоначально существовала въ большей степени, нежели у другихъ современныхъ народовъ, то съ измѣненіемъ быта, въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ здѣсь ту же шаткость, какая господствовала во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, ту же шаткость, какая была и на Западѣ прежде нежели утвердились феодальные союзы, основанные на постоянной осѣдлости и на наслѣдственности отношеній. Тамъ новыя начала гражданскаго общества и завѣщанный Римлянами юридическій тактъ, скрѣпили и упрочили прежніе кровные элементы; у насъ же гражданственность была гораздо менѣе развита, и родовыя отношенія, предоставленныя естественному ходу, сталкиваясь съ другими элементами, представляютъ удивительную неопредѣленность. Только подъ вліяніемъ возникшаго государства, въ мѣстническихъ счетахъ, они получили болѣе правомѣрный характеръ; прежде же того, сознаніе родства и соблюденіе родственныхъ правъ и обязанностей было до крайности шатко. Главный родъ, который у насъ въ продолженіи исторіи всегда остается на виду, есть родъ, княже-

---

[1]) Объ этомъ см. Эйхгорна: Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte, изданіе 5-е, §§ 413 и 429.

скій. Но какое зрѣлище представляетъ онъ намъ? Замѣчаемъ ли мы въ немъ крѣпость родственнаго союза? Напротивъ, исторія его открывается нѣсколькими братоубійствами, за которыми слѣдуетъ безпрерывный рядъ междоусобій. Если въ родѣ установляется иногда что-то похожее на единство, то это дѣлается благодаря сильному князю, который личнымъ своимъ могуществомъ умѣетъ сдержать остальныхъ. Много толкуютъ князья о родственной любви, о родственныхъ отношеніяхъ; но этимъ выражается только желаніе, надежда на братское согласіе, которое въ дѣйствительности не существуетъ. У каждаго князя на первомъ планѣ стоитъ личный его интересъ; достаточно припомнить Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Владимірка Галицкаго и другихъ. И чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ сознаніе родственнаго союза. Поэтому и отношенія князей опредѣляются не столько правилами родства, сколько добровольнымъ, большею частію временнымъ ихъ согласіемъ, договорами. Договорное начало, то-есть элементъ личности, свободной воли, едва ли не занимаетъ бо̀льшаго мѣста даже внутри одного княжескаго рода, нежели отношенія родовыя. Такія соглашенія князей мы видимъ съ самаго начала удѣльнаго періода; отъ позднѣйшаго времени, отъ московскаго періода, до насъ дошли и подлинные памятники. Къ нимъ-то мы теперь обращаемся.

Прежде всего остановимся на формѣ. Что такое договоръ? Это юридическое отношеніе между двумя лицами, выражающими свою свободную волю относительно какого-нибудь взаимнаго обязательства. Отсюда ясно, что договоромъ могутъ опредѣляться только такія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. Договоры могутъ быть между различными государствами, между гражданами одного и того же государства, между казною и частными лицами, ибо даже въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона имѣетъ свое

отдѣльное, независимое отъ другаго имущество. Но сынъ не можетъ опредѣлить договоромъ своихъ сыновнихъ отношеній къ отцу, ибо въ такомъ случаѣ отношенія его станутъ уже не сыновними, а договорными; они будутъ имѣть корень не въ родственномъ союзѣ, а въ свободной волѣ лица. Точно также и рабъ не можетъ вступать въ обязательства съ своимъ господиномъ; договоръ можетъ между ними существовать или когда рабъ еще свободенъ, или когда онъ перестаетъ быть рабомъ. Наконецъ и отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами. Каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ, которые опредѣляютъ его положеніе, какъ подданнаго или гражданина. Договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь — не государь, а удѣльные — не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства.

Взглянемъ на существо этихъ обязательствъ.

Во всѣхъ почти договорныхъ грамотахъ подтверждаются тѣ родственныя отношенія, которыя установлялись въ духовныхъ: но выраженія бываютъ различны. Иногда говорится: «быти намъ за одинъ до живота. Брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцово мѣста, а брату нашему насъ имѣти въ братствѣ (и въ чести) безъ обиды»[1]. Иногда сыновнія отношенія усиливаются: «имѣти вамъ мене собѣ отцемъ, а мнѣ велико-

[1]) № 23, 37.

му князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти безъ обиды» [1]. Но часто вовсе не говорится о сыновнихъ отношеніяхъ, а только о братскихъ: удѣльный князь обязывается держать великаго въ старѣйшинствѣ или братомъ старшимъ, а послѣдній обязывается держать перваго въ братствѣ безъ обиды или братомъ младшимъ [2]. Мы не можемъ считать эти различныя выраженія за однозначительныя, ибо въ то время чрезвычайно точно опредѣлялись отношенія старшинства и меньшинства. Такъ, напримѣръ, Борисъ Васильевичъ Волоцкій обязывается великаго князя Ивана III имѣть братомъ старшимъ, въ отца мѣсто, а сына его просто братомъ старшимъ [3]. Не рѣдко случалось, что удѣльный князь заключалъ договоръ не съ однимъ великимъ, но вмѣстѣ и съ нѣсколькими удѣльными; въ такомъ случаѣ опредѣлялась степень его родства къ каждому изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ обязывается имѣть великаго князя Дмитрія Ивановича отцомъ, сына его Василія Дмитріевича — братомъ старшимъ, Юрія Дмитріевича — просто братомъ (равнымъ), а остальныхъ — братьями младшими [4]. Василія Ярославича Боровскаго Великій князь Василій Васильевичъ обязывается имѣть братомъ младшимъ и сыномъ, Константинъ Дмитріевичъ (дядя великаго князя) племянникомъ, а Можайскіе князья (двоюродные братья великаго князя) — братомъ младшимъ [5]. Юрій Дмитріевичъ обязывается имѣть Василія Васильевича братомъ старшимъ, Константинъ Дмитріевичъ долженъ наоборотъ Юрія имѣть братомъ старшимъ, а Можайскіе князья Юрія же дядею [6]. Случалось даже, что эти

---

[1] № 47. Договоръ Юрія Дмитріевича съ Можайскими князьями.

[2] № № 46, 64, 71, 73, 75, 84, 95, 99, Акты Арх. Эксп. т. I, № 10.

[3] № 97.

[4] № 33. См. тамъ же № 35.

[5] № 45.

[6] № 49.

отношенія измѣнялись между одними и тѣми же лицами: такъ Михаилъ Андреевичъ Можайскій въ одномъ договорѣ, 1465 г., обязывается держать великаго князя Ивана Васильевича и брата его Юрія братьями старшими, Андрея Васильевича Большаго — просто братомъ, а Бориса и Андрея Меньшаго — братьями младшими; но въ томъ же году заключается новый договоръ, по которому всѣ они становятся уже для него братьями старшими[1]). Изъ этого видно, что степени опредѣлялись не однимъ родствомъ, не естественнымъ только происхожденіемъ, но и могуществомъ того или другаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ каждый удѣльный князь становился въ подобныя отношенія не только къ великому князю, но и къ другимъ удѣльнымъ, то ясно, что эти опредѣленія не сообщали никакихъ государственныхъ правъ и не налагали никакихъ государственныхъ обязанностей. Степени родства служили только означеніемъ мѣста, которое князь занималъ въ ряду другихъ — явленіе аналогическое съ тѣмъ, которое мы видимъ въ мѣстническихъ счетахъ; мѣсто же опредѣляло не права и обязанности, а только извѣстную честь, извѣстный почетъ, который могъ зависѣть, какъ отъ родственнаго старшинства или меньшинства, такъ и отъ бо̀льшаго или меньшаго фактическаго могущества князя; оба начала смѣшивались.

Такое значеніе степеней родства подтверждается и тѣмъ, что онѣ установлялись не только между великими князьями и удѣльными, но точно также между разными великими князьями — московскими, тверскими, рязанскими. Такъ Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Рязанскій обязываются имѣть Дмитрія Донскаго братомъ старшимъ, а Владиміра Андреевича просто братомъ; сынъ Олега, Өедоръ Ольговичъ, обязывается имѣть Василія Дмитріевича братомъ старшимъ, Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича братьями, а остальныхъ сыновей

[1]) №№ 90—93.

Донскаго братьями младшими [1]). Тоже самое находимъ и въ другихъ договорахъ, хотя не всѣхъ; въ нѣкоторыхъ нѣтъ никакихъ опредѣленій родства [2]).

Кромѣ этихъ выраженій, опредѣляющихъ отношенія князей, встрѣчаются и другія. Иногда великій князь обязываетъ удѣльнаго держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно, или какъ говорится обыкновенно въ позднѣйшихъ договорахъ, держать честно и грозно великаго князя и великое княженіе; иногда къ этому прибавляется: безъ обиды. Въ первый разъ выраженіе: честно и грозно, встрѣчается въ договорахъ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ; но въ договорахъ послѣдняго съ Василіемъ Дмитріевичемъ ихъ нѣтъ: удѣльный князь обязывается держать великаго честно, но не грозно. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ братьями этого выраженія также нѣтъ. Нѣтъ его и въ договорахъ Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, нѣтъ его наконецъ въ первомъ договорѣ того же великаго князя съ князьями Можайскими. Но въ послѣдующихъ договорахъ Василія Васильевича съ тѣми же князьями Можайскими, въ договорахъ его съ княземъ Боровскимъ и съ двоюродными братьями, дѣтьми Юрія, наконецъ во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными при Иванѣ III оно встрѣчается постоянно [3]). Чтó же оно означало? Соединялось ли съ нимъ понятіе объ извѣстныхъ обязанностяхъ младшаго князя къ старшему, или это слово такъ же какъ опредѣленіе старшинства, служило только выраженіемъ болѣе возвышеннаго значенія великаго князя?

---

1) №№ 28, 32, 36.

2) №№ 76, 88.

3) Замѣтимъ, что оно употреблялось не только между московскими князьями, но и между другими. Рязанскій удѣльный князь Θеодоръ Васильевичъ точно также обязывается держать честно и грозно брата своего великаго князя Рязанскаго и его княженіе. № 127.

Для разрѣшенія этого вопроса стоитъ сравнить условія, которыя постановляются въ договорахъ обоего рода, — въ тѣхъ, гдѣ встрѣчается выраженіе «честно и грозно», и въ тѣхъ, гдѣ его нѣтъ. Сличимъ напримѣръ договоръ Василія Васильевича съ княземъ Боровскимъ и договоры Василія Дмитріевича съ братьями и съ Владиміромъ Андреевичемъ [1]). Во всѣхъ условія почти одни и тѣ же; на князей, которые обязываются держать великое княженіе честно и грозно, не налагается никакихъ особенныхъ обязанностей. Мало того: эти договоры, въ существенныхъ чертахъ, сходны даже съ тѣми, которые заключались съ князьями посторонними, напримѣръ съ великими князьями Рязанскими [2]). Слѣдственно мы должны заключить, что выраженіе: «честно и грозно», заключало въ себѣ не болѣе, какъ признаніе нѣкотораго превосходства положенія, такъ же какъ вышеупомянутыя опредѣленія старѣйшинства. Поэтому Владиміръ Андреевичъ, употребивъ это выраженіе въ договорѣ съ Дмитріемъ Донскимъ, не употреблялъ его въ договорахъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ, который, какъ племянникъ, нѣсколько передъ нимъ понизился въ чести. Въ самомъ дѣлѣ, что въ сущности значатъ слова: «честно и грозно»? Первоначально они относились только къ великому княжеству, то-есть къ Владимірской области, которая имѣла свою честь, ибо обладаніе ею давало старшинство: въ послѣдствіи это выраженіе перенесено и на великаго князя. Удѣльный князь долженъ былъ держать его *честно*, то-есть блюсти его честь, отдавать ему должный почетъ, и *грозно*, то-есть бояться эту честь нарушить. Это значеніе вполнѣ ясно изъ словъ, которыя во многихъ грамотахъ прибавляются къ этому выраженію: *безъ обиды*. Держать великаго князя и великое княженіе честно и грозно значило воздавать

---

[1]) №№ 35, 37, 45.

[2]) Ср. № 48.

имъ должную честь и бояться ихъ обидѣть. Но и великій князь съ своей стороны обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было слѣдственно обоюдное, и на сторонѣ великаго князя былъ только бо́льшій почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось выраженіями болѣе почтительными.

Итакъ, изъ всего сказаннаго мы не можемъ еще вывесть подчиненія удѣльныхъ князей великому; но въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаются выраженія, которыя именно указываютъ на отношенія такого рода. Здѣсь великій князь обязываетъ удѣльнаго *служить ему безъ ослушанія*, или подробнѣе: «а тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ (то-есть по соглашенію), какъ будетъ мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему, а мнѣ тобе кормити по службѣ»[1]. Здѣсь нельзя не видѣть попытки обратить удѣльнаго князя въ слугу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не замѣтить, до какой степени эта попытка была неопредѣленна: удѣльный князь съ одной стороны обязывается служить безъ ослушанія, а съ другой стороны это должно совершаться по взаимному согласію, какъ будетъ прилично тому и другому. Владиміръ Андреевичъ не нисходитъ на степень боярина: изъ договора видно, что онъ сохраняетъ значеніе полноправнаго князя; онъ, какъ князь, участвуетъ въ договорахъ съ Тверью и Рязанью. Мало того: какъ скоро умеръ Дмитрій Ивановичъ, такъ эти отношенія прекратились; къ племяннику Владиміръ Андреевичъ не могъ уже стать въ служебное положеніе. Въ другихъ грамотахъ это выраженіе вовсе не встрѣчается. Мы видимъ здѣсь, слѣдовательно, не отношенія удѣльнаго князя къ великому, а личныя отношенія Владиміра Андреевича къ Дмитрію Ивановичу. Это одинокая попытка, показывающая личный

---

[1]) №№ 27, 33.

перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но государственнаго здѣсь нѣтъ ничего.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе на то, что удѣльные князья называютъ иногда великаго князя *господиномъ*. Но и это не что иное, какъ знакъ уваженія, который не влекъ за собою никакихъ обязанностей. Новгородцы точно также называютъ господиномъ князя Бориса Александровича Тверскаго, отъ котораго они нисколько не зависѣли, и съ которымъ заключали договоръ на правахъ совершенно равныхъ [1]).

Итакъ изъ всѣхъ общихъ выраженій, которыми въ договорныхъ грамотахъ обозначаются отношенія князей между собою, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на отношенія государственныя. Вездѣ мы видимъ степени родства, бо́льшій или меньшій почетъ, личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но отнюдь не видимъ государственнаго подданства, подчиненія членовъ общества единой верховной власти. Изъ пониженія чести младшихъ князей передъ старшимъ, изъ попытокъ заменить служебнымъ подчиненіемъ отношенія чисто родственныя, разовьется въ послѣдствіи государство; сильный покоритъ себѣ всѣхъ слабѣйшихъ, создастъ единое общественное тѣло и станетъ его главою. Но пока еще это тѣло не сложилось, отношенія князей являются личными, гражданскими. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, взглянувши на отдѣльныя условія договорныхъ грамотъ. Сначала переберемъ взаимныя права и обязанности князей относительно внутренняго управленія удѣловъ, а потомъ касательно внѣшнихъ сношеній.

Относительно перваго, князья являются совершенно самостоятельными владѣльцами. «Тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина» [2]). Во всѣхъ договорахъ князья обязываются другъ у друга отчины «блюсти, не обидѣть и не вступаться».

---

[1]) № 18.

[2]) № 27.

Это относилось какъ къ наслѣдственнымъ удѣламъ, такъ и къ новымъ примысламъ, которые иногда именно обозначались, иногда же оставлялись неопредѣленными, напримѣръ: «Или кто изъ насъ.... что примыслилъ или прикупилъ или кто по семъ что кто прикупить или примыслитъ чюжее (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидѣти»[1]). Часто подобныя обязательства дѣлались и на случай смерти, напримѣръ:

«А отыметъ Богъ мене великого князя... и того ти всего подъ моею великою княгинею и подъ моимъ сыномъ великимъ княземъ Иваномъ и подъ всѣми моими дѣтми блюсти и боронити, а не обидети, ни вступатися и печаловатися и твоимъ дѣтемъ».

Съ своей стороны великій князь обязывается поступать такимъ же образомъ въ случаѣ смерти удѣльнаго[2]). Иногда же удѣльные князья обязывали великаго «жаловать ихъ и печаловатися ихъ отчинами»[3]).

Однако эти общія положенія были недостаточны, и во многихъ грамотахъ встрѣчаются болѣе подробныя ограниченія притязаній одного князя на удѣлъ другаго. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ великій и удѣльный князь обязываются не покупать въ чужомъ удѣлѣ селъ и не держать закладчиковъ[4]); въ другихъ договорахъ условія еще болѣе подробны: «А въ твой намъ удѣлъ и въ отчину данщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ давати, ни селъ не купити, ни нашимъ бояромъ безъ твоего вѣданья, ни закладней, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ жалованныхъ давати»[5]). Эти постановленія встрѣчаются не во всѣхъ грамотахъ: самыя подробныя мы находимъ въ договорахъ великихъ князей съ Владиміромъ Андреевичемъ и его внукомъ

---

1) № 23, также 35.
2) № 78 и много другихъ.
3) №№ 37, 46 и много другихъ.
4) №№ 52, 54, 70, 75, 127.
5) №№ 27, 29, 33, 35, 45, 71, 78, 84, 95.

Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ, да въ одномъ договорѣ Ивана III съ братомъ Андреемъ Углицкимъ; въ договорахъ же съ князьями Можайскими и Шемякою встрѣчаются только два вышеупомянутыя условія. Однако мы не можемъ изъ этого заключить, что тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, князья имѣли болѣе вліянія на чужой удѣлъ. Юрій Дмитріевичъ, напримѣръ, находился относительно великаго князя въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели сынъ его Шемяка, а между тѣмъ въ договорахъ съ послѣднимъ включены ограниченія, въ договорахъ же съ первымъ говорится только, чтобы отчину блюсти, не обидѣть и не вступаться. Изъ всѣхъ удѣльныхъ князей не было ни одного, который призналъ бы себя въ такой зависимости отъ великаго, какъ Владиміръ Андреевичъ отъ Дмитрія Донскаго; а между тѣмъ съ этихъ-то договоровъ и начинаются подробныя условія, которыя потомъ повторяются въ послѣдующихъ, заключенныхъ съ его внукомъ. Изъ этого мы должны заключить, что подробныя условія являлись именно тамъ, гдѣ нужно было оградить слабѣйшаго князя отъ сильнѣйшаго. Притомъ, такъ какъ договоры опредѣляли не государственныя отношенія всѣхъ вообще удѣльныхъ князей къ великому, а личныя отношенія двухъ или нѣсколькихъ князей между собою, то обыкновенно случалось, что условіе, внесенное, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, въ договоръ съ какимъ-нибудь княземъ, оставалось въ послѣдующихъ договорахъ съ этимъ же княземъ и съ его потомствомъ, если только не было нужды измѣнить его. Такимъ образомъ договоры можно бы раздѣлить на отдѣльные разряды, которые при общихъ основныхъ чертахъ, имѣютъ однако свои особенности. Впрочемъ, это замѣчаніе далеко не приложимо ко всѣмъ случаямъ; такъ какъ все здѣсь зависѣло отъ случайнаго перевѣса силы и значенія, то невозможно искать общаго, постояннаго правила. Замѣтимъ еще, что въ договорахъ съ Тверью также встрѣчаются условія, чтобы князья въ чужомъ удѣлѣ не по-

купали селъ и не держали закладчиковъ, а иногда только послѣднее; въ договорахъ же съ Рязанью нѣтъ ничего подобнаго.

Такая полная независимость князей относительно внутренняго управленія подтверждается и духовными грамотами. Такъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича читаемъ:

«А дѣти мои братъ въ братень удѣлъ.... не въѣзжаютъ на свою утѣху, опрочѣ того, аже ся путь (позволеніе) получитъ поперекъ удѣла ѣхати, ни приставовъ своихъ не всылаютъ братъ въ братень удѣлъ, и не вступаются никоторыми дѣлы; ни судовъ имъ не судити, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати, ни дани не имати брату на братнѣ удѣлѣ... А дѣтемъ моимъ брату въ братне удѣле селъ не купити, такъ же и ихъ бояромъ селъ не купити въ удѣле дѣтей моихъ безъ повелѣнья дѣтей моихъ, чей будетъ удѣлъ сына моего».

Иванъ III въ своемъ завѣщаніи запрещаетъ дѣтямъ покупать и владѣть землями и держать закладчиковъ другъ у друга въ удѣлахъ. Если же, какъ случалось нерѣдко, одинъ князь владѣлъ селами въ удѣлѣ другаго, то и на послѣднія простиралась иногда эта полная независимость княжескаго владѣльческаго права. Обыкновенно признавалось, что судъ и дань принадлежатъ тому князю, въ чьемъ удѣлѣ находится земля [1]); исключеніе составляли, какъ уже было сказано, мѣста, которыя по старинному обычаю тянули къ другому городу. Но Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: «а которымъ есмь дѣтемъ своимъ села подавалъ, во чьемъ удѣлѣ ни буди, ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано». Въ договорѣ Ивана III съ Андреемъ Углицкимъ [2]) постановляется, что послѣдній вѣдаетъ съ судомъ и данью разныя села, которыя завѣщали ему бабка, мать и братъ; великій князь долженъ эти села подъ нимъ и его дѣтьми блюсти, не обидѣть и

---

[1]) А судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ, №№ 28, 76. По удѣламъ гдѣ кто живетъ, № 40, см. также №№ 91, 106.

[2]) № 106.

не вступаться, хотя они лежали въ предѣлахъ великаго княжества. Борисъ Волоцкій также владѣлъ въ великомъ княжествѣ разными селами, которыя дала ему бабка, боярыня Марья Өедоровна Голтяева. Въ договорѣ 1473 года онъ обязывается держать ихъ такъ. какъ они были при ней, причемъ судъ и дань принадлежатъ великому князю; но въ 1481 году послѣдній уступилъ ему и эти права, такъ что Борисъ Васильевичъ сдѣлался полнымъ ихъ обладателемъ [1]). Съ другой стороны, когда князь уступалъ другому удѣлъ, онъ выговаривалъ иногда права тѣхъ лицъ, кому онъ раздалъ земли отъ своего имени. При этомъ судъ и дань оставались иногда за тѣмъ княземъ, кому передавался удѣлъ, иногда же извѣстныя земли совершенно освобождались отъ подданства новому князю [2]). Такъ Василій Васильевичъ, отдавая Бѣжецкій Верхъ дядѣ Юрію, выговорилъ села, отданныя Константину Дмитріевичу, да для себя нѣсколько селъ, отнятыхъ у боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Но относительно жалованныхъ грамотъ, данныхъ прежними князьями на слободы, постановлено, что въ нихъ воленъ Юрій, кого хочетъ жаловать [3]).

Также независимы были и княгини въ своихъ владѣніяхъ. Тѣ постановленія, которыя мы видѣли выше въ духовной Владиміра Андреевича объ удѣлахъ его сыновей, относятся и къ удѣлу ихъ матери; она является въ немъ полною хозяйкой. Донской точно также запрещаетъ сыновьямъ вступаться какимъ бы то ни было образомъ въ волости и села своей матери. Если кому изъ жителей будетъ жалоба на ея волостелей, то она одна имѣетъ право судить ихъ. Василій Дмитріевичъ запрещаетъ сыну за чѣмъ бы то ни было всылать въ удѣлъ

---

1) №№ 97, 110.
2) №№ 38, 75, 78, 97.
3) № 49.

своей матери. Подобныя распоряженія находятся и въ завѣщаніи Василія Васильевича.

При такой полной независимости князей, разумѣется, не могло быть рѣчи о судѣ великаго князя надъ удѣльными. Дѣйствительно, всѣ распри между князьями, равно какъ и между жителями различныхъ удѣловъ, рѣшались судомъ третейскимъ. Такъ въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ постановлено: «А чего ми будеть искати на твоихъ боярехъ или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ меже собе сопрутся, ѣхати имъ на третий, кого собѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся. А чего ны будетъ поискати тобѣ, мнѣ ли, а тому тако же межи насъ исправа»[1]). Въ другихъ прибавляется: «а котораго князя бояръ умолвять, тотъ князь подъиметь (платитъ) а боярамъ вины нѣтъ»[2]). Способъ третейскаго суда былъ впрочемъ различенъ. Иногда бояре, которые не могли сговориться, должны были представить дѣло на судъ митрополита, а если послѣдняго не будетъ въ землѣ, тогда брать третьяго, кого излюбятъ[3]). Иногда постановлялось, что третьяго беретъ судья истца, но если несогласенъ на то судья отвѣтчика, то третьимъ берутъ одного изъ трехъ русскихъ князей[4]). Въ другихъ договорахъ постановленія еще подробнѣе: судья истца назначаетъ двухъ бояръ великаго князя и одного боярина удѣльнаго князя; изъ нихъ выбираетъ третьяго судья отвѣтчика; но если онъ откажется отъ выбора, тогда они должны идти передъ великаго князя, который самъ назначаетъ одного изъ именованныхъ бояръ и велитъ доправить искъ на отвѣтчикѣ, если послѣдній будетъ

---

[1]) № 27.

[2]) №№ 35, 45, 71, 78, 90 — 94, 97, 99.

[3]) № 33.

[4]) № 95.

упорствовать въ отказѣ[1]). Впрочемъ во многихъ договорахъ просто постановляется: «судьямъ нашимъ третій вольный», кажется только въ одномъ — съ ограниченіемъ, что бояре не зовутся на третьяго вонъ изъ земли[2]).

Третейскимъ же судомъ судились и распри Московскихъ князей съ Тверскими и Рязанскими: такъ въ договорѣ Донскаго съ Тверью постановлено:

«А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ: а не уговорятся, ино ѣдутъ на третий на князя на Великого на Ольга (Рязанскаго); на кого помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отдастъ. А чьи судьи на третий ни поѣдутъ, или на кого третий помолвитъ, инъ взятого не отдастъ; то правому отняти, а то ему не въ измѣну... а намъ княземъ въ судъ въ вопчій не вступатися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есмя положили[3]).

Иногда дѣлается различіе между дѣлами князей и обидами, причиненными жителями тѣхъ и другихъ владѣній.

«А гдѣ учинится разбой или наѣздъ или татба изъ твоей отчины на моихъ людей великого князя и о томъ суда вопчего не ждати, отслати намъ своихъ судей, да велѣти учинити исправа безъ перевода (не отлагая до другаго времени); а не даси мнѣ исправы, или судьи твои судомъ переведутъ; и мнѣ свои отняти, а то не въ измѣну. А что ся учинитъ межи насъ на то дѣло великихъ князей, и намъ отослати на то своихъ бояръ[4]).»

Впрочемъ и здѣсь встрѣчались разнообразныя постановленія, какъ можно видѣть изъ договоровъ. Иногда великій князь Московскій являлся исполнителемъ третейскаго суда между другими. Такъ постановлялось, что въ спорахъ князей Рязанскихъ съ Пронскими, Новосельскими и Тарусскими, третьяго

---

[1]) №№ 52, 54, 60.
[2]) №№ 46, 49, 61, 64.
[3]) № 28.
[4]) №№ 48, 65.

избираютъ бояре; но если виноватый не захочетъ исполнить приговора, то великій князь Московскій принуждаетъ его къ этому по троекратномъ увѣщаніи, и это не считается измѣною[1]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ князья являются вполнѣ независимыми другъ отъ друга владѣльцами. Но были города, которыми они владѣли собща. Какія здѣсь установлялись между ними отношенія?

Московскіе князья въ своихъ договорахъ постоянно обязываются не вступаться другъ у друга въ тѣ участки Москвы, которые достались имъ въ раздѣлъ по наслѣдству[2]). Каждый является слѣдственно хозяиномъ своего участка. Но владѣльческія права князей не всегда были одинаковы. Изъ завѣщаній Калиты и Ивана Ивановича видно, что владѣніе было общее, а дѣлились только доходы. Въ первой изъ этихъ грамотъ Москва приказывается всѣмъ сыновьямъ; относительно же раздѣла говорится, что дѣти должны подѣлиться тамгою и «иными волостми городскими, также оброкомъ городскимъ Васильцева вѣданья. А числьные люди вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного; а что мои люди купленыи въ великомъ свертцѣ, и тыми ся подѣлять сынове мои». Здѣсь противополагается слѣдственно общее владѣніе раздѣльному. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ:

«Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрию и князю Ивану; а братаничу моему князю Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что̀ потягло къ городу; и что̀ медъ оброчный Васильцева стану и что̀ отца моего купленыѣ бортнищи подъ вѣчные варяхъ

[1]) №№ 36, 48.

[2]) Напримѣръ № 78, 84, 95. Замѣтимъ, что и здѣсь удѣлы ставятся иногда наряду съ движимымъ, напримѣръ: «а чимъ ны благословилъ отецъ нашъ, волостми ли, порты ли, а ты ся есмы подѣлили, того ны не поминати». № 23.

и кони ставити по станомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все натрое. А численыѣ люди вси три князя блюдутъ сопча съ одиного.»

Здѣсь мы видимъ опять, что дѣлятся пошлины и право суда (намѣстничество), а владѣніе остается нераздѣльнымъ. Но совсѣмъ другое мы находимъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго. Въ началѣ онъ по старому обычаю говоритъ : «приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ.. а братъ мой, князь Володимеръ, вѣдаетъ свою третъ»; но потомъ :

«А сына своего Василья благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станѣхъ *моего удѣла* двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ въ городскихъ половина... А на старшій путь сыну моему князю Василью Васильцево сто и Добрятиньская борть съ селомъ зъ Добрятиньскимъ, а борьтницы въ станѣхъ въ городьскихъ и конюшій путь и сокольничій и ловчій, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численыхъ людей *моихъ двою жеребьевъ*, сыномъ моимъ по *частемъ*, а блюдутъ съ одиного.»

Здѣсь мы видимъ, что въ Москвѣ является уже *удѣлъ* великаго князя, его два жеребья; численные люди раздаются по частямъ, и если наслѣдники должны блюсти ихъ вмѣстѣ, то это выраженіе совершенно неопредѣленное, которое не означаетъ общаго владѣнія. Мы говорили выше, что князья обязывались блюсти чужой удѣлъ; иногда великій и удѣльный князь обязываются вмѣстѣ блюсти и не обидѣть младшую свою братью [1]). Относительно численныхъ людей мы увидимъ дальше, почему князья должны были блюсти ихъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого новаго раздѣла, Василій Дмитріевичъ въ своемъ завѣщаніи уже не приказываетъ сыну отчину Москву, а даетъ ему «свой жеребій треть Москвы» съ принадлежностями и треть численныхъ людей. Василій Васильевичъ, оставляя нѣсколько сыновей, не отдаетъ имъ Москвы въ общее владѣніе,

[1]) А. А. Э. т. I-й, № 10.

а назначаетъ каждому свой участокъ. Въ договорахъ своихъ Василій Васильевичъ ставитъ *удѣлъ свой* въ Москвѣ наряду съ прочими владѣніями[1]). Владиміръ Андреевичъ, по старому обычаю, приказываетъ еще дѣтямъ *вотчину свою Москву*, свою треть, но раздѣляетъ ее по годамъ: каждый держитъ намѣстника въ свою очередь. Старшему даются въ городѣ и въ станахъ конюшій путь, бортники, садовники, псари и проч. съ ихъ землями; треть численныхъ людей дѣлится между двумя средними сыновьями, а пошлины городскія завѣщаются вдовѣ. Въ договорахъ Владиміра Андреевича и внука его Василія Ярославича Боровскаго съ Московскими князьями находится постоянное условіе: «а въ городъ намъ послати своихъ намѣстниковъ, и тобѣ своего намѣстника, ино очистятъ нашихъ холоповъ и сельчянъ. А кого себѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ князю великому зъ братьею два жеребья, и тобѣ, брате, треть». Но Иванъ III, какъ мы видѣли, отдалъ всю Москву одному старшему сыну, выдѣливъ только участки остальнымъ. Однако старшій сынъ долженъ былъ по прежнему держать большаго намѣстника на великокняжескомъ участкѣ, а другаго на трети князя Владиміра Андреевича. То же распоряженіе мы видимъ и въ духовной Ивана Грознаго. Такъ въ то время держались случайно установившагося обычая! Замѣтимъ еще, что въ духовной Ивана III мы видимъ, что часть посадскихъ дворовъ въ городѣ приписана къ подмосковнымъ селамъ, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ[2]). Слѣдовательно, самый городъ дѣлился на отдѣльные участки, которые находились каждый во владѣніи своего князя. Но, съ другой стороны, младшимъ запрещается въ этихъ сельцахъ держать торги, ставить лавки и позволять останавливаться въ нихъ

---

[1]) №№ 73, 84.

[2]) № 136.

гостямъ съ товаромъ. Послѣдніе должны становиться въ Москвѣ на гостиныхъ дворахъ, «какъ было при мнѣ», и младшіе братья въ гостиные дворы не вступаются. Если же кто въ этихъ сельцахъ станетъ торговать съѣстнымъ товаромъ, то пошлину полавочную беретъ прикащикъ старшаго сына, «какъ было при мнѣ». Немудрено, что здѣсь являются черты новаго порядка, ибо Иванъ III, какъ мы видѣли, установилъ во владѣніи Москвою новизну. Подробныхъ извѣстій о прежнихъ раздѣлахъ до насъ не дошло, и мы не знаемъ, какимъ образомъ князья дѣлили городъ между собою, были ли тутъ какія-нибудь особенныя условія, на какихъ основаніяхъ они владѣли напримѣръ гостиными дворами и т. п.

Владѣя такимъ образомъ Московою и приписанными къ ней станами каждый особенно, князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовали однако за одно. Это мы видимъ относительно дани и суда.

Дань платилась Татарамъ. Каждый удѣльный князь собиралъ съ своего удѣла то, что̀ приходилось платить ему по раскладкѣ, и вручалъ собранныя деньги великому князю, который уже передавалъ хану всю сумму отъ имени всѣхъ. Но въ Москвѣ, несмотря на раздѣльность владѣнія, князья собирали дань вмѣстѣ. Это видно изъ условій, которыми постановляется, что если великій князь пошлетъ своихъ данщиковъ въ Москву и въ станы Московскаго уѣзда, то и удѣльный пошлетъ съ ними своихъ данщиковъ; собранная сумма должна идти въ казну великокняжескую для уплаты выхода [1]). Точно также и писцовъ, которые опредѣляли количество дани, князья должны были посылать вмѣстѣ [2]). Однако все это считалось мѣрою временною, пока не свергнуто было татар-

[1]) №№ 33, 35, 45, 71, 78.
[2]) № 95.

ское иго; «а оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть» сказано о дани въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Здѣсь какъ будто предполагается, что они будутъ продолжать сбирать дань вмѣстѣ, но въ слѣдующихъ договорахъ просто говорится, что если князья освободятся отъ орды, то каждый будетъ брать дань себѣ [1]).

Этотъ способъ взиманія дани общими силами былъ причиною нѣкоторыхъ другихъ условій относительно владѣнія Москвою. Съ этою цѣлью князья обязывались блюсти численныхъ людей собща, хотя они владѣли ими въ раздѣлъ (послѣднее вѣроятно для взиманія всякаго рода другихъ повинностей). Вмѣстѣ блюли они и другіе разряды людей, которые платили дань: слугъ, которые были подъ дворскимъ, черныхъ людей, гостей, суконниковъ и городскихъ людей, наконецъ ордынцевъ и дѣлюевъ. Князья обязывались не покупать ихъ земель, такъ же какъ не покупали они земель другъ у друга въ удѣлахъ, не принимать ихъ въ службу или даже вовсе не принимать ихъ къ себѣ [2]). Земли данныя, то-есть съ которыхъ платилась дань, ограждались и отъ покупокъ частными людьми; для этого установлялись разныя правила, какъ-то: право выкупа, обязанность покупщика тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми, наконецъ просто возвращеніе земли прежнимъ владѣльцамъ, если покупщикъ не хотѣлъ тянуть тягла. Въ послѣдствіи же для покупки данныхъ земель въ Москвѣ нужны были особенныя княжескія грамоты [3]). Прибавимъ еще, что князья обязывались не держать въ городѣ закладчиковъ, опять на подобіе тѣхъ

---

[1]) Ср. особенно № 35, изъ котораго, несмотря на нѣсколько стертыхъ словъ, ясно, что условіе относится и къ Москвѣ.

[2]) №№ 33, 35, 45, 71, 78, 84, 95.

[3]) №№ 33, 95.

условій, которыя они заключали относительно чужихъ удѣловъ [1]).

О судѣ мы находимъ также разныя постановленія, которыя показываютъ бо́льшій или меньшій перевѣсъ одного князя надъ другимъ. Въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями сказано: если Москвичъ ударитъ челомъ великому князю на московскихъ бояръ и слугъ удѣльныхъ князей, то судитъ великій князь, коли будетъ въ Москвѣ, и удѣльные вмѣстѣ съ нимъ, если же ихъ въ Москвѣ не будетъ, то отсылать дѣло къ княжескимъ намѣстникамъ, которые учинятъ исправу, а приставовъ изъ другихъ мѣстъ не посылать [2]). Здѣсь участіе князей совершенно равное; напротивъ въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ видно преимущество старшаго князя. Здѣсь постановляется: «а судовъ ти (Владиміру Андреевичу) московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ иму московьскыи суды судити; тѣми ми ся съ тобою дѣлити. А буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ Москвитинъ на Москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ино исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними; а ударитъ ми челомъ хто изъ великого княженья на Москвитина на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тобѣ послати за нимъ своего боярина». Въ случаѣ жалобы жителей одного удѣла на жителей другаго долженъ «исправу учинить» князь отвѣтчика, а другой шлетъ своего боярина. Наконецъ прибавлено: «а которыи суды потягли къ Москвѣ при нашихъ отцѣхъ, тѣ суды и понѣча потянутъ къ городу» [3]). Изъ этого видно, что великій князь какъ будто бы судилъ одинъ, и только доходами дѣлился съ удѣль

---

[1]) №№ 45, 71, 78, 84.

[2]) № 23. За тѣмъ слѣдуетъ еще постановленіе, но къ сожалѣнію оно на половину стерто.

[3]) № 33.

нымъ, тогда какъ послѣдній не могъ судить безъ намѣстниковъ великаго князя. Но въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ это условіе опять обоюдное: каждый князь обязывается не судить безъ намѣстниковъ другаго городскихъ судовъ и становыхъ, которые тянутъ къ городу; суды же, которые по старому обычаю тянутъ къ городу изъ волостей, находящихся въ удѣлѣ каждаго князя, тѣ судятъ ихъ намѣстники, «какъ было и доселѣ»[1]. Опять отношенія полнаго равенства. Послѣднее условіе повторяется во всѣхъ договорахъ Василія Васильевича съ княземъ Боровскимъ[2]. Но въ первомъ договорѣ Ивана III съ братомъ Андреемъ Большимъ условія почти совершенно сходны съ вышеприведеннымъ договоромъ Донскаго[3].

Изъ всего этого мы однако же не узнаемъ, какого рода суды тянули къ городу изъ волостей, и что̀ судили князья съ намѣстниками. Нѣсколько уясняютъ намъ эти вопросы губная московская запись, составленная при Иванѣ III-мъ, и завѣщаніе послѣдняго. Изъ первой[4] мы узнаемъ, что душегубствомъ тянули къ Москвѣ[5] Серпуховъ со всѣми волостьми и съ селами княжескими и монастырскими, Звенигородъ съ волостьми, нѣсколько дмитровскихъ и другихъ волостей, наконецъ всѣ села въ Московскомъ уѣздѣ. Относительно послѣднихъ сказано, что жителей въ душегубствѣ судитъ большой намѣстникъ, «а судья за нимъ идетъ своего прибытка смотритъ». То же относительно жителей селъ окологородныхъ и относительно городскихъ дворовыхъ людей, княжескихъ, митрополичихъ и монастырскихъ, но при этомъ имен-

[1]) № 35.

[2]) №№ 45, 71, 78, 84.

[3]) № 95.

[4]) А. А. Эксп. т. I № 115.

[5]) То-есть дѣла объ убійствахъ, совершенныхъ въ этихъ мѣстахъ, судились въ Москвѣ.

но сказано, что прежде того дворы и дворцовые люди удѣльныхъ князей въ Москвѣ судились большимъ намѣстникомъ, а судьи за ними не бывали, пока не установила этого великая княгиня Софья Витовтовна. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ можно заключить изъ выраженій грамоты, судилъ одинъ большой намѣстникъ, а третники (то-есть намѣстники удѣльныхъ князей) получали только доходы. Но относительно жителей другихъ удѣловъ прямо сказано, что, если ихъ поймаютъ съ поличнымъ въ Москвѣ, то судитъ ихъ и казнитъ большой намѣстникъ съ двумя третниками, и судьи за ними нѣтъ; во всякомъ другомъ пенномъ дѣлѣ ему даютъ срокъ поставить за собою судью. Наконецъ въ губной записи находится еще выраженіе, не совсѣмъ ясное:

«А что деревни въ московскомъ въ становомъ удѣлныхъ князей и волостели ихъ судятъ, а доложить своего князя, ажъ будетъ на Москвѣ; а не будетъ на Москвѣ его князь, и ему доложить великаго князя или большого намѣстника, а по инымъ городамъ ихъ не водить къ докладу.»

Что это за деревни? Онѣ здѣсь отличаются отъ селъ: слѣдовательно можно думать, что подъ этимъ разумѣются участки московскихъ становъ, которые князья получали въ раздѣлъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что здѣсь судятъ волостели, тогда какъ въ селахъ были посельскіе и прикащики, какъ видно изъ духовной Ивана III. Въ ней сказано, что въ селахъ, которыя находятся въ московскихъ станахъ, судъ и дань принадлежатъ князю владѣльцу; но душегубствомъ и поличнымъ они тянутъ къ Москвѣ по старинѣ, кромѣ того поличнаго, которое случится между крестьянъ тѣхъ селъ: то судятъ прикащики, докладывая большому намѣстнику. Послѣдній судитъ также душегубство и поличное въ окологородныхъ сельцахъ удѣльныхъ князей. Мы знаемъ уже, что Иванъ III не далъ младшимъ сыновьямъ другихъ владѣній въ Московскомъ уѣздѣ.

Ясно, что болѣе и болѣе возрастало значеніе старшаго сына, а вмѣстѣ съ нимъ и большаго намѣстника. Послѣдній въ этихъ грамотахъ вездѣ является на первомъ планѣ, тогда какъ въ большей части прежнихъ договоровъ мы видѣли совершенное равенство князей и ихъ судій. Такое преобладаніе старшаго должно было повести къ значительному упрощенію управленія; ибо понятно, какая запутанность, какія столкновенія должны были произойдти изъ этого владѣнія, раздѣленнаго и вмѣстѣ нераздѣльнаго. Право суда дробилось здѣсь между наслѣдниками, какъ все остальное имущество, ибо существеннымъ дѣломъ въ судѣ считался доходъ; иной князь ставилъ своего намѣстника на четвертый, пятый, шестой годъ, иной даже на полгода; и этотъ намѣстникъ судилъ съ другими и дѣлился съ ними доходами. Такъ же раздѣлялся судъ и въ станахъ, гдѣ каждый князь назначалъ въ свой участокъ отдѣльныхъ волостелей. Къ этой дробности управленія, происходившей отъ наслѣдованія по частному праву, прибавимъ множество отдѣльныхъ правъ, которыя то сохранялись вслѣдствіе стараго обычая при измѣнившихся отношеніяхъ, то возникали вновь вслѣдствіе случайнаго перевѣса того или другаго князя, или даже вслѣдствіе большей или меньшей степени вліянія княгини; наконецъ вспомнимъ, что князья, которые владѣли удѣлами въ Москвѣ, большею частью находились между собою во враждебныхъ отношеніяхъ или даже въ явной войнѣ, и мы поймемъ, до какой степени управленіе было шатко и запутанно.

Въ заключеніе этого обзора отношеній князей владѣльцевъ въ Москвѣ упомянемъ еще объ одномъ общемъ ихъ дѣлѣ. Въ договорахъ встрѣчается слѣдующее условіе: «а Московская рать ходитъ съ моимъ (великаго князя) воеводою, какъ было прежде сего» [1]). Что̀ же это за московская рать? Ясно, что

[1]) №№ 35, 45, 71, 78.

она не состояла изъ горожанъ, ибо въ договорахъ она прямо отъ нихъ отличается: князья обязываются не принимать московской рати, кто ходилъ съ воеводами; и тутъ же постановляется условіе, чтобы гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать [1]). Думаемъ, что нѣкоторому уясненію этого вопроса можетъ способствовать сближеніе съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ договора Семена Ивановича съ братьями, къ сожалѣнію нѣсколько вытертымъ: «А которыи люди по нашимъ волостемъ вынманы нын... войны.... намъ къ собѣ не принимати: а которыхъ людий отець нашъ князь великій вынмалъ изъ...... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не принимати» [2]). Послѣднее, по всей вѣроятности, относится къ ордынцамъ, то-есть плѣнникамъ, выкупленнымъ изъ орды; они несли какую-то службу, о которой мы не имѣемъ извѣстій. Первое же можетъ относиться къ московской рати, — но чтó это были за люди? вольные или болѣе или менѣе крѣпостные? на какихъ основаніяхъ они служили? все это вопросы, которые, по недостатку данныхъ, остаются неразрѣшимыми.

Обратимся теперь къ Переяславлю Рязанскому, въ которомъ точно также существовало общее и раздѣльное владѣніе князей. О взаимныхъ отношеніяхъ послѣднихъ мы узнаемъ изъ договора 1496 г. между великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ и братомъ его Ѳедоромъ Васильевичемъ [3]). Городомъ Переяславлемъ князья, такъ же какъ московскіе, владѣли въ раздѣлъ; «а жити ми, господине, съ тобою съ великимъ княземъ въ Переяславли потому какъ отдѣлилъ меня ты князь великій и мати наша великая княгини».

---

[1]) № 33.
[2]) № 23.
[3]) № 127.

удѣльному князю были отдѣлены княжескіе дворы въ городѣ, посадъ, мельницы, поле у города, лугъ и треть въ городской тамгѣ. Старшій же князь имѣлъ въ городѣ тяглыхъ людей, которые кормили пословъ, мыты и другія пошлины. Княгиня владѣла своими купленными дворами въ городѣ и кромѣ того взяла себѣ въ пожизненное владѣніе четверть всего великаго княжества и четверть трети младшаго сына. Изъ договора видно, что братья подѣлили между собою и разныхъ людей: ловчанъ, рыболововъ, истопниковъ, псарей и т. п., какъ дѣлали и московскіе князья. Наконецъ, младшій обязанъ былъ поддерживать съ своей отчины треть городскихъ укрѣпленій. Относительно общаго взиманія дани въ договорѣ нѣтъ никакихъ условій; сказано только, что если нужно будетъ дать выходъ въ Орду, то великій князь возьметъ съ младшаго треть; иначе онъ дани не беретъ. Изъ этого можно заключить, что каждый бралъ дань самъ по себѣ съ своего участка. Поэтому, вѣроятно нѣтъ и тѣхъ ограниченій, которыя встрѣчаются въ договорахъ московскихъ; сказано просто, что князья другъ у друга въ удѣлѣ не должны покупать селъ и держать закладчиковъ.. Но относительно суда договоръ содержитъ въ себѣ довольно подробныя постановленія. Въ Переяславлѣ находился большой намѣстникъ великаго князя и третчикъ удѣльнаго. Въ дѣлахъ объ убійствѣ, разбоѣ и воровствѣ съ поличнымъ, случившихся на посадѣ между чьими бы то ни было людьми, пристава даетъ намѣстникъ; а случится тутъ приставъ третчика, онъ съ нимъ идетъ, и отдаетъ отвѣтчика на поруки, а не случится онъ тутъ, тогда приставъ намѣстника идетъ одинъ, отдаетъ отвѣтчика на поруки и ставитъ его передъ намѣстникомъ. Такія отношенія существуютъ и въ самомъ судѣ: намѣстникъ судитъ вмѣстѣ съ третчикомъ, если послѣдній случится тутъ, иначе, онъ судитъ одинъ, а третчикъ смотритъ своего прибытка. (Замѣтимъ,

какой совершенно частный характеръ имѣетъ здѣсь право суда: судитъ или нѣтъ судья, это дѣло второстепенное, а главное доходы.) Тотъ же порядокъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ дѣлахъ между гостями и черными людьми на посадѣ, за исключеніемъ великокняжескихъ тяглыхъ людей, которые кормятъ пословъ. Но дѣла между людьми удѣльнаго князя, которые живутъ на посадѣ, за исключеніемъ убійства, разбоя и поличнаго, судятъ прикащики младшаго князя и докладываютъ ему, а если его не будетъ въ Переяславлѣ, они должны его дождаться, а не водить тяжущихся съ докладомъ въ удѣлъ. Людей же удѣльнаго князя, которые пріѣзжаютъ изъ удѣла въ Переяславль, судятъ въ убійствѣ, разбоѣ и въ поличномъ намѣстникъ съ третчикомъ, и приставъ послѣдняго не можетъ отдать ихъ на поруки безъ пристава перваго. Самъ удѣльный князь не имѣетъ права ихъ судить, тогда какъ великій князь воленъ судить и казнить людей удѣльнаго князя во всякихъ дѣлахъ, причемъ обвиненный долженъ платить двѣ трети пошлины намѣстнику, а остальное третчику (это тоже условіе, которое мы видѣли въ договорахъ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ и Ивана III съ Андреемъ Углицкимъ). Великій же князь судитъ всѣ жалобы на третчика, его тіуна и доводчиковъ. Наконецъ, перевѣсъ старшаго брата выражается и въ томъ, что всѣ таможенныя преступленія судитъ одинъ его намѣстникъ и доходы беретъ себѣ.

Таковы опредѣляемыя духовными и договорными грамотами взаимныя отношенія князей во внутреннемъ управленіи своихъ удѣловъ. Въ главныхъ городахъ мы видимъ странную смѣсь общаго владѣнія и раздѣльнаго съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ; въ удѣлахъ же князья являются совершенно независимыми владѣльцами своихъ вотчинъ. Только Иванъ III въ своемъ завѣщаніи постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей, которыя показываютъ

уже государственныя стремленія: онъ запретилъ младшимъ сыновьямъ самимъ дѣлать деньги и отдавать денежное дѣло на откупъ; право чеканить монету предоставлено было одному старшему. Но повторяемъ, это позднѣйшее ограниченіе; прежде мы ничего подобнаго не видимъ.

Изъ всего этого ясно, какъ день, что не можетъ быть рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить, чтобы верховная власть отказалась отъ всякаго вліянія на владѣнія подданнаго, чтобъ она обязалась ни подъ какимъ видомъ не всылать туда своихъ чиновниковъ, не покупать тамъ земель, не держать закладчиковъ, не судить, не сбирать податей? И замѣтьте, это даже не льгота, а обоюдное обязательство на совершенно равныхъ правахъ. Наконецъ въ этихъ ограниченіяхъ права, которыя по существу своему имѣютъ характеръ общественный, и права совершенно частныя находятся въ полномъ безразличіи: рядомъ съ обязательствомъ не всылать данщиковъ и приставовъ находится запрещеніе покупать земли и держать закладчиковъ, при чемъ условіе о земляхъ распространяется и на бояръ. Послѣдняго рода вторженія въ чужую область считались даже опаснѣе первыхъ; ибо условія на счетъ ихъ повторяются въ большемъ числѣ грамотъ, даже въ договорахъ между князьями, совершенно независимыми другъ отъ друга, каковы были Тверскіе и Московскіе. Каждый князь старался расширить свою власть не столько государственными притязаніями, сколько частными пріобрѣтеніями, почему первымъ дѣломъ при занятіи чужой области было накупить или набрать земель и закабалить за себя какъ можно больше людей. Противъ такихъ-то частныхъ способовъ пріобрѣтенія старались оградить себя другіе князья, которые хотѣли остаться полными хозяевами своихъ имѣній.

Но если такимъ образомъ князья были совершенно незави-

симы другъ отъ друга въ своихъ владѣніяхъ, то какія же между ними существовали обязательства? На это дастъ намъ отвѣтъ разсмотрѣніе условій, которыми опредѣлялись внѣшнія сношенія князей, къ чему теперь и обращаемся.

Князья, вступающіе въ договоры, обязываются «быть за одинъ до живота». Это условіе встрѣчается какъ между великими князьями и удѣльными, такъ и между различными великими князьями [1]). У нихъ одни друзья и враги. Обыкновенно говорится, что кто другъ великому князю, тотъ другъ и удѣльному, а кто недругъ великому князю, тотъ недругъ и удѣльному. Это показываетъ нѣкоторое превосходство перваго надъ послѣднимъ. Оно выражается и въ томъ, что удѣльный князь обязывается «сложить цѣлованье», если онъ съ кѣмъ находится въ союзѣ помимо великаго князя, а послѣдній съ своей стороны обязывается «учинить его въ докончанье» съ собственными союзниками [2]). Однако это условіе встрѣчается и въ обоюдной формѣ: кто другъ или недругъ одному князю, тотъ другъ или недругъ и другому, и наоборотъ. Притомъ, мы видимъ эту послѣднюю форму не только въ договорахъ между великими князьями и удѣльными [3]), но и въ договорахъ съ князьями болѣе или менѣе служебными [4]); и напротивъ, условіе встрѣчается въ одностороннней формѣ въ договорахъ съ великими князьями Рязанскими и Тверскими [5]). Во всякомъ случаѣ различіе выраженій не уничтожало обоюдности обязательствъ, ибо въ тѣхъ же договорахъ, гдѣ находится условіе въ первой формѣ, прямо говорится: «быть тебѣ съ

[1]) Первое №№ 23, 33, 37, 43, 52, 53, 54, 61, 64 и другіе; второе №№ 36, 48, 65, 76, 115.

[2]) №№ 43, 49, 52, 54, 56, 61, 66, 70, 75, 90, 95.

[3]) № 60. Договоръ Василія Васильевича съ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ.

[4]) № 62. Договоръ Шемяки съ Суздальскими князьями.

[5]) №№ 32, 119.

нами, а намъ съ тобою»[1]) и прибавляется обоюдное условіе, чтобы ни одинъ князь безъ другаго не канчивалъ (не заключалъ договоровъ), и даже не ссылался ни съ кѣмъ, ни удѣльный безъ великаго, ни великій безъ удѣльнаго. Послѣднее встрѣчается впрочемъ также въ разнообразныхъ формахъ: иногда князья обязываются только не канчивать другъ безъ друга[2]), иногда также не ссылаться[3]), иногда же удѣльный князь не долженъ ни канчивать, ни ссылаться (иногда только съ недругомъ) безъ великаго, а послѣдній не долженъ только канчивать безъ перваго[4]). Однако мы этому разнообразію формъ не можемъ придать большаго значенія; ибо не видимъ различія въ отношеніяхъ князей, съ которыми заключались договоры того или другаго рода. Такъ, напримѣръ, въ договорахъ Василія Васильевича съ княземъ Боровскимъ постоянно встрѣчается первая форма, въ договорахъ съ князьями Можайскими — вторая, а съ Шемякою — третья.

Во всякомъ случаѣ ясно, что это полный взаимный оборонительный и наступательный союзъ, который могъ равно существовать между родственниками, и между посторонними князьями. Поэтому договоры часто заключаются отъ имени не одного только великаго князя, а вмѣстѣ и его союзниковъ, нерѣдко даже отъ имени его дѣтей, какъ старшихъ, такъ и младшихъ. Отсюда понятно, что мы не можемъ въ заключаемыхъ условіяхъ искать отношеній государственныхъ: обязанности относятся ко всѣмъ, а мы не можемъ предположить подчиненія одного удѣльнаго князя другому.

Въ обоюдной же, а иногда и въ односторонней формѣ, встрѣчается условіе, что князья должны хотѣть другъ другу

---

[1]) №№ 43, 52, 54, 61, 64, 66, 75, 90—95.
[2]) №№ 23, 33, 35, 43, 45, 47, 49, 60, 71, 73, 78, 84, 95.
[3]) №№ 27, 46, 61, 64, 66, 69, 70, 75, 90—94.
[4]) №№ 37, 52, 54, 56, 58, 97—102, 106—109.

добра и сообщать одинъ другому все слышанное въ пользу или во вредъ союзника. То же въ договорахъ съ Тверью и Рязанью. Если кто будетъ ихъ ссорить, то нелюбья другъ на друга не держать, а виноватаго наказать по розыску [1]). Иногда удѣльный князь особеннымъ условіемъ обязываетъ великаго оборонять его, если кто обидитъ его отчину [2]). То же выговариваютъ себѣ и Рязанскіе князья, иногда впрочемъ только въ случаѣ, если сами не въ состояніи будутъ обороняться [3]). При этомъ постановляются различныя условія о помощи: такъ напримѣръ, если на Рязанскаго великаго князя пойдетъ великій князь Литовскій, то великій князь Московскій долженъ самъ идти оборонять его; если же Литовскій князь пошлетъ воеводъ, то и Московскій долженъ прислать воеводъ [4]). Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Тверью положено, что если Татары, Литва, Нѣмцы или Ляхи пойдутъ на Тверь, то Московскій великій князь долженъ самъ идти на помощь съ братьями, оставивъ только одного изъ нихъ, кого нужно, для сторожи; если же непріятель пойдетъ на Москву, то Тверской князь долженъ послать на помощь двухъ сыновей и двухъ племянниковъ, оставивъ одного сына у себя [5]). Здѣсь виденъ перевѣсъ Тверскаго князя, но во многихъ другихъ грамотахъ отношенія равныя или перевѣсъ Московскаго князя. Такъ въ договорахъ съ Рязанью говорится, что если пойдетъ на рать самъ великій князь Московскій или братъ его, то Рязанскій князь долженъ всѣсть на коня безъ ослушанія, а если Московскій князь пошлетъ воеводъ, то и Рязанскій долженъ сдѣлать то же [6]).

---

[1]) № 23.
[2]) № 49.
[3]) №№ 48, 65, 115.
[4]) №№ 65, 115. Тоже въ договорѣ съ Тверью № 119.
[5]) Акты Арх. Эксп. т. I, № 14.
[6]) №№ 48, 115.

Такія же условія встрѣчаются и въ договорахъ съ удѣльными князьями. Во многихъ грамотахъ встрѣчается условіе: «а гдѣ ми (великому князю) будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы (удѣльнымъ) со мною, а гдѣ ми будетъ самому не всѣсти, а будеть ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья» [1]). Но Владиміръ Андреевичъ въ договорѣ съ Дмитріемъ Донскимъ выговариваетъ себѣ право не садиться на коня, если не сядетъ сынъ Донскаго Василій Дмитріевичъ; когда же великій князь пошлетъ дѣтей Владиміра Андреевича, то имъ идти безъ ослушанья [2]). Точно также Василій Ярославичъ Боровскій садится на коня, только если сядетъ самъ великій князь, иначе онъ долженъ только послать воеводъ [3]). Юрій же Дмитріевичъ не идетъ въ походъ, а посылаетъ сына, даже когда самъ великій князь сядетъ на коня; сынъ его идетъ и въ томъ случаѣ, если великій князь пошлетъ дядю Константина Дмитріевича; но если онъ пошлетъ двоюродныхъ своихъ братьевъ или воеводъ, то и Юрій посылаетъ воеводъ. Однако великій князь сохраняетъ право въ случаѣ нужды послать и сына Юріева, и тогда послѣдній долженъ идти безъ ослушанія [4]). Та же обязанность идти въ походъ безъ ослушанія встрѣчается и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ Шемякою, причемъ однако съ воеводами великаго князя удѣльный долженъ посылать своихъ воеводъ [5]). Но въ другихъ договорахъ Шемяка обязывается идти самъ, только когда великій князь пойдетъ самъ, или пошлетъ кого изъ братьевъ [6]). Въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андрее-

[1]) №№ 23, 33, 35, 37, 46, 74, 61, 64, 75, 90—94, Акты Арх Эксп. т. I, № 10.

[2]) № 38.

[3]) № 45.

[4]) № 49.

[5]) №№ 56, 60.

[6]) №№ 52, 54.

вичемъ встрѣчается подобное условіе и относительно городской осады: «оже ми (великому князю) самому сѣсти въ городѣ, а тобе ми послати изъ города; и тобѣ оставити своя княгини, и свои дѣти и свои бояре, а будетъ ми тобе оставити въ городѣ, ѣхати ми изъ города; и мнѣ, брате, оставити своя мати и свою братью молодшую и свои бояре»[1]. Наконецъ Юрій Дмитріевичъ выговариваетъ себѣ право не посылать помощи въ случаѣ похода на Литву и не ѣздить къ великому князю въ Москву[2]. Послѣднее выговариваетъ себѣ и Иванъ Можайскій, пока въ землѣ не будетъ митрополита[3].

Характеръ всѣхъ этихъ условій очень ясенъ. Когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: опредѣляется количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться, и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстническихъ разсчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу — все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное превосходство одного князя надъ другимъ. Такъ дядя не соглашается идти безъ ослушанія по приказанію племянника; двоюродный же братъ можетъ принять на себя подобное обязательство. И здѣсь впрочемъ родственныя отношенія не опредѣляютъ исключительно положенія членовъ въ союзѣ. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или

---

1) № 35.
2) № 49.
3) № 66.

другаго князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ на родственной лѣствицѣ.

Особенныя условія заключались князьями относительно Орды. Обыкновенно удѣльные князья обязывались не ссылаться съ Ордою; всѣ сношенія предоставлялись одному великому князю, который выплачивалъ и дань, собравъ ее предварительно съ удѣльныхъ. Это дѣлалось не только въ Москвѣ, но и въ другихъ княжествахъ. Такъ Романовскіе и Заозерскіе князья платили дань князьямъ Ярославскимъ, и это продолжалось даже, когда Заозерье отошло къ Москвѣ: Михаилъ Андреевичъ Верейскій, получивъ отъ великаго князя Василія Васильевича половину Заозерья, обязывался платить съ нея дань по старинѣ князьямъ Ярославскимъ [1]). Мало того: Юрій Дмитріевичъ, будучи удѣльнымъ княземъ, уступилъ часть Звенигородскаго уѣзда брату Константину Дмитріевичу, и послѣдній обязался платить съ нея дань не прямо великому князю, а Юрію [2]). Такъ всякое отношеніе стремилось принять характеръ вотчиннаго права, владѣльческой повинности. А между тѣмъ уплата дани считалась дѣломъ временнымъ; во всѣхъ договорахъ постановлялось, что если перемѣнитъ Богъ Орду, то каждый князь беретъ дань себѣ, и тогда великій князь не имѣетъ права ничего требовать [3]). Слѣдственно и въ этомъ условіи мы не можемъ видѣть не только государственнаго, но и никакого подчиненія удѣльныхъ князей великому. Это временное отношеніе къ внѣшнимъ побѣдителямъ, въ которомъ самый могущественный князь стоитъ на первомъ планѣ. Великіе князья Московскіе, Тверскіе, Рязанскіе обыкновенно договаривались обоюдно, что имъ къ Ордѣ путь чистъ,

---

[1]) №№ 64, 66, 99.

[2]) № 43.

[3]) №№ 35, 84, 90, 94 и много другихъ.

то-есть сношенія совершенно свободны [1]); но Рязанскій князь Иванъ Васильевичъ обязался не слать въ Орду безъ думы Московскаго князя Ивана III [2]). Суздальскіе князья, хотя они сошли уже на степень болѣе или менѣе служебную, выговорили себѣ однако у Шемяки право сноситься съ Ордою, но въ договорѣ съ Василіемъ Васильевичемъ они потеряли эту льготу [3]).

Въ позднѣйшихъ договорахъ Москвы съ Тверью встрѣчается условіе и относительно удѣльныхъ князей. Если кто изъ младшихъ братьевъ Московскаго великаго князя *сгрубитъ* ему, то Тверской князь обязывается не принимать ихъ, а быть на нихъ за одно съ Московскимъ и наоборотъ, если кто изъ младшей братьи сгрубитъ Тверскому князю, его сыну и меньшимъ дѣтямъ, то Московскій князь обязывается не принимать ихъ, а быть на нихъ за одно съ Тверскимъ [4]). Слово *сгрубитъ* нельзя однако принимать за выраженіе какого-либо подданства или подчиненія. Оно употреблялось Литовскими князьями относительно Новгорода, который вовсе не былъ имъ подчиненъ, и Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ о боярахъ Ивана IV. Оно означало просто неуваженіе, обиду со стороны кого бы то ни было, и упомянутое условіе имѣло цѣлью заключеніе союза противъ общихъ враговъ.

Чѣмъ же обезпечивалось исполненіе обязательствъ? Объ этомъ мы находимъ два постановленія, первое въ договорѣ Суздальскихъ князей съ Шемякою:

«А и съ чего гдѣ господинъ нашъ выступитъ, и намъ тобѣ о томъ помянути и тобѣ обыскати, а тобѣ насъ жаловати, а гдѣ мы и съ чего

---

[1]) №№ 76, 77, 88, Акты Арх. Эксп. т. I, №№ 14, 33.
[2]) № 115.
[3]) №№ 62, 80.
[4]) №№ 76, 88, 119.

выступимъ, и тобѣ господину нашему велѣти намъ възвѣсити и намъ тобѣ челомъ бити, а тобѣ насъ жаловати, а за то не сложити»[1]).

Суздальскіе князья, какъ мы сказали, нисходили уже отчасти на степень служебныхъ, хотя отношенія были до того неопредѣленны, что они сохраняли при этомъ право сноситься прямо съ Ордою. Въ договорѣ же Василія Васильевича съ Иваномъ Можайскимъ, который былъ самостоятельный удѣльный князь, мы находимъ условіе другаго рода:

«А хто насъ нарушитъ се наше докончанье и сию нашу утвержденную грамоту, и крестное целованье по докончалнымъ грамотомъ и по сей грамотѣ не исправитъ: ино на томъ на виноватомъ не будетъ милости Божьей и Пречистое его Богоматери, и молитвъ великихъ чудотворцовъ и Святителей Николы и Петра и Леонтея и преподобныхъ, старцевъ Сергѣя и Кирилы и молитвы святыхъ родителей нашихъ, благородныхъ и благовѣрныхъ великихъ князей, въ сей вѣкъ и въ будущій; а братъ нашъ князь велики Борисъ Александровичъ и наша братья молодшая князь Михайло Ондрѣевичъ и князь Василій Ярославичъ, будутъ съ правымъ на виноватого»[2]).

Изъ этого опять-таки ясно, что между удѣльнымъ княземъ и великимъ нѣтъ рѣчи объ отношеніяхъ государственныхъ. Послѣдній не имѣетъ надъ первымъ высшаго права суда, не можетъ наказать его за неисполненіе обязанностей. Оба могутъ быть и правы и виноваты; объ этомъ предоставляется судить постороннимъ, которые однако не произносятъ приговора, а по личному убѣжденію берутъ сторону того или другаго. Исполненіе обязательствъ обезпечивается слѣдственно не дѣйствіемъ высшей власти, а нравственнымъ страхомъ клятвопреступленія и вмѣшательствомъ другихъ. Однако то и другое средство были весьма ненадежны. До какой степени первое имѣло мало дѣйствія на умы, видно изъ безпрерывнаго нарушенія договоровъ. *Сложить крестное цѣлованіе* считалось

---

[1]) № 62.
[2]) № 63.

дѣломъ самымъ обыкновеннымъ; какъ мы видѣли выше, оно включалось даже въ договоры, если новое обязательство должно было разрушить старое. Чтобы упрочить нѣсколько такой шаткій порядокъ, князья прибѣгали иногда къ *проклятымъ грамотамъ*, въ которыхъ нарушившій условіе бралъ проклятіе на свою душу. Но и это не помогало; всегда можно было найдти духовное лицо, которое брало грѣхъ на себя, и тогда уже не оставалось никакого препятствія для нарушенія. Также мало приносило пользы обязательство другихъ князей помогать правому: кто былъ правъ, кто виноватъ, это рѣшалось личнымъ сужденіемъ каждаго, въ основаніи котораго лежалъ все-таки собственный интересъ; тотъ въ глазахъ князя былъ правъ, кому онъ находилъ выгоднѣе для себя помогать. Отсюда безпрерывныя междоусобія и необыкновенная шаткость отношеній, которая яснѣе всего открывается изъ того множества договоровъ, которые заключались между одними и тѣми же лицами. Такъ изъ дошедшихъ до насъ грамотъ мы находимъ въ Румянцовскомъ Собраніи три договора Владиміра Андреевича съ Донскимъ и два съ его сыномъ, пять договоровъ Василья Васильевича съ Шемякою, пять договоровъ его же съ княземъ Боровскимъ и семнадцать договоровъ его же и сына его Ивана III съ князьями Иваномъ и Михайломъ Андреевичами Можайскими[1]). Вмѣсто общихъ положеній, которыя установляли бы прочныя отношенія, мы видимъ множество личныхъ обязательствъ, безпрерывно нарушаемыхъ, безпрерывно смѣняющихся и возобновляющихся, такъ что окончательное рѣшеніе вопросовъ все-таки предоставлялось матеріяльной силѣ.

Если мы послѣ всего сказаннаго захотимъ подвести отношенія князей вотчинниковъ подъ одну изъ категорій, сущест-

---

[1]) Михаилъ Андреевичъ въ послѣдствіи былъ княземъ Верейскимъ, а не Можайскимъ.

вующихъ въ настоящее время, то мы поставимъ себя въ затруднительное положеніе. Это не государственныя отношенія, ибо мы не видимъ здѣсь верховной власти и подданныхъ; каждый князь дѣйствуетъ какъ полный, самостоятельный хозяинъ своей вотчины, и союзныя отношенія имѣютъ мѣсто только относительно внѣшнихъ друзей и враговъ. Это не союзъ государствъ, ибо въ послѣдней формѣ общественнаго устройства существуютъ постоянныя общія положенія, обязательныя для всѣхъ и опредѣляющія дѣйствія союза, какъ единаго цѣлаго; здѣсь же мы видимъ договоры чисто личные, безпрерывно измѣняющіеся вслѣдствіе личныхъ отношеній отдѣльныхъ князей между собою. Наконецъ мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ: удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ. Будучи сыновьями одного отца или внуками одного дѣда, они черезъ это самое находятся уже въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя входятъ, какъ опредѣляющій элементъ и въ установленіе ихъ союзныхъ обязательствъ. Различные великіе князья точно также входятъ между собою въ извѣстныя отношенія родства. Физическое или родовое старшинство лица опредѣляетъ и отношенія его къ другимъ; съ измѣненіемъ родственныхъ отношеній измѣняются и союзныя обязательства. Наконецъ международныя отношенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, предполагаютъ общія нормы, права, которыя вырабатываются изъ взаимнаго общенія государствъ; между отдѣльными державами установляются отношенія болѣе или менѣе прочныя, и договоръ считается постояннымъ обязательствомъ, которое не имѣетъ нужды въ безпрерывномъ возобновленіи. Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ, въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновеніями князей.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти новыя понятія предполагаютъ существованіе государства, а потому неприложимы къ такому быту, въ которомъ сознаніе о государствѣ еще не развилось. Намъ не для чего и прилагать ихъ : мы должны ограничиться выводомъ изъ фактовъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ то время. Какъ ясно изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ, отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наслѣдственныя, то есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области частнаго права. Одинъ князь могъ быть старше, сильнѣе другаго, и черезъ это получалъ перевѣсъ надъ послѣднимъ ; но всѣ эти преимущества входятъ въ разрядъ того же юридическаго воззрѣнія, которое опредѣляло основныя начала жизни и при разнообразіи столкновеній могло проявляться въ весьма различныхъ формахъ.

Развитіе гражданскаго права въ древней Россіи имѣетъ свою исторію. Періодъ предшествующій той эпохѣ, которую мы теперь разсматриваемъ, отличался нѣсколько отъ послѣдней. Въ то время, особенно въ югозападной Россіи, сознаніе родства было сильнѣе между князьями ; каждый изъ нихъ, какъ потомокъ общаго прародителя, получалъ долю въ общемъ наслѣдствѣ, и становился такимъ образомъ на ряду со всѣми другими. Князья не успѣли еще прочно усѣсться на мѣстѣ, мало дорожили своими владѣніями и обращали главное вниманіе на степень, которую они занимали въ родственномъ союзѣ. Въ послѣдствіи сознаніе родства стало болѣе и болѣе пропадать, линіи разошлись такъ далеко, что не имѣли уже почти ничего общаго между собою. Даже близкіе родственники стали мало уважать родственныя отношенія. Имущественные интересы выступили на первый планъ: каждый князь сталъ стремиться къ тому, чтобы усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что самый почетъ пріобрѣтался не столько положеніемъ на родственной лѣствицѣ, столь-

ко силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній. Такимъ образомъ Русская земля, собранная первыми князьями и, несмотря на раздѣльность владѣній, считавшаяся общимъ достояніемъ рода, разбилась на множество мелкихъ княжествъ, которыхъ владѣльцы имѣли въ виду каждый только собственный свой интересъ, враждебный другимъ. Это былъ порядокъ вещей, самый противоположный государственному, какой только можно вообразить. Но онъ-то и повелъ къ установленію государства. Чтобы остаться цѣлымъ и невредимымъ, чтобы сохранить свое мѣсто, каждый князь долженъ былъ необходимо стремиться къ умноженію своей силы, къ увеличенію своихъ владѣній. Отсюда стараніе подчинить себѣ все окружающее,— стараніе, въ которомъ скрывался зародышъ будущаго государственнаго подданства, но которое находило себѣ значительное препятствіе въ господствѣ частнаго права. Какъ скоро одинъ князь усиливался на счетъ другихъ, онъ, какъ частный владѣлецъ, снова дѣлилъ свое имѣніе между дѣтьми, и снова могущество исчезало, сила раздроблялась, положеніе дѣлалось не прочнымъ. Князья начали понимать, что значеніе и могущество иначе нельзя сохранить, какъ усиливъ одного наслѣдника на счетъ другихъ. Но какъ скоро одинъ получилъ несравненно большую силу, нежели прочіе, онъ естественно сталъ покорять себѣ слабѣйшихъ, чтобы тѣмъ положить предѣлъ всякому сопротивленію. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы, и создалось наконецъ единое тѣло, съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознавать себя государемъ. Такимъ образомъ крайное развитіе личнаго начала повело къ водворенію начала совершенно противоположнаго — начала государственнаго. Это діалектическій процессъ историческихъ явленій, который мы здѣсь не выводимъ a priori, а наблюдаемъ на дѣлѣ. Внутреннее про-

тиворѣчіе одной жизненной формы ведетъ къ установленію новой, высшей формы; частности, распадаясь врозь, необходимо вступаютъ между собою въ столкновеніе, въ борьбу, и эта анархическая ихъ дѣятельность становится причиною возникновенія общаго порядка, который всѣ частности сдерживаетъ въ своемъ единствѣ.

Стараясь усилиться одинъ на счетъ другаго, сильнѣйшіе князья, какъ мы сказали, подчиняли себѣ слабѣйшихъ. Въ чемъ же состояло это подчиненіе? Здѣсь опять все опредѣлялось случайными обстоятельствами, бо́льшимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ. Между полною независимостію и полнымъ подчиненіемъ могъ быть цѣлый длинный рядъ посредствующихъ ступеней съ разнообразными опредѣленіями. Къ сожалѣнію до насъ дошло слишкомъ мало подобнаго рода договоровъ изъ сѣверо-восточной, или Московской Руси, которая собственно составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Однако мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на эти разнообразныя отношенія князей служебныхъ. Мы видѣли выше, что Владиміръ Андреевичъ, оставаясь совершенно самостоятельнымъ княземъ, обязывался служить Дмитрію Донскому. На этой ступени служебныя отношенія не многимъ отличались отъ отношеній союзныхъ, въ которыхъ являлось преобладаніе сильнѣйшаго князя. Повторяемъ, что въ жизни вообще переходы смягчаются посредствующими ступенями, а здѣсь можно замѣтить это въ особенности, ибо отъ неровнаго союза къ службѣ переходъ былъ не къ противоположнымъ отношеніямъ, а къ отношеніямъ однороднымъ, гражданскимъ же и договорнымъ. Но если содержаніе оставалось почти тоже, то по формѣ князь становился на низкую степень, понижался въ чести, терялъ свое первенствующее положеніе въ обществѣ. Поэтому Владиміръ Андреевичъ не соглашался стать въ подобныя отношенія къ племяннику, который былъ моложе его,

и эта попытка унизить удѣльнаго князя кончилась ничѣмъ. Другой примѣръ служебныхъ отношеній, съ сохраненіемъ большей или меньшей независимости, мы видимъ въ договорахъ князей Суздальскихъ съ Шемякою и великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ [1]). Въ первомъ мы видимъ весьма слабые слѣды подчиненія: условія большею частію обоюдны, Суздальскіе князья сохраняютъ даже право сноситься съ Ордою, и уменьшенное ихъ значеніе является только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя мы привели выше. Во второмъ же договорѣ видны уже чисто служебныя отношенія: Суздальскіе князья называютъ Василія Васильевича не господиномъ, а господаремъ, что по понятіямъ древней Россіи составляло великую разницу: они обязываются идти на службу безъ ослушанія, куда пошлетъ великій князь, наконецъ, что всего важнѣе, въ случаѣ измѣны, они лишаются вотчины. При всемъ томъ, они остаются полными владѣльцами своего удѣла; великій князь не вступается въ него ни какимъ образомъ, не высылаетъ приставовъ и не держитъ въ немъ закладчиковъ; дѣла между жителями княжествъ разрѣшаются судомъ третейскимъ. Подобное же условіе заключили съ Витовтомъ великіе князья Рязанскій и Пронскій: они бьютъ ему челомъ, отдаются на службу, называютъ его господаремъ, обязываются служить ему вѣрно, безъ хитрости, противъ всякаго недруга; а онъ съ своей стороны обязывается оборонять ихъ, не вступаясь въ ихъ земли и воды; въ случаѣ споровъ установляется судъ третейскій, а если судьи не согласятся, то дѣло рѣшаетъ господарь князь Витовтъ [2]). Начиная съ княженія Василія Васильевича князья постоянно обязываются въ договорахъ не принимать другъ отъ друга князей служебныхъ съ вотчинами, а

---

[1]) №№ 62, 80.

[2]) А. А. Э. т. 1-й, №№ 25, 26.

если кто изъ послѣднихъ отъѣдетъ, тотъ вотчины лишенъ [1]). Такимъ образомъ, сохраняя личную независимость, они теряютъ независимость владѣльческую, и остаются хозяевами своихъ земель, только пока служатъ великому князю. Въ этомъ положеніи служебный князь совершенно уподоблялся феодальному барону, который, будучи обязанъ службою своему ленному господину, оставался вполнѣ независимымъ внутри своихъ владѣній. Однако великій князь могъ пріобрѣтать и нѣкоторыя вотчинныя права въ земляхъ служебныхъ князей, въ большемъ или меньшемъ объемѣ; ибо здѣсь не было ничего опредѣленнаго и все зависѣло отъ перевѣса силы. Мы видѣли выше, что Василій Васильевичъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи отдалъ Ростовъ въ удѣлъ своей вдовѣ, а между тѣмъ князья Ростовскіе продолжали владѣть имъ по прежнему. Неизвѣстно, каковы были ихъ права; но во всякомъ случаѣ ясно, что великая княгиня получила здѣсь нѣкоторыя вотчинныя права и доходы.

Съ бóльшимъ и бóльшимъ развитіемъ государственныхъ понятій, разумѣется, должны были стѣсняться и права служебныхъ князей; самые удѣльные князья нисходятъ на степень служебныхъ, притомъ съ весьма ограниченными правами. Этотъ постепенный переходъ мы можемъ прослѣдить въ договорныхъ грамотахъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ, заключенныхъ при Иванѣ III, видно стремленіе усилить и подробнѣе опредѣлить обязательства удѣльныхъ князей. Такъ Борисъ Васильевичъ Волоцкій обязывается «не ссылаться съ Литвою ни грамотою, ни человѣкомъ, ни какимъ образомъ, никакою хитростью, а что король и его дѣти, или князь Михаилъ Борисовичъ Тверской пришлютъ сказать, то повѣдать великому князю вправду и отослать къ нему и человѣка и грамоту; так-

---

[1]) №№ 43, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 76, 78.

же съ иными князьями и панами, съ Новгородомъ и съ Псковомъ, не ссылаться на лихо великаго князя никакимъ образомъ и извѣщать его обо всемъ и не *одиначиться* на его лихо никакимъ образомъ, никакою хитростью, а быть неотступнымъ отъ великаго князя и его дѣтей, и быть съ ними за одно до кончины на всякаго недруга». Тѣ же обязательства распространяются и на дѣтей Бориса Васильевича; Иванъ III, съ своей стороны, обязывается только держать его въ братствѣ, любви и чести, и печаловаться имъ и его отчиною[1]). При Иванѣ IV мы видимъ уже не договоры великихъ князей съ удѣльными, а *записи* удѣльныхъ, то есть обязательство одностороннее, а не обоюдное. Форма остается еще личная; отношенія установляются не законами, а отдѣльными гражданскими актами; но въ ней выражается уже не обоюдный союзъ свободныхъ лицъ, а подчиненіе одного лица другому. Впрочемъ, въ записи Андрея Ивановича Старицкаго, данной въ 1537 году во время малолѣтства Ивана IV, упоминается еще о докончальной грамотѣ, то-есть о заключенномъ договорѣ. Въ этой записи удѣльный князь обязывается хотѣть великому князю добра, а лиха не хотѣть, ни мыслить, ни думать ни съ кѣмъ, ни дѣлать никакимъ образомъ, никакою хитростью, а что услышитъ, того не утаить, а сказать вправду, безъ хитрости; великій же князь и его мать должны его жаловать и беречь по наказу дѣда[2]). Сынъ Андрея Старицкаго, Владиміръ Андреевичъ, далъ на себя три записи Ивану IV[3]). Въ первой онъ обязывается держать царя и его дѣтей честно и грозно, безъ хитрости, хотѣть имъ добра во всемъ, быть съ ними вездѣ заодно; кромѣ ихъ ни съ кѣмъ не быть въ цѣлованьи, извѣщать ихъ вправду о добрѣ и лихѣ, не подыскиваться государствъ,

---

[1]) № 123.
[2]) № 163.
[3]) №№ 167, 168, 169.

не покупать въ ихъ земляхъ селъ и не держать закладчиковъ, не принимать къ себѣ ихъ слугъ, и блюсти царскихъ бояръ и слугъ, живущихъ въ его вотчинѣ. Со стороны царя нѣтъ никакихъ обязательствъ. Во второй и третьей грамотѣ прибавлено, что удѣльный князь долженъ жить въ Москвѣ, на своемъ дворѣ, и держать тамъ не болѣе 108 человѣкъ служни, а прочихъ держать въ отчинѣ, не мстить за грубости царскихъ бояръ, не дѣлать никакихъ дѣлъ безъ означенныхъ въ духовномъ завѣщаніи бояръ царевича, сына Ивана IV [1]), наконецъ не вершить никакого дѣла, не сказавъ царевичу и его матери, а вершить ихъ такъ, какъ прикажутъ послѣдніе. Здѣсь видно уже совершенное уничтоженіе всякой самостоятельности удѣльнаго князя; онъ не только нисходитъ на степень служебныхъ князей, но дѣлается подданнымъ царя.

Такой же переворотъ совершился и въ судьбѣ сословій. Изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ, нѣтъ почти ни одной, въ которой бы не включено было условіе: «а боярамъ и слугамъ (и дѣтямъ боярскимъ) вольнымъ воля». Иногда прибавляется, что князья не должны держать нелюбья, если кто поѣдетъ отъ одного изъ нихъ къ другому [2]). Вотчины свои бояре и слуги сохраняли даже въ случаѣ отъѣзда [3]); но судъ и дань съ земель ихъ шли по обыкновенію тому князю, въ удѣлѣ котораго онѣ находились: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ». Иногда князья именно уговаривались не вступаться въ отчины отъѣхавшихъ бояръ; исключенія дѣлались только для имѣній лицъ, провинившихся прежде отъѣзда [4]). Вообще бояринъ, пока служилъ князю, подлежалъ его суду и могъ

[1]) Запись писана по случаю болѣзни царя.

[2]) №№ 23. 27.

[3]) Исключеніе составляли бояре новгородскіе, которые, въ случаѣ отъѣзда, теряли свои земли, № 28.

[4]) №№ 28, 127.

быть имъ наказанъ, но какъ скоро онъ отъѣзжалъ, такъ дальнѣйшіе споры съ прежнимъ княземъ рѣшались уже судомъ третейскимъ [1]). Бояре, служившіе одному князю, могли жить въ удѣлѣ другаго, и послѣдній обязывался блюсти ихъ, какъ своихъ, а иногда и брать съ нихъ дань, какъ съ своихъ [2]). Въ одной изъ позднѣйшихъ грамотъ сказано: брать на нихъ дань и *судъ* какъ *на своихъ* [3]); но это кажется единственный примѣръ. Такое же исключеніе составляетъ и постановленіе въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, что бояре и слуги должны идти на войну съ тѣмъ княземъ, въ удѣлѣ котораго они живутъ [4]). Обыкновенно же бояре и слуги шли съ воеводою того князя, которому они служили, или вообще постановлялось: кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тотъ ѣдетъ съ своимъ господаремъ [5]). Только въ случаѣ городской осады, всякій долженъ былъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, за исключеніемъ бояръ введенныхъ и путныхъ [6]).

Такимъ образомъ бояре и слуги, люди вольные ходили съ мѣста на мѣсто, вступая въ личныя, временныя обязательства съ тѣмъ или другимъ княземъ. Нелюбо имъ было служить одному — они уѣзжали къ другому, безъ всякаго препятствія,

---

[1]) № 28.

[2]) Первое №№ 37, 43, 47, 49, 52, 54, 60, 61, 62, 64, 75, 90—95, 97; второе №№ 27, 33, 35, 45, 71, 78, А. А. Э. т. 1-й № 29.

[3]) № 119.

[4]) № 33.

[5]) №№ 35, 45, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 75, 90—95, 97, 127.

[6]) №№ 37, 43, 45, 47, 49, 52, 57, 60, 64, 75, 90, 91, 97, 99. Г. Соловьевъ производитъ слово: *путный* отъ *путь*, дорога, и объясняетъ его противоположеніемъ бояръ степенныхъ, имѣвшихъ должности на мѣстѣ, и бояръ путныхъ, или имѣвшихъ должность во время дороги. Слѣдующее мѣсто показываетъ напротивъ, что слово: *путный* происходитъ отъ слова *путь* въ значеніи дохода: «а коли мнѣ взять дань на своихъ боярахъ, на большихъ и путныхъ, то и тебѣ взять, по кормленіемъ и по путемъ» № 33.

безъ всякаго ограниченія правъ. Они могли даже сохранять прежнее свое имѣніе, служа князю враждебному, такъ что изъ вотчины одного князя извлекались доходы и силы, которыя шли на подкрѣпленіе его противника. Понятно однако, что это не могло нравиться вотчиннику; и точно, князья старались оградить себя условіемъ, чтобы бояре чужаго князя не покупали въ ихъ вотчинѣ селъ и не держали закладчиковъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ условіе было почти безполезно, ибо вотчина могла быть куплена собственнымъ бояриномъ, который послѣ того могъ отъѣхать къ другому князю. Притомъ же, при раздѣленіи княжествъ по наслѣдству, бояре и слуги, переходившіе къ одному брату, сохраняли владѣнія, пріобрѣтенныя въ земляхъ, которыя доставались другому. Это было неразрѣшимое противорѣчіе, изъ котораго невозможно было выпутаться, ибо корень его заключался въ самомъ основномъ положеніи — въ личномъ и временномъ характерѣ обязательствъ. Этотъ характеръ распространялся на всѣ сословія: торговые люди и крестьяне точно также переходили съ мѣста на мѣсто, изъ княжества въ княжество, вступая при поселеніи въ договоры съ землевладѣльцами или съ мірскими обществами, на чьихъ земляхъ они селились [1]). Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ, вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства. Единственные люди, которые состояли въ подчиненіи постоянномъ, были холопы, о которыхъ также встрѣчаются распоряженія въ духовныхъ грамотахъ [2]); но и это было не подданство, а личная власть одного человѣка надъ другимъ, власть, которая

[1]) См. статью «Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка».
[2]) См. также именованную статью.

могла принадлежать боярину и слугѣ такъ же, какъ и князю. Прочіе были *люди вольные*, то-есть независящіе ни отъ кого, не признающіе надъ собою никакой власти и подчиняющіеся другому лицу единственно на основаніи свободнаго договора.

Это выраженіе: *люди вольные*, совершенно соотвѣтствуетъ слову: *франки*, hommes francs, которое на Западѣ означало то же самое понятіе. Оба явленія принадлежатъ одному времени и сходны между собою, потому что происходятъ изъ одного источника, именно изъ дружиннаго начала, изъ этого союза лицъ, совершенно свободныхъ, никому не подчиненныхъ и соединенныхъ между собою единственно договоромъ. Этотъ дружинный типъ, разбивши первоначальную родовую связь, вошелъ, какъ составной элементъ, въ бо́льшую часть гражданскихъ отношеній того времени. Но на Западѣ бродячая жизнь франковъ скоро превратилась въ подчиненіе хотя личное, договорное. однако постоянное. Тамъ дружины пришли въ столкновеніе съ предыдущею, развитою гражданственностію; тамъ самая природа страны мало способствовала кочеванію. И вотъ мы съ раннихъ временъ видимъ ограниченія перехода слугъ. По договору 587 года, заключенному въ Андели меровингами Гонтраномъ и Хильдебертомъ, оба князя обязываются не переманивать другъ отъ друга слугъ и людей, и не принимать тѣхъ, которые будутъ отъѣзжать. По ломбардскому закону всякій, кто держалъ землю, могъ свободно уѣзжать и выбирать себѣ другаго господина, но въ такомъ случаѣ все его имущество отходило къ тому, котораго онъ оставлялъ. Пипинъ, сынъ Карла Великаго, будучи королемъ Ломбардскимъ, установилъ, что всѣ вольные люди ломбардскіе, по прежнему обычаю, могутъ свободно вступать въ службу, къ кому захотятъ, но никто не долженъ принимать ихъ безъ отпуска прежняго господина и не узнавши навѣрное, почему они его покинули. Самъ Карлъ Великій говоритъ въ

одномъ капитуляріи: если вольный человѣкъ оставитъ своего господина противъ воли послѣдняго, и перейдетъ изъ одного государства въ другое, то король не долженъ принимать его въ свою службу, ни позволять людямъ своимъ принимать его. А въ другомъ: всякій человѣкъ, взявшій отъ господина цѣну одного солида, не долженъ его оставлять иначе, какъ если господинъ захочетъ убить его или побить палкой или обезчеститъ жену его или дочь, или наконецъ похититъ его наслѣдство. Карлъ Лысый постановилъ, что всякій вольный человѣкъ можетъ выбирать себѣ господина, какого хочетъ, но оставлять его онъ не долженъ безъ справедливой причины, и никто другой не долженъ принематъ такого отъѣзжика иначе, какъ по правиламъ, установленнымъ обычаями отцовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій нельзя не видѣть государственныхъ стремленій, которыми тогдашніе короли и императоры пытались воскресить Римскую имперію. Но во всякомъ случаѣ это сообщило договорамъ постоянный, наслѣдственный характеръ, который не только сохранился, но еще болѣе развился при утвержденіи феодализма. У насъ же до самаго образованія Московскаго государства бояре и слуги свободно переѣзжали отъ князя къ князю, и договоры носили характеръ временный. Здѣсь опять мы замѣчаемъ то различіе между средневѣковыми учрежденіями на Западѣ и въ Россіи, о которомъ мы говорили выше: при одинакихъ основныхъ началахъ быта мы видимъ, съ одной стороны, прочность и крѣпость гражданскихъ отношеній, съ другой — совершенную ихъ шаткость.

Замѣтимъ еще, что у насъ переходы вовсе не были основаны на мысли о единствѣ Русской земли. Бояре, слуги, крестьяне переходили не только отъ великихъ князей къ удѣльнымъ и наоборотъ, но и отъ великихъ къ великимъ — отъ Московскаго князя къ Тверскому, Рязанскому, Литовскому,

къ владѣльцамъ земли, совершенно другъ отъ друга независимымъ, и часто другъ другу враждебнымъ. Это стѣсняло и гражданскія ихъ права; бояринъ, служившій одному князю, не могъ пріобрѣтать селъ во владѣніяхъ другаго. Князья, близкіе другъ къ другу, стѣсняли даже переходы низшаго народонаселенія изъ удѣла въ удѣлъ, какъ видно изъ договоровъ Московскихъ князей и изъ духовной грамоты Владиміра Андреевича[1]). Бояринъ, слуга, крестьянинъ переходилъ свободно изъ одного княжества въ другое не потому, что онъ шелъ въ землю, которая составляла одно цѣлое съ тою, которую онъ покинулъ, а потому, что онъ былъ человѣкъ вольный, никѣмъ не стѣсняемый и не принадлежащій постоянно ни къ какому обществу, что̀ и выражалось словами: вольнымъ воля.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что бояре и слуги составляли особый разрядъ лицъ, которыя пользовались особыми правами. Бояринъ могъ отъѣзжать свободно, чего не могъ холопъ; бояринъ (за исключеніемъ новгородскихъ), уходя въ другое княжество, сохранялъ свои земли, тогда какъ крестьянинъ лишался ихъ. Ясно, что въ то время существовало сословное различіе. На чемъ же оно было основано? Конечно, не на обязанностяхъ сословій къ государству, ибо отдѣльное лицо нисколько не считало себя соединеннымъ постоянною связью ни съ общественною властью, ни съ другими лицами того же разряда; оно свободно переѣзжало съ мѣста на мѣсто и вступало въ обязательства личныя и временныя. Ни одно сословіе не составляло такимъ образомъ единаго государственнаго тѣла: были только отдѣльные разряды лицъ, состоянія, которыя еще не сплотились въ сословія; были сословные элементы, но элементы весьма шаткіе, лишенные

---

[1]) См. Статью: Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка.

единства и государственнаго значенія. Различіе ихъ основывалось главнымъ образомъ на троякаго рода отношеніяхъ: 1) на различіи зависимости, что̀ производило состоянія вольныхъ людей и холоповъ; 2) на различіи занятій, имѣвшихъ болѣе или менѣе характеръ наслѣдственности; здѣсь коренилось различіе служилыхъ людей, занятыхъ военнымъ дѣломъ, духовенства, торговыхъ людей и крестьянъ; 3) на различіи знатности, которая давала высшее или низшее положеніе въ обществѣ; отсюда различіе бояръ, дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей, черныхъ посадскихъ людей и т. д. Изъ Судебниковъ, которые, разумѣется, не установили новыхъ разрядовъ, а только узаконили и устроили болѣе или менѣе существующій порядокъ, мы видимъ, что каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ своего рода *честь*. Одно занятіе считалось честнѣе, другое менѣе честнымъ. Мало того; внутри каждаго разряда, каждое отдѣльное лицо имѣло свою особенную честь: одинъ бояринъ садился выше другаго, занималъ болѣе почетное мѣсто, нежели другой, и ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы эта личная его честь не подверглась какому-нибудь уменьшенію, ибо разъ пріобрѣтенное положеніе становилось уже наслѣдственною собственностью пріобрѣтателя. Такимъ образомъ права каждаго отдѣльнаго лица могли безпрестанно приходить въ столкновеніе съ правами другихъ лицъ. Вновь пріѣзжій человѣкъ долженъ былъ неизбѣжно нарушать установившуюся іерархію; онъ получалъ мѣсто не по заслугамъ, ибо выходецъ не могъ еще оказать никакихъ заслугъ, а по знатности (по отечеству) и по силѣ. Онъ втѣснялся въ сомкнутые ряды, и болѣе или менѣе удачныя столкновенія его съ другими рѣшали, какое мѣсто онъ займетъ въ ихъ кругѣ. Такъ Родіонъ Несторовичъ привелъ съ собою въ Москву 1700 человѣкъ дружины и получилъ первое мѣсто; но бояринъ Акинѳъ счелъ себя оскорбленнымъ и уѣхалъ въ Тверь.

Изъ этого видно, что тогдашнее общество представляло цѣлую іерархію лицъ, которыхъ честь и положеніе опредѣлялись знатностью, занятіями, могуществомъ, личною зависимостью, то-есть элементами чисто гражданскими, а отнюдь не государственными. Отсюда безконечное неравенство между людьми. Внутри каждаго разряда не было, можетъ-быть, двухъ лицъ съ одинакою честью. Имъ стоило сѣсть за одинъ столъ, и уже одинъ получалъ высшее мѣсто, другой низшее, а какъ скоро первый пріобрѣталъ такой перевѣсъ, онъ уже считалъ себя честнѣе втораго, всякій разъ ссылался на этотъ случай, чтобы доказать свое превосходство и всегда занимать болѣе почетное мѣсто. Такое всеобщее неравенство составляетъ необходимую принадлежность быта, въ которомъ господствуетъ частное право. Здѣсь выступаетъ отдѣльное лицо со всѣми своими частными отношеніями, со всѣми своими случайными, индивидуальными принадлежностями, которыя могутъ разниться до безконечности. Эти чисто личныя условія опредѣляютъ положеніе человѣка въ обществѣ, а когда онъ разъ пріобрѣлъ извѣстное положеніе, онъ, вслѣдствіе тѣхъ же понятій частнаго права, считаетъ его своею неотъемлемою принадлежностью, своею наслѣдственною собственностью. Онъ можетъ и потерять его такимъ же случайнымъ образомъ: сѣлъ разъ ниже другаго, и навсегда уже понизилась честь не только самого лица, но и всѣхъ другихъ, состоящихъ съ нимъ въ родственной связи. Поэтому-то каждый и заботился такъ усердно о томъ, чтобы не уронить себя какъ-нибудь въ самыхъ мелочныхъ, ничтожныхъ обрядахъ жизни. Отсюда доходящій до нелѣпости формализмъ, который коренился въ томъ, что честь человѣка — выраженіе его личности — слагалась изъ случайныхъ, частныхъ опредѣленій. Отсюда проистекало и развитіе аристократическихъ понятій: всѣ частныя отношенія человѣка, его порода, его положеніе были гораздо болѣе видны и болѣе уважались въ лицѣ, занимающемъ

высокое мѣсто въ обществѣ, нежели въ томъ, который стоялъ на низшей ступени. Оттого мѣстническіе счеты, существуя во всѣхъ сословіяхъ, господствовали преимущественно въ высшемъ классѣ; а мѣстническіе счеты опредѣлялись знатностью, породою, то-есть именно тѣмъ, что составляетъ основаніе всякаго аристократическаго элемента.

Совершенно съ другимъ характеромъ является личность напримѣръ у римскихъ плебеевъ. Тамъ, вслѣдствіе сильнаго развитія элемента общественнаго, государственнаго, лицо получаетъ значеніе не по частнымъ своимъ отношеніямъ, а въ качествѣ члена общества. Все частное, случайное откидывается, не признается, а берется только общее, существенное, имѣющее значеніе для цѣлаго. Лицо выступаетъ уже какъ гражданинъ. По этому общественное начало производитъ всеобщее уравненіе; какъ граждане, всѣ люди равны, всѣ несутъ одинакія обязанности, и каждый получаетъ мѣсто только по мѣрѣ своихъ заслугъ. Въ обществѣ, которое зиждется на частномъ правѣ, необходимо является перевѣсъ сильнаго надъ слабымъ, и вслѣдствіе того установляется общественное неравенство; въ государственномъ же порядкѣ такого случайнаго перевѣса быть не можетъ, ибо общественная власть имѣетъ обязанностью не допускать господства силы и случайнаго превосходства. Въ первомъ случаѣ лицо является, какъ особь, во второмъ, какъ членъ общества, какъ гражданинъ.

Такое абсолютное уравненіе подданныхъ произошло въ новѣйшее время и въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, но и здѣсь оно проистекло изъ сильнаго развитія общественной власти, которая уничтожала средневѣковой порядокъ. Прежде того тамъ существовали такія же сословія, какъ и въ Россіи. Считаемъ не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ. У насъ до сихъ поръ еще многіе думаютъ, что западныя сосло-

вія произошли изъ завоеванія [1]); это старая мысль, которая въ настоящее время оставлена западными историками, и справедлива только относительно Англіи. Не говоря уже о Германіи, въ которой феодальныя отношенія установились между единоплеменниками, но даже и во Франціи образованіе сословій произошло совершенно другимъ путемъ. Завоеваніе конечно имѣло на него вліяніе; надъ прежнимъ народонаселеніемъ явилась дружина съ исключительно-военнымъ характеромъ, какъ это было и у насъ. Но разряды лицъ, которые существовали при завоеваніи, не были похожи на тѣ, которые образовались въ послѣдствіи, и вмѣсто того, чтобы смягчаться при сліяніи покорителей съ покоренными, различія классовъ дѣлались болѣе и болѣе рѣзкими и опредѣленными. Во Франціи послѣ завоеванія очутилось рядомъ нѣсколько племенъ. Если для краткости мы возьмемъ только побѣдителей Франковъ и побѣжденныхъ Галло-Римлянъ, то увидимъ, что каждый изъ этихъ народовъ раздѣляется на классы, совершенно другъ другу соотвѣтствующіе. За исключеніемъ лицъ, вполнѣ несвободныхъ, рабовъ, мы видимъ между Франками три различные

---

[1]) Наши толки о завоеваніи напоминаютъ почтеннаго французскаго ученаго, аббата Дюбо, который находилъ неприличнымъ, что Франки завоевали Галлію, и доказывалъ, на основаніи источниковъ, что завоеванія отнюдь не было, а что Франки въ иныхъ мѣстахъ были призваны Галлами, въ другихъ же занимали землю безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣднихъ. Другіе изслѣдователи находили также неприличнымъ, что Франки были чуждое племя и доказывали, что это были тѣ же Галлы; третьи наконецъ переносили на старину всѣ свои современныя желанія и требованія, и смотрѣли на исторію сквозь эту призму: одни въ самыхъ древнѣйшихъ эпохахъ находили преобладаніе аристократіи, другіе сильное развитіе монархіи, третьи господство народныхъ учрежденій. Это тѣ же явленія, которыя до сихъ поръ повторяются у насъ съ тѣмъ различіемъ, что тамъ эти давно пройденные зады уступили мѣсто новому направленію, которое называется историческимъ.

класса: 1) личныхъ слугъ короля (antrustiones), которые обязывались постоянною къ нему службою, 2) людей вольныхъ, собственно Франковъ, землевладѣльцевъ, которые, хотя нѣкоторымъ образомъ подчинялись королю, но обязаны были только извѣстною службою, 3) людей полусвободныхъ (liti), которые находились въ большей или меньшей крѣпостной зависимости отъ первыхъ двухъ классовъ и отъ короля. Точно также раздѣлялись и Римляне; между ними были: 1) Romani convivae regis, собесѣдники короля, 2) Romani possessores, землевладѣльцы, 3) Romani tributarii, платившіе подать. Все различіе между Франками и Римлянами состояло въ томъ, что въ соотвѣтствующихъ разрядахъ за убійство первыхъ взыскивалась вдвое большая вира, нежели за убійство послѣднихъ. Но за Римлянина высшаго разряда платилось болѣе, нежели за Франка низшаго разряда. Кромѣ того, сюда примѣшивались и постороннія обстоятельства: за Римлянина, убитаго съ насильственнымъ вторженіемъ въ его домъ, платилось болѣе, нежели за Франка, просто убитаго на большой дорогѣ. Изъ этого видно, что отнюдь не было такого рѣзкаго различія между побѣдителями и побѣжденными, какое воображаютъ, и что различіе классовъ основывалось главнымъ образомъ на большей или меньшей степени личной зависимости ихъ членовъ. Въ послѣдствіи, когда всѣ бродящіе элементы нѣсколько усѣлись и отношенія сдѣлались болѣе постоянными, классъ вольныхъ людей исчезъ почти совершенно; одна часть его перешла въ высшій разрядъ, другая въ низшій, и тогда обозначились два сословія, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга: рыцари и виланы, — слуги, занятые исключительно войною, и слуги, платившіе вещественныя подати и повинности. Между ними занялъ мѣсто третій классъ, торговый, который, замкнувшись въ городахъ, получилъ особыя права и привилегіи. Такимъ образомъ на Западѣ, какъ и у насъ, различіе сред-

невѣковыхъ сословій основывалось на различіи занятій, которыя приняли болѣе или менѣе характеръ наслѣдственности и условливали различіе наслѣдственной чести, при чемъ и здѣсь и тамъ это распредѣленіе совершалось на основаніи частнаго права. Существенное различіе состояло только въ томъ, что у насъ, вслѣдствіе шаткости всѣхъ отношеній, вслѣдствіе временнаго характера договоровъ, сословія не могли получить такой опредѣленности, какъ на Западѣ. Впрочемъ и во Франціи въ средніе вѣка, за исключеніемъ духовенства, сословные союзы не имѣли еще общаго характера, не составляли одного цѣлаго. Каждый городъ имѣлъ свои права и привилегіи; дворянство каждой провинціи точно также считало себя отдѣльнымъ союзомъ съ особенными правами, отличными отъ другихъ, какъ видно изъ грамотъ, данныхъ рыцарству Людовикомъ X. Сословія на Западѣ получили единство только съ возникновеніемъ государства, когда они явились передъ лицомъ его въ земскихъ думахъ — генеральныхъ штатахъ. Тогда точнѣе обозначились отношенія ихъ къ общему, всенародному союзу, тогда опредѣлилось значеніе ихъ въ государствѣ. Каждое получило свои постоянныя общественныя обязанности, которыя опредѣляли существенный его характеръ. Дворянство явилось *какъ сословіе, обязанное нести службу, преимущественно военную, съ своихъ земель;* духовенство осталось *сословіемъ, обязаннымъ отправлять церковную службу;* городскіе жители явились *сословіемъ промышленнымъ, на которомъ преимущественно передъ другими лежали государственныя подати и повинности;* крестьяне — *сословіемъ, которое сидѣло на чужой землѣ и обязано было платить оброкъ или нести повинности въ пользу землевладѣльца*[1]). Элементы остались

[1]) Надобно впрочемъ замѣтить, что во Франціи не было такого рѣзкаго различія между крестьянами и городскими жителями; первые рано начали освобождаться отъ феодальнаго подчиненія, стали пріобрѣтать

прежніе; они были взяты изъ быта, основаннаго на частномъ правѣ, но они получили болѣе цѣльности, опредѣленности и пріобрѣли государственное значеніе. Государство только приспособило ихъ къ своимъ цѣлямъ, заставивъ ихъ служить общему дѣлу.

Нельзя не замѣтить, что у насъ, какъ скоро возникло государство, сословія явились буквально съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и на Западѣ; государство точно также взяло элементы, образовавшіеся изъ развитія частнаго права, укрѣпило ихъ, наложило на нихъ общія обязанности, и мало-по-малу сообщило имъ цѣльность и опредѣленность. Сословія получили новое, общественное значеніе, хотя они все еще сохраняли прежній частный характеръ, который проглядываетъ въ нихъ и доселѣ. Долго еще удерживались даже такія частныя права, которыя были прямо противоположны государственнымъ требованіямъ, какъ напримѣръ мѣстничество — чистое выраженіе знатности, заслоняющей собою заслуги. Эти аристократическія стремленія были сильны не только въ высшемъ боярствѣ, но и въ низшихъ служилыхъ людяхъ. Этому встрѣчаются замѣчательные примѣры. Не говоримъ уже о просьбѣ астраханскихъ дѣтей боярскихъ, которые говорятъ, что имъ невмѣстно служить съ гайдуцкими и мѣщанскими дѣтьми; эта просьба относится къ XVII вѣку, и можно, пожалуй, приписать ее вліянію Польши. Но въ XVI вѣкѣ было тоже самое. Изъ одной правой грамоты, помѣщенной въ «Описаніи государственнаго архива старыхъ дѣлъ» видно, что дѣти боярскіе отказались отъ судебнаго поединка съ крестьянами, потому что считали это для себя безчестнымъ. Судья не принялъ этого

въ собственность земли и мало-по-малу примкнули къ третьему сословію. Въ Германіи же оба сословія отличались другъ отъ друга, имѣли свое отдѣльное представительство и носили именно тотъ характеръ, который мы обозначили въ текстѣ.

отвода и обвинилъ ихъ; но во всякомъ случаѣ это указываетъ на такія аристократическія замашки, которыя не признавались даже на Западѣ, гдѣ вслѣдствіе прочности отношеній сословное начало было сильнѣе развито, нежели у насъ: на Западѣ рыцарь передъ судомъ всегда бился въ поединкѣ съ лицами изъ другихъ сословій.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе вновь возникшаго государственнаго начала, сословія изъ разрядовъ вольныхъ людей превратились у насъ въ крѣпостные союзы. Какъ это совершилось относительно низшихъ сословій, объ этомъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ[1]). Относительно же служилыхъ людей мы можемъ прослѣдить эту перемѣну въ 1-мъ томѣ «Собранія государственныхъ грамотъ». Въ первый разъ, въ княженіе Ивана III, встрѣчается запись князя Холмскаго, въ которой онъ обязывается не отъѣзжать къ другимъ князьямъ. Временные договоры превращаются такимъ образомъ въ постоянные. Холмскій пишется еще *слугою;* но со временъ Василія Ивановича это названіе замѣняется въ записяхъ словомъ *холопъ*. Въ этомъ измѣненіи нельзя не видѣть цѣлаго переворота въ судьбѣ служилаго сословія. Прежній *вольный человѣкъ*, свободно переѣзжавшій съ мѣста на мѣсто, свободно вступавшій въ договоры, дѣлается крѣпостнымъ, состоящимъ въ личной зависимости отъ князя. Древняя Русь хорошо понимала значеніе именъ, и установляла рѣзкое между ними различіе. Мы знаемъ напримѣръ изъ исторіи отношеній Новгорода къ Ивану III, какое значеніе придавалось различію словъ: *господинъ* и *господарь*. Новгородцы не соглашались назвать Ивана III господаремъ, потому что это значило признать власть его надъ собою. Точно также и вольные слуги не могли называть себя холопами иначе, какъ при совершенной перемѣнѣ отношеній. Слово *холопъ* было хорошо извѣстно людямъ того

[1]) См. статью «Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка».

времени; передъ ихъ глазами существовали цѣлые разряды лицъ, которые носили это имя и состояли въ полной зависимости отъ господина. Съ нихъ-то оно и было взято для означенія новыхъ отношеній слугъ къ князьямъ. Возникающее государство не могло довольствоваться подчиненіемъ временнымъ и договорнымъ; оно искало отношеній постоянныхъ и стало уничтожать право отъѣзда какъ записями служилыхъ людей, такъ и условіями, которыми младшіе князья обязывались не принимать слугъ, отъѣзжающихъ отъ старшаго [1]). Но образуясь путемъ практическимъ, государство не успѣло еще выработать понятій для означенія общественнаго подданства. По этому новую форму постояннаго, полнаго подчиненія оно взяло изъ частнаго права, изъ существовавшаго въ немъ отношенія холопства. Князь сталъ господиномъ, а подданные холопами. Такъ обыкновенно новый порядокъ вытекаетъ изъ стараго. Бояре и слуги, какъ наиболѣе близкіе къ князю, составляли какъ бы его дворню и прямо писались холопами; тяглые люди, болѣе удаленные, писались людишками и сиротами, названіе также заимствованное отъ домашней челяди. Помѣщичьи же крестьяне вступили къ своимъ господамъ въ такое же полное подчиненіе, какъ бояре къ князю, и мало-по-малу совершенно уравнялись съ холопами.

Изъ этого личнаго, частнаго характера, въ которое облеклось понятіе о подданствѣ, проистекло неограниченное право князя распоряжаться лицомъ и имуществомъ подданныхъ. Служилые и тяглые люди несли настоящую барщину, такъ же какъ и донынѣ несутъ ее помѣщичьи крестьяне — остатокъ тѣхъ учрежденій, которыя со времени образованія Московскаго государства до самаго царствованія Екатерины II, распространялись на всѣ сословія безъ исключенія. Имѣнія служилыхъ людей не составляли частной ихъ собственности, а

---

[1]) №№ 163, 167.

были только жалованьемъ царя, которое отбиралось въ казну за малѣйшій проступокъ; земли тяглыхъ людей прямо считались собственностью государя, а крестьянскія принадлежали помѣщику. Оба послѣднія сословія были крѣпки къ мѣстамъ жительства, народонаселеніе не могло двигаться свободно даже въ предѣлахъ государства; служилые же люди были крѣпки къ службѣ, отъ которой не могли уклоняться. Всѣ равно состояли въ полной власти государя. Иногда царь собиралъ сословія въ земскія думы, но это было совѣщаніе барина съ своими холопами. Онъ созывалъ, кого хотѣлъ, когда хотѣлъ и какъ хотѣлъ: голосъ ихъ не имѣлъ законной силы, низшіе разряды лицъ обыкновенно даже вовсе не подавали своего мнѣнія, а говорили только, что въ томъ воленъ царь и его бояре, а они готовы идти, куда ихъ пошлютъ. Однимъ словомъ, при отношеніяхъ холопства, которыя распространялись на все народонаселеніе, Московское государство представляло такое зрѣлище, которое заставляло пріѣзжихъ иностранцевъ справедливо замѣтить, что ни одинъ монархъ въ мірѣ не имѣетъ надъ подданными такой обширной власти, какъ государь Московскій.

Власть эта перешла преемственно и къ слѣдующимъ самодержцамъ; но при Петрѣ Великомъ она совлекла съ себя форму личной зависимости и получила характеръ государственный. Петръ запретилъ подчиненнымъ называться *холопами*, и замѣнилъ это имя названіемъ *подданныхъ*. Съ этою перемѣною возникаетъ цѣлый міръ новыхъ понятій объ общественной жизни. Самъ Петръ пересталъ смотрѣть на себя, какъ на барина, владѣющаго своими людьми. Онъ видѣлъ въ себѣ служителя государства и, чтобы нагляднѣе показать народу значеніе царя, онъ самъ вмѣстѣ съ другими проходилъ военные чины, начиная отъ самыхъ низшихъ. Въ Петрѣ вполнѣ воплотились государственныя понятія, возникшія въ Россіи съ XV вѣка.

Заключимъ наше бѣглое обозрѣніе значенія и судьбы сословій однимъ общимъ замѣчаніемъ. Мы видѣли въ нихъ переходъ отъ полной свободы, разрушающей всякое прочное общественное устройство, къ полному подчиненію, налагающему служеніе слишкомъ тяжелое для человѣческой личности. Такой переворотъ представляетъ одно изъ тѣхъ явленій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи. Крайнее развитіе одной жизненной формы ведетъ къ крайнему развитію другой, тогда какъ большее или меньшее равновѣсіе различныхъ общественныхъ элементовъ долѣе сохраняется неизмѣннымъ. Разительный примѣръ того и другаго представляетъ намъ исторія Англіи и Франціи. Въ цѣлой Европѣ не было, можетъ-быть, государства, въ которомъ бы въ средніе вѣка королевская власть была такъ сильно развита, какъ въ Англіи; не было ни одного, въ которомъ бы сословія получили такое единство, такую крѣпкую организацію. Правда, все это существовало подъ формами феодализма, то-есть, частнаго права, однако это устройство ближе другихъ подходило къ единству и прочности государственнаго порядка. Поэтому въ Англіи новая государственная власть не имѣла нужды уничтожать все старое и скрѣплять разнообразные элементы безусловнымъ подчиненіемъ ихъ своему единству. Старыя формы остались, потерявши только тѣ черты, которыя были совершенно несовмѣстны съ новыми требованіями: государство организовалось не путемъ перехода отъ одной крайности въ другую, а путемъ постепеннаго, хотя нерѣдко насильственнаго измѣненія существующаго порядка. — Во Франціи, напротивъ, въ средніе вѣка существовала такая разрозненность, какъ можетъ-быть ни въ какомъ другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Зато, съ другой стороны, и новая королевская власть, собирательница земли, строительница государства, возникла тамъ съ большею силою, нежели гдѣ либо. Только абсолютнымъ подчиненіемъ центру можно

было соединить въ одно цѣлое стремящіеся врозь элементы.

Въ древней Россіи разрозненность и шаткость отношеній существовали еще въ большей степени, личная независимость, которая выражалась въ правѣ отъѣзда, была еще сильнѣе развита, нежели во Франціи; поэтому и задача новой государственной власти была труднѣе, и безусловное ея господство достигло еще бо́льшихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи развитіе нашего отечества представляетъ значительное сходство съ развитіемъ Франціи, тогда какъ нѣтъ государства въ Европѣ, съ которымъ бы мы имѣли менѣе общаго, нежели съ Англіей.

Если мы послѣ этого спросимъ: какой изъ этихъ двухъ способовъ развитія лучше, то надобно отвѣчать, что съ практической точки зрѣнія этотъ вопросъ совершенно неумѣстенъ. Все здѣсь зависитъ отъ мѣстныхъ условій, отъ народнаго характера; отдѣльныя личности сами по себѣ не въ состояніи переломить цѣлаго историческаго хода. Потому одинъ народъ развивается однимъ путемъ, другой инымъ; въ этомъ различіи выражается характерическая особенность каждаго, его національный геній. Если же мы на оба способа развитія взглянемъ съ точки зрѣнія всемірной исторіи, то мы должны сказать, что развитіе крайностей полнѣе исчерпываетъ историческое содержаніе общественной жизни и скорѣе возводитъ ее на высшую точку, нежели пребываніе въ первобытномъ равновѣсіи элементовъ, измѣняющихся только практическими сдѣлками. Разумѣется, однако, что это общее замѣчаніе можетъ быть приложено только ко всецѣлому ходу исторіи, а отнюдь не къ каждому отдѣльному народу, ибо здѣсь опять таки все зависитъ отъ мѣстныхъ условій и отъ народнаго духа: одинъ народъ можетъ преимущественно развивать одну форму быта, другой — другую; одинъ можетъ быть богаче содержаніемъ, другой бѣднѣе: одинъ наконецъ можетъ пройдти нѣсколько

ступеней, тогда какъ другой остановится на одной, и не будетъ въ силахъ достигнуть высшаго развитія.

Теперь обратимся снова къ источникамъ и, въ дополненіе ко всему сказанному, постараемся объяснить себѣ характеръ княжеской службы въ то время, къ которому относятся разбираемыя нами духовныя и договорныя грамоты.

Мы видѣли, что Владиміръ Андреевичъ обязался служить Дмитрію Донскому безъ ослушанія, а послѣдній долженъ былъ кормить его по службѣ. Мы видѣли также, на какихъ условіяхъ Рязанскіе князья отдались на службу Витовту. Въ обоихъ случаяхъ службою считалась военная помощь, ибо служебные князья не обязывались ни къ чему другому. То же самое имѣло мѣсто относительно бояръ. Вездѣ, гдѣ въ грамотахъ говорится объ ихъ службѣ, дѣло идетъ о войнѣ: напримѣръ: «А кто иметъ служити мнѣ князю Юрью Дмитріевичю, а живучи въ твоей отчинѣ въ великомъ княженьи, а будетъ ти слати изъ тѣхъ городовъ на свою службу, гдѣ тѣ живутъ, и мнѣ слати съ тѣми людми своего воеводу съ твоимъ воеводою»[1]). Подобныя условія повторялись, какъ уже сказано, почти во всѣхъ грамотахъ. За эту службу давались боярамъ и слугамъ города и волости *въ кормленіе*. Пріѣхавшій бояринъ или слуга получалъ ихъ болѣе или менѣе, временно или наслѣдственно, смотря по силѣ своей и значенію, а также по характеру заключеннаго обязательства. Обыкновенно предметомъ кормленія былъ судъ, со всѣми, принадлежащими къ нему доходами, которые были весьма значительны; иногда жаловались и другіе доходы, а нерѣдко отдавался цѣлый городъ или волость со всѣмъ, «что къ нимъ потягло». Такъ какъ слуга имѣлъ право отъѣзжать, когда ему вздумывалось, даже не отслуживши служебнаго срока, то онъ могъ произвольно покидать свое кормленіе; въ такомъ случаѣ ему выдавалось по раз-

[1]) № 49.

счету то, что слѣдовало за прослуженное время. Это именно постановлено въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «Который бояринъ поѣдетъ и съ коръмленья отъ тобе ли ко мнѣ отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отъслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ, а любо служба отслужити ему»[1]). Изъ всего этого ясно, что собственною службою считалась военная помощь, пріобрѣтаемая большею частью вольнымъ наймомъ, а на гражданское управленіе смотрѣли, какъ на кормленіе или жалованіе за службу.

Намъ нѣтъ нужды распространяться подробно о характерѣ кормленій. Мы имѣли уже случай говоритъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ[2]). Притомъ же тѣ памятники, которые мы разбираемъ теперь, представляютъ для этого мало данныхъ. Но нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя возраженія, которыя были представлены по этому случаю. Возражатели придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что количество корма было опредѣлено; *слѣдственно* это было не что иное, какъ жалованье, получаемое служащимъ лицомъ изъ первыхъ рукъ, изъ рукъ народа[3]). На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что уставныя грамоты второй половины XV вѣка, возникшія подъ вліяніемъ образующихся государственныхъ понятій, точно представляютъ намъ опредѣленіе количества корма, и этого никогда никто не отрицалъ. Въ древнѣйшихъ же памятникахъ мы такой опредѣленности не видимъ. Въ откупной Обонежской грамотѣ прямо сказано: «брать корму себѣ и конемъ довольно». Въ уставной Двинской грамотѣ количество корма не опредѣлено, а между тѣмъ эта грамота была политическою

---

[1]) № 27.

[2]) См. Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (Москва 1856). Введеніе.

[3]) См. г. Аксакова разборъ VI тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева, въ 4-й книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1856 г.

мѣрою, которою великій князь Василій Дмитріевичъ старался привлечь къ себѣ Двинянъ во время кратковременнаго своего господства надъ ними. Самое позднѣйшее опредѣленіе корма далеко еще не исчерпывало всѣхъ доходовъ, которые сопряжены были съ мѣстомъ намѣстника или волостеля, такъ что если даже считать это обстоятельство главнымъ, то все таки система управленія среднихъ вѣковъ представится намъ совершеннымъ произволомъ. Но все это вопросы второстепенные; дѣло вовсе не въ томъ, было ли кормленіе опредѣленно или неопредѣленно, а въ томъ, какъ смотрѣли въ то время на гражданскую службу: какъ на исполненіе общественной обязанности, или какъ на доходное мѣсто, которое жаловалось въ видѣ аренды за службу военную? Что послѣдній взглядъ былъ единственнымъ, господствующимъ въ средневѣковой Руси, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Намѣстникъ не получалъ кормъ за свое управленіе, а самое управленіе получалъ, какъ кормъ, какъ аренду за другаго рода службу. Поэтому кормленіе имѣло характеръ совершенно частный; право суда разсматривалось, какъ доходная статья, которая исчислялась наряду съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ, съ мытами угодьями, и другими принадлежностями имѣній и волостей. Отсюда и выраженія: *кормиться, быть сытымъ*, которыя прямо вытекали изъ воззрѣнія того времени. Конечно князья должны были при этомъ нѣсколько оберегать жителей отъ притѣсненій, ибо иначе, при свободномъ переходѣ людей изъ княжества въ княжество, послѣдніе всѣ бы разбѣжались и некому было бы платить доходы. Но этотъ страхъ былъ единственною преградою произволу, которому предоставлено было самое обширное поле при частномъ способѣ управленія посредствомъ слугъ и холоповъ кормленщика, при совершенно произвольномъ штрафованіи преступниковъ, наконецъ при возможности вымогать у жителей всякаго рода взятки, что даже въ Московскомъ го-

сударствѣ считалось отчасти законнымъ доходомъ. Этотъ существенный характеръ кормленій выражается какъ нельзя лучше наивною жалобою Новгородцевъ: «Кормилъ Новгородъ Бориса Константиновича Корелою, а онъ Корелу всю истерялъ, въ Нѣмцы загналъ». Здѣсь Борисъ Константиновичъ обязался служить Новгороду на войнѣ, а Новгородъ отдалъ ему за это финскій народецъ, чтобы онъ могъ быть съ него сытымъ; но кормленщикъ былъ уже слишкомъ голоденъ, такъ что жители не вытерпѣли и разбѣжались.

Такимъ образомъ княжеская служба управлялась въ средніе вѣка тѣми же началами частнаго права, какъ и весь остальной бытъ: съ одной стороны личный наемъ, съ другой кормленіе, аренда. Это частное воззрѣніе оставило по себѣ долгіе слѣды въ нашей исторіи. Въ XVII вѣкѣ Московское государство смотрѣло уже на воеводъ, какъ на правителей, исполняющихъ извѣстную общественную должность; но рядомъ съ этимъ, какъ второстепенный элементъ, существовалъ и прежній взглядъ на гражданскую службу. Служилые люди просили отпустить ихъ на воеводство *покормиться*. Само правительство признавало это, и видѣло въ этихъ должностяхъ доходныя мѣста, на которыхъ можно было нажиться посредствомъ получаемыхъ отъ жителей *посуловъ*, то-есть по нашему взятокъ. Кто бралъ только взятки, приносимыя добровольно, а не вымогалъ ихъ насильственно, тотъ считался хорошимъ человѣкомъ и въ награду получалъ болѣе доходное мѣсто, съ котораго онъ могъ купить порядочную деревню. Въ новой Россіи этотъ взглядъ совершенно уже исчезъ изъ законодательства, но въ жизни эти понятія имѣютъ еще глубокіе корни. До сихъ поръ еще на многія общественныя должности смотрятъ единственно, какъ на средства для частнаго обогащенія, и взятки, равно какъ и пользованіе казенными деньгами, считаются у большинства дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, которое не налагаетъ на человѣка никакого пятна.

Впрочемъ надобно сказать, что это наслѣдіе средневѣковой жизни не составляетъ особенности исторіи нашего отечества. Въ другихъ государствахъ точно также долго сохранялось, а отчасти и до сихъ поръ сохраняется въ различныхъ формахъ частное воззрѣніе на службу. Во Франціи, напримѣръ, до самой революціи многія должности постоянно продавались и покупались; въ Англіи же до сихъ поръ продаются военные чины. Но здѣсь учрежденія остались старыя, бытъ же народа возвелъ общественную честность на значительную степень высоты, а у насъ случилось на оборотъ: законъ далеко опередилъ жизнь.

Чтобы яснѣе показать, до какой степени это частное воззрѣніе на службу противорѣчитъ государственнымъ требованіямъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма, писаннаго благороднѣйшимъ изъ австрійскихъ монарховъ, Іосифомъ II, въ которомъ мѣтко и живо высказываются истинно государственныя понятія: «Во всемъ, что предпринимаемъ на службѣ, говоритъ онъ, должно имѣть въ виду единственно общій интересъ, или по крайней мѣрѣ благоденствіе большинства. Кто не имѣетъ любви къ служенію своему отечеству и своимъ согражданамъ, кто не чувствуетъ себя воспламененнымъ ревностью при мысли о томъ, что онъ можетъ дѣлать добро, быть полезнымъ другимъ, тотъ не созданъ для общественной службы и недостоинъ носить почетный титулъ. Личный интересъ — пагуба общественной службы, самый непростительный порокъ въ чиновникѣ государства. Личный интересъ состоитъ не только въ возможности подкупа, но и въ допущеніи личныхъ видовъ, затмѣвающихъ истину. Подчиненный, который поступаетъ такимъ образомъ, нарушаетъ свои обязанности; начальникъ, который прикрываетъ и допускаетъ это, нарушаетъ свою клятву. Служитель государства долженъ отрѣшиться отъ самого себя. Никакая личная цѣль, никакое личное дѣло, никакой посторонній интересъ не должны отвлекать его отъ главнаго его занятія; никакой споръ о первен-

ствѣ, никакой вопросъ о почетѣ не должны отдалять его отъ настоящей его цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро».

Въ связи съ изложеннымъ выше частнымъ воззрѣніемъ на службу находились и понятія мѣстническія, о которыхъ мы уже говорили выше. Служащій считалъ себя въ правѣ занимать извѣстное мѣсто въ іерархіи не потому, что онъ возвысился до него своими заслугами, а потому, что знатность его не дозволяла ему сидѣть ниже. Вмѣсто общественной пользы, дѣло рѣшалось здѣсь частнымъ правомъ. Разумѣется, государство должно было бороться съ этими притязаніями, совершенно несовмѣстными съ его требованіями; но здѣсь правительство встрѣчало почти неодолимую преграду. Московскій царь могъ безусловно распоряжаться личностью и имуществомъ подданныхъ, но какъ скоро онъ ставилъ кого-нибудь подъ начальство менѣе знатнаго человѣка, онъ встрѣчалъ тупое сопротивленіе, передъ которымъ сокрушалось все его могущество. Однако послѣ долгихъ усилій мѣстничество было наконецъ уничтожено на зарѣ преобразованія; фактически оно продолжало существовать до временъ Петра Великаго, который установленіемъ Табели о Рангахъ, окончательно утвердилъ новый порядокъ вещей. Это было въ свое время великое учрежденіе. Достоинству и заслугамъ открыто было свободное поприще, отъ котораго заслоняли ихъ прежде знатность и порода. Современное чиновничество замѣнило такимъ образомъ прежнее мѣстничество, и если, глядя впередъ, мы видимъ его недостатки, то обращаясь назадъ, мы не можемъ не признать въ немъ огромнаго шага сравнительно съ прежнимъ порядкомъ. Однако и на чиновничествѣ остались многіе слѣды мѣстничества: по прежнему чиновникъ слишкомъ склоненъ полагать честь свою въ чинѣ, въ совершенно внѣшнихъ признакахъ почета, а не во внутреннемъ человѣческомъ достоинствѣ; по прежнему, мелочная привязанность къ іерархи-

ческимъ правамъ, къ служебному формализму, слишкомъ часто заслоняетъ собою ревностное исполненіе общественнаго дѣла.

Мы разсмотрѣли подробно главные памятники, которые намъ оставила древняя Русь о своей общественной жизни; мы перебрали по очереди отдѣльныя юридическія сферы, о которыхъ мы нашли въ нихъ свидѣтельства. Вездѣ мы видѣли господство однихъ и тѣхъ же началъ—началъ частнато права. Нужно ли послѣ этого спрашивать: какая форма общественнаго союза существовала въ то время — гражданское общество, или государство? Это до такой степени очевидно, что трудно предположить какое-нибудь сомнѣніе. Форма гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ; въ средніе вѣка мы видимъ ее на Западѣ точно такъ же, какъ у насъ. Въ настоящей статьѣ мы не разъ имѣли случай указать на это отношеніе западныхъ учрежденій къ русскимъ, на основное ихъ тождество и на различіе тѣхъ и другихъ. Вездѣ мы замѣтили, что особенностью древней Руси была шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній, шаткость, происходившая, какъ отъ недостатка исторической гражданственности, какую западно-европейскимъ народамъ завѣщалъ Римъ, такъ и отъ самой природы страны, степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванію. Если позволено въ этомъ случаѣ употребить сравненіе, взятое изъ другой области вѣдѣнія, то можно сказать, что въ западной Европѣ средневѣковая масса гражданскихъ элементовъ кристализировалась сама собою подъ вліяніемъ осѣдлости, такъ что въ послѣдствіи нужно было ломать образовавшіяся иглы для того, чтобъ это множество отдѣльныхъ кристалловъ собрать въ единое цѣльное тѣло; у насъ же масса эта оставалась болѣе или менѣе въ состояніи броженія, и твердая кри-

сталлизація началась уже тогда, когда она нашла себѣ центръ; отъ него и пошли разнообразныя, угловатыя формы, которыхъ элементы скрывались еще въ прежнемъ бродячемъ состояніи.

«Слабость, говоритъ Гизо, уединяется и прячется; сила дикая бродитъ наобумъ вездѣ, куда влекутъ ее похотѣнія; сила разумная дѣлается осѣдлою, становится средоточіемъ, и созываетъ вокругъ себя всѣ силы, которыя могутъ помочь ей въ достиженіи цѣли; сознавая свое превосходство, она не боится ихъ сосѣдства, а владычествуетъ надъ ними, пріобщая ихъ къ себѣ.»

Если мы эти слова великаго историка приложимъ къ развитію нашего отечества, то всѣ народные элементы въ средніе вѣка мы должны признать за выраженіе слабости или дикой силы. Первое возникновеніе силы разумной является въ князьяхъ-вотчинникахъ, которыхъ раздробленныя стремленія въ послѣдствіи покорились единому центру, постепенно собравшему вокругъ себя всѣ разнообразные элементы, изъ которыхъ сложилось Русское государство. Такое развитіе государства одно способно было дать Россіи крѣпость и могущество. Тогда какъ раздробленная Русь не могла противостоять дикой татарской Ордѣ, новая Россія не только отстаивала себя не разъ противъ силъ государствъ образованныхъ, но заняла въ ряду ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и рѣшала своимъ мечомъ всемірно историческіе вопросы, которые волновали просвѣщенную Европу.

Гражданское общество составляетъ вторую ступень въ историческомъ развитіи нашего отечества. Въ первую эпоху, на зарѣ исторіи, мы видимъ союзъ кровный; затѣмъ является союзъ гражданскій, наконецъ союзъ государственный. Первый составляетъ первоначальное, естественное проявленіе человѣческаго общества. Человѣкъ существо общежительное; внѣ

общества онъ никогда не жилъ и не можетъ жить. Но это стремленіе къ общественности выражается въ немъ сначала безсознательнымъ образомъ; оно лежитъ въ немъ, какъ естественное опредѣленіе его природы. и проявляется въ союзѣ, данномъ самою природою. Это союзъ кровный, происшедшій изъ наростанія семьи. Люди связаны здѣсь сознаніемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и разчленяющуюся внутри себя по естественнымъ, физіологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высоко-развитыхъ государствъ, гдѣ различные кровные союзы представляются, какъ формы общежитія, которыя могутъ допускать въ себѣ разнообразные элементы. Опредѣлить въ точности, какой изъ этихъ видовъ кровнаго союза господствовалъ въ извѣстномъ народѣ, въ этомъ состоитъ задача изслѣдователей; успѣшное ея разрѣшеніе зависитъ отъ достаточнаго количества сохранившихся источниковъ. При скудости извѣстій, сообщаемыхъ нашимъ лѣтописцемъ, мы можемъ сказать только, что у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный, и что преобладающею его формою была особность родоваго быта.

Этотъ союзъ, основанный на сознаніи естественнаго происхожденія, долженъ однако распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи чужестранныхъ элементовъ, которые достаточно крѣпки, чтобы не поддаться силѣ кровнаго быта, наконецъ при развитіи человѣческой личности. Такое разложеніе совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ. Принесенные ею элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный

отъ предыдущаго. Общественное единство, которое коренилось въ сознаніи кровной связи, рушилось; личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предались частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служило либо имущественное начало—вотчинное право землевладѣльца, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, напримѣръ по большему и меньшему числу княжескихъ дѣтей. Въ обществѣ появились сословные элементы, происшедшіе отъ наслѣдственности занятій и наслѣдственности чести. Вслѣдствіе господства силы, образовалось между людьми безконечное неравенство. Положеніе человѣка опредѣлялось не заслугами, которыя онъ оказалъ обществу, а частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Война сдѣлалась главною цѣлью владычествующихъ слоевъ общества, а внутреннее управленіе превратилось въ аренду для накормленія знатныхъ воиновъ. Однимъ словомъ личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи, которая подрывала самое существованіе союза и дѣлала необходимымъ установленіе новаго высшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей, сдерживающей власти, оба эти на-

чала разрушают сами себя. Необузданная свобода ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ; личность, выражающаяся въ преимуществахъ чисто индивидуальныхъ, ведетъ къ уничтоженію внутренняго достоинства человѣка. Таковъ діалектическій процессъ различныхъ общественныхъ элементовъ.

Государство есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная *народность*, которая выражается преимущественно въ единствѣ *языка*[1]), собирается въ единое тѣло, получаетъ единое *отечество*, становится *народомъ*. Въ немъ верховная власть служитъ представительницею высшей воли общественной, каковъ бы впрочемъ ни былъ образъ правленія—наслѣдственная ли монархія, народное ли представительство, или то и другое вмѣстѣ. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и установляетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабаго отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣняя единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка; заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она

[1]) Мы не говоримъ, что народность выражается въ единствѣ вѣрованій, ибо это противорѣчило бы всѣмъ существующимъ фактамъ. Принявши это, мы не могли бы говорить, напримѣръ, о народности нѣмецкой, ибо южные Нѣмцы—католики, а сѣверные — протестанты, и напротивъ должны бы считать однимъ народомъ южныхъ Нѣмцевъ, Чеховъ, Поляковъ, Венгровъ, Французовъ, Итальянцевъ, Ирландцевъ, которые всѣ исповѣдуютъ одну религію—католицизмъ. Вообще народность является принадлежностью религій языческихъ, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ, какъ буддизмъ, имѣютъ болѣе общій характеръ. Христіанство же, по самой своей сущности, есть религія общечеловѣческая, возвѣщенная для всѣхъ временъ и народовъ. Слѣдственно, нельзя говорить о воззрѣніи христіанскомъ, какъ о воззрѣніи народномъ.

содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ общежитіи, при взаимной помощи, и для которыхъ существуютъ гражданскіе союзы. Человѣкъ перестаетъ быть вольною птицей, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи; онъ перестаетъ смотрѣть на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ. Онъ примыкаетъ къ прочному порядку, становится звеномъ общей цѣпи, дѣятелемъ общаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что при такомъ только общеніи, пожертвовавъ необузданною свободою, трудясь на пользу другихъ, онъ можетъ достигнуть и полнаго развитія личныхъ своихъ интересовъ.

Являясь такимъ образомъ полнѣйшимъ выраженіемъ общительнаго естества человѣка, государство проходитъ однако черезъ разнообразныя формы; оно имѣетъ свою исторію, долгую и часто мучительную. Только мало-по-малу возвышается оно до чистаго сознанія своей общественной сущности; сначала же оно болѣе или менѣе носитъ характеръ личный и частный; долго еще остаются на немъ слѣды прошедшаго времени. Однако и при самой развитой формѣ не исчезаютъ въ немъ прежнія начала; они остаются, какъ подчиненные элементы, съ которыхъ стирается все то, что̀ противорѣчитъ новому порядку. Эта существенная черта историческаго развитія проявляется на всѣхъ трехъ ступеняхъ общественной жизни, которыя мы обозначили выше. Наблюдая за историческимъ ходомъ, мы видимъ, что съ появленіемъ гражданскаго общества прежнія кровныя связи не уничтожаются, а входятъ въ него, какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ. Точно также съ появленіемъ государства не уничтожается гражданское общество. Вездѣ остаются люди съ своими частными стремленіями и интересами, съ своими правами и отношеніями родствен-

ными, имущественными, договорными, наслѣдственными. Но все это въ государствѣ становится подчиненнымъ моментомъ; частное право не вторгается въ общественное устройство и должно всюду уступать общественной пользѣ; надъ разрозненными личностями возвышается общій союзъ, который собираетъ ихъ въ единое тѣло.

Таковъ преемственный ходъ общественныхъ союзовъ, который мы замѣчаемъ въ исторіи нашего отечества; таковъ, по нашему мнѣнію, законъ развитія нашего народа. Онъ до такой степени простъ и ясенъ, что это самое говоритъ уже въ пользу правильности нашихъ выводовъ. Еще болѣе говоритъ за нее то, что этотъ законъ, выработанный изъ фактическаго анализа предмета, совпадаетъ съ умозрительными выводами философіи. Въ самомъ дѣлѣ, означенная нами преемственность союзовъ та самая, которую Гегель начерталъ въ своей философіи права. Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній сдѣлаемъ по этому поводу нѣсколько замѣчаній.

Умозрительная разработка исторіи, подвергающаяся теперь общему и справедливому осужденію, имѣла значеніе въ свое время. Когда нѣмецкая философія достигла высшихъ предѣловъ чистаго умосозерцанія, она въ пылу увлеченія думала съ этой высоты охватить весь міръ и всѣ явленія подвести подъ свою точку зрѣнія. Отправляясь отъ чисто логическихъ началъ, слѣдуя твердой методѣ, она шла отъ опредѣленія къ опредѣленію, болѣе и болѣе углубляясь въ дѣйствительное бытіе, нанизывая, такъ-сказать, встрѣчающіеся факты на нить логическихъ выводовъ. Но здѣсь-то и оказалась несостоятельность этого пути. Логическій выводъ имѣетъ свое законное мѣсто въ умозрѣніи, которое развиваетъ чистые законы и опредѣленія человѣческаго разума; но какъ скоро дѣло доходитъ до реальнаго міра, требуется прежде всего полное и добросовѣстное изученіе фактовъ. Умозрительная философія,

выводя a priori логическія опредѣленія природы и исторіи подыскивала затѣмъ подходящія къ нимъ явленія. Но эта последняя работа составляетъ совершенно особенную категорію изслѣдованій, которая имѣетъ свою точку отправленія и свою методу. Чтобы показать значеніе и мѣсто извѣстнаго явленія, нужно изучить его вполнѣ путемъ опыта, анализировать отдѣльно каждую его сторону, равно какъ и связующія ихъ начала, наконецъ тѣмъ же путемъ познать и связь этого явленія съ другими. Всего этого умозрѣніе не въ состояніи было сдѣлать, ибо оно слѣдовало одной только методѣ умозрительной, а факты подбирало случайно и наглядно, подводя ихъ часто насильственно подъ логическія формулы. У передовыхъ мыслителей этотъ недостатокъ могъ еще нѣсколько выкупаться геніальными взглядами, чутьемъ великаго человѣка, который отгадываетъ сущность вещи даже безъ подробнаго ея изученія. Но даже у нихъ поверхностное подведеніе явленій подъ общія категоріи слишкомъ часто вело къ совершенному искаженію фактовъ. У послѣдователей же великихъ мастеровъ это превратилось въ пустую игру логическими формулами, которыя являлись, какъ опредѣленія природы и исторіи. Этимъ путемъ, всякій вопросъ разрѣшается очень просто. Нѣтъ ничего легче, какъ взять какую-нибудь общую схему, напримѣръ самую обиходную: единство и раздвоеніе, и налагать ее произвольно на цѣлыя историческія эпохи или даже на жизнь цѣлыхъ народовъ, подбирая подъ нее, какъ попало, кой-какія явленія. Такимъ способомъ можно доказать съ одинакою достовѣрностью совершенно противоположныя теоріи, напримѣръ, что въ Россіи всегда господствовало единство, а на Западѣ раздвоеніе, или на оборотъ: что на Западѣ было единство, а у насъ раздвоеніе. Подобныя попытки историческаго изслѣдованія не подвигаютъ человѣческаго знанія ни на шагъ; поэтому современная наука и осудила ихъ безвозвратно. Только

изрѣдка слышатся еще запоздавшіе отголоски этого направленія, которое, какъ мы сказали, имѣло значеніе въ свое время.

Въ настоящую эпоху науки естественныя и историческія двигаются другимъ путемъ. Чтобы понять явленія, нужно изучить ихъ посредствомъ наблюденій и опытнаго анализа. Фактъ, обслѣдованный со всѣхъ сторонъ, служитъ точкою отправленія, твердая опытная метода — руководящею нитью. Сюда невозможно внести воззрѣніе, выработанное внѣ науки, ибо въ такомъ случаѣ прервется нить, факты будутъ освѣщены внѣшнимъ для нихъ свѣтомъ и предстанутъ въ обезображенномъ видѣ. Нужно медленно, постепенно идти отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ законамъ и началамъ, имъ присущимъ, дозволяя себѣ общіе взгляды только по мѣрѣ того, какъ опытъ раскрываетъ связь между отдѣльными фактами. Такимъ способомъ наука пріобрѣтаетъ точность и достовѣрность; каждое явленіе получаетъ въ ряду другихъ дѣйствительно принадлежащее ему мѣсто. Но чѣмъ болѣе раскрывается связь явленій, чѣмъ болѣе они возводятся къ общимъ законамъ, къ началамъ, владычествующимъ въ цѣлыхъ разрядахъ однородныхъ фактовъ, тѣмъ ближе они подходятъ подъ логическія категоріи, которыя суть выраженіе чистаго закона. Когда наука, имѣющая предметомъ внѣшній міръ, міръ природы и исторіи, доходитъ путемъ опыта до общихъ началъ, которыя совпадаютъ съ выводами умозрѣнія, тогда эта наука перестаетъ уже быть чисто опытною и получаетъ значеніе философское; тогда установляется вожделѣнное согласіе различныхъ областей знанія и различныхъ путей изслѣдованія. Опытъ показалъ дѣйствительность выведеннаго закона; умозрѣніе доказываетъ его необходимость.

Такое согласіе различныхъ путей знанія мы именно видимъ въ настоящемъ случаѣ: выведенная изъ опыта преемственность общественныхъ союзовъ совпадаетъ съ умозрительными

выводами философіи. Намъ возразятъ, можетъ-быть, что мы уже заранѣе смотрѣли на предметъ съ этой точки зрѣнія. Въ отвѣтъ мы сошлемся на все настоящее изслѣдованіе; пусть всякій безпристрастный читатель скажетъ: какимъ путемъ мы дѣлали выводы? Вносили ли мы въ факты воззрѣніе, которое въ нихъ не заключалось, или мы анализировали только ихъ существо? Если мы въ нашемъ изслѣдованіи сдѣлали заключенія, которыя противорѣчатъ положеннымъ въ основаніе фактамъ, пусть намъ укажутъ нашу ошибку, и мы готовы ее исправить. Но безъ доказательствъ нельзя говорить, что воззрѣніе принесено извнѣ, а не выработано изъ фактовъ; голословно можно утверждать все, что́ угодно. Скажемъ еще, что значеніе союзовъ кровнаго и государственнаго давно уже извѣстно въ нашей исторіи и утверждено въ ней на незыблемыхъ основахъ чисто фактическою разработкою памятниковъ, безъ всякой примѣси философскаго взгляда. Значеніе же средней между ними эпохи не было, какъ намъ кажется, выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ, хотя оно и предугадывалось. Ее считали временемъ переходнымъ между тѣмъ и другимъ; и точно гражданскій союзъ служитъ посредствующимъ звеномъ между союзомъ кровнымъ и союзомъ государственнымъ. Но эта средняя эпоха не представляетъ намъ только смѣшеніе предыдущаго и послѣдующаго; она имѣетъ свои жизненныя начала, свою точку зрѣнія, съ которой она смотритъ на явленія быта, свою, можно сказать, систему общежитія, основанную на частномъ правѣ. Опредѣлить точнѣе значеніе этой эпохи, изъ подробнаго анализа памятниковъ, выяснить господствовавшія въ ней начала — вотъ въ чемъ мы полагали главную свою задачу. Читатели могутъ судить, на сколько мы исполнили ее.

Сдѣлаемъ однако при этомъ одну послѣднюю оговорку. Говоря о философскомъ значеніи, о разумной необходимости выведеннаго нами историческаго хода, мы отнюдь не думаемъ

возвести его на степень всемірно-историческаго закона. Еслибы мы захотѣли приложить его, напримѣръ, къ исторіи древнихъ государствъ, мы впали бы въ грубую ошибку. Почему? Это до насъ не касается; законы не прилагаются, а выводятся. Мы не думаемъ даже говорить, что этотъ законъ обнимаетъ *всю* жизнь того времени; это опять выходитъ изъ предѣла нашихъ выводовъ. Мы утверждаемъ только, что въ той сферѣ, которую мы разсматривали на основаніи памятниковъ, этотъ законъ существуетъ, и что ручательствомъ за его разумность и за правильность нашихъ фактическихъ выводовъ служитъ совпаденіе ихъ съ умозрительными выводами глубочайшаго мыслителя XIX вѣка. Если позволено сдѣлать общее замѣчаніе, скажемъ только одно: мысль, какъ внутренній законъ, живетъ въ природѣ, управляетъ ея явленіями и приводится къ сознанію въ человѣкѣ; мысль живетъ и въ исторіи, управляетъ ея ходомъ, но къ сознанію она приводится только послѣдующими поколѣніями, которыя могутъ измѣрить взглядомъ всѣ извилины оставленной позади дороги.

О РАЗВИТІИ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

(Рѣчь, произнесенная при публичномъ защищеніи диссертации «Объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ»).

Милостивые Государи!

XVII вѣкъ — одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ русской исторіи. Онъ стоитъ на рубежѣ между тѣмъ, что обыкновенно называютъ старою Русью и новою, между исключительно-національнымъ развитіемъ и перенесеніемъ на отечественную почву европейскаго образованія. Въ XVII вѣкѣ вполнѣ высказалась старая Россія; послѣ страшнаго напряженія силъ въ эпоху междуцарствія, она показала на дѣлѣ все, что она могла произвести собственными средствами.

Время достойное внимательнаго изученія!

А между тѣмъ, чѣмъ ближе мы въ него вглядываемся, тѣмъ менѣе замѣчаемъ мы въ немъ признаковъ развитія, достигшаго до своей зрѣлости и полноты. Мы видимъ здѣсь не стройное развитіе народной жизни, а напротивъ всѣ черты эпохи переходной. Передъ нами являются и слѣды отжившихъ учрежденій, и усилія, часто напрасныя, установить лучшій порядокъ, и вопросы, на которые отвѣтъ былъ еще впереди. XVII вѣкъ представляетъ смѣсь разнородныхъ элементовъ, столкновеніе стараго съ новымъ, прошедшаго съ будущимъ.

Въ чемъ же состояло это прошедшее? Въ чемъ должно было состоять это будущее?

Полное разрѣшеніе этихъ вопросовъ должно быть предоставлено историкамъ, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ обнимаютъ всю совокупность народной жизни. Моя задача была гораздо тѣснѣе: мнѣ предстояло разработать отдѣльную сторону быта, отдѣльную сферу права, разнять въ ней составные элементы и опредѣлить значеніе каждаго. Выборъ мой палъ на учрежденія областныя, и я думаю, что я не безъ основанія остановился на этомъ предметѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одна, можетъ быть, другая сторона жизни не знакомитъ насъ до такой степени съ характеромъ XVII вѣка. Здѣсь вполнѣ разкрывается передъ нами дѣятельность государства со всѣми принадлежавшими тому времени особенностями, а развитіе государства составляло главную задачу древней Россіи. Безъ сомнѣнія, мы тѣ же черты встрѣтимъ и въ другихъ юридическихъ установленіяхъ, ибо общій характеръ эпохи отражается на всемъ. Изучая, напримѣръ, центральныя учрежденія, мы можемъ уже a priori вывести существенныя черты областнаго управленія. Но въ первыхъ мы видимъ только дѣятельность верховнаго правительства, въ послѣднемъ же мы можемъ изучить самое приложеніе ея къ дѣлу, ея столкновеніе съ народомъ; мы видимъ здѣсь средства, которыми обладала власть, способы, къ которымъ она прибѣгала для исполненія своихъ намѣреній, уклоненія, которыя претерпѣвали ея цѣли отъ характера мѣстныхъ учрежденій; мы видимъ значеніе и устройство сословныхъ повинностей, дѣятельность общинъ, выборное начало, поземельныя отношенія, финансы, полицію; однимъ словомъ, изученіе областныхъ учрежденій вводитъ насъ въ самую глубину жизни того времени.

Ограничиваясь этою болѣе тѣсною задачею, мы должны повторить вопросъ, который мы сдѣлали выше: какое мѣсто за-

нимаютъ областныя учрежденія XVII вѣка въ государственномъ развитіи древней Россіи? Отвѣтъ будетъ тотъ же: въ нихъ живо высказываются признаки переходной эпохи, въ нихъ ясно можно найдти слѣды прошедшаго и зачатки будущаго. Въ чемъ же состояло это прошедшее и въ чемъ должно было состоять это будущее?

Прошедшимъ для управленія XVII вѣка была средневѣковая система кормленій, будущимъ должно было быть систематическое устройство государства, которымъ Россія обязана Петру.

Кормленія образовались изъ понятія о судѣ, какъ о частной собственности, о доходной статьѣ, которая по волѣ владѣльца могла дариться въ томъ или другомъ размѣрѣ, отдаваться на откупъ, наконецъ идти на жалованье слугамъ, «чтобы имъ сытымъ быти». Пріѣзжалъ ли служить знатный выходецъ—князь или бояринъ, — ему давалось въ кормленіе нѣсколько городовъ или волостей, обыкновенно въ видѣ временнаго жалованья, иногда безъ отнимки, иногда даже въ наслѣдственное владѣніе. Разумѣется, здѣсь не было рѣчи о судѣ, какъ объ исполненіи общественной обязанности. Затѣмъ ли пріѣхалъ напримѣръ Свитригайло, чтобы стать въ Москвѣ судьею надъ жителями двухъ, трехъ городковъ? Все вниманіе устремлялось тогда на войну; война давала могущество князьямъ, а гражданское управленіе служило только средствомъ для поддержанія военной силы. Поэтому кормленщикъ распоряжался судомъ, какъ пожалованной ему арендой: онъ вѣдалъ судъ на себя, ставилъ для управленія своихъ людей, уѣзжалъ когда хотѣлъ. До введенія уставныхъ грамотъ не было даже законнаго огражденія подсудимыхъ, не было формъ судопроизводства, стѣсняющихъ произволъ судьи, или по крайней мѣрѣ онѣ были очень немногочисленны. Да въ сущности нужны ли были точныя юридическія опредѣленія, когда главнымъ доказательствомъ былъ судебный поединокъ?

Таковъ былъ порядокъ управленія, который служилъ исход-

ною точкой нашей исторіи. Онъ отражалъ въ себѣ всю тогдашнюю эпоху и вытекалъ естественнымъ образомъ изъ господства частнаго права въ общественномъ бытѣ. Сравнивая его съ подобными явленіями у другихъ народовъ, мы приходимъ къ заключенію, что такой порядокъ составлялъ общее достояніе человѣчества въ извѣстную эпоху его развитія. Это было время, въ которое господствовало отдѣльное лице, не сдержанное прочнымъ государственнымъ порядкомъ, не сознающее себя членомъ общества, какъ единаго цѣлаго. У насъ такой бытъ едва ли не былъ болѣе укорененъ нежели гдѣ либо; у насъ болѣе, нежели у другихъ народовъ, личность держалась въ своей независимости, въ своей частной сферѣ, менѣе примыкая къ мелкимъ союзамъ, которые въ то время служили замѣною общаго союза государственнаго.

Но чѣмъ болѣе личность одинока, тѣмъ бѣднѣе она содержаніемъ. Только общество, только союзъ съ другими людьми вызываетъ всѣ дремлющіе въ ней силы и дѣлаетъ ее живымъ проявленіемъ общаго содержанія. На Западѣ мы видимъ личность рыцаря, личность горожанина, личность ученаго, которыя служатъ выраженіемъ выработанныхъ въ союзѣ элементовъ. У насъ же одинокое, блуждающее лице не было въ состояніи развить ни науку, ни искусство, ни прочную гражданственность. Затерянное въ необозримомъ, едва заселенномъ пространствѣ, оно болѣе подлежало вліянію природныхъ стихій, нежели общественныхъ началъ.

Такимъ образомъ природа, не опредѣляя заранѣе сущности духовнаго развитія народа, налагаетъ однако свою печать на каждую эпоху его жизни. Въ первоначальный періодъ, въ который исторія застаетъ Славянъ, при осѣдлости земледѣльческаго населенія, обширныя пустынныя пространства способствовали особности родоваго быта. Съ нашествіемъ Варяговъ легкость сообщенія по рѣкамъ, и отсутствіе горъ сдѣлали воз-

можнымъ быстрое покоренiе страны. Въ настоящую эпоху, въ удѣльный перiодъ, таже самая степь способствовала кочеванiю народонаселенiя, препятствовала образованiю прочныхъ союзовъ между людьми. Въ то время не было ничего, вызывающаго на осѣдлость; прежняя кровная связь рушилась, земли было вдоволь, а между тѣмъ вездѣ болѣе или менѣе однообразная и скудная природа не придавала отдѣльнымъ мѣстностямъ особенной привлекательной для человѣка прелести; не было и накопленныхъ вѣками сокровищъ, обладанiемъ которыхъ можно было дорожить; не было съ другой стороны и мѣстностей, способствующихъ защитѣ отъ враговъ: бояринъ не могъ, какъ феодальный баронъ, взгромоздиться на неприступной скалѣ и тамъ, въ недосягаемой твердынѣ замка, издѣваться надъ усилiями осаждающихъ; не было наконецъ преградъ безпредѣльному стремленiю къ кочеванiю. Все предавалось разгулу, все расплывалось въ этомъ необъятномъ просторѣ, который представлялъ такъ мало пищи собственно человѣческимъ интересамъ. Не найдемъ ли мы здѣсь нѣкоторое объясненiе и тому недостатку общественнаго духа, который донынѣ замѣчается во многихъ явленiяхъ нашей жизни?

Но если пространная степь способствовала кочевымъ стремленiямъ народа, то съ другой стороны она дѣлала возможнымъ и созданiе обширнаго государства. Какъ скоро явилась потребность общаго союза, такъ государственныя стремленiя изъ центра, изъ нашей Москвы, стали мало по малу распространяться къ окружности, прибирая отдѣльныя мѣстности къ общему средоточiю, укрѣпляя къ мѣстамъ блуждающiя лица. Образованiе государства — вотъ поворотная точка русской исторiи. Отсюда она неудержимымъ потокомъ, въ стройномъ развитiи, движется до нашего времени. Направленiя болѣе или менѣе измѣняются, встрѣчаются и отклоненiя въ сторону, но общiй характеръ движенiя одинъ. Каждая позднѣйшая эпоха

является послѣдовательнымъ развитіемъ предыдущей, представляетъ отвѣтъ на сдѣланный ею вопросъ. Всѣ онѣ имѣютъ одну цѣль, одну задачу — устройство государства. Вотъ главная характеристическая черта русской исторіи съ XV вѣка, вотъ результатъ дѣятельности русскаго народа и заслуга его передъ человѣчествомъ. Другая черта, столь же рѣзко характеризующая весь этотъ періодъ, состоитъ въ томъ, что государство организовалось сверху, дѣйствіемъ правительства, а не самостоятельными усиліями гражданъ. Въ этомъ историческомъ значеніи власти мы находимъ ключь къ уразумѣнію всего нашего общественнаго быта, и это мы лучше всего можемъ прослѣдить въ исторіи областныхъ учрежденій.

Прежде всего мы видимъ исходящія отъ княжеской власти ограниченія произвола кормленщиковъ, затѣмъ и совершенное отмѣненіе послѣднихъ. Управленіе возлагается на выборныхъ, на отдѣльныя общины, которыя правительствомъ вызываются къ жизни и организуются согласно съ государственными потребностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ возлагается тяжелая отвѣтственность, которая должна служить ручательствомъ въ исполненіи общаго дѣла. Не только за злоупотребленія власти, но и за простую небрежность выборныхъ угрожается смертью; съ нихъ безъ суда взыскивается имущество, пограбленное разбойниками, которыхъ они не успѣли переловить; они отвѣчаютъ за уплату податей, за недоборы въ казенныхъ регаліяхъ; мѣстные жители несутъ множество службъ въ пользу государства. Но разумѣется, чтобы такая отвѣтственность могла быть дѣйствительною, необходимо было дать общинамъ власть надъ своими членами. Была ли, напримѣръ, возможность исправно уплачивать подати и отправлять повинности, когда жители могли ежеминутно разбрестись въ разныя стороны? И вотъ тяглые люди, посадскіе и крестьяне укрѣпляются къ мѣстамъ жительства; въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ

это укрѣпленіе прямо приводится въ соотношеніе съ новою организаціею общинъ. Мало того: система повинностей распространяется на всѣ сословія и становится основаніемъ всего общественнаго быта. Можно сказать, что ни въ одномъ государствѣ въ мірѣ не было такого обширнаго развитія повинностей, какъ въ Россіи. При бѣдности страны, при недостаткѣ государственныхъ средствъ, и матеріальныхъ и нравственныхъ, надобно было прибѣгать къ страшнымъ жертвамъ и усиліямъ, чтобы создать и устроить великое общественное тѣло. И это было тѣмъ необходимѣе, что естественное влеченіе народонаселенія обращалось совершенно въ другую сторону. Чѣмъ болѣе въ обществѣ было склонности къ кочевой жизни, чѣмъ болѣе все расплывалось по широкому степному пространству, тѣмъ сильнѣе нужно было государству сдерживать расходящіяся массы, связать ихъ въ прочные союзы, заставить ихъ служить общественнымъ цѣлямъ. Не легкое было дѣло, при недостаткѣ средствъ, при скудости народонаселенія, ловить человѣка по обширнымъ пустырямъ и принудить его къ исполненію своихъ обязанностей. На это правительство обратило преимущественное вниманіе; отысканіе бѣглыхъ сдѣлалось одною изъ главныхъ задачъ администраціи того времени. И однако, не смотря на повторенные законы, не смотря на усилія правительства, мы видимъ до конца XVII вѣка постоянное стремленіе народонаселенія разбрестись врозь, стремленіе, которое высказывалось явно, хотя оно было незаконно.

Такъ были установлены повинности; но надобно было управлять ими, употреблять ихъ на государственное дѣло. Конечно разсѣянныя, разрозненныя общины не могли вполнѣ отвѣчать этой цѣли; слишкомъ мало заключали онѣ въ себѣ гражданскихъ началъ, слишкомъ мало подлежали вліянію центральнаго правительства. Верховная власть, которая была исходною точкою общественнаго движенія, должна была искать орудій

болѣе удобныхъ, непосредственно отъ нея зависящихъ. Таками были сначала дьяки, и другіе приказные люди, потомъ воеводы. Передъ ними общины мало по малу потеряли всякое значеніе: какъ прежде общинныя дѣла и государственныя вмѣстѣ возлагались на выборныхъ, такъ теперь они вмѣстѣ стали возлагаться на воеводъ. Съ повсемѣстнымъ установленіемъ послѣднихъ въ XVII вѣкѣ завершается процесъ организаціи Московскаго государства. Съ тѣхъ поръ дѣлаются частныя измѣненія, улучшенія, но характеръ управленія въ сущности остается одинъ, новыхъ элементовъ не прибавляется. Какое же зрѣлище представляетъ намъ администрація XVII вѣка, когда вызвано было наружу все, что заключала въ себѣ древняя Россія?

Мы видимъ великое государство, обладающее обширными землями, съ народонаселеніемъ, которое составляетъ болѣе или менѣе однородную массу. Сознавши свое единство, оно стремится организоваться въ стройное тѣло, увеличить свое могущество, установить внутри себя спокойствіе и порядокъ. Для этого оно напрягаетъ всѣ свои силы; все должно служить этой верховной цѣли. Цѣлое сословіе, владѣющее значительными помѣстьями, которому подчинено другое сословіе, еще гораздо болѣе многочисленное, обязано являться по первому зову правительства, идти на внѣшнихъ враговъ или исполнять порученія по части гражданской. Другія сословія несутъ службу поочередно, платятъ подати, исправляютъ повинности. Какъ скоро возникаетъ новое требованіе, такъ съ этимъ вмѣстѣ рождается новая тяжелая повинность съ неменѣе тяжелою отвѣтственностью. Всѣ подданные укрѣплены такимъ образомъ къ мѣстамъ жительства или къ службѣ; всѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ служеніе обществу. И надъ всѣмъ этимъ господствуетъ правительство съ неограниченною властью. Все подчиняется ему безусловно, нигдѣ не встрѣчаетъ оно про-

тиворѣчій или преградъ. Нѣтъ для него неприкосновенныхъ правъ, ибо оно само источникъ всѣхъ правъ и всѣхъ обязанностей. Дѣятельность его идетъ безпрепятственно по всему обширному пространству земли; въ каждой области оно имѣетъ свой органъ, своего представителя, вполнѣ отъ него зависимаго, облеченнаго властью почти неограниченною, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всякаго рода дѣла. Государственная власть проникаетъ въ самыя мелочныя подробности мѣстной жизни, которая сама по себѣ не имѣетъ иниціативы, а всю силу, все значеніе получаетъ сверху. Воеводы являются полновластными распорядителями въ областяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они подвергаются строгой отвѣтственности передъ высшею властью. Правительство прибѣгаетъ къ самымъ сильнымъ мѣрамъ, къ стѣснительнымъ запрещеніямъ, къ жестокимъ угрозамъ, къ безпрерывнымъ смѣнамъ, чтобы сдержать ихъ произволъ и подчинить ихъ своему контролю. Въ особенности вниманіе его обращено на финансы. Умноженіе государственныхъ средствъ составляетъ главную задачу управленія; фискальныя цѣли проглядываютъ вездѣ, тянуть тягло — вотъ существенное значеніе сословныхъ и общинныхъ союзовъ. Съ другой стороны и полицейская дѣятельность государства приняла самые обширные размѣры: отысканіе бѣглыхъ, преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ, задержаніе подозрительныхъ людей, стѣсненіе произвольнаго перехода жителей съ одного мѣста на другое — все это становится предметомъ особеннаго попеченія. Для сохраненія порядка употребляются самыя сильныя средства — пытка, жестокія казни, тяжелая отвѣтственность, и разумѣется, при этомъ нѣтъ рѣчи объ огражденіи человѣческой личности, о гарантіяхъ противъ полицейскаго произвола.

Обладая такою громадною властью, заставляя цѣлый народъ служить единой общественной цѣли, казалось бы государство

должно накопить несчетныя средства и достигнуть высокой степени могущества. А между тѣмъ все ускользаетъ изъ его рукъ, все стремится врозь и старанія водворить порядокъ, установить правильное общественное устройство остаются большею частью безуспѣшны. Обширная земля представляетъ пеструю смѣсь разнородныхъ и разнохарактерныхъ учрежденій; различныя отрасли управленія, различныя власти сталкиваются, перекрещиваются, перепутываются между собою безъ всякаго порядка. Давно пережитыя формы проглядываютъ на каждомъ шагу: виды и слѣды кормленій и родственныя отношенія въ государственной службѣ; система частныхъ правъ и привилегій остается въ полной силѣ. Мѣстные жители готовы ежеминутно разбрестись въ разныя стороны; должностныя лица безнаказанно позволяютъ себѣ всякаго рода злоупотребленія, не слушаются приказаній правительства и уклоняются отъ дѣйствительнаго контроля; финансы представляютъ страшный хаосъ, полиція по недостатку средствъ часто остается безсильна. Противъ этого правительство принимаетъ дѣятельныя мѣры, но распоряженія его отрывочны; это болѣе частныя попытки, нежели общая система, и управленіе, безъ того уже запутанное, еще болѣе осложняется и запутывается отъ подобныхъ поправокъ. Во всемъ этомъ чувствуется недостатокъ гражданскаго образованія, недостатокъ юридическаго смысла, который точно опредѣляетъ и разграничиваетъ право и обязанности, соединяетъ однородное, раздѣляетъ различное, каждому элементу даетъ мѣсто и значеніе въ общемъ порядкѣ. Частности въ Московскомъ государствѣ преобладали надъ общимъ. Есть сильное стремленіе къ организаціи, но нѣтъ еще твердыхъ началъ, которыя бы служили при этомъ путеводною нитью. Нѣтъ, какъ въ Англіи, системы, исходящей изъ уваженія къ пріобрѣтенному праву; нѣтъ, какъ во Франціи, государственной мысли, неуклонно идущей по пред-

назначенному пути. Вообще до мысли древняя Россія не доросла; да и не было ей мѣста въ исключительно національномъ развитіи [1]). Видны стремленія, видны попытки, но нѣтъ еще умѣнія справиться съ тѣмъ громаднымъ гражданскимъ матеріаломъ, изъ котораго слагалось русское государство.

Однако Россія не могла оставаться въ этомъ положеніи; ей нуженъ былъ исходъ, и она нашла его сама. Изъ среды себя выставила она великаго зодчаго, которому суждено было осуществить настоятельныя требованія общества, озарить свѣтомъ разума дѣятельность государства, собрать разсыпанную храмину въ единое стройное зданіе. Онъ совершилъ свое дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отстать отъ чисто національной почвы и обратиться за наукой къ народамъ болѣе развитымъ. Въ этомъ онъ поступилъ, какъ истинно русскій человѣкъ, какъ прямой продолжатель того, что начали московскіе государи. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта нашего стремленія къ просвѣщенію состоитъ именно въ томъ, что мы не приняли его, какъ внѣшній наплывъ чужеземныхъ элементовъ, не обратились къ нему вслѣдствіе случайнаго столкновенія съ народомъ болѣе образованнымъ, или наученные страшными бѣдствіями, которые, потрясая весь общественный организмъ, пробуждаютъ въ народѣ дремлющія его силы. Нѣтъ, мы собственнымъ развитіемъ, внутреннимъ процессомъ жизни дошли до сознанія о необходимости просвѣщенія; мы сами пошли искать его у другихъ. Въ этомъ состоитъ наша заслуга, и эта черта вполнѣ выразилась въ великомъ нашемъ преобра-

---

[1]) Такъ какъ эта фраза подала поводъ ко многимъ ложнымъ толкованіямъ, то я долженъ объяснить, что подъ этимъ я разумѣю не безсмысленное историческое развитіе, ибо я напротивъ стараюсь представить разумность хода нашей исторіи; подъ словомъ мысль я разумѣю ясное сознаніе цѣли и средствъ, разумное возведеніе жизни къ общимъ руководящимъ ею началамъ, чего въ обществѣ мало развитомъ обыкновенно не бываетъ.

зователѣ. Дѣйствительно, что дѣлаетъ личность Петра столь высокою и привлекательною? Не изумительная сила ума, который обнималъ все — отъ высшихъ государственныхъ вопросовъ до мельчайшихъ техническихъ подробностей, не страшная энергія воли, не способность къ труду, которая дѣлала его вѣчнымъ работникомъ на тронѣ, не рѣдкій даръ организаціи, не знаніе людей, давшее ему возможность въ бѣдномъ блинщикѣ открыть умнаго и дѣятельнаго исполнителя своихъ замысловъ, не простота жизни, которая простиралась до того, что, отвергнувъ восточную пышность московскихъ царей, онъ носилъ небогатое платье, сшитое и заштопанное собственною его царскою рукой. Все это безспорно высокія качества, которыхъ соединеніе рѣдко встрѣчается въ человѣкѣ. Но предметомъ вѣчнаго сочувствія и удивленія для потомства онъ былъ и будетъ за свою необъятную любовь къ отечеству, которому онъ жертвовалъ и царскимъ величіемъ и всѣми удобствами жизни, за свою страстную жажду знанія, которая заставила его покинуть престолъ одного изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ и въ качествѣ простаго поденщика работать на Сардамской верфи. Не видѣнъ ли здѣсь истинный сынъ Россіи? не искупаетъ ли это всѣ недостатки тогдашняго общества — и неуваженіе къ человѣческой личности и невѣжественную привязанность къ старинѣ, которая привела къ поклоненію мертвой буквѣ и пустому обряду? Да, велика была древняя Россія, ибо она могла произвести Петра! Петръ — ея цвѣтъ, ея плодъ, представитель лучшихъ ея стремленій, призванный къ осуществленію тѣхъ идеаловъ государства, которые смутно носились въ головѣ московкихъ царей. Самые недостатки преобразованія коренятся въ предыдущей исторіи. Если, особенно въ измѣненіяхъ областныхъ учрежденій мы видимъ частныя попытки, слѣдующія другъ за другомъ, въ которыхъ дѣло каждый разъ какъ бы начинается съизнова, если преобразо-

ватель, покидая практическую почву, забѣгалъ иногда слишкомъ далеко впередъ или уклонялся въ сторону, то не объясняется ли это вполнѣ тѣмъ недостаткомъ твердаго преемственнаго направленія, который мы замѣтили въ Московскомъ государствѣ? Преобразователь, уча другихъ, долженъ былъ учиться самъ; воздвигая великое зданіе, онъ не могъ опереться на труды предшественниковъ, онъ часто долженъ былъ идти ощупью, сообразуясь съ разсѣяннымъ, разнороднымъ матеріаломъ. Но плодомъ его работы было основаніе прочной государственной системы, организація государственныхъ силъ, возведеніе Россіи на ту степень могущества, которая дала ей возможность играть всемірно-историческую роль. Преемники его продолжали его дѣло, и между ними кого мы назовемъ, какъ не мудрую монархиню, дочь просвѣщенія XVIII вѣка, великую Екатерину?

Такимъ образомъ древняя Русь и новая подаютъ другъ другу руку, и въ этомъ насъ болѣе всего убѣждаетъ подробное изученіе учрежденій XVII вѣка. Если при взглядѣ, который остонавливается на внѣшнихъ признакахъ, на перемѣнѣ платья, на бородѣ, между обоими періодами нашей исторіи чудится глубокая пропасть, то при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи исчезаетъ эта видимая грань. Мы видимъ внутреннюю струю жизни, въ неудержимомъ стремленіи протекающую изъ одной эпохи въ другую и соединяющую ихъ въ одно живое цѣлое; мы видимъ, что преобразованіе было только отвѣтомъ на тѣ задачи, которыя были поставлены древнею Россіею, но которыя послѣдняя не въ силахъ была разрѣшить сама собою. Внутреннимъ процессомъ жизни, собственною дѣятельностью Россія вышла изъ своего особнаго быта и стала въ ряды европейскихъ государствъ, участвуя въ общихъ интересахъ, пользуясь плодами просвѣщенія, выработаннаго человѣчествомъ. Однако мы не должны забывать, что здѣсь прошла ру-

ка одного изъ тѣхъ могучихъ дѣятелей, которые, искусно пользуясь даннымъ матеріаломъ, разомъ подвигаютъ народы впередъ. Россія петровская была послѣдовательнымъ развитіемъ Россіи московской; обѣ идутъ по одной дорогѣ, но между ними лежитъ все пространство отъ Нарвы до Полтавы.

95-

